

АЛЕКСАНДР
БЕЛЯКОВ

АВЕРКАНД

БЕВРЕБ

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

*Собрание
сочинений
в девяти
томах*

МОСКВА «TERRA» - «ТЕРРА» 1993

*Властелин мира
Продавец воздуха
Золотая гора*

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

МОСКВА «TERRA» - «ТЕРРА» 1993

АЛЕКСАНДАР БЕЛЧЕВ

Тексты печатаются по изданиям:

Беляев А.
Собр. соч. в 8 т., т. 2.
М., «Молодая гвардия», 1963.
Беляев А.
Собр. соч. в 8 т., т. 4.
М., «Молодая гвардия», 1963.
Беляев А.
Золотая гора.
М., «Правда», 1988.

Составление *В. Поситко*

Оформление художника *А. Янушкевича*

Беляев А.
Б43 Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4: Властители мира, Продавец воздуха: Романы. Золотая гора: Повесть. — М.: ТЕРРА, 1993. — 368 с.: ил.

ISBN 5-85255-409-X (т. 4)

ISBN 5-85255-396-4

В настоящий том Собрания сочинений А. Р. Беляева вошли произведения, написанные автором в 1929 г.: романы «Властелин мира» и «Продавец воздуха» и повесть «Золотая гора».

Б 4702010000-164 Подписное
А30(03)-93

ББК 84Р7

ISBN 5-85255-409-X (т. 4)
ISBN 5-85255-396-4

©Издательский центр «ТЕРРА», 1993

Властелин мира

1. КАНДИДАТ В НАПОЛЕОНЫ

НЕ БРЫЗГАЙТЕ мне на платье, Штирнер! Вы не умеете грести.

— Ну конечно! Женщины, отправляясь кататься на лодке, имеют обыкновение надевать платье из такой материи, на которой брызги воды оставляют неизгладимые пятна.

— Эту остроту вы позаимствовали у Джером-Джерома, из его рассказа «Трое в лодке»?

— Вы очень начитаны, фрейлейн. Я не виноват в том, что это наблюдение Джером сделал раньше меня. Истина остается истиной, хотя бы в лодке ехало не четверо, а пятеро.

— Нас только четверо! — отозвалась со своей скамьи Эмма Фит.

— Прекрасная златокудрая кукла, — ответил Штирнер, — четвертым пассажиром в лодке Джерома была собака; первым в нашей лодке является мой Фальк...

— Почему первым?

— Потому что он гениален. Фальк! Подай носовой платок фрейлейн Фит, — видишь, она уронила его?

Фальк, красивый белый сеттер, ловко прыгнул и подал платок.

Все засмеялись.

— Вот видите! — самодовольно сказал Штирнер. — Фрейлейн Глюк, выходите за меня замуж! Мы откроем с вами бродячий собачий цирк. Я в рыжем парике клоуна стану показывать чудеса дрессировки, а вы будете сидеть у кассы. Только представьте себе эту идиллию: публика валит к нам валом, собаки танцуют, в кассе шелестят деньги... А после сеанса мы пируем за столом в обществе прелестнейших преданнейших четвероногих друзей. Великолепно! Это гораздо веселее, чем работать у Карла Готлиба.

— Благодарю вас, но я не люблю бродячей жизни.
— Гм... При вашем капитале для вас я слишком ничтожная партия?

— При моем капитале?... — с недоумением спросила Эльза Глюк.

— Почему же вы удивляетесь? Вы притворяетесь, будто не знаете своего капитала. Ваши чудесные волосы тициановской Венеры... Ведь это натуральный цвет? Не делайте возмущенное лицо, я знаю, что натуральный. А тициановские женщины, было бы вам известно, красили волосы особым составом. Где-то даже сохранился рецепт этого состава. Ну вот, видите. Мировые красавицы, вдохновлявшие кисть Тициана, искусственно создавали то, что щедрая природа отпустила вам без предъявления рецепта... А ваши синие, как небесная бездна, глаза! Уж они, конечно, не искусственно окрашены...

— Перестаньте...

— Ваши зубки — жемчужное ожерелье...

— Потом следует описание коралловых губок, не так ли? Можно подумать, что вы не секретарь скучного банкира, а коммивояжер ювелирной фирмы. Так я же вам отплачу, несносный, за эти ювелирные комплименты! А ваше длинное лицо, ваш длинный нос, ваши длинные волосы, ваши длинные руки, они, конечно, настоящие?..

— А вам больше по душе все круглое? Вот такое круглое лицо, как у Отто Зауера. Круглые глаза и, быть может, круглый капиталец через десяток лет...

— Вы договорились до пошлости, — с недовольством в голосе произнесла Эльза Глюк.

— Пожалуйста, не считайте капиталы в чужих карманах, — отозвался Зауер, юрисконсульт банкира Готлиба. Зауер был не в духе во время разговора Штирнера с Эльзой и молча рассекал длинными веслами воду, розовевшую в закатных лучах солнца.

Штирнер почувствовал, что он действительно зашел далеко в своих остротах, и стал говорить более серьезно.

— Простите, я никого не хотел обидеть. Я только хотел сказать, что в любви, как и во всем, существует тот же закон борьбы за существование: побеждает сильнейший. Самцы-олени бьются смертным боем, и рогатая четвероногая самка достается победителю. А кто сильнейший в нашем обществе? Тот, кто владеет капиталом. Представьте

себе, фрейлейн, — обратился Штирнер к Эльзе, — что я стал бы вдруг богат, как Крез, нет, еще богаче, — как уважаемый патрон Карл Готлиб, — тогда мое лицо в глазах женщины, наверно, показалось бы уж не таким длинным?

— Еще длиннее! — смеясь, ответила Эльза.

— Э! — недовольно произнес Штирнер. — Это оттого, что с вашим капиталом красоты вы и среди готлибов вольны выбирать себе по вкусу. А что остается делать нам — мелкой сошке, всяким секретарям и секретаришкам, которые близко стоят у стола пиршества, но принуждены только подбирать падающие крохи, глотать слюну, видя, как другие упиваются всеми благами жизни?

— Какие у вас некрасивые слова, Штирнер! — сказала Фит.

— Простите, я обращаю серьезнейшее внимание на свой лексикон... Честность, — продолжал Штирнер, — вот наш порок, которым пользуются стоящие над нами. Гейне как-то сказал: «Честность — прекрасная вещь, если кругом все честные, а я один среди них жулик». Но так как кругом — о присутствующих, конечно, не говорят — тоже сплошные жулики, то, чтобы овладеть счастьем, — и он многозначительно посмотрел на Эльзу Глюк*, — надо, очевидно, стать таким сверхжуликом, по сравнению с которым все остальные жулики казались бы добродетельными людьми.

— Что-то вы, Штирнер, сегодня неудачно развлекаете дам, — опять вмешался в разговор Отто Зауер. — Теперь ваши шутки приобретают слишком мрачный оттенок...

— А? — машинально спросил Штирнер, вдруг понурил голову и замолчал. Лицо его стало старческим. Глубокая складка легла меж бровей. Он казался погруженным в глубокую думу, как будто разрешал какой-то трудный вопрос. Фальк положил одну лапу ему на колено и внимательно смотрел в лицо.

Весла неподвижно лежали в руках Штирнера, с них беспрерывно стекали капли воды, красные, как кровь, в лучах заходящего солнца.

Эльза Глюк, глядя на сразу постаревшее лицо Штирнера, вдруг вздрогнула и, как бы ища помощи, обратила свой взор на Зауера.

* По-немецки «глюк» — счастье.

Вдруг Штирнер сильно ударил веслами о воду, бросил их и расхохотался.

— Послушайте, фрейлейн Эльза, а что, если бы я стал могущественнейшим человеком на земле? Если бы одному моему слову, одному жесту повиновались все, как повинуется Фальк?.. Фальк! Пиль! — крикнул Штирнер, бросая в воду стек. И Фальк стрелой кинулся за борт лодки. — Вот так! Если бы я стал властелином мира?

— Знаете, Штирнер, — сказала Эльза, — у вас молодое, но ужасно старомодное лицо. Такие лица встречаются среди фотографий в семейных альбомах. И о них обыкновенно говорят так: «А вот это дедушка в молодости». Нет, в наполеоны вы решительно не годитесь! Разве биржевой наполеончик из вас выйдет.

— Ах, вот как? В таком случае я лишаю вас короны, дворца, золотой кареты, бриллиантового ожерелья и всех ваших придворных пажей и статс-дам. Я лишаю вас моей милости. И знайте, что я вас совсем не люблю. Не подумайте, что я собирался совершать подвиги, как средневековый рыцарь, только для того, чтобы удостоиться получить вашу руку и сердце. Совсем нет! Вы для меня лишь мерило моих достижений. Первая ставка — не больше, вот вам!

— Ну что же! А пока не угодно ли вам приналечь на весла? Пора домой.

Штирнер втащил в лодку мокрого Фалька, который, встряхнувшись, окатил всех брызгами. Глюк и Фит вскрикнули.

— Пропали ваши водобоязненные платья, — сострил Штирнер, сильно налегая на весла.

Лодка быстро поплыла вниз по течению. Солнце скрылось за лесом. Вверху река сверкала, как расплавленное золото, вокруг лодки легли уже синие тени. Потянуло сыростью. Эмма накинула на плечи пушистый платок.

Все замолчали. Зеркальная поверхность реки была неподвижна. Изредка мелкая рыбка прерывала спокойную гладь, сверкнув по поверхности чешуей.

— Я не знал, что вы так честолюбивы, Штирнер, — прервал молчание Зауер. — Скажите, что же тогда заставило вас бросить ученую карьеру и перейти к нам в число скромных служащих Готлиба? Ведь, если не ошибаюсь, вы довольно успешно работали в области изучения мозга, и я даже встречал в газетах несколько заметок о ваших удач-

ных опытах... Как называется эта молодая наука, которой вы тогда увлекались? Рефлексология?

— Я очень смутно представляю, что это за наука, — сказала Эльза.

— Милостивые государины и милостивые государи! — начал Штирнер таким тоном, будто он читал лекцию в избранном обществе. — Рефлексология есть наука, изучающая ответные реакции человека и вообще всякого живого существа, возникающие в связи с воздействием внешнего мира и характеризующие собою вообще все отношения живого существа к окружающей среде. Понятно?

— Совершенно непонятно, — ответила Эмма.

— Постараюсь выразиться проще. Рефлекс есть передача нерву возбуждения с одной точки тела на другую через посредство центра, то есть мозга. Каждое воздействие извне через органы чувств, путем рефлекса через центр, вызывает к деятельности те или иные органы тела, иначе говоря, вызывает реакцию. Ребенок протягивает руку к огню. Огонь жжет. Это воздействие огня на кожу передается нервами в мозг, а от мозга идет к руке ответная реакция: ребенок отдергивает руку. Представление огня связывается у ребенка с представлением боли. И всякий раз, когда ребенок видит огонь, он начинает боязливо отдергивать руку. Получилось то, что мы называем по-ученому условным рефлексом... Приведу более сложный пример. Вы даете собаке есть и одновременно, каждый раз, когда она ест, играете на флейте. Обед с музыкой. Во время еды у собаки обильно отделяется слюна. Через некоторое время, когда игра на флейте тесно свяжется в сознании собаки со вкусовыми ощущениями, вам довольно будет заиграть на флейте, как у собаки начнет усиленно выделяться слюна. Условный рефлекс!.. И подумать только, что самые «святые» чувства человека, как долг, верность, обязанность, честность и даже знаменитый кантовский «категорический императив», являются условными рефлексами совершенно такого же порядка, как и выделение собачьей слюны! Процесс создания таких рефлексов сложнее, но существо то же. При таком научном освещении, признаюсь, все эти высокие добродетели не возбуждают во мне особого почтения... Вот поэтому-то мне подчас и кажется, что кому-то выгодно это слюнотечение добродетели, кто-то играет на флейте религии, морали, долга, честности, а мы, глупые, распуска-

ем слюни. Не пора ли бросить весь этот старый хлам и перестать плясать под дудку старой морали?..

Зауер решил изменить разговор и вновь задал Штирнеру вопрос, почему он оставил ученую карьеру.

— Вы так много знаете, Штирнер, — сказал он. — Быть может, на ученом поприще вы скорее достигли бы известности и всяческих успехов.

— А вот почему оставил я ученую карьеру, уважаемый Зауер, — ответил Штирнер с лукавой искоркой в глазах. — Я анатомировал около тысячи человеческих мозгов и, представьте, нигде не нашел ума. И я решил, что с мозгами гораздо приятнее иметь дело, когда они лежат, хорошо зажаренные, на обеденном столе нашего добрейшего патрона.

— Какие гадости вы опять говорите! — услышал Штирнер за собой голос Фит.

— Тысячу извинений! Но уверяю вас, что наш Готлиб не питается человечиною. Разве только иносказательно, ха-ха! Я чувствую, например, что завтра утром он скушает банкирский дом «Тепфер и К»... Я же хотел только сказать, что средневековым властителям хорошо было заниматься наукой, когда у них под руками были горы всякой снеди и бочки вина. А теперь... вот я и Зауер всего только скромные служащие банкира, и даже вы, прекраснейшие фрейлейн, его машинистка и стенографистка, получаете больше, чем молодой доктор великолепнейших наук. Как видите, я откровенен. Не я первый и не я последний предпочел чечевичную похлебку будущим благам первородства. Впрочем, как знать? В школе нас учили, что прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками. Но вся эта математика — сущая абстракция. В реальном мире нет прямых линий... Стоп! Вот мы и приехали. Ну, а теперь, — обратился он к Эмме Фит, — дайте мне вашу руку и позвольте проводить до станции...

Штирнер и Фит ушли вперед.

Зауер расплатился за прокат лодки и под руку с Эльзой медленно направился к железнодорожной станции.

Стемнело. Небо усеяли звезды. Дорога была безлюдна.

— Смотрите, как мерцают звезды! Вероятно, наступит ненастье... — сказал Зауер.

— Да, но мы успеем добраться, — ответила Эльза.

— Вы довольны нашей прогулкой, Эльза?

— Не слишком ли фамильярно вы зовете меня? — улыбаясь, спросила Эльза и, не давая Зауеру говорить, продолжала: — Ну, не оправдывайтесь. Я была бы довольна, если бы не этот несносный болтун, Штирнер. Бывают же такие пустые люди! Трещит как сорока, никому не дает вымолвить слова. И какие претензии!

— Да, болтун... — задумчиво сказал Зауер. — Но я бы посоветовал, Эльза, быть осторожнее с этим болтуном.

Эльза удивленно посмотрела на Зауера.

— Разве я была с ним неосторожна? — И, рассмеявшись, она воскликнула: — Нет, Отто, вы просто ревнуете меня! Но не рано ли? Я вам еще не дала слова. Могу и передумать.

— Вот вы пошутили, а у меня сердце сжалось... Болтун! Конечно, болтун, но он себе на уме. Вы слышали, что он говорил про честность да про кривые линии? Это опасная философия. И я, право, боюсь за вас и за нашего старика Готлиба... Этот болтун говорит неспроста. В его словах что-то есть. Что он замышляет? Я не удивлюсь, если он совершит что-нибудь ужасное...

Эльза вспомнила сосредоточенное, вдруг постаревшее лицо Штирнера, освещенное багровым лучом заходящего солнца, и ей опять стало жутко. Она невольно сжала крепче руку Зауера.

— И ведь как вкрался он в доверие Готлиба! Тот его теперь ни на шаг не отпускает, переселил к себе в дом... Вечерами Штирнер забавляет старика своими дрессированными собаками...

— Надо отдать ему справедливость, Отто, его собаки изумительны.

— Я этого не отрицаю. Его собаки превосходят все известное в области дрессировки животных. В особенности этот Фальк.

— А его черный пудель, — вспомнила Эльза, — который умеет считать, узнает любую букву алфавита, угадывает без слов все его приказания. Мне иногда жутко делается...

— Да, будто сам черт сидит в этом пуделе. Возможно, что Штирнер умен и талантлив. Но талантливое зло опаснее вдвойне. — И Зауер значительно посмотрел на Эльзу.

— Обо мне вы не беспокойтесь, Отто. На меня его чары не действуют. Мне он был просто безразличен. Но после сегодняшнего вечера, когда я увидал его лицо... Я не знаю,

как выразить это... Впрочем, может быть, мы несправедливы к нему. Что это?.. Ах!..

Из темноты бесшумно появился Фальк и, взяв зубами за край платья Эльзы, с веселым ворчаньем потянул ее вперед.

Зауер рассердился на собаку и стал гнать ее. Но Эльза рассмеялась.

— Вы, кажется, становитесь суеверным, Отто. Штирнер, очевидно, прислал Фалька предупредить нас, чтобы мы поторопились.

II. ПОД КОЛЕСАМИ ПОЕЗДА

Дверь из кабинета открылась, и на пороге показался банкир Карл Готлиб в сопровождении личного секретаря Людвиг Штирнера.

Утреннее солнце, заливавшее всю комнату через стены из сплошного стекла, заиграло на золотых очках Карла Готлиба. Банкир сощурил глаза и улыбнулся. Ему было около шестидесяти лет, но никто не дал бы ему столько, видя его белое, свежее лицо с румянцем во всю щеку. Гладко выбритый, пахнущий дорогим мылом, хорошими сигарами и духами, всегда довольный, веселый и живой, он воплощал в себе житейское благополучие.

— Ну, как прошла ваша загородная прогулка? — спросил он, пожимая по очереди руки Глюк, Фит и Зауера. — Весело? Много наловили рыбы? Погода была прекрасная, не правда ли? Будьте так любезны, Зауер, отправить вот эти телеграммы. Биржевой бюллетень получен? Как сегодня курс доллара? Так... так... Хлопковые акции? Идут в гору? Великолепно! Опротестуйте вот эти векселя банковского дома «Тёпфер и К^о». Я не могу делать дальнейших поблажек. Вы сегодня прекрасно выглядите, фрейлейн Фит... А вы о чем-то мечтаете, фрейлейн Глюк? Хе-хе!

И он с лукавым видом погрозил ей пальцем.

— Я, кажется, догадываюсь. Весна несет с собой опасные бактерии. Да-а!

Поправив букетик фиалок в петличке черного сюртука, он посмотрел на часы и сказал:

— Сейчас десять часов. Поезд отходит в десять сорок пять. Я уезжаю и буду обратно в два часа пятнадцать минут. Еду принимать завод. Мы со Штирнером живо

покончим с формальностями. Кстати проветрюсь, засиделся... Машина подана? Идем, Штирнер!

И, мягко ступая, банкир Готлиб вышел, крикнув уже за дверью:

— Где же вы, Штирнер?

— Сию минуту! — Штирнер быстро прошел в смежную комнату и крикнул: — Фальк! Брут!

Навстречу ему с веселым лаем выбежали две собаки: сеттер, бывший на прогулке, и Брут — огромный дог тигровой масти.

Проходя мимо Глюк, Штирнер склонил голову набок и насмешливо спросил:

— Вы еще не решили?

— Чего?

— Выйти за меня замуж...

Громко рассмеявшись, он бросился со своими собаками догонять патрона.

Эльза нахмурилась. Зауер что-то проворчал, сидя за своим столом.

За окном прошумел отъезжающий автомобиль.

В комнате наступило молчание. Фит трещала на пишущей машинке, Зауер нервно перелистывал какие-то бумаги.

— Собачник! — вновь тихо проговорил он.

— Что вы там ворчите? — окликнула его Глюк.

— Везде со своими собаками! — ответил Зауер. — Не могу выносить этого кривляющегося господина! Вчера еще говорил о Готлибе, что он чуть ли не питается человечиною, намекая, очевидно, на строгость Готлиба к должникам, а сегодня, видали? Так и юлит около патрона. В глаза смотрит не хуже Фалька!.. Вы думаете, зачем он собак взял? Будет развлекать ими старика на лоне природы...

— Вы, кажется, становитесь придиричивым, Зауер! — сказала Эльза. — А «Тёпфера и Ко» Готлиб скушал — Штирнер угадал...

— Сам же и убедил Готлиба, чтобы тот предъявил векселя ко взысканию, в этом нет сомнения, — хмуро ответил Зауер.

— Зауер просто ревнует! — пропела Фит, улыбаясь.

— Будьте добры переписать эту ведомость! — сухо сказал Зауер, передавая Фит бумагу.

Фит присмирела, как провинившийся ребенок, и робко ответила:

— Пожалуйста!

Машинка затрещала. Все погрузились в работу, прерываемую звонками телефона.

Около одиннадцати часов раздался новый телефонный звонок. Не отрываясь от делового письма, Зауер привычно слушал телефон.

— Алло! Да, да... Кабинет личного секретариата банкира Карла Готлиба. Что такое? Не слышу! Говорите громче! Случилось? Что случилось? Как? Не может быть!..

Самопишущее перо выпало из рук Зауера. Лицо его побледнело. В голосе послышались такие нервные ноты, что Глюк и Фит бросили работу и с тревожным любопытством следили за ним.

— Попал под поезд?.. Но как же так?.. Извините, но это вполне понятное любопытство!.. Так... так... слушаю... так... Все будет сделано!...

Зауер положил трубку телефона и, проведя рукой по волосам, встал из-за стола.

— Что случилось, Зауер? — с тревогой спросила Фит, поднимаясь. — Кто попал под поезд? Да говорите же скорей!

Но Зауер опять уселся в кресло и сидел молча.

— Да... Я ожидал чего-нибудь в этом роде, — сказал он после паузы и, нервно поднявшись, быстро заговорил: — Мне только что сообщили по телефону, что Карл Готлиб попал под поезд...

— Но он жив? — спросили одновременно Фит и Глюк.

— Подробности неизвестны...

— Хорошие подробности! — сказала Фит. — Жив человек или нет?

— Я просил объяснить происшедшее, но мне ответили, что теперь не до объяснений... Надо срочно приготовить кровать и вызвать врачей...

— Значит, он жив? — сказала Глюк.

— Может быть... — Зауер нажимал кнопки электрических звонков, вызывая лакеев, отдавал распоряжения, звонил к врачам... В доме поднялась суматоха. Прибежала встревоженная экономка.

Готлиб был одинок, и все его хозяйство вела «домопра-

вительница», как ее звали, чистенькая старушка фрау Шмитгоф.

Она была так потрясена, что Эльзе пришлось ухаживать за ней.

Послышался гудок подъехавшего автомобиля.

— Доктор! — вскрикнула Фит.

— Нет, это рожок нашего автомобиля, — ответил Зауер. — Ганс, идите скорее к подъезду!

Лакей Ганс быстро вышел, семеня больными ногами.

В комнате сгустилось напряженное ожидание. Фрау Шмитгоф, полумертвая от страха и волнения, сидела в кресле, тяжело дыша.

Из отдаленных комнат послышался тяжелый топот ног, сбивающихся с шага.

— Несут... — прошептала Фит. — Хоть бы он был жив...

Двери широко распахнулись.

Четыре человека несли обезображенный, окровавленный труп Карла Готлиба.

Шмитгоф истерически вскрикнула и упала в обморок.

У Готлиба были отрезаны ноги выше колен.

Пятый человек, в форме железнодорожного служащего, нес какой-то тюк. Фит и Глюк узнали плед Готлиба. Из-под распахнувшегося края пледа выглядывал лакированный ботинок банкира.

«Ноги. Это его ноги... Какой ужас! — подумала Глюк. — Но зачем их несут? Зачем они теперь нужны ему?» — промелькнула нелепая мысль.

Черты Готлиба мало изменились, но лицо было необычайной белизны, как лист бумаги.

«От потери крови!» — подумала Эльза.

И еще одна подробность поразила ее: в петличке черного сюртука Готлиба сохранился букетик фиалок. Почему-то этот цветок на груди мертвеца необычайно взволновал Эльзу.

Печальная процессия проследовала через кабинет в спальню Готлиба, оставляя на паркете капли крови.

Следом за трупом Готлиба шел Штирнер. Лицо его было бледнее обыкновенного, но спокойно. Он осторожно обходил капли крови на паркете, чтобы не наступать на них, с таким видом, как будто это были дождевые лужи среди дороги.

За ним по пятам шел Фальк. Нервно-расширенными ноздрями собака обнюхивала капли крови.

Глюк с непонятным ей самой ужасом посмотрела на Штирнера. Он встретил ее взгляд и, как ей показалось, улыбнулся одними глазами.

Вернувшийся из спальни Зауер подошел к Штирнеру и, глядя ему испытующе в глаза, спросил:

— Как это случилось?

Штирнер выдержал и этот взгляд — только брови его лошавельнулись — и спокойно ответил:

— Я не был очевидцем. Готлиб просил меня отправить срочную телеграмму. Это отняло у меня всего пять минут, не больше. А когда я вернулся, все было кончено. Очевидцы говорят, что моя собака, Брут, испугалась паровоза и, метнувшись в сторону, попала под ноги Готлиба. Старик не устоял на ногах и упал с дебаркадера на рельсы вместе с собакой. Брута разрезало пополам, бедная собака!.. А Готлибу отрезало ноги...

— Вы жалеете только собаку?

— Не говорите глупостей, Зауер. И не придавайте слишком большого значения официальным способам выражения «душевного прискорбия». Готлиб был славный старикашка, и мне жалко его. Но отсюда не следует, что я не могу выразить сожаления о гибели четвероногого друга.

— Как странно!.. — задумчиво проговорил Зауер, как бы придавая особый смысл своим словам. — Готлиб погиб от Брута!

— Мой Брут не человек, а собака, и Готлиб не Цезарь, а банкир, — ответил Штирнер, насмешливо улыбаясь, и пошел в спальню Готлиба.

III. ДВА ЗАВЕЩАНИЯ

Весть о трагической кончине Карла Готлиба, крупнейшего банкира Германии, взволновала весь коммерческий мир. Кабинет банкира был одним нервных узлов финансовой и промышленной жизни страны. Готлиб финансировал не только банки, но и крупную промышленность. Не мудрено, что неожиданная смерть Готлиба явилась событием дня. Газеты обсуждали возможные последствия этой кончины для тех или иных кредиторов, гадали об изменявшемся соотношении финансовых сил и о судьбе банка, потеряв-

шего своего главу. Задавался вопрос: станет ли кто-либо на место Готлиба, или банк будет ликвидирован. Газетные корреспонденты осведомляли читателей о наследниках — родственниках Готлиба: младший брат покойного, земле-владелец Оскар Готлиб, имеет сына Рудольфа двадцати четырех лет и четырех дочерей. Какая-то газета высчитала даже, какой капитал придется на долю молодого человека и богатых невест, хотя точно никто не знал, как велико было имущество.

Коммерсанты волновались, газеты шумели, а в доме Карла Готлиба заканчивался последний акт трагикомедии человеческой жизни.

В доме уже распоряжались на правах законных наследников экстренно вызванные Оскар Готлиб, красный, загорелый, неповоротливый человек, и его веснушчатые лопотухие дети.

Оскар Готлиб хмурился и поджимал губы. Возможность разбогатеть зажигала искорки в его прищуренных глазах. Но чувство такта и отчасти искреннее сожаление о потере брата делали его сдержанным. Зато его дети ликовали открыто, без удержу предаваясь сладкому предвкушению обладания богатством. Сын Рудольф, Луиза и Гертруда — старшие дочери Оскара — ходили из комнаты в комнату, осматривали картины, трогали дорогие безделушки, присаживались на мягкие кресла, ощупывали руками материю, делили вещи между собой, смеялись, строили планы...

Изуродованное тело Карла Готлиба, вместе с отрезанными ногами, похоронили в дорогом склепе тяжеловесной архитектуры. Следующий за похоронами день назначили для вскрытия завещания.

Акт этот был обставлен довольно торжественно. Были приглашены и некоторые служащие Карла Готлиба, в том числе Зауер, Штирнер, Глюк и Фит.

Штирнер со скучающим видом сидел за письменным столом и рисовал на листе бумаги собак.

— Послушайте, вы секретарь моего покойного дядюшки? — окликнул его Рудольф Готлиб. — Будьте так добры, проводите меня в верхний этаж, я хочу осмотреть...

Штирнер молча надавил кнопку звонка на столе. В дверях показался лакей.

— Ганс, проводите господина Готлиба-младшего в вер-

хний этаж! — И Штирнер опять углубился в рисование собак.

Рудольф промолчал, но краска гнева залила его веснушчатое лицо.

Зауер, который наблюдал эту сцену, сидя в углу с Глюк и Фит, усмехнулся.

— Смотрите, Эльза, Штирнер держится так, как будто он сам наследник... Признаться, я не понимаю его игры. Он точно сам напрашивается на то, чтобы новые хозяева выбросили его за дверь...

— Еще неизвестно, что будет с нами, — озабоченно сказала Эмма.

— Ну что же, уволят — придется поступить кассиршей в бродячий цирк, — рассмеялась Эльза.

— Перестаньте шутить, Эльза. Я говорю совершенно серьезно. Штирнер явно ведет какую-то большую игру. — Понизив голос, Зауер продолжал: — Вам не кажется, что смерть Карла Готлиба произошла при странных обстоятельствах?

Эльза посмотрела на Зауера.

— Что вы хотите сказать, Отто? Ведь Штирнера даже не было в момент катастрофы...

— Ага! Значит, и вам эта мысль приходила в голову — мысль о том, что смерть Готлиба не случайна? Собака! Что, если собака действовала по необъяснимому внушению? Если я не ошибаюсь, Штирнер в своей научной работе как раз занимался вопросами внушения и передачи мыслей на расстояние... Вы знаете, какие чудеса он проделывает со своими собаками? Помните, вечером, когда мы возвращались с прогулки, Фальк подбежал к вам...

— Какие ужасы! — прошептала Фит. — Вдруг он внушит собакам и они загрызут нас?..

Зауер усмехнулся.

— От этого он не получит пользы... Собаки Штирнера, простите мне, охотятся на более крупную дичь. Но какую пользу извлечет он из смерти Готлиба? Этот странный человек окружает себя глубокой тайной. Вы знаете, мы с ним служим более года и каждый день видимся, но ни я, ни кто-либо другой никогда не были в его комнате. Что он там делает? Какие замыслы обдумывает он в тиши?..

— ...И не подумаю. Ты можешь взять себе пейзаж Коро, но святого Себастьяна я не уступлю!

Сестры Готтлиб прошли мимо, споря о дележке дядюшкиного наследства.

Зауер замолчал.

По дому раздались звонки, сзывающие всех в большой кабинет покойного хозяина. Там уже сидел за письменным столом нотариус, сухонький бритый старичок, в очках в черной черепаховой оправе. Он был большой формалист и категорически отказался сообщить наследникам что-либо о содержании завещания до его вскрытия. И теперь Готтлибы с невольным волнением смотрели на толстый портфель нотариуса, скрывавший тайну наследства. Нотариус не спеша извлек из портфеля пакет, предъявил его для обозрения целостности печати и начал читать.

По завещанию все имущество переходило брату покойного, Оскару Готтлибу, с выделением довольно крупной суммы фрау Шмитгоф и более мелких — старым служащим.

Готтлибы вздохнули с облегчением, выслушав завещание до конца. Но их лица вдруг вытянулись, когда нотариус среди наступившей тишины сказал:

— Это первое завещание...

— Значит, есть и второе? — с тревогой спросил Оскар Готтлиб.

— Есть, и я оглашу его, — ответил нотариус. После той же процедуры осмотра печатей он вскрыл и огласил второе завещание, сделанное всего за месяц до смерти Карла Готтлиба.

— «В отмену всех ранее составленных завещаний все принадлежащее мне благоприобретенное движимое и недвижимое имущество, в чем бы оно ни заключалось, завещаю в полную собственность служащей у меня стенографисткой Эльзе Глюк. По личным обстоятельствам, я не могу открыть мотивы, по которым я лишаю моих родственников наследства и передаю его Эльзе Глюк, но дабы первые не оспаривали судебным порядком завещанных ей прав у последней, укажу, что к этому побудили меня: 1) одна услуга, оказанная мне Эльзой Глюк, — услуга, о которой я не буду говорить, но ценность которой не покрывается даже оставленным капиталом, и 2) некоторые обстоятельства совершенно личного характера, заставившие брата моего, Оскара Готтлиба, из списков близких мне людей...» Переведенное на доллары имущество наследователя, по

предварительному подсчету, определяется в два миллиарда, — закончил нотариус.

Оскар Готлиб откинулся на спинку кресла. Глаза его стали мутны. Он со свистом дышал широко открытым ртом, нервно перебирая пальцами. Казалось, его поразили удар. Сестры Готлиб, обнявшись, рыдали, склонив головы на плечи друг друга.

Рудольф побледнел так, что все веснушки, как брызги грязи, выступили на его лице.

— Не может быть!.. Не может быть!.. — вдруг закричал он истерически. — Ложь! Обман! Преступление!.. Мы этого так не оставим! Здесь все мошенники!

Нотариус пожал плечами.

— Молодой человек, будьте осторожны в словах. Я выполнил только свой долг. Вы можете оспаривать завещание законным порядком, если находите его неправильным. А пока я принужден передать его наследнику.

Встав из-за стола, нотариус подошел к Эльзе Глюк и почтительно передал ей завещание.

Эльза подняла брови в полном недоумении и машинально взяла бумагу.

Ошеломленный Зауер уставился на Эльзу. Эмма Фит не знала, радоваться ей или плакать. И только нотариус и Штирнер сохраняли спокойствие.

Вдруг Оскар Готлиб покачнулся и стал сползать с кресла. К нему бросились на помощь.

— Доктора!..

Поднялась суматоха.

IV. СЧАСТЛИВАЯ НЕВЕСТА

До утверждения завещания Карла Готлиба над его имуществом была учреждена опека, причем Оскар Готлиб добился того, что опекуном был назначен он. Поэтому Готлибы остались жить в доме покойного банкира, и молодой Рудольф Готлиб по-прежнему держался с независимостью будущего владельца, твердо надеясь, что правосудие «восстановит права законных наследников».

Выявление огромного имущества покойного требовало присутствия всех служащих. Поэтому на другой день после вскрытия завещания к работе вернулись все, не исключая и Эльзы.

— Вы?.. — удивленно встретил ее Зауер. — В качестве кого явились вы сюда?

— В качестве стенографистки, — просто отвечала она.

— Миллиардерши не служат стенографистками! — ответил он ей. Отведя Эльзу в сторону, Зауер сказал: — Прошу вас, присядьте... Нам с вами нужно серьезно поговорить...

Они уселись. Отто, бледный после бессонной ночи, тер лоб рукой, собираясь с мыслями.

— Со вчерашнего дня у меня в голове такой кавардак, что я потерял способность связной речи. Или я подозревал Штирнера в преступлении неосновательно, или... или он опаснее, чем я думал... Но одно для меня ясно, что между мною и вами воздвигается неодолимая преграда... Вы уходите от меня, Эльза!

Эльза с недоумением и упреком посмотрела на него.

— Скажите мне искренне, Эльза, положи руку на сердце, вы ничего не знали о том... счастье, которое ожидало вас?

— Ничего не знала, — твердо отвечала Эльза.

— Но должны же вы знать по крайней мере о той вашей необычайной, — подчеркнул Зауер, — услуге Карлу Готлибу, которая оценена им выше всех его богатств?

— Насколько помню, никакой услуги я ему не оказывала.

Зауер опять приложил руку к своему разгоряченному лбу.

— От этого можно сойти с ума... Допустим, что тут замешан Штирнер, — впрочем, я уже сам не уверен в этом, — допустим, он как-нибудь повлиял на старика Готлиба, ловко убедил его в этой несуществующей услуге, которая будто бы обязывала Готлиба быть вам благодарным... Но почему Штирнер тогда не употребил завещание на свое имя? Или... — Зауер вдруг весь как-то выпрямился, и лицо его исказилось болью. — Простите, Эльза, но я должен задать вам еще один крайне щекотливый вопрос: может быть, между вами и Карлом Готлибом были близкие...

Эльза встала возмущенная.

— Ну, ну, не буду, успокойтесь! Садитесь, прошу вас... Вы же видите, что я вне себя... Мне приходят в голову совершенно нелепые мысли. Ах, это такая пытка!.. Я дол-

жен сразу высказать вам все мои сомнения, они мучили меня всю ночь. Чего я не передумал!.. Я думал, может быть, вы... дочь Готлиба...

— Послушайте, Зауер, я сейчас же уйду, если вы...

— Или, может быть... — ха-ха-ха! — вы действуете заодно со Штирнером и являетесь только ширмой для него...

Эльза встала вторично, но Зауер взял ее за руку и насильно посадил.

— Садитесь! Вы должны это выслушать. Поймите, то, что я говорю вам так резко, открыто, в лицо, будут говорить и уже говорят за вашей спиной. Неужели вы не понимаете, что это завешание бросает тень на ваше доброе имя?

— Слушайте, Зауер, я люблю вас, — видите, я говорю вам это открыто, — но всякому терпению есть конец. Если в вас говорит даже безумие, то... Я не переношу таких форм безумия. Кто дал вам право оскорблять меня безнаказанно?

— Право, право! Кто дал право подвергать меня пыткам ужасных подозрений?... Откуда они? — Зауер замолчал и устало опустил голову.

Эльзе стало его жалко. Она ласково коснулась его руки и тихо сказала:

— Никто вас не подвергал пыткам, вы сами мучаете себя. И для чего? Ведь поймите, Отто, что в наших отношениях ничего не изменилось, и я не понимаю, о какой стене вы говорите.

— Как ничего не изменилось? А миллионы, миллиарды Карла Готлиба! Вы одна из самых богатых женщин в стране, а я... У меня своя, мужская гордость. Я беден и не хочу, чтобы про меня говорили, что я женился на деньгах. Деньги! Разве это не стена?

— Да кто вас убедил в том, что эта стена из мешков с золотом будет стоять между нами? Никакой стены нет и не будет!

Отто Зауер смотрел на Эльзу, еще не понимая, но уже чувствуя облегчение.

— Что вы хотите сказать, Эльза?

— Да то, что совсем не надо быть юрисконсультотом Отто Зауером, не спать ночей, доводить себя до помешательства, чтобы понять всю неловкость получения этого наследства. Я и не думаю принимать дара Карла Готлиба. Я откажусь от прав на наследство, вот и все.

— Эльза! Вы? — Зауер крикнул так громко, что Эмма Фит, работавшая в другом конце комнаты, прекратила свою трескотню на машинке.

— Что с вами, Зауер? Вы меня испугали.

— Ничего, фрейлейн, это от радости, оттого, что я вдруг стал богат! Богат безмерно!..

— Значит, вы женитесь на Эльзе? — по-своему поняла Эмма и бросилась целовать смеющуюся подругу и поздравлять сияющего Зауера.

— Что это за семейная сцена? С чем вас поздравляют? — вдруг услышали они голос вошедшего в комнату Штирнера.

— Такое счастье! Эльза выходит замуж за Зауера!.. И они будут безмерно богаты! — воскликнула Эмма, обращаясь к Штирнеру.

— Это правда? — спросил Штирнер.

Эльза и Зауер переглянулись. Эльза помедлила несколько мгновений и потом твердо сказала:

— Да, это правда. Можете нас поздравить.

Зауер был так счастлив, что крепко пожал протянутую Штирнером руку.

— Ну что ж, поздравляю вас, мои будущие хозяева, если, впрочем, вы пожелаете воспользоваться моими услугами. А если нет, всего хорошего! Чемодан на плечи, собираю своих собак и отправляюсь с бродячим цирком... Делать нечего, придется искать другую кассиршу... Может быть, куколка согласится? Эмма, вы согласны? Что с вами, деточка? Вы плачете?

— Это... от... радости! — проговорила Эмма.

— Так ли? — смеялся Штирнер. И, погрозив ей пальцем, он сказал: — Куклы также должны уметь скрывать свои чувства. Признайтесь, вам немножечко жалко Людвига, а? Чутьочку любили его, а?..

Вошел лакей.

Господин Готлиб-старший просит господина Отто Зауера в кабинет.

Зауер кивнул головой Эльзе и неохотно вышел из комнаты. Оставшись наедине с Эльзой, Людвиг Штирнер вдруг стал серьезным.

— Это решено, фрейлейн Глюк?

— Да, это решено.

Штирнер задумался. Потом спросил:

— А я? Я не имею у вас ни малейших шансов на успех?

— Теперь меньше, чем когда-либо... Послушайте, Штирнер, вы, как мне кажется, единственный человек, который может рассеять туман во всем этом деле. Ответьте мне на несколько вопросов.

— Я вас слушаю.

— Можете ли вы объяснить мне тайну завещания?

— Она умерла вместе с Карлом Готлибом.

— Этот ответ не совсем удовлетворяет меня. И еще один, самый тяжелый вопрос: существует ли связь... между составлением завещания и внезапной смертью Карла Готлиба?

— Самая тесная: как только умер Готлиб, стало возможным предъявить завещание к утверждению и вступить в права наследства, — это вам скажет каждый юрист.

— Или вы не хотите меня понять...

— Или вы из деликатности выражаетесь слишком туманно. Говорите прямо: не являюсь ли я виновником смерти старика?

Эльза покраснела.

— Вы сами виноваты, Штирнер. Помните, вы называли честность пороком... И мне трудно примириться с мыслью, что среди знакомых, которым пожимаешь руку...

— Есть рука, обогреть кровью невинного младенца шестидесяти лет? И с такими руками я осмеливаюсь просить вашей руки...

— Послушайте, Штирнер, где же вы? Так нельзя. Мы давно ждем вас, — проговорил Оскар Готлиб, появляясь в дверях комнаты.

Штирнер неохотно поднялся и вышел.

— О чем он с тобой так долго говорил? — подбежала к Эльзе любопытная Эмма.

— Он мне предлагал руку, сердце и земной шар в виде свадебного подарка.

— И что же ты? Два предложения в один день! Счастливая!..

— Эмма, ты знаешь, я отказалась от наследства, — сказала Эльза.

Эмма широко раскрыла свои глаза.

— Ну и ты не умней Штирнера!..

У. ЗАПУТАННАЯ ИСТОРИЯ

Оскар Готлиб не умер, но неожиданная потеря наследства, которое ушло из его рук, потрясла его старый организм. С осунувшимся, почерневшим, опухшим лицом сидел он в кабинете известного адвоката Людерса и говорил, склонив голову набок и нервно покручивая в руках карандаш.

— Это дело о наследстве — какая-то сплошная чертовщина и нелепица. Может быть, мой сын Рудольф прав, утверждая, что тут одна шайка. Шайка преступников или сумасшедших. Судите сами. На другой день после вскрытия завещания я пригласил к себе Отто Зауера, юрисконсульта моего покойного брата, чтобы переговорить с ним о деле. Зауер, как близкое доверенное лицо покойного Карла, мог, как мне казалось, пролить свет на эту невероятную историю завещания. Но Зауер или действительно ничего не знал об изменении завещания, или не хотел мне говорить правды. Зато Зауер неожиданно сообщил мне другую новость — что Эльза Глюк отказывается от наследства. Я вызвал к себе Глюк, и она подтвердила это. У меня как камень свалился с сердца. Не прошло, однако, нескольких дней, как завещание было предъявлено в суд к утверждению тем же Зауером по доверенности Эльзы Глюк. «Что же вы делаете?» — спросил я его. Зауер пожал плечами: «Наследница изменила свое намерение».

— А Эльза Глюк? С ней вы говорили еще раз? — спросил адвокат, попыхивая сигарой.

— Говорил. Она произвела на меня странное впечатление. Какое-то каменное спокойствие на лице, тусклый взгляд, вялые движения, будто она не выпалась. «Фрейлейн Глюк, — говорю ей, — ведь вы же не отказались от завещания?» — «Не знаю, не помню... может быть», — вяло ответила мне она. «Так зачем же вы подали завещание к утверждению?» Она удивленно смотрит на меня и молчит, молчит, как убитая. Так я мучился с ней около часа. А потом она вдруг поднялась и, ни слова не говоря, вышла.

— Может быть, она изменила свое решение под влиянием жениха? — спросил адвокат. — Ведь Зауер ее жених?

— Я тоже так думаю. Но удивительно, что и этот жених тоже выглядит каким-то помешанным. Он мрачен, как туча, будто получение огромного наследства — страшное

несчастье. Зауер мрачен, зол и раздражителен. Или он хороший актер, или они все там помешались...

Но как бы то ни было, — продолжал Оскар Готлиб, положив карандаш в карман и тотчас вынув его обратно, — завешание предъявлено, и надо бороться. Как ваше мнение, господин адвокат?

Людерс откинул на спинку кресла голову без единого волоска на розовом черепе и, следя за тающим кольцом дыма, начал говорить, как бы рассуждая сам с собой:

— Опровергнуть завешание в искомом порядке по формальным основаниям нельзя: завешание совершено нотариальным порядком, с соблюдением всех законных требований. Протоколом судебного и полицейского дознания установлено, что смерть Карла Готлиба явилась результатом несчастного случая, исключаящего злой умысел. Что же остается нам? Доказывать ненормальность завещателя в момент составления завешания. Это единственный, но и весьма шаткий путь...

Пустив новое колечко дыма, Людерс обратился к Оскару Готлибу:

— Скажите мне по чистой совести, каковы были у вас отношения с покойным братом? Не было ли у вас... э... э... размолвок, неладов?

— Никаких! — решительно ответил Оскар Готлиб.

— Но этот намек во втором завещании? — спросил Людерс.

Оскар Готлиб покраснел и засерзал на стуле.

— Этот намек! Поймите, что этот намек и служит главной причиной моего желания предъявить иск о недействительности второго завешания. Этот намек позорит меня. Если не легко примириться с лишением прав на наследство, то еще тяжелее примириться с этой инсинуацией покойного... Я не знаю, чем она вызвана, но здесь какое-то недоразумение. Возможно, что кто-нибудь злонамеренно очернил меня в глазах брата...

— Да, запутанная история... — неспеша проговорил Людерс и, немного подумав, добавил. — Постараюсь сделать все, что можно, но за успех ручаться трудно.

И, пустив третье колечко дыма, знаменитый адвокат перешел на более легкую и приятную для него тему о гонораре.

VI. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Судебный процесс Оскара Готлиба с Эльзой Глюк возбудил большой шум. Головокружительный гонорар, который должен был в случае выигрыша дела получить знаменитый адвокат Людерс, огромная сумма, оставленная Готлибом по завещанию, неожиданность его посмертной воли, красота новоявленной наследницы, внезапная смерть Готлиба через месяц после составления завещания — все это служило неисчерпаемой темой для газетных заметок и в еще большей степени для обывательских разговоров. Высказывались самые невероятные предположения, велись горячие споры, заключались пари. Больше всего интересовались взаимными отношениями братьев Готлиб, а также отношением Эльзы Глюк к Карлу Готлибу и Зауеру. Какие нити связывали этих людей? Что произошло между Оскаром и Карлом Готлибом? Почему покойный лишил наследства своего брата? Этот вопрос интересовал и суд.

Иск Оскара Готлиба, построенный умелой рукой адвоката Людерса, основывался на том, что завещатель в момент завещания не находился в «здравом уме и твердой памяти». К доказательству этого были приложены все старания. Труп Карла Готлиба потревожили, и лучшие профессора произвели анатомирование мозга. В представленном по этому поводу в суд протоколе были очень подробно описаны вес, цвет мозга, количество мозговых извилин, начинающийся склероз, но основная задача была не решена.

Сделать прямые выводы о психической ненормальности Карла Готлиба эксперты не решались, хотя — не без влияния Людерса — и нашли «некоторые аномалии».

Но у Людерса про запас имелись еще хорошо подготовленные свидетели. С ними Людерсу оказалось управиться легче, чем с экспертами.

Карла Готлиба, стоявшего во главе огромного дела, окружало много людей. Среди них не трудно было наберечь свидетелей, готовых дать за приличное вознаграждение какие угодно показания. Руководимые опытной рукой, свидетели приводили много мелких случаев из жизни покойного, которые подтверждали мысль о том, что Карл Готлиб, возможно, был ненормален.

Главный бухгалтер рассмешил публику, описав одну

странность покойного: его чрезмерное, доходящее до мании, увлечение рационализацией. Карл Готлиб, например, устроил особый лифт, на площадке которого было установлено кресло, стоящее у его письменного стола. Лифт соединял три этажа. Готлиб нажимал кнопку, и из своей квартиры, находящейся во втором этаже, проваливался в первый, где помещался банк. Подписав бумаги или лично повидавшись в нужным клиентом, он возносился на своем кресле, подобно театральному божеству, во второй этаж, прямо к столу и продолжал начатую работу.

Готлиб не любил, чтобы во время его работы являлись слуги или служащие. «Это расстраивает работу мыслей», — говорил он. Поэтому по всему дому были проведены особые движущиеся бесконечные ленты — транспортеры. Если Готлибу нужна была книга из библиотеки или стакан кофе, он заказывал нужную вещь по телефону, и на бесшумно двигающейся ленте транспортера к его столу подъезжали поднос со стаканом кофе, книга, ящик с сигарами.

— Его увлечение гигиеной также граничило с манией, — говорил один из свидетелей. — Во всех комнатах были расставлены термометры, гигрометры и сложные аппараты, определяющие состав воздуха и очищающие его. Готлиб не признавал обычной вентиляции. «Наружным воздухом, отравленным пылью и бензиновой гарью, не очистишь воздуха в доме», — говорил он. И воздух очищался химически. Специально приставленное лицо следило за тем, чтобы температура неизменно стояла на двенадцати градусах Цельсия: летом она искусственно охлаждалась до этого предела, чтобы воздух был не сух и не влажен, чтобы в нем не убывал кислород и не появлялась углекислота; воздух искусственно озонировался.

Новые, более покладистые или лучше оплаченные Людерсом, эксперты-психиатры на основании этих показаний дали свое заключение с мудрым названием психоза покойного Готлиба.

Дело начало явно склоняться в пользу Оскара Готлиба. Оставался только один вопрос, осложнявший решение суда, — отношение Карла к Оскару. Правда, и по этому вопросу ряд свидетелей дал благоприятные показания, подтвердив наличие «братских чувств» между Карлом и Оскаром. Но разрыв между братьями мог произойти на какой-нибудь интимной почве, неизвестной даже близким

людям. К счастью для Оскара, доказать существование происшедшей между братьями ссоры никто не мог. Людерс уже предвкушал победу, мысленно распоряжаясь крупным гонораром. Дача в Ницце... Новый автомобиль... Мариэтт... Людерс улыбнулся и сощурил глаза, как кот. Ради этого стоило повозиться с экспертами и свидетелями!.. Людерс старался вовсю, внося в дело свои недюжинные способности и ораторский талант.

В тот день, когда суд должен был вынести решение, огромный зал суда не мог вместить всех желающих услышать приговор. Любопытные искали глазами Эльзу Глюк, но ее не было. Зауер защищал ее интересы.

Людерс превзошел себя и произнес блестящую речь. Он тонко анализировал показания свидетелей и экспертов, делал неожиданные сопоставления и выводы, блестяще отпарировал выступление мрачного Зауера. Несколько раз остроумные замечания Людерса покрывались аплодисментами публики, в большинстве, видимо, стоявшей на стороне «законных наследников», то есть Оскара Готлиба.

При всей внешней беспристрастности судей было видно, что и они склоняются в пользу Готлиба.

— Что касается отношений покойного Карла Готлиба к моему доверителю, Оскару Готлибу, — сказал в конце своей речи Людерс, — то, каковы бы они ни были, какое значение могут иметь симпатии и антипатии душевнобольного? Зауер говорит, что Карл Готлиб вел крупное дело. — Людерс пожал плечами. — История знает примеры, когда безумные короли управляли огромными государствами и народ даже не догадывался об этом...

Часть публики зааплодировала.

Председатель суда позвонил в звонок.

В этот момент со своего места поднялся Оскар Готлиб. Он имел какой-то сонный вид. С безжизненным лицом, волоча ноги, он равнодушно подошел к столу, за которым сидели судьи, и вяло сказал:

— Прошу слова.

Наступила глубокая тишина.

Как бы припоминая, с трудом подбирая слова, Оскар Готлиб проговорил:

— Неверно... Неверно говорил Людерс. Карл был нормален и здоров. И Карл по заслугам лишил меня наследства. Я виноват перед ним.

Зал наряженно затих.

Людерс растерялся, потом бросился к Оскару Готлибу и с раздражением дернул его за рукав.

— Что вы говорите? Опомнитесь! Вы губите все дело! Вы с ума сошли! — шипел он, задыхаясь, на ухо старику.

Оскар отдернул руку и с неожиданным раздражением крикнул:

— Что вы тут шепчете? Не мешайте! Уйдите! Я виноват перед Карлом... Я не могу говорить, в чем моя вина... Это дело семейное... Но и это неважно...

Даже судьи были поражены.

— Но отчего же вы только теперь говорите об этом? — спросил председатель суда.

— Потому теперь... потому... — Готлиб задумался, как бы потеряв мысль, потом продолжал: — Потому что я не знал, что некоторые обстоятельства стали известны покойному брату. Я узнал об этом только сегодня. Не я, а Эльза Глюк заслужила это завещание.

Судебный зал вдруг зашумел, как прорвавшаяся плотина.

Звон колокольчика председателя заглушался поднимающимися криками, Людерс был бледен; покачиваясь, подошел он к пюпитру и дрожащей рукой налил воды. стакан звенел о зубы, и вода пролилась на грудь.

Зауер казался удивленным не менее других.

А Рудольф Готлиб, красный, разъяренный, бросился к отцу и, тряся его за плечи, что-то кричал.

Но Оскар был безучастен ко всему.

Тогда Рудольф подбежал к судебному столу и, потрясая кулаками, покрывая шум зала, закричал:

— Неужели вы не видите, что он сошел с ума? Тут все или сумасшедшие, или преступники... Я этого так не оставлю!

Суд прекратил заседание. Председатель приказал очистить зал.

VII. ПРОПАВШИЙ НАСЛЕДНИК

В иске было отказано, завещание утвердили. Эльза Глюк становилась наследницей.

Ни Рудольф, ни Людерс, у которого сорвался огромный гонорар, не хотели примириться с этим. Но как быть?

Освидетельствовать Оскара Готлиба, признать его ненормальным и учредить над ним опеку в лице Рудольфа, чтобы иметь возможность апелляции?

Дело осложнялось тем, что Оскар тотчас же после суда исчез бесследно. Заочно объявить его недееспособным не представлялось возможным. Рудольф залезал в долги, швыряя деньги на поиски пропавшего отца, обещал крупную награду. Но отец не находился. Срок для обжалования близился к концу.

В отчаянии Рудольф бросился к Эльзе Глюк. Она еще не перебралась в дом Карла Готлиба, переходивший к ней по завещанию, но пунктуально являлась туда, не прекращая работы. В комнате личного секретариата Штирнер что-то диктовал ей, она записывала. Могло показаться странным, что она сидит за прежней работой, но Рудольф был в таком состоянии, что не обращал ни на что внимания.

— А, молодой человек, ну, как ваши дела? — спросил его Штирнер с улыбкой.

— Это вас не касается, молодой человек, — с раздражением ответил Рудольф, — мне нужно переговорить с фрейлейн Глюк! — И Рудольф вопросительно посмотрел на Штирнера, как бы приглашая его выйти. Штирнер прищурил один глаз.

— Кон-фи-денциально? Пожалуйста! — И он вышел.

Рудольф, взъерошив волосы, стал бегать по кабинету.

— Фрейлейн!.. Фрейлейн!.. — начал он и вдруг, закрыв лицо руками, заплакал навзрыд.

— Что с вами? — спросила Эльза, растерявшаяся от такой неожиданности.

Рудольф подбежал к ней, бросился на колени и, ломая руки, стал просить прерывающимся от слез голосом:

— Умоляю вас!.. Не губите меня. Откажитесь от наследства! Ну на что оно вам? То есть оно громадно, кто же откажется от богатства? Но ведь оно не для вас, я хочу сказать, вы ни при чем, оно к вам пришло неожиданно... Ах, у меня мысли путаются... А я?.. Я ведь только и жил мыслью об этом... Отец скопидом, дрожит над каждым грошом. Я наделал столько долгов... Вы! Почему вы? С какой стати вы? Ведь это же нелепо, ни с чем не сообразно, чудовищно! Ведь это... я не знаю, что говорю, но вы поймете, поймете и пожалеете меня... Откажитесь от наследства, иначе... я покончу с собой.

— Я не могу этого сделать, — спокойно ответила Эльза.

— Как не можете? Кто же вам может помешать? Разве вы не отказывались от него?

— Я не помню...

— Сжальтесь, сжальтесь, умоляю! Иначе я... кончусь... да, я уже говорил об этом... — Рудольф вскочил и трепля рукой свою рыжеватую шевелюру, вновь забегал по комнате. Он казался безумным. Вдруг он остановился и уставив взгляд в одну точку, сжал левой рукой подбородок. — Проклятие! Проклятие этим рыжим волосам, этому веснушчатому лицу! — И он дергал себя за волосы и бил по щекам. — Если бы я был хоть красив... А вы, вы прекрасны... Если бы я вам сделал предложение?

Эльза улыбнулась. Раскрасневшийся, с взлохмаченными рыжими волосами, он был необычайно смешон в эту минуту.

— Благодарю вас, но у меня есть жених.

— Конечно, чепуха. Я просто с ума схожу и выбалтываю свои мысли. Вы прекрасны, но не вы, ваше богатство нужно мне. Я, однако, не мог думать, чтобы такая красота могла быть такой недоброй и... корыстной! — добавил он желчно после короткой паузы.

Эльза нахмурилась.

— Я не корыстна.

— Тогда что же мешает вам отказаться от наследства и сделать меня и моих сестер счастливейшими людьми?

Подбежав к ней, он вдруг схватил ее за руку и, глядя прямо в глаза, со всей силой ненасытного желания, задыхаясь, молвил:

— Откажитесь! Откажитесь! Откажитесь!..

По спокойному лицу Эльзы прошла тень. Брови нахмурились, в ней как будто поднималась борьба.

Рудольф, несмотря на все свое волнение, заметил это и начал просить с удвоенной силой.

Но в этот момент лицо Эльзы вновь приняло спокойное выражение, веки полузакрылись, и она тихо, но решительно сказала:

— Пустите, — высвободила руки и, ни слова больше не говоря, пошла к двери.

— Куда же вы? Подождите! — Рудольф бросился за Эльзой, пытаясь ухватить ее за руку. Но в этот момент дверь комнаты открылась, вбежала собака и с угрожающим

ворчанием стала между Рудольфом и Эльзой. Вслед за собакой появился Штирнер.

— Э, это уже нехорошо! — сказал он. — Кто же хватает за руки чужих невест?

Рудольф стоял, дрожа как в лихорадке, и мерил Штирнера недружелюбным взглядом. Штирнер спокойно и насмешливо смотрел на него. Рудольф топнул ногой, быстро повернулся на каблуках и выбежал из комнаты.

Прыгнув в автомобиль, он стал бормотать, как в бреду:

— Все погибло! Все погибло!

— Куда прикажете? — спросил шофер.

— Все погибло! Все погибло!

— Куда прикажете? — спросил шофер.

— Все погибло! Все погибло! К Людерсу...

С этими же словами — «все погибло»! — он вбежал в кабинет Людерса, не обращая внимания на клиентку, которая сидела у адвоката.

— Людерс! Все погибло... Она отказала... Эльза отказала по всем пунктам, этого и надо было ожидать... Завтра истекает срок на подачу апелляции. Отец пропал... Если бы мы хоть знали, что он умер... Но нет, и тогда было бы поздно!.. Опекун не учредишь в несколько часов... Все погибло... Остается одно: подать апелляцию... Доверенность моего отца на ваше имя не уничтожена...

— Но это безнадежно при наличии в деле заявления Оскара Готлиба.

— Все равно, подавайте!.. Может быть, отец найдется к тому времени, когда дело будет пересматриваться.

Людерс пожал плечами, но подумал, что, пожалуй, это и верно. Главное — не пропустить срока, а там обстоятельства могут повернуться иначе.

Апелляция была подана. Но Оскар Готлиб по-прежнему не подавал о себе никаких вестей. Все способы проволочек были исчерпаны, дело было проиграно Готлибами во всех инстанциях.

Эльза Глюк вступила в права наследства.

VIII. СТЕКЛЯННЫЙ ДОМ

Увлечение покойного банкира рационализацией сказалось и на архитектуре его дома, построенного по последнему слову американизованной строительной техники. Кра-

сота этой новой архитектуры определялась новым каноном утилитаризмом. Весь огромный, растянутый в длину трехэтажный дом Готлиба был сделан из железа, стекла и бетона и внешне был скучно прямолинеен, как разграфленный лист гроссбуха. Ни одной радующей глаз кривой линии, ни одного украшения. Огромные стекла во всю стену придавали дому вид какого-то гигантского аквариума. Казалось, стекла были слишком хрупкой защитой для миллионов, которыми ворочал банк Готлиба. Но «золотые рыбки» этого аквариума хранились глубоко на дне его — в подземном этаже. Сталь и бетон этого казнохранилища способны были выдержать налет не только земных, но и воздушных бандитов. Сотни автоматических звонков и световых сигналов, особые перископы, дающие возможность находящимся в первом этаже сторожам видеть, что делается в подвале, автоматически захлопывающиеся двери, электрические заградители и киноаппараты обрекали на неудачу всякую попытку проникнуть сюда силой или хитростью. В свое время Готлиб немало бросил денег на то, чтобы через репортеров, описывающих все эти чудеса заградительной техники, оповестить весь мир о неприступности его банковской твердыни и отбить охоту любителей легкой наживы проникнуть в подвалы. И действительно, за десять лет был только один случай покушения, и он окончился очень плачевно для смельчаков: двое взломщиков, лучшие специалисты своего дела, были захлопнуты автоматической дверью, как мыши в мышеловке.

Автоматически приведенный в действие киноаппарат заснял это происшествие, и картина демонстрировалась во всех кинематографах, как образец наказанного порока. Правда, злые языки утверждали, что все это ограбление было инсценировано самим Готлибом, пригласившим за приличное вознаграждение известных «артистов» уголовного мира и обещавшим им выход на свободу, когда шум вокруг дела утихнет, но тем не менее картина возымела действие. Банкир и его вкладчики спали спокойно.

В первом, надземном этаже помещался банк со всеми его отделениями. Здесь же помещались вооруженные сторожа, в которых, в сущности, не было и нужды. Но банкир содержал довольно большой штат их «для декорации».

Квартира Готлиба помещалась во втором этаже, где середину занимали гостиная, приемная, личный секретарь

риат и кабинет. Правый конец здания был разделен на две комнаты, соединенные с кабинетом; в одной помещалась спальня Готлиба, в другой жил Штирнер. Эти комнаты Штирнер держал всегда на запоре, не допуская туда служащих даже для уборки. В левом же конце этажа помещался «зверинец» Штирнера: его ученые собаки, волки, свиньи, кошки и медведь. Все они жили совместно в трогательном единении. Бросив ученую карьеру, Штирнер продолжал «по-любительски», как говорил он, изучать психологию животных.

Почти две трети верхнего, третьего, этажа, его середине, занимала картинная галерея — гордость Готлиба и предмет шуток и острот знатоков. Здесь в таком же трогательном единении, как звери Штирнера, бок о бок уживались подлинный Андреа дель Сарто с грубо поддельным Корреджио, мазня неизвестного дилетанта с карандашным рисунком Леонардо да Винчи. Все картины были расставлены на станках, расположенных в ряд перпендикулярно стеклянным стенам: Готлиб называл это «рационализацией освещения». Середина зала была пуста, если не считать стоявшего на помосте рояля. Для торжественных обедов приносились из кладовых какие-то замысловатые раскладные рационализированные Готлибом столы, которые в сложенном виде занимали очень мало места, но собрать их было истинным мучением: слуги выходили из себя, когда им приходилось складывать бесконечные кусочки, доски, бруски... Эта работа напоминала китайскую головоломку. Отдельные части, неверно пригнанные, рассыпались, не слушались, не входили в пазы. Слуги нервничали, Готлиб еще больше.

— Ну, как же вы не понимаете? Это так просто! — И он подбегал сам, складывал, выдергивал, подставлял, ронял, ушибался и сердился больше всех.

Теперь с этим было покончено. Столы мирно почивали в разобранном виде, как и их разобранный на части несчастный хозяин. Зал был пуст. Поэтому приятно было отсюда войти в смежный зимний сад. Широкие листья пальм покрывали большой аквариум. Выющиеся растения оплетали искусственный грот. Яркие орхидеи радовали глаз пестротой красок.

Уютные диванчики между лаврами и цветущими олеан-

драми давали возможность отдохнуть и послушать певчих птиц, летавших на свободе.

К другому концу зала примыкала библиотека, которая находилась над двумя кабинетами Готлиба, помещавшимися во втором и первом этажах. Все эти три комнаты соединялись лифтом с установленным на нем креслом. В библиотеку, состоявшую исключительно из роскошных изданий в дорогих, тисненых золотом переплетах. Готлиб любил «взлетать» на своем подъемном кресле после работы, чтобы выкурить здесь сигару. Но книг он не читал. Изредка вынимал он какую-нибудь из них, раскрывал и разглядывал рисунки.

— Маки домовая, *Tarsus spectrum*.. Бывают же такие несуразные животные! Прямо в очках! Фу, гадость, еще во сне приснится! — И он захлопывал книгу и сладко потягивался после трудового дня.

Две крайние комнаты пустовали. Одна из них находилась над спальней покойного Готлиба, другая — над комнатой Штирнера.

В эту последнюю комнату Штирнер ввел Эльзу, когда осмотр дома был окончен.

— Вот и все ваши владения. Я думаю, что вам здесь будет хорошо. Здесь много света и воздуха, как, впрочем, и во всем доме, недаром у вашего завещателя был такой прекрасный, свежий вид и румяные щеки.

При упоминании о завещателе Эльза вздрогнула, и легкая тень пробежала по ее лицу.

Штирнер нахмурился.

— Эльза, — серьезно сказал он, — неужели все это вас не радует? Ведь вы сейчас одна из богатейших женщин в мире. Вы можете исполнить всякий ваш каприз. Если вам не нравится этот дом, вы можете остановиться в любом из двадцати шести домов, принадлежащих вам теперь в городе, вы можете жить в ваших виллах в Ницце, в Ментоне, в Оспидалетти, на Майорке, в Алжире, я уж не помню где... — О чем-то подумав, он продолжал: — Но вам здесь должно понравиться.

— Да, мне здесь должно понравиться, — как эхо, прозвучал ответ Эльзы.

— В соседней комнате будет помещаться ваша прислуга. В этой комнате, как и везде, электрических звонков больше, чем в мебели обойных гвоздиков, а телефонов еще

больше, чем звонков... Не сходя с кресла, вы можете потребовать все что угодно. Чашка кофе сама подъедет к вам на транспортере... До скорого свидания!

Когда он ушел, Эльза устало опустилась в кресло и, склонив голову, закрыла лицо руками. Где-то далеко пробили часы, и звон их гулко разнесся по пустому залу.

Эльза долго сидела неподвижно.

Она думала о своей жизни, так странно сложившейся. Дочь бедных родителей, круглая сирота, она рано узнала нужду. Еще девочкой она была необычайно красива. Эта красота принесла ей в жизни много радостей и много горя. Одна состоятельная старушка, фрау Беккер, одинокая вдова, увидя в приюте красивого ребенка, взяла девочку к себе. В то время Эльзе было двенадцать лет. До семнадцати она прожила у фрау Беккер. Эти пять лет были лучшими в ее жизни. Старушка любила ее, даже баловала, дала хорошее образование, и Эльза привязалась к ней, как к матери. Но старушка неожиданно умерла, не оставив завещания. Родственники бросили Эльзе подачку в такой оскорбительной форме, что она отказалась от их помощи и взялась за работу. Прошло два тяжелых года, в продолжение которых ей пришлось узнать свет с неприглядной стороны. При ее красоте ей не трудно было получить место в магазине, и она находила эти места, но быстро бросала их из-за слишком открытых признаний ее красоты со стороны хозяев. Она решила перейти на другую работу. Вечерами изучала она стенографию, и, когда изучила, ей посчастливилось поступить к Готлибу. Здесь же она познакомилась с Зауером и полюбила его за одно то, что он с уважением относился к ней и был всегда корректен и выдержан.

Получение наследства выбило ее из колси.

Она никак не могла понять, как и почему она приняла наследство, после того как решила отказаться от него.

— Почему? Почему? — спрашивала она себя.

Вдруг лицо ее стало спокойным. Глаза полузакрылись. Так она просидела несколько минут. Наконец она вздохнула полной грудью, как человек, вышедший из душного помещения на свежий воздух. С удивлением она чувствовала, что от ее смутной тревоги и тоски не осталось следа. Она встала, сладко потянулась, как бы разминая затекшие члены, и с любопытством осмотрела комнату.

— Право, здесь очень занятно. Какой интересный рисунок на ковре! А сколько света! Как легко дышится!

Она глубоко вздохнула и с новым чувством какого-то обостренного любопытства стала осматривать свое новое помещение: библиотеку, картинную галерею и чудесный зимний сад.

— И это все мое!..

В первый раз она подумала: «А ведь Штирнер прав! Какая я счастливая!..»

IX. ПЯТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ ПРИБАВКИ

Штирнер, оставив Эльзу, быстро спустился во второй этаж. В комнате личного секретариата он застал Зауера, Эмму Фит и старушку экономку фрау Шмитгоф.

Зауер смотрел на него недружелюбно, Фит и Шмитгоф — с тревогой.

После того как Эльза Глюк стала полноправной хозяйкой, все они не знали, как сложатся их дальнейшие отношения.

— Здравствуйте, господа! — оживленно сказал Штирнер. — Я от новой хозяйки! Не беспокойтесь ни о чем: вы все останетесь, я уже говорил с Эльзой... фрейлейн Глюк... Работы у нас теперь будет много... Наша прекрасная хозяйка не знакома с банковским делом, и на нас — главным образом на меня и вас, Зауер, — выпадает тяжесть управления делами банка Эльзы Глюк.

— Прошу за меня не решать и не определять моих обязанностей, — желчно сказал Зауер.

— Да... Но как же иначе? Ну, мы еще поговорим. Меня ждет одно неотложное дело.

Штирнер быстро прошел в кабинет, что-то написал на письменном столе Готлиба, спрятал написанное в ящик стола, запер на ключ и прошел в свою комнату. Скоро он вышел обратно и вновь уселся за письменный стол Готлиба.

В кабинет вошла Эльза, а вслед за ней явились Зауер, Фит и Шмитгоф.

Эмма и экономка благодарили Эльзу за то, что она оставляет их у себя.

— А! Фрейлейн Глюк, очень рад, что вы пожаловали ко мне! — сказал Штирнер. — Как вы чувствуете себя?

— Благодарю вас, хорошо.

— Вам понравился дом?

— Очень! — ответила она оживленно. — Весь верхний этаж залит солнцем. Кажется, будто плаваешь в солнечном оксане. А этот зимний сад — очаровательный уголок. Правда, нет нужды ездить в Ниццу, имея недалеко это зеленое убежище!

— Отлично! Значит, все в порядке? — весело улыбнулся Штирнер.

На Зауера неожиданное оживление и жизнерадостность Эльзы произвели обратное впечатление. Он насторожился, подозрительно посмотрел на нее и стал кусать губы.

— А теперь будьте любезны снять с ваших плеч деловую обузу, — сказал Штирнер. — Согласно вашему желанию, я заготовил полную доверенность на мое имя... Будьте добры подписать ее.

Зауер, Шмитгоф и даже наивная Фит были удивлены. Всем казалось естественным, что доверенность будет дана Зауеру — жениху Эльзы, или по крайней мере управление делами будет разделено между ним и Штирнером.

— Да, да, — охотно ответила Эльза и взяла перо.

— Одну минутку! — Штирнер позвонил, и в комнату вошел старичок нотариус с двумя свидетелями.

— Извините, — встретил его Штирнер, — что мы беспокоим вас, приглашая, по старой памяти, на дом...

Старичок любезно закивал головой.

Эльза подписала доверенность. В несколько минут формальности были закончены.

— Надо, чтобы все было по форме. Благодарю вас! Вы свободны, — сказал Штирнер.

Нотариус, Фит и Шмитгоф вышли.

— Вы, Зауер, остаетесь юрисконсультom. Но наш новый банкир добрее старого и увеличивает ваше жалование на пятьдесят процентов. Вы так, кажется, распорядились?

— Да, да! — ответила Эльза.

— Благодарю вас за честь, но я отказываюсь от ваших прибавок и от места... — ответил позеленевший Зауер.

— Но почему, Отто? Ты шутишь! — спросила Эльза, глядя на жениха.

— Ну, вы тут договаривайтесь с хозяйкой, а мне некогда. Надо спуститься в банк, благо старик Карл изобрел такой хороший способ сообщения.

И, нажав кнопку, Штирнер провалился в люк.

— Ты шутишь, Отто? — повторила Эльза, оставшись одна с Зауером, и ласково прикоснулась к его руке.

Зауер брезгливо отдернул руку и поморщился.

— Не знаю, кто из нас шутит... Мне кажется, что вы, фрейлейн Глюк...

— Отто!..

— Но только ваши шутки похожи на издевательство... Издевательство над человеческим достоинством, любовью, доверием, дружбой.

Зауер заговорил с обидой в голосе:

— Эльза! Что с тобой, Эльза? Ты уверяла меня, что откажешься от наследства, и ты обманула меня... Зачем?

— Отто, но разве ты не понимаешь, что так надо было? И не ты ли сам выступал на суде от моего имени?

— Да, я выступал... Я не знаю, почему я выступал... Это какое-то бесовское наваждение... Впрочем, ты просила меня, и я сделал... Ведь я ни в чем не могу отказать тебе... Но ты? Ты обманула меня! Ты стала миллионершей и опять разбудила во мне всех демонов сомнений, которые терзают меня. Это наследство позорит тебя, пытается нашу любовь. И это еще не все: ты вдруг выдаешь доверенность Штирнеру!.. Какие новые черные подозрения пробуждаешь ты?... Ты с ним заодно. Ты... близка ему! Ты соучастница его преступлений. Ты дурачила меня как мальчишку.

— Отто!

— Молчи! Неужели ты не понимаешь, что вокруг твоего имени сплетут легенды, тебя смешают с грязью, и эта грязь долетит сюда с улиц, в эти золотые хоромы — они не защитят тебя. Ты живешь с ним в одном доме, ты...

— Успокойся, Отто, умоляю тебя!

— Нет, не успокоюсь!.. Тебе всего этого оказалось еще мало. Ты хочешь унижить меня, предлагаешь пятьдесят процентов прибавки. Ха-ха-ха! Любовь и достоинство за пятьдесят процентов!

Зауер закатился истерическим смехом и не мог сдержаться.

Потрясенная Эльза беспомощно смотрела на него. В ней происходила ужасная борьба. Наконец нервы ее не выдержали, и она расплакалась.

Зауер утих, нервно всхлипывая, и от времени до времени тяжело вздыхал.

— Как я несчастен... как я несчастен!.. — тихо говорил он, сидя на кресле и положив голову на руки.

Эльза подошла и обняла его.

— Отто, неужели ты думаешь, что я такая дурная? Ведь я же люблю тебя! Ну успокойся, милый мой, родной... Я все сделаю, как ты скажешь...

— Правда?

— Правда, — твердо ответила Эльза. — Не вини меня, я сама не знаю, как все это произошло...

Зауер поднялся. Вслед за ним поднялась и Эльза.

— Мне не надо богатства, я люблю тебя, только тебя, — сказал он, сжимая ее руки. — И ради моей любви я требую: завтра же, слышишь, завтра, не позже, мы обвенчаемся с тобой, и завтра же ты выгонишь из дома проклятого Штирнера со всеми его собаками!

— Я согласна.

— Эльза!

— Отто!..

Площадка лифта бесшумно поднялась.

— Ого! Целуются! — вдруг услышали они за собой насмешливый голос Штирнера и, оторвавшись друг от друга, оглянулись. — Какая трогательная сцена!

Штирнер сидел за письменный стол, покуривая сигару.

— Вы здесь зачем? — негодуя воскликнул Зауер.

— По долгу службы, — насмешливо ответил Штирнер. — Доверие, которым облекла меня наша хозяйка...

— Наша хозяйка изменила свое решение и дает вам полный расчет, — перебил его Зауер, — доверенность на ваше имя будет уничтожена. В вознаграждение же за ваши заслуги вам будет выдано полностью двухмесячное содержание с надбавкой пятидесяти процентов.

— Придется мне открывать бродячий цирк, — сказал Штирнер, почесав лоб.

Но, оставшись один, он нахмурился, вынул из ящика стола какие-то чертежи, просмотрел их, сердито проворчал что-то, поспешно вошел в свою комнату и надолго заперся в ней.

Х. «ДЕВУШКА С РАЗБИТЫМ КУВШИНОМ»

Прошел месяц. Эмма Фит сидела на своем обычном месте и писала на ремингтоне.

Зауер, побледневший, небрежно причесанный, небритый, долго ходил большими шагами по кабинету, искоса поглядывая на Эмму. Потом он подошел к ней и, покачиваясь из стороны в сторону, в упор стал смотреть ей в лицо.

Резвые пальцы Эммы начали делать перебои на клавишах ремингтона. Она покраснела под пристальным взглядом Зауера и, не прерывая работы, спросила:

— Почему вы так смотрите на меня, господин Зауер, как будто никогда не видали? Вы мешаете мне работать...

— Фрейлейн Эмма, а ведь вы прехорошенькая!

Эмма покраснела еще больше, но попыталась сделать вид, что не расслышала его слов.

— Странное дело! — продолжал Зауер. — Более года, как вы здесь служите, я встречаюсь с вами каждый день, но только за последний месяц у меня как будто открылись глаза: приятный овал лица, мягкие волосы, к которым хочется прикоснуться и погладить, изумительные глаза! В них детская наивность и лукавство маленького бесенка. Вы живая «Девушка с разбитым кувшином».

— Я не разбивала никаких кувшинов.

— Это картина Греза. А вы...

— Перестаньте, Зауер.

Эмме было приятно слушать Зауера, но она скрывала свои чувства, боясь гнева Эльзы. А Эльза уже не раз заставляла их за такой беседой. Эльза с достоинством проходила мимо, но Эмма чувствовала, что ее «хозяйка», как шутя теперь она звала ее, все видит и понимает.

— Господин Зауер, я не узнаю вас!

— Я сам не узнаю себя, деточка. Философы уверяют, что познать самого себя — самая трудная задача в мире...

Зауера действительно нельзя было узнать.

Корректный, аккуратный, педантичный Зауер перестал, чего никогда не было раньше, заботиться о своей внешности, начал ходить по ресторанам, покушивать в подозрительной компании, халатно относиться к делу.

— Вот что, дорогая фрейлейн Фит, довольно вам трещать на этом неблагодарном музыкальном инструменте. Пора кончать. Идемте наверх, я покажу вам в зимнем саду

новых золотых рыбок в аквариуме. Их недавно выписал Штирнер в подарок нашей хозяйке.

Эмма колебалась.

Зауер, улыбаясь, многозначительно посмотрел на дверь кабинета.

— Бойтесь хозяйки?

— Эмма вспыхнула и поднялась.

— Только на одну минуту! Я спешу домой...

Но эта минута длилась более получаса.

Зауер болтал и любезничал без умолку. Эмма краснела от тайного страха быть застигнутой. Посмотрев на часы, Эмма вдруг поднялась.

— Боже, я опоздала!.. — И она, поправляя прическу, вышла из зимнего сада в пустынный зал.

— Послушайте, Эмма, едем сегодня с вами в театр, а вечером поужинаем в «Континентале» и слушаем джаз-банд.

Эмма, привыкшая видеть Зауера серьезным, не могла удержаться от смеха. Зауер подхватил ее под руку и, скользя по паркету, повлек к выходу.

Эту сцену наблюдала Эльза, стоявшая меж станками картин. Она часто бродила по галерее.

Когда Зауер и Эмма удалились, побледневшая Эльза вышла из своего угла, опустилась на скамейку перед аквариумом. Журчал фонтан, золотые рыбки медленно двигались за зеленью стекла, всплывали на поверхность и пускали пузырьки воздуха. Было тихо. Птицы сидели на ветвях, нахохлились, как под дождем.

Эльза опустила голову и увидела лежащий на полу портфель из желтой кожи, с серебряными инициалами «О.З.».

В то же время она услышала приближающиеся шаги.

«Отто Зауер забыл портфель и идет за ним», — мелькнула у нее мысль. Она хотела скрыться в грот, чтобы не встречаться с ним, но, подумав, осталась на месте.

Зауер вошел, напевая шансонетку. Увидав Эльзу, он сделал удивленное лицо, немного смутился, но тотчас принял непринужденный вид.

— А! Изволите прогуливаться по садам? Как вам нравятся золотые рыбки? Я думаю, под хорошим соусом они очаровательны.

Но Эльзу не рассмешила шутка.

— Послушайте, Зауер, что все это значит?

— О чем вы говорите, повелительница?

— О том, что было здесь сейчас, и вообще о всем вашем поведении за последний месяц.

Зауер покраснел.

— Фрейлейн Глюк, я могу задать вам тот же вопрос. Что значит ваше поведение? Вы исполнили ваше обещание? Разве вы уже моя жена, а Штирнер уволен? На каком основании вы предъявляете права на свободу моих поступков?

— Никаких прав я не предъявляю. Я не отказываюсь от своих обещаний, хотя и не выполнила их.

— Почему?

Эльза смутилась в свою очередь. Почему? Она сама не знала. Здесь опять был провал в ее сознании. И она испытала знакомое уже ей неприятное ощущение утраты памяти. Ее мысль билась о невидимую преграду, как муха о прозрачное стекло. Эльза опустила голову и молчала.

А Зауер пылливо рассматривал черты ее лица и ее фигуру и думал удивляясь:

«И как только я мог любить ее? Ничего особенного! Таких красивых живых манекенов сколько угодно в любом магазине модного платья. Ее шея красива, но несколько длинна. Странно, что я не замечал этого раньше. А эти узкие плечи... А родинка у левого глаза — она совсем не на месте. Эта родинка решительно портит ее!...»

— Вы не отвечаете!.. Вам нечего сказать?

Наконец Эльза ответила:

— Но ведь и вы не оставили службу. Почему?

Она попала в больное место Зауера. Он действительно не ушел по непонятной для него самой причине. Месяц тому назад, как-то неожиданно для самого себя, Зауер охладел к Эльзе и воспламенился любовью к Эмме. Временами он чувствовал тяжесть этого, как и других своих поступков: такой разлад с самим собой выбивал его из колеи. Он испытывал как бы раздвоение личности, и это мучило его. Чтобы забыться, он начал кутить и вести рассеянный образ жизни.

Но ему не хотелось признаться в том, что он сам себе не может ответить на вопрос, почему он не уходит из этого дома. Это раздражало его, и он повернул вопрос в другую сторону.

— А, так вам хочется поскорее избавиться от меня? Теперь все понятно!..

Эльза с укором посмотрела на него.

— Отто, вы опять будете оскорблять меня?

— Будьте совершенно покойны! Мы в достаточной степени измучили друг друга, и нам пора прекратить эту игру. Если хотите знать, я не ухожу отсюда потому, что люблю Эмму Фит. Да, люблю и сегодня же сделаю ей предложение!

Это объяснение казалось ему наиболее правдоподобным, хотя где-то в подсознании он и чувствовал, что обманывает себя: разве не мог он уйти вместе с Эммой?

Эльза откинулась на спинку и только тихо сказала:

— Отто!..

Наступило молчание. В душе Зауера шевельнулось что-то похожее на жалость. Но тотчас промелькнула мысль: лжет, притворяется, как всегда. И он стал говорить с раздражением:

— А чего же вы от меня ожидали? Недоставало, чтобы я согласился играть роль чичисбея, как это водилось когда-то в Венеции!.. Официальный друг дома! От этой почетной должности отказываюсь. При вашем богатстве найдутся другие охотники. А меня увольте. Эмма Фит с неба звезд не хватает, миллиардами не ворочает, вся ее душа состоит из одной простенькой пружинки, но эта девушка сумеет быть честной женой.

Эльза не возражала, склоняя голову все ниже, как под ударами бича.

Зауер поднял портфель.

— Зауер беден, но Зауера нельзя купить за пятьдесят процентов прибавки к жалованью! Простите, меня ждут.

И, преувеличенно любезно раскланявшись, он вышел. Шаги его четко отдавались в огромном зале.

Эльза сидела как пришибленная. Бой часов привел ее в себя.

Она вздрогнула.

— Пять часов. Как поздно!

Сгущались зимние сумерки.

Эльза вышла в зал и огляделась по сторонам. Случайно ее взгляд скользнул по роялю; вдруг ей захотелось играть. Она подняла крышку инструмента, уселась и заиграла.

Ей казалось, что еще никогда она не играла с такой охотой...

Вдруг она вздрогнула.

Прямо перед собой она увидела лицо Штирнера. Когда он вошел?.. Он стоял, прислонившись к роялю, и глядел на нее. Его лицо было бледнее обыкновенного, серьезно и печально. Тонкие губы нервно вздрагивали.

Эльза вскрикнула и прекратила игру.

— Играйте, прошу вас! — сказал он искренне и просто. Эльза, оправившись от испуга, продолжала. Он некоторое время внимательно слушал игру, а потом медленно и тихо стал говорить: — Как прекрасно вы играете! Это «Лебедь»? «Лебедь» Сен-Санса... Говорят, лебедь поет перед смертью... Но лебеди живут долго, очень долго и преждевременно умирают только смертельно раненные. Неужели и вы ранены? Кем? разве стоит он того, чтобы из-за него умирать?

— О ком вы говорите? — спросила Эльза, переставая играть и опуская руки на колени.

— О нем, о Зауере! Разве это секрет?

В Эльзе заговорила гордость женщины.

— Господин Штирнер, — сухо сказала она, поднимаясь из-за рояля, — я вас прошу не вмешиваться в мои личные дела!

— Да ведь это и мои личные дела, фрейлейн Эльза, ведь вы знаете, что я люблю вас!

— Но вы знаете, что я не люблю вас.

— В этом, увы, все несчастье... мое и ваше, да, да, и ваше, хотя вы и не понимаете этого. Как бы все было великолепно, если бы вы любили меня! Если бы вы *сами* полюбили меня, — многозначительно сказал Штирнер.

— А как иначе можно полюбить?

Штирнер не ответил.

— Послушайте, Эльза, давайте поговорим серьезно. В этом рационализированном зале негде даже присесть... Пройдемте в зимний сад, прошу вас!

Они уселись на той же скамье, на которой только что сидела Эльза.

— Вы прошли тяжелую школу и знаете жизнь, — начал Штирнер. — Вы знаете, как трудно красивой бедной девушке честно заработать кусок хлеба. Теперь вы богаты. Но и богатство имеет свои неприятности. Для мужчины вы

становитесь приманкой вдвойне. На красоту очень часто зарятся донжуаны и ловеласы, на богатство — подлецы и проходимцы. Вы не гарантированы теперь, что ваш избранник будет любить вас, а не ваше богатство. Что ожидает вас тогда? С Зауером кончено. Вы одиноки. Посмотрите на вещи трезво. Почему бы мне и не стать вашим мужем? Вы не любите меня. Но, говорят, наиболее счастливые браки те, где сватом бывает не любовь, а разум. Вы можете полюбить меня позже, такие случаи не редки... И потом... У меня огромное дело, грандиозные планы, а ваше отношение ко мне связывает меня, не дает возможности развернуться во всю ширь, отдаться всецело работе... В последний раз говорю вам: решайте!

Эльза отрицательно покачала головой.

— Нет, нет! — поспешно сказал Штирнер. — Не говорите мне сейчас ничего. Обдумайте все способы, взвесьте мое предложение и дайте мне ответ... Сегодня у нас четверг... в воскресенье вечером, в шесть часов. Это последний срок!

Поклонившись, Штирнер вышел.

Часы гулко пробили шесть.

XI. НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Наутро Эльза проснулась с давно уже покинувшей ее ясностью мысли. Ей надо было решить — принять ли предложение Штирнера или отказать ему. Почему ей непременно надо было решить это, она не интересовалась. После утреннего завтрака Эльза уселась в своем любимом уголке зимнего сада, перед аквариумом, чтобы принять окончательное решение.

Однако ей помешали. Вошел слуга и доложил, что ее ожидает в приемной Оскар Готтлиб, который очень просит принять его.

«Оскар Готтлиб? Откуда он взялся?» — подумала Эльза. Целый рой мимолетных воспоминаний о судебном процессе промелькнул в ее памяти.

Эльза спустилась в приемную второго этажа.

Навстречу ей с низким поклоном шел старик, в котором она не сразу узнала брата покойного банкира. Оскар Готтлиб похудел. Он отпустил окладистую седую бороду вместо

небольших бачков. Лицо стало длиннее, щеки впали, а мешки под глазами увеличились. Но перемена коснулась не только внешности. Во всей его позе и жестах чувствовалась какая-то пришибленность и приниженность, глаза беспокойно бегали.

— Приношу мои извинения за беспокойство, — сказал он, целуя Эльзе руку, — только крайняя необходимость принуждает меня к этому...

— Прошу вас, — указала Эльза на кресло.

Они уселись. Оскар Готлиб вздыхал, вертел в руках шляпу и молчал. Несколько овладев собой, он заговорил нетвердым голосом:

— Я, право, не знаю, как начать... Прежде всего позвольте уверить вас, что я совершенно примирился с совершившимся фактом... Совершенно... Но самый факт неожиданного лишения наследства поставил меня в необычайно затруднительное положение. Дело в том, что уже после смерти брата и... после вашего отказа от наследства я совершил... я заложил свое имение... Что делать? Молодежь так жадна на развлечения... Большой город... Наряды... Столько соблазнов... Да и хозяйство надо было поправить. Обязательство было краткосрочное. Не думал же я, что вы перемсните свое решение и все так обернется! Это я говорю не в упрек, а так, в пояснение. И вот теперь, через неделю, имение пойдет с молотка за неуплату долга. И я разорен... Разорен окончательно, на старости лет, с кучей детей на руках... Их у меня пятеро да жена-старуха...

— Какова же сумма вашего долга?

Оскар Готлиб замялся.

— Большая, солидная сумма, по моим средствам, конечно. Двести тысяч...

Эльза подумала.

— Будьте добры подождать, я сейчас дам вам ответ.

Готлиб не ожидал, что все устроится так просто, и стал заранее горячо и униженно благодарить.

Эльза пришла через комнату личного секретариата, в которой никого еще не было, хотя в этот час занятия уже начинались.

«Странно, — подумала Эльза, — что бы это значило?» — И она вошла в кабинет Карла Готлиба, где теперь постоянно работал Штирнер. Здесь она застала его.

— Штирнер, сюда явился Оскар Готлиб...

Штирнер поднял брови.

— Нашелся? Или воскрес из мертвых? Ну что ж, лучше поздно, чем не вовремя. Что ему надо?

— Он просит денег... Его имение продают с молотка.

— Сколько?

— Он говорит, что имение заложено за двести тысяч.

Штирнер поморщился.

— Врет! Имение со всем инвентарем не стоит ста тысяч. Песок да кочки. Дадим ему сто тысяч, и пусть проваливается!

— Послушайте, Штирнер, я все-таки чувствую себя невольной виновницей его несчастий, и потом... он так жалок... Ему не легко было явиться сюда. Дайте ему двести тысяч... Пожалуйста!

Штирнер рассмеялся.

— Пожалуйста! Это великолепно! Глава банкирского дома почтительнейше просит своего приказчика! Фрейлейн Глюк, все принадлежит вам, и ваше слово — закон. Мое дело маленькое: вертеть колесо и исполнять приказания начальства.

Он быстро подписал чек на двести тысяч, положил чековую книжку в стол и запер на ключ.

— Вот чек.

— Благодарю вас.

— Опять! Когда вы научитесь быть хозяйкой?

Эльза вышла из кабинета и протянула Готлибу бумагу.

— Вот чек на двести тысяч...

Оскар Готлиб взял чек трясущейся от волнения рукой и стал вновь благодарить и извиняться.

— Пожалуйста, не благодарите меня, — смущенно ответила Эльза, — лучше расскажите мне, что с вами случилось. Куда вы пропали после судебного заседания?

Они опять уселись.

— Болел... болел, да, и очень странной болезнью. Когда я вышел из суда, меня вдруг охватила боязнь людей и стыд... Мне стыдно было показаться им на глаза... Вы знаете, что портреты всех участников судебного процесса печатались во многих газетах. И мне казалось, что каждый встречный, каждый проезжающий извозчик, даже мальчишки указывают на меня пальцами и говорят: «Вот человек, лишенный наследства за неблаговидный поступок!» И так как никто не знал, в чем состоит этот неблаговидный

поступок, но каждый мог думать, что ему угодно: может быть, я совершал подлоги — делал на векселях подписи брата, а может быть, и покушался отравить его. И я бежал... — Старик вздохнул. — Да, я много пережил горьких минут, фрейлейн... Бежал я совсем недалеко. Меня искали по всему свету, а я жил в этом же самом городе. Я укрылся в надежном месте, у своего старого, одинокого друга. «Если ты выдашь тайну моего пребывания хоть одному человеку, я покончу с собой», — сказал я ему. Но об этом не надо было и говорить, он не выдал бы и так.

— Но, простите, — Эльза засмеялась, — вам не было стыдно этого друга?

— Нет! И что удивительно, я не знал его адреса, но нашел его квартиру по какому-то непонятному наитию... Так, шел и пришел... Еще не менее удивительно: друг встретил меня так, как будто ожидал этой встречи, хотя мы несколько лет не видались и даже не переписывались с ним; долгое время я не удосуживался разыскать и навестить его. «Вот ты и пришел», — сказал он мне просто. У него я и прожил. И все время я испытывал чувство страха и стыда. Иногда, вечерами, я как будто приходил в себя. И даже подумывал о том, чтобы выйти на другой день подышать свежим воздухом. Но ночью вдруг я чувствовал, что страх и жгучий стыд вновь наполняют меня так, что на голове шевелятся корни волос... прямо наваждение какое-то! Я плотнее, с головой, укрывался одеялом и лежал притаившись, боясь пошевелинуться. А наутро не выходил в столовую, отговариваясь головной болью. Окна в моей комнате были завешены наглухо.

— Как это странно... — задумчиво сказала Эльза.

— Я читал газеты и, холодея от страха, следил за поисками. Но, к счастью для меня, они шли по ложному пути. За все время я только один раз смеялся: когда прочитал в газетах, что «меня» нашли где-то в Аргентине, забыл сейчас, в каком городе. Конечно, это оказалось ошибкой. Мой «двойник» был фермером, приехавшим в город по своим делам. Судя по портрету в газете, он действительно похож на меня.

— И долго у вас продолжалось это состояние?

— Ровно до того самого дня, когда последняя судебная инстанция окончательно и бесповоротно решила дело в вашу пользу. Тогда мне все сразу стало безразлично, и я

вернулся домой, где и жил, пока не получил извещения о предстоящих торгах. И я решил, что единственный человек, который может спасти меня...

Он не закончил своего рассказа, так как в комнату вошли Зауер и Эмма Фит. Готлиб поднялся и поспешил уйти.

Вид Зауера и Эммы поразил Эльзу. Зауер был во фраке, Эмма в белом платье с букетом белых цветов на груди. Лица их сияли.

Зауер вел Эмму под руку.

— Позвольте вам представить, фрейлейн Глюк, мою жену Эмму Зауер. Поздравьте нас, мы обвенчаны!

Эльза побледнела и поднялась.

Эмма бросилась целовать ее, но, видя смущение Эльзы, остановилась в нерешительности. Эльза поборола волнение, холодно поцеловала Эмму и протянула руку Зауеру. Эмма была слишком счастлива, чтобы заметить эту холодность. Она стала лепетать, сложив по-детски руки на груди:

— Этот Отто, — и она бросила лучистый взгляд на мужа, — такой забавный. Вчера мы были с ним в театре, и вдруг он говорит: «Сейчас мы должны с вами обвенчаться. Едем!»

— И ты так сразу решилась? — спросила Эльза.

Эмма сделала уморительную гримаску, которая говорила: «Кто же отказывается от счастья?»

— Все вышло как-то само собой. И мы, не ожидая окончания спектакля, хотя было очень интересно... шла пьеса... господа, я уже забыла!.. но это все равно какая... поехали искать пастора. Отто чуть не с кровати поднял его! Такой смешной, заспанный старикашка! Он что-то прочитал, раз-раз — и готово! Ты не сердись на меня, Эльза? — с неожиданной робостью вдруг спросила она.

Невольная улыбка проскользнула по лицу Эльзы при виде этой детской наивности. И уже с искренним чувством она обняла свою подругу и поцеловала ее.

— Можно ли сердиться на куколку? Ведь ты счастлива?

— Ужасно! — ответила Эмма и даже нахмурила брови.

Но улыбка сошла с лица Эльзы, когда ее взгляд остановился на Зауере. Он смотрел на Эмму влюбленными глазами.

«Нет, этот брак не месть со стороны Зауера, — подумала она, — Зауер действительно любит Эмму... Какое-то на-

важдение. Наваждение! Кто сказал Это слово? Да, Оскар Готлиб... и он говорил о наваждении. Что же все это значит? Я чувствую, что у меня опять начинают путаться мысли...»

— А-а, новобрачные! — голос Штирнера, стоявшего в дверях кабинета, прервал вереницу ее мыслей.

«Он уже знает?» — с удивлением подумала Эльза.

Ей трудно было еще раз переживать сцену поздравления, и в особенности при Штирнере, и она незаметно вышла.

— Поздравляю, поздравляю, — весело сказал Штирнер.

Зауер самым радушным образом крепко пожал руку Штирнера. Казалось, от прежнего недоброжелательства не осталось следа.

— Мы думаем сегодня же вечером выехать в свадебное путешествие, — говорила Эмма, — вы и Эльза не будете против?

На лице Штирнера промелькнуло недовольное выражение, но он тотчас любезно улыбнулся Эмме.

— Конечно, разумеется, прекрасная куколка! Куда вы думаете ехать?

— В Ниццу или в Норвегию, мы еще не решили. Отто хочет в Норвегию, а я в Ниццу...

— Значит, вы будете совершать свадебное путешествие каждый поодиночке? — смеясь, сказал Штирнер. — В Норвегии сейчас вы отморозите ваш маленький носик! — продолжал он. — Надо беречь ее, Зауер. Конечно, вы поедете в Ниццу!

— Ну, прощайте, нам надо собираться в дорогу! — И, схватив мужа за руку, она потащила его в выходу. — Скорей, скорей, Отто, ты такой мешок! Я уверена, что мы везде будем опаздывать с тобой на поезд!

Зауер жил во флигеле, в небольшой уютной квартире.

Молодые вбежали с веселой оживленностью и поспешно стали укладываться, говоря без умолку.

— Итак, в Ниццу?

— Ну что ж, в Ниццу так в Ниццу.

— Господи, все это так скоро, как на пожаре!.. Какой тяжелый чемодан!

— Можем не ехать... Из него надо выбросить книги... Подай мне несессер...

— Не ехать? Да ты с ума сошел! Конечно, мы едем! Но дорожное платье?

— Мы купим его в дороге. А для начала твое серое прекрасно подойдет.

Они уселись на полу перед большим чемоданом и стали выбрасывать книги.

Вдруг на минуту они застыли, будто прислушиваясь к какой-то мысли, потом удивленно посмотрели друг на друга.

— Что мы сидим, как китайские болванчики, на полу? — наконец спросила Эмма. — Зачем ты вытащил этот чемодан? Тебе нужно ехать по делу?

— Я никуда не собираюсь ехать, — ответил Зауер. — Я не знаю, зачем мы вытащили этот чемодан. Может быть, тебе хотелось посмотреть эти книги?

— Книги? Эти скучные книги? Какие мы глупые! Мы помешались от счастья!

Звонко рассмеявшись, она поднялась, перепрыгнула через чемодан и поцеловала Зауера.

Зауер хмурился. Случай с зачем-то выдвинутым чемоданом заставил его призадуматься.

— Что ты надулся? Недоволен мною? — И она так плутовски склонила головку, что Зауер вновь стал весел.

— Конечно, недоволен, — сказал он, смеясь. — ты не успела поселиться у меня, а уже вносишь беспорядок!

— Честное слово, это не я! Это он сам! — указала она ногой на чемодан. — Куш на место! Куш! Да помоги же, несносный!

Эмма и Зауер задвинули чемодан под кровать. О поездке никто из них больше не вспоминал...

ХII. В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА

— Не забудьте, Эльза, что завтра воскресенье. В шесть часов вечера я получу ваш ответ. А сейчас я уезжаю из города по срочному делу. Вернусь ночью или утром. Всего хорошего!

Штирнер вышел из зимнего сада.

Эльза осталась одна. Но она думала не об ответе Штирнеру: мысли ее были направлены в другую сторону. Она не могла оправиться от удара, который причинил ей Зауер своей неожиданной женитьбой на Эмме Фит.

Она чувствовала себя одинокой, как никогда.

Золотые рыбки медленно двигались в аквариуме, блестя на поворотах и плавно помахивая мягкими хвостиками.

Эльза завидовала им. Эти рыбки жили в неволе, в стеклянном ящике, как и она. Но у них было свое маленькое игривое общество, и они не знали мучительных сомнений. Она себя чувствовала более несчастной, чем в самые тяжелые дни своей трудовой жизни. Что дало ей богатство?

Судебный процесс, в котором была какая-то тайна, и богатство отделили ее от шумной толпы простых людей, которые живут, как им нравится, гуляют по улицам, ходят в кинематограф. Каждый ее выезд обращал внимание, тысячи взглядов встречали ее. И она отказалась от выездов. Не было удовольствия, которого она не могла бы себе разрешить, и вместе с тем она была лишена их всех. Только прозрачная стена из стекла отделяла ее от широкого мира, переливающегося всеми красками, но эта стена была непреодолима для нее. С тоской в голосе она шептала:

— Какая я несчастная, какая я несчастная!

Вот, как вчера, как третьего дня, как много дней тому назад, пробили часы, гулко отдаваясь в пустынных комнатах. Где-то внизу прорычал автомобиль. Это отъехала Штирнер...

Штирнер! Завтра ему нужно дать ответ. Она чувствовала — это последний срок.

— Почему нужно?

Время шло. И странно, после отъезда Штирнера мысли ее все больше прояснялись. Будто какая-то пелена спадала с глаз. Оскар Готлиб, его болезнь, похожая на «какое-то наваждение», любовь Зауера к Эмме, странная и неожиданная, как наваждение...

Вся цепь нелогичных, нелепых, противоречивых поступков окружавших ее людей с того самого момента, как погиб Карл Готлиб, — разве не похоже все это на наваждение? Вот слово, которое дает ключ к тайне! Но откуда оно, это наваждение? Кто устоял против него? Штирнер! Он один.

Штирнер!..

А что, если он и есть причина всего этого? Его странный разговор в лодке, его намеки на какое-то могучее орудие, при помощи которого он может покорить мир. неужели это не пустая болтовня? Неужели он обладает этим средством и играет людьми, как кошка с полупридушенными мыша-

ми? Но откуда у него эта сила? В чем она? Кто он, кудесник, новый Калиостро? Свенгали?..

Эльзе вдруг сделалось так холодно, что она задрожала.

Штирнер представился ей коршуном, который носится над птицей в степи. И эта птица — она. Не уйти, нет, никуда не уйти от этого человека. Он не упустит ее из цепких когтей.

Эльза поднялась, тяжело дыша, и вновь опустилась на диван.

Ее охватил ужас.

— Нет, нет, нет! — вдруг вскрикнула она так, что птицы в испуге вспорхнули с веток.

В зале эхо отчетливо повторило ее слова. И странно, это неожиданное эхо как-то ободрило ее, как будто невидимый друг вторил ей: «Конечно, нет!» Нельзя сдаваться без борьбы, нельзя сделаться безвольной игрушкой другого, отдать себя нелюбимому человеку.

Она вошла в зал, чтобы успокоиться.

«Что делать? Что делать?» — подумала она, блуждая по залу. Случайно одна картина бросилась ей в глаза. Какой-то всадник бедуин на арабской лошади мчится по пустыне в развевающемся белом плаще с капюшоном, спасаясь от нагонявших его преследователей.

«Вот как надо встречать смертельную опасность! Быть может, он погиб, но он боролся до конца... Бежать! Бежать во что бы то ни стало!»

Эльза подошла к роялю и села на табурет. Перед ней вдруг пронеслась недавняя сцена, когда Штирнер стоял и слушал ее музыку. Никогда еще его длинное бледное лицо с иронической улыбкой не возбуждало в ней такого содрогания и отвращения.

Бежать немедленно! Но как? У нее нет даже денег!

— Миллиардерша! — с горечью прошептала она. — Миллиардерша — нищая!..

Вчера еще она подарила Готлибу двести тысяч, но для себя она никогда не брала денег у Штирнера. Что-то, быть может гордость, удерживало ее.

Да и для чего ей нужны были деньги? Она почти никогда не выезжала в город. Если же и делала какие-либо покупки, то ей доставляли их на дом, и Штирнер расплачивался.

Она вспомнила вдруг, что у нее в сумочке должны были

остаться деньги до последней полочки. Она быстро пошла в свою комнату и лихорадочно раскрыла сумку.

Деньги на месте. Их немного, но выехать хватит. А дальше? В каждом городе любой банк открыл бы ей неограниченный кредит, но вексель отошлют для оплаты в ее банк, и тогда Штирнер узнает, куда она уехала.

Эльза задумалась.

— Ах, все равно! Лучше быть нищей, чем покориться тому, что ожидает ее здесь...

И она скоро оделась и спустилась во второй этаж. У входной двери лежал пятнистый дог. Он ласково помахал хвостом, увидя ее. Эльза погладила его и хотела сдвинуть с места, но дог не трогался. Она сделала попытку обойти его и открыть дверь. Дог вдруг вскочил, встал на дыбы, положил ей передние лапы на плечи и угрожающе зарычал, отодвигая ее назад.

Она была испугана этой неожиданной выходкой собаки и отступила.

— Буцефал! Что с тобой? — ласково сказала она. Собака завиляла хвостом, но при новой попытке Эльзы зарычала на нее еще более грозно. Штирнер оставил верных сторожей! Позвать на помощь? Она не хотела подымать шума. Вдруг у нее мелькнула мысль. Она быстро прошла в кабинет Готлиба. Дверь оказалась открытой. Сестра в кресле, стоявшее на площадке лифта, нажать кнопку — дело одной минуты. Она спустилась в отделение банка, радуясь удаче.

«Я перехитрила вас, Штирнер!»

Сторожа с удивлением посмотрели на ее необычное появление, но почтительно пропустили. Она боялась, что им дан приказ от Штирнера не выпускать никого.

С сильно бьющимся сердцем переступила Эльза порог дома, ставшего ей ненавистным, вдохнула полной грудью весенний воздух и замешалась в уличной толпе. Какое счастье! Она была свободна. Завернув за угол, она наняла таксомотор и приказала ехать на ближайший вокзал. Только бы скорее подальше отсюда!..

На вокзале она удивила носильщика, спросившего, куда ей взять билет.

— Все равно... Сколько можно проехать вот на эти деньги?..

Эльза сделала неосторожность: удивив носильщика, она оставила след в памяти этого человека и тем самым давала

нить для розыска, но она была как в лихорадке и не обдумывала своих слов.

Ее нервное напряжение улеглось только после того, как паровоз прогудел последний раз и вагон плавно качнулся. До последней минуты она боялась погони Штирнера, хотя и знала, что его нет в городе.

Когда промелькнули предместья города и открылись поля, она готова была плакать от радости. Вечернее солнце золотило здания ферм. Стада паслись, медленно бродя по изумрудно-зеленой весенней траве.

Все приводило ее в восторг. Она, не отрываясь, смотрела в окно и весело напевала:

«Я вольная птица, хочу я летать...»

О будущем она не думала. Она упивалась свободой. Только когда зашло солнце, ландшафт затянули сумерки и в вагоне зажгли свет, она задумалась...

— Э, хуже не будет! — Она быстро разделась и, утомленная пережитыми волнениями, крепко уснула.

Она не помнила, долго ли спала.

Но вдруг проснулась, как от толчка, и с недоумением оглянулась вокруг. Вагон... Как попала она в вагон? В душе быстро нарастало смятение и какое-то еще не оформившееся чувство. Это чувство росло, крепло, прояснялось...

Назад! Она немедленно, сейчас же должна вернуться. Назад! Штирнер! Милый Штирнер! Он ждет ее! И перед нею предстало печальное, бесконечно дорогое лицо, каким она видела его, когда играла на рояле.

Она быстро оделась и вышла в коридор. Заспанные пассажиры с полотенцами в руках направлялись умываться. Был ранний час утра.

— Проводник, скажите, скоро остановка?

Толстый проводник с возмутительной медлительностью вынул большие серебряные часы, не спеша открыл крышку и, подумав, ответил:

— Через двенадцать минут, фрейлейн.

Эльза топнула каблуком.

— Возмутительно! Как долго ждать! А обратный поезд когда пойдет?

— Встречный пойдет в одно время.

Эльза от нетерпения кусала губы.

Когда поезд, наконец, подошел к станции, она почти на

ходу выбежала из него и вошла в вагон встречного поезда, идущего назад.

Она не имела билета, и контролер составил протокол, но Эльза даже не заметила этого, механически отвечая на все вопросы.

Когда она назвала свою фамилию, контролер с почтительностью и любопытством посмотрел на нее.

Эльза от нетерпения не находила места. Она вышла из купе, ходила от окна к окну и привлекала вниманием пассажиров своим странным видом и беспокойными движениями. Она готова была плакать от досады, что скорый поезд идет так медленно.

— Скоро мы приедем? — спрашивала она ежеминутно, и пассажиры, которым надоело отвечать на ее вопросы, стали сторониться ее. Тогда она пошла в свое купе, легла ничком на диван и, сжав виски до боли, как в бреду, твердила:

— Людвиг! Людвиг! Людвиг!.. Когда же я увижу тебя?

Наконец поезд остановился.

Эльза, толкая пассажиров, пронеслась по дебаркадеру и по залу, выбежала из вокзала и впрыгнула в автомобиль.

— Банк Эльзы Глюк! Скорей, скорей, скорей! Как можно скорей!..

Штирнер стоял среди кабинета, ожидая Эльзу.

С растрепанными волосами ворвалась она в кабинет, бросилась к нему и с рыданием крепко обняла его.

— Людвиг, милый, наконец-то!..

На лице Штирнера отражались счастье и печаль.

— Моя!.. — тихо произнес он, целуя Эльзу в закрытые глаза...

Часы пробили шесть.

Часть вторая

1. БИРЖЕВАЯ ПАНИКА

Коммерческий мир переживал панику.

Начиная с мая, биржа вступила в полосу жесточайших потрясений. За месяц было зарегистрировано более двух тысяч конкурсов. В июне число их поднялось до пяти. Пока

гибли мелкие предприятия, финансовые газеты пытались ослабить впечатление надвигающейся катастрофы и успокаивали общественное мнение тем, что кризис лишь очистит экономическую жизнь страны от «несолидных и лишних предприятий, выросших на почве валютной спекуляции». Но в июне жертвою кризиса сделалось несколько старейших и крупнейших предприятий. Этот удар тяжело отразился на промышленности и на массе мелких держателей акций. И газеты уже не скрывали тревоги. Надвигалась настоящая катастрофа, тем более страшная, что само возникновение кризиса не поддавалось обычным объяснениям «экономической конъюнктуры». Как будто новая, неведомая болезнь страшной эпидемией прокатилась по финансовым предприятиям, захватывая все новые жертвы. В начале июля во всей стране осталось только три крупнейших банка, которые устояли: Мюнстерберга, Шумахера и Эльзы Глюк. Первые два понесли уже потерю до тридцати процентов своего капитала. Банк Эльзы Глюк не только не понес потерь, но почти утроил свой капитал. Последняя борьба за существование должна была произойти между этими тремя финансовыми колоссами. Банк Эльзы Глюк имел капитал, превышающий капиталы Мюнстерберга и Шумахера, взятые в отдельности. Но при объединении этих банков против банка Эльзы Глюк перевес мог оказаться на стороне двух против одного.

Правда, могла быть и иная комбинация: войти в соглашение или даже слить капиталы, выговорив себе известные права, с банком Эльзы Глюк. И Мюнстерберг и хитрый Шумахер, каждый в отдельности, тайком друг от друга, делали эту попытку, подсылая верных людей к Штирнеру «позондировать почву». Но этот «злой гений», как называли Штирнера в биржевых кругах, не шел ни на какие соглашения. Он был оскорбительно насмешлив, беспощаден и неумолим к своим соперникам. Необычайное счастье в биржевой игре, безошибочное предугадывание биржевых курсов, совершенно непонятное влияние на окружающих делали Штирнера страшным.

Банкиры и биржевые маклеры рассказывали друг другу пониженным голосом, как бы боясь, что их подслушает неведомый враг, о многочисленных случаях странной гибели банкиров, обращавшихся лично к Штирнеру. О чем говорил с ними Штирнер, они никому не рассказывали. Но,

побывав у него, эти банкиры будто лишались рассудка и всего своего опыта, совершали нелепые сделки, которые лишь ускоряли их разорение, а их капиталы переливались в подземные кладовые банка Эльзы Глюк. Несколько этих разорившихся людей покончили жизнь самоубийством. Поэтому Мюнстерберг и Шумахер и решили действовать через целую цепь посредников, опасаясь личного свидания.

Когда переговоры со Штирнером не привели ни к чему, для Шумахера и Мюнстерберга стало ясным, как только слияние этих двух банков, враждовавших между собою более полу столетия, даст возможность если не победить, то продолжать упорную борьбу со «злым гением».

Борьбу эту им казалось вести тем легче, что они обладали большинством акций крупнейших торгово-промышленных предприятий страны: каменноугольные шахты, производство анилиновых красок, автомобильные и радиозаводы, электрическое освещение, городские железные дороги, судостроительные заводы... Акции этих предприятий находились в руках миллионов мелких держателей — небогатых фермеров, канцелярских служащих, пароходных коков и даже мальчиков, поднимающих лифты. Все они связали судьбу своих небольших сбережений с судьбой банков Мюнстерберга и Шумахера. За банкирами было широкое «общественное мнение».

Утром пятнадцатого июля Зауер, преданнейший и усерднейший помощник Штирнера, вошел в кабинет с очередным докладом.

Зауер крепко пожал протянутую Штирнером руку.

— Здравствуйте, Зауер! Как здоровье вашей куколки?

— Благодарю вас. Мой испуг оказался напрасным. Вчера был врач.

— И что же он нашел у фрау Зауер?

Зауер со счастливым и несколько смущенным лицом ответил:

— Она готовится стать матерью...

— Вот как? Поздравляю! Передайте ей мой привет. А на бирже что творится? Есть новости?

— Есть, и крупная новость. Мюнстерберг и Шумахер создают единый фронт против нас. Они подали заявление об образовании акционерного общества, и, как говорят в биржевых кругах, правительство пойдет им навстречу.

— Я знал это.

Зауер сделал удивленное лицо. Штирнер усмехнулся.

— Что же им остается делать? — ответил Штирнер. — Звери всегда сбиваются в кучу для защиты от более крупного врага. А правительство? Оно само хочет иметь прослойку между государственным банком и мною. Потому что если треснут толстый Мюнстерберг и худой Шумахер, то в государстве останутся только две финансовые силы, только две, Зауер: я, то есть банк моей жены, и Государственный банк. И еще неизвестно, кто кого победит.

Даже Зауер, привыкший к головокружительным успехам своего друга, был удивлен.

— Не слишком ли высоко залетаете, Штирнер?

— Друг мой, мы живем в мире неустойчивого равновесия. Для нас только два пути: или вверх, или вниз. При остановке катящееся колесо должно упасть набок. Как реагирует биржа на предстоящее слияние банков?

— За один день бумаги Мюнстерберга и Шумахера поднялись на пятьдесят пунктов, — ответил Зауер.

— Бросьте наших маклеров скупать эти бумаги.

— Вы играете на Мюнстерберга и Шумахера?

— Я играю на Глюк. Неужели вы не понимаете еще моей игры? Накручивайте, Зауер, накручивайте. Чем они будут выше, тем лучше. Мне надоело охотиться на мелкую дичь, и я хочу кончить всю эту биржевую возню одним ударом.

Подписав бумаги, Штирнер отпустил Зауера, но потом, что-то вспомнив, окликнул его.

— Послушайте, Зауер, узнайте домашние адреса министра торговли и промышленности и министра финансов.

— Их адреса вы можете найти вот в этом справочнике.

— Ах, да... Благодарю вас. Как вы думаете, Зауер, не удалось бы нам пригласить их ко мне под каким-нибудь предлогом?

— Не думаю.

— Они не удостоят этой чести Людвига Штирнера? Посмотрим, что будет через месяц-два, а пока обойдемся и без этого визита. Дайте мне, пожалуйста, план города.

Зауер подал.

— Благодарю вас. Вы свободны, Зауер.

Штирнер разложил большой план на столе, положил компас и повернул план так, чтобы север на нем точно соответствовал стрелке компаса. Затем он тщательно отметил точками на плане места, где жили министры, и банк

Эльзы Глюк, соединил эти точки линиями и записал в блокнот углы.

— Так... Ну-с, господа министры, если гора не идет к Магомету...

Не договорив, он прошел в свою комнату, смежную с кабинетом, и заперся на ключ.

Минут через десять в кабинет вошла Эльза и уселась в глубокое кресло у письменного стола. Щелкнул замок, и Штирнер вышел из своей комнаты. Эльза быстро поднялась и пошла к нему навстречу, протягивая руки. Штирнер поцеловал обе руки.

— Ты хотел меня видеть, Людвиг?

Он взял ее под руку и повел.

— Да, мой друг, я кончил свою утреннюю работу и хочу позавтракать с тобою в зимнем саду.

Эльза была обрадована.

— Ты так мало со мной видишься, Людвиг.

— Что делать, дорогая, у нас идут бои... Знаешь ли ты, что твое состояние утроилось, а через несколько дней в твоих руках будут капиталы всех частных банков страны?

Они уселись за большим столом, накрытым для завтрака. Штирнер налил в бокалы вина.

— Ты будешь королевой биржи.

Он отпил глоток.

— Да и биржи никакой не будет. Вся биржа будет здесь. Если бы ты уже не была моею женой, с каким удовольствием многие принцы крови предложили бы тебе руку и сердце! И если во всем этом богатстве, во всем твоим могуществе немножко виноват и я, то признайся, что Штирнер не такой уж пустой болтун!

— Я этого никогда не говорила! — горячо возразила Эльза.

— Да? Тем лучше.

Они чокнулись.

— Людвиг, я была бы более счастлива, если бы ты утроил не мое состояние, а время, которое ты уделяешь мне. Если бы ты знал, как я томила в одиночестве... Я только и живу ожиданием, когда увижу тебя.

— Еще немного терпения, моя дорогая! Я скручу по рукам наших последних соперников, брошу их к твоим ногам, как военную добычу, и тогда...

Вошел Зауер и почтительно поклонился Эльзе. Она ответила ему любезным кивком головы.

— Простите, пожалуйста, что я беспокою вас. В гостиной вас, Штирнер, ждет какой-то господин, говорит, что явился по неотложному делу. Я сильно подозреваю, что это агент Шумахера. Он лично желает переговорить с вами.

Штирнер вышел.

— Ну, как Эмма? — спросила Эльза.

— Благодарю вас... Все хорошо...

— А что я вам говорила? Ведь я была права! Напрасно волновались. У Эммы будет ребенок!.. Подумать только! Ей самой в куклы еще играть. Я непременно зайду к ней сегодня...

— Она будет очень рада вас видеть.

Штирнер вернулся.

— Вы не ошиблись, Зауер. Старая лиса Шумахер готов в последнюю минуту предать своего союзника, если только я приму его с себе на правах компаньона... И запугивает и сулит всякие выгоды — словом, пускает весь арсенал своей спекулятивной мудрости.

— Что же вы ответили?

— Я сказал: передайте господину Шумахеру, что мне ни компаньоны, ни гувернантки не нужны. Садитесь, Зауер, с нами завтракать.

Они весело болтали, как люди, связанные искренней дружбой и взаимным уважением. От прежних бурь не осталось и следа.

II. ПОБЕЖДАЕТ СИЛЬНЕЙШИЙ

В тот день, когда правительство должно было утвердить новое акционерное общество, объединявшее банки Мюнстерберга Шумахера, Штирнер вызвал к себе Зауера рано утром и отдал приказ:

— Продайте все акции Мюнстерберга и Шумахера, спустите все до последней бумаги.

— Но они поднялись за одну ночь на двадцать шесть пунктов. Получены достоверные сведения, что утверждение акционерного общества обеспечено. Мне кажется...

— Не беспокойтесь ни о чем и выполните точно мой приказ. Поезжайте сейчас же на биржу сами и сообщите мне обо всем по телефону.

Зауер пожал плечами и уехал.

А через час уже звонил телефон.

— Акции берут нарасхват. Они идут в гору.

— Отлично, Зауер. В котором часу заседание правительства?

— В два часа дня.

— Успеете за это время продать все акции?

— Для этого достаточно часа.

— Тем лучше. Телефонуйте мне через час.

Не прошло получаса, как Зауер сообщил:

— Акции проданы все до единой. На бирже творится что-то невероятное. Толпа запруживает всю площадь перед биржей. Уличное движение приостановлено. С большим трудом проезжают трамваи, автомобили не могут...

— Это мне неинтересно. Как наши акции?

— Увы, понижаются.

— Великолепно. Выждите, когда они понизятся еще больше, и тогда начинайте скупать...

— Людвиг, ты очень занят? — спросила Эльза, входя в кабинет.

— ... Скупите все, что будут предлагать, — продолжал Штирнер говорить в телефон. — Звоните почаще. — И, обратившись к Эльзе, сказал: — Да, я очень занят, дорогая. Завтракай одна. Сегодня я не отойду от телефона весь день и, вероятно, всю ночь.

Эльза сделала недовольный жест. Штирнер положил трубку телефона и подошел к Эльзе.

— Что делать, милая, потерпи. Сегодня я даю генеральное сражение. Я должен его выиграть, а завтра ты будешь некоронованной королевой, в твоих руках будут богатства...

— Людвиг! — с упреком сказала Эльза.

— Ну хорошо, не буду говорить об этом. Как Эмма? Ты была у нее?

— Врач сказал, что у нее почки не в порядке — кто бы мог подумать? — и ей опасно иметь ребенка...

— Так, так, — рассеянно слушал Штирнер.

— Но она говорит, что умрет, но не откажется от ребенка.

— Так, великолепно.

Опять затрещал звонок. Штирнер вздрогнул и, наскоро поцеловав Эльзу в лоб, сказал ей:

— Будь умница, не скучай. Когда все это кончится, мы с тобой поедem на Ривьеру. Алло! Я слушаю.

Эльза вздохнула и вышла.

— В двенадцать часов? То есть через час? Тем лучше! Как только вы узнаете о решении правительства, непременно сообщите...

Бросив трубку, Штирнер в волнении зашагал по кабинету.

— Вместо двух правительство решит этот вопрос в двенадцать. Значит, действует! Теперь я верю в успех, как никогда. А если здесь победа, то победа во всем! И Штирнер всесилен!

Он закинул голову назад, полузакрыв глаза и застыл на минуту с улыбкой на лице.

— Однако не время упиваться властью. Надо собрать все силы для последнего удара.

Штирнер пошел в свою комнату и заперся на ключ.

Через час он вышел усталый, побледневший, поправил нависшую на лоб прядь волос, опустил в кресло и полузакрыв глаза.

Звонок. Штирнер вскочил, как на пружине, и сорвал телефонную трубку.

— Алло! Да, да, я... Это вы, Зауер?

Но звонил не Зауер, а один из агентов Штирнера, Шпильман.

— Ошеломляющая неожиданность! Только что кончилось заседание. Правительство отклонило утверждение устава акционерного общества. Шумахер, бывший на заседании, крикнул в лицо министру: «Предатель!» Мюнстерберга хватил удар, и он в бессознательном состоянии отвезен домой.

Штирнер не дослушал. Дрожащей от волнения рукой он опустил телефонную трубку и так громко крикнул на весь кабинет «Победа!», что проснулся лежавший у его кресла Фальк и, вскочив, с недоумением посмотрел на своего хозяина.

— Победа, Фальк! — Бросив в угол кабинета платок, Штирнер приказал: — Пиль!

Собака в несколько прыжков добежала до платка, схватила его и принесла хозяину.

— Вот так все они теперь! Ха-ха-ха!.. — нервно смеялся Штирнер. Он поднял собаку за передние лапы и поцеловал

ее в лоб. — Но их я не буду целовать, Фальк, потому что они глупее тебя и они меня ненавидят. О, тем приятнее заставить их носить поноску!

Опять звонок.

— Зауер? Да, я уже знаю. Мне сказал Шпильман. Как реагирует биржа?

— Взрыв бомбы произвел бы меньшее впечатление. Биржа превратилась в сумасшедший дом.

— Акции Мюнстерберга?

— Головокружительно падают. Вы гений, Штирнер!

— Теперь не до комплиментов. Когда акции крахнувших банков будут котироваться по цене оберточной бумаги, можно будет купить их... Мы сумеем вернуть им ценность. Но это успеется. Дело сделано, и вы можете уехать, Зауер!

— Я не могу выйти. Люди превратились в обезумевшее стадо. Сюда не могут даже пробраться санитары «Скорой помощи», чтобы унести упавших в обморок и смятых толпой.

— Ну что ж, если вы лишены свободы, сообщите мне, что у вас делается.

И Зауер сообщил. Фондовые маклеры устроили десятиминутное совещание, на котором решили, что удержать бумаги Мюнстерберга, Шумахера и всех связанных с нами банков нет никакой возможности. Крах совершился. Каждая минута приносила разорение целых состояний. Бумаги ежеминутно переходили из рук в руки. После полуночи нервное напряжение достигло наивысшей точки. Не только площадь перед биржей, но и соседняя площадь были запружены автомобилями крупных держателей бумаг. Они сидели в своих лимузинах всю ночь, бледные и утомленные, с блуждающими глазами. Бюллетень за бюллетенем приносили вести о непрерывном понижении курсов. Эти курсы передавались по телефону, но уже в момент отправки телефонограммы не соответствовали действительности. Толпы людей, как во время стихийного бедствия, разбили лагерь на соседнем бульваре и платили за право сидеть на бульварной скамейке больше, чем стоит номер в лучшей гостинице. Под утро два маклера и один банкир впали в буйное помешательство.

— Смерть Штирнеру! — кричал маклер.

С большим трудом удалось отвезти помешанных в больницу.

Только когда забрезжил рассвет, волнение улеглось, как пламя догоревшего пожара. Вчерашние богачи выходили из биржи постаревшими на десять лет, сгорбленными, поседевшими, с дрожащими ногами. Толпа поредела. Зауер, наконец, получил возможность выйти из здания биржи и, шатаясь от усталости, вдохнул полной грудью свежий воздух.

«Такая же паника царит сейчас во всей стране... — подумал он. — В эту ночь разорились сотни тысяч людей, миллионы мелких вкладчиков потеряли свои сбережения. Этот сумасшедший кричал о Штирнере, винил во всем его. Но Штирнер не виноват. Побеждает сильнейший. Штирнер молодец. Гениальная голова!»

Зауер улыбнулся и тотчас устало зевнул.

А Штирнер, получив от Зауера последнее сообщение по телефону, встал из-за стола и сладко потянулся. Его волнение улеглось. Он испытывал чувство той приятной усталости, которое охватывает человека, когда он хорошо поработал и доволен результатами труда. Он победил. И его победа больше, чем победа над банкирами и министрами. Он победил сопротивляемость человека! Готлибы, Эмма, Зауер, Эльза... Теперь вот они!..

— Никто в мире больше не может сопротивляться мне, весь мир скоро будет моей собственностью! — гордо сказал он.

Ему не хотелось спать.

Он прошел наверх и постучал в комнату Эльзы.

Она была одета и не спала. Быстро открыла дверь и, сияя, протянула ему руки.

— Наконец-то ты вспомнил обо мне, Людвиг!

III. БЕЛАЯ ВИЛЛА

Банк Эльзы Глюк, он по-прежнему назывался по девичьей фамилии Эльзы, сделался неограниченным владыкой финансового мира.

Впрочем, сама Эльза никак не почувствовала увеличения своего могущества. По-прежнему бродила она одиноко в своих пустых комнатах, живя мыслью о коротких свиданиях со Штирнером. Но он все еще был слишком занят, чтобы уделять ей больше времени. Эльза всегда чувствовала, когда он хочет ее видеть. Сладкий трепет пробегал по ее

телу, и она без зова спешила вниз, зная, что Штирнер свободен и не отошлет ее от себя. Но, бывало, тянулись дни, протекала неделя, а Штирнер только по утрам показывался к ней, рассеянно здоровался и исчезал. Иногда он отлучался из города на несколько дней. И тогда на нее нападала какая-то апатия, и она даже не хотела его видеть. А если встречала его тотчас после возвращения, то была холодна. Штирнер недовольно морщился и спешил в свою запретную даже для нее комнату. После нескольких минут пребывания Штирнера в его комнате она вдруг замечала, как горячее чувство любви начинает наполнять ее. И когда Штирнер выходил из своей комнаты, она встречала его взглядами, полными нежности.

Штирнер еще хмурился, будто какая-то мысль тяготила его. Но искреннее чувство Эльзы скоро захватывало и Штирнера. Он был внимателен и любезен, и она жадно ловила эти редкие минуты...

Их отъезд затягивался.

Штирнер поставил себе новую задачу: прибрать к своим рукам всю промышленность страны, пользуясь тем, что большинство предприятий было должниками банка Эльзы Глюк.

Заводчики и фабриканты боролись упорно, но Штирнер методически захватывал в свои руки их фабрики и заводы.

И только когда борьба была решена в пользу Штирнера, он позвал Зауера и Эльзу и сказал:

— Наконец я могу отдохнуть и совершить с некоторым опозданием наше свадебное путешествие. Вы, Зауер, справитесь с делом. Борьба, в сущности, кончена. Остается только легализовать наши права: опротестовать векселя «последних могижан», объявить торги на их фабрики и заводы и закрепить за собой предприятия, потому что кто же купит их, кроме нас? Завтра утром мы вылетаем. Как здоровье жены?

Зауер сокрушенно покачал головой.

— Вы бы ее не узнали, Штирнер, она очень изменилась к худшему.

— Ну еще бы, это в порядке вещей, — улыбаясь, ответил Штирнер.

— Нет, я не о том, — несколько смутившись, ответил Зауер, — у нее очень опухли ноги и лицо: почки. Она не послушалась врачей, а теперь уже роды неизбежны. — И с

искренней озабоченностью он сказал: — Я очень беспокоюсь за свою куколку...

— Теперь уже приходится заботиться о двух куколках сразу. Не бойтесь, Зауер. К вашим услугам будут лучшие профессора. Не забывайте телеграфировать мне обо всем. Передайте мой привет вашей жене.

В ночь перед отлетом Штирнер не спал. Он чем-то занимался в своей комнате. Эльза дремала у себя. Но и сквозь сон она чувствовала, что по ней как будто проходят какие-то нервные или электрические токи, и все усиливающаяся любовь к Людвигу переполняла ее. Несколько раз она в полусне протягивала руки и нежно шептала:

— Людвиг! Милый Людвиг!..

А с первыми лучами солнца она уже вылетела вместе с ним на собственном самолете.

Они летели к Ментону, на одну из принадлежавших ей вилл, купленную Карлом Готлибом незадолго до его смерти.

После долгой жизни взаперти и полуодиночества этот полет в обществе Людвига казался ей сказочно прекрасным.

Ей одновременно хотелось смотреть на Людвига и любоваться развертывающейся внизу панорамой. Глядя на открывавшийся перед нею необъятный простор, она весело напевала:

Я вольная птица, хочу я летать!..

— Глупая песенка, — обратилась она со смехом к Штирнеру, — «хочу я летать». Надо петь: «Я вольная птица, с тобой я лечу». Смотри, как смешно: отсюда мы видим только черепичные крыши, и дома кажутся красивыми квадратиками на зеленом ковре. А это что за муравьи? Да ведь это стадо! Какое крохотное! Что там за снежные горы сияют вдали?

— Альпы.

— Уже Альпы! Мы будем лететь выше орлов!..

Никогда она не чувствовала себя такой счастливой.

Спуск совершился благополучно на небольшом аэродроме около Ниццы. Через час они были в своей вилле.

Вилла была расположена недалеко от Вентимили, у границы, разделяющей здесь владения Франции и Италии.

Прекрасная белая вилла, стоявшая почти у берега моря,

облицованная мрамором, вся утопала в зелени. Апельсиновые деревья были покрыты крупными плодами. На площадке перед виллой росли пальмы. Красная гвоздика ярким ковром покрывала эту площадку.

Единственным неудобством виллы было то, что близко проходило полотно железной дороги. Поезда шли почти беспрерывно, громяхая над головой. Но Эльза даже не замечала этого неудобства: ночью она хорошо спала, и шум не будил ее, а днем они совершали прогулки в горы, катались на своей яхте или летали на гидроплане вдоль берега, к Ницце и обратно. Замок игрушечного княжества Монако, прилепленный к желтым скалам, как ласточкино гнездо, сам казался игрушкой. Белой ниточкой протянулся у берега прибой. На пляже видны были гуляющие величиною менее булавки. А когда пилот, поворачивая обратно, направлял серый нос гидроплана в открытое море, зрелище было еще более изумительным. Края горизонта, высоко поднятые благодаря оптическому обману, превращали море в синюю чашу, над которой была опрокинута голубая чаша неба. И казалось, что гидроплан находился в центре шара. Внизу проплывали игрушки-парусники... Эльзе хотелось смеяться от радости и счастья.

Она возвращалась на виллу бодрая, жизнерадостная. как никогда.

После рационализированного, холодного, полупустого стеклянного ящика — дома Готлиба — вилла казалась необычайно уютной и «жилой». Здесь Готлиб не успел еще ввести своих чудачеств. Вся обстановка была несколько старомодна, но красива и удобна. Не новый, но хороший рояль очень понравился Эльзе, и она играла на нем в теплые вечера. Дверь на балкон была открыта, над водной гладью поднималась луна, бросая на море серебряную полосу, а ожившие от ночной прохлады туберозы дышали сладкой истомой.

И пьесы, которые она играла, были такими же красивыми, полнозвучными и спокойно-радостными, как эти южные ночи.

Казалось, отдыхал и Штирнер. Даже очертания лица его стали мягче, и ироническая улыбка не кривила губы. Только иногда, останавливая взор на Эльзе, Штирнер вдруг становился задумчив и печален.

Две недели прошли незаметно.

Но в начале второй недели Эльза почувствовала в себе какую-то перемену. Она как будто стала пробуждаться от сна. Эльза уходила к себе и подолгу сидела одна. Непрошенные мысли снова начали беспокоить ее. И, чему она сама удивлялась, Людвиг как будто становился ей менее дорог. Она глядела на его лицо, и оно становилось как будто все более длинным и неприятным.

Штирнер замечал это и хмурился все больше. Не радовали его и телеграммы Зауера. Он сообщал о ряде неудач. За время отсутствия Штирнера возродилось несколько банков. Некоторые крупнейшие заводчики и шахтовладельцы сумели получить заграничный кредит и оплатили векселя, выйдя таким образом из-под финансовой кабалы Штирнера. Но главное — с отъездом Штирнера против него поднялась большая газетная кампания. Объединение в руках одного банка Эльзы Глюк всего финансового и промышленного богатства страны признавалось опасным для государства и интересов населения. Правительственные газеты были так же вооружены против Штирнера, как и частные.

Необычайный, беспрецедентный успех Штирнера давал тему для самых различных предположений и толкований, причем большинство газет склонялось к тому, что чем бы ни был вызван этот успех, он выходит из обычных рамок, а потому необходимо бороться с этим могуществом также необычными мерами, не предусмотренными в законе. Возможно, что правительство издаст специальное законодательное постановление, направленное против Штирнера. Министры, не утвердившие устава акционерного общества Мюнстерберга и Шумахера, принуждены были под влиянием общественного мнения подать в отставку, хотя негласное следствие, которое велось против них, не могло установить наличия корыстных мотивов в их поведении, иначе говоря — подкупа их Штирнером. Мюнстерберг не перенес удара и умер. Шумахер делал попытку покончить с собой, выжил и уехал в Америку.

Таковы были новости последней недели. О Штирнере знал уже весь мир. Имя его было у всех на устах. Здесь, в Ментоне, он с женой держался особняком. Каждый их выход возбуждал такое любопытство, смешанное со страхом, что Штирнер сам избегал показываться в обществе.

Пока Эльза была нежна с ним, он не чувствовал особого

одинокства. Но за последние дни она становилась все холоднее к нему, а он делался все более мрачным.

Потом он принялся за работу, заказал железные листы, проволочную сетку, изоляторы, целый ворох электротехнических материалов, приказал отнести все это в отдельную комнату и там заперся на целый день.

На другое утро Эльза была вновь нежна и переполнена любовью к нему. Но, казалось, и это уже не радовало его.

Чтобы рассеяться, он предложил ей прогуляться в горы, — они уже давно не выходили из дому. На этот раз Эльза охотно согласилась.

Они зашли далеко и остановились отдохнуть в небольшом, белом, чистеньком домике. Гостеприимная, словоохотливая и любопытная старушка принесла им молока и, осведомившись, откуда они, заговорила:

— Вот вы откуда! Там, говорят, теперь появился какой-то человек — Штирнер. Чего только у нас про него не говорят! Они с женой теперь самые богатые люди во всем мире, но только темное это богатство! Сколько народу погибло из-за него, сколько разорилось, сколько крови и слез пролилось...

В дверь постучались, и тотчас, не ожидая ответа, в комнату вошел запыхавшийся слуга с виллы.

— Простите, господин Штирнер, вы приказали все срочные телеграммы доставлять немедленно... — И, утирая пот со лба, он подал телеграмму. — Вот, только что получена.

Старушка от волнения выронила из рук полотенце, задрожала, с ужасом уставившись на Штирнера.

Штирнер раскрыл и прочел телеграмму. Затем он вдруг поднялся и нахмурился.

— Вы можете идти, Жан! — сказал он слуге и, бросив золотой ошеломленной старухе, подал руку Эльзе.

— Идем! Нам надо немедленно собираться в дорогу.

Старушка долго смотрела вслед, потом осторожно взяла двумя щепочками золотой и, шепча молитву, выбросила монету в выгребную яму.

— Проклятые деньги!

— Что случилось, Людвиг? — тревожно спросила Эльза. — Милый, неужели опять туда? Так скоро! — И она, как бы прощаясь, с грустью окинула взглядом небо, берег и море.

— Мое присутствие необходимо. Зауер телеграфирует,

что мои враги воспользовались моим отсутствием и вновь начали борьбу.

Лицо Людвига вдруг стало жестким.

Высвободив свою руку из-под руки Эльзы так резко, что она в испуге отшатнулась, он со злостью крикнул, потрясая кулаком:

— Куш на место, проклятые!

Фальк, услышав знакомое слово, покорно улегся на дороге, положив морду на протянутые лапы.

По приезде домой Штирнер нашел положение дел серьезнее, чем он ожидал. Десятки разорившихся банкиров объединились, создали новые банки, успешно конкурировавшие с банком Эльзы Глюк. Им удалось не только отвлечь часть банковской клиентуры, но и выкупить несколько крупных фабрик и заводов, находившихся в финансовой кабале у Штирнера. Вдобавок правительством уже был подготовлен закон «О банковских учреждениях», явно направленный против Штирнера. И Штирнер, забыв об Эльзе, вновь погрузился в борьбу, целыми днями не выходя из своей комнаты.

На этот раз, однако, Штирнеру удалось скоро справиться со своими противниками. Конкурировавшие банки были вновь прибраны к рукам, об издании законов, ограничивающих свободу операций Штирнера, не было и речи. Больше того, был издан ряд новых законов легализовавших новые порядки, введенные Штирнером в банковской практике.

Для него вновь наступила полоса относительного спокойствия.

Он чаще виделся с Эльзой, возобновил свои научные занятия, посещал свой «зверинец» и строил какие-то сложные приборы.

Но, несмотря на все это, он чувствовал себя утомленным. Он жил слишком нервной жизнью, растрачивал много нервной энергии. Приглашенный врач нашел у него психостению. Это болезненное состояние обостряло у него чувство одиночества, в особенности теперь, когда жизнь протекала относительно спокойно. Даже ласки Эльзы не успокаивали, а иногда и раздражали его.

— Не то, не то! Ты ли ласкаешь меня, или я сам ласкаю себя твоей рукой? — говорил он непонятные Эльзе фразы.

Но ее музыка действовала на него еще благотворно.

Вечерами злой дух одиночества особенно мучил его, как Саула, и Штирнер бежал к своему «Давиду» — как называл он в такие минуты Эльзу — и просил ее:

— Играй, играй, Эльза! Я хочу музыки, она успокаивает меня...

И Эльза садилась за рояль и играла овечьими тихой тоской ноктюрны Шопена.

Перед ними вставали картины их безоблачного счастья в первые недели поездки на юг. Из зимнего сада доносился запах цветов, окутывало очарование южной ночи. Но теперь к этому очарованию примешивалась печаль об утерянном счастье.

— Простите, что я помещал вам, — вдруг услышали они голос Зауера. — Поздравьте меня, сегодня утром у меня родился сын!

Штирнер и Эльза поднялись, почему-то взволнованные этой вестью.

— Я даже не мог сообщить вам об этом по телефону, — продолжал Зауер. Он выглядел очень усталым, но счастливым. — Не спал всю ночь... Волновался. Сейчас она спит.

— Благополучно?

— Роды были трудные. Жена очень слаба. Осложнения с почками. Врачи говорят, что ей необходимо будет поехать на юг, и, вероятно, надолго. Но она не соглашается ехать без меня. Вы отпустите меня?

И Зауер простительно смотрел на Штирнера и Эльзу.

Штирнер задумался.

— Конечно, Людвиг? — сказала Эльза.

— Дня через два я дам ответ. Думаю, что это будет возможно. А пока позвольте поздравить вас с Зауером-младшим!

Зауер поклонился.

— Простите, но я спешу. — И, быстро попрощавшись, он вышел. А Эльза и Штирнер стояли, облокотившись о рояль, погруженные в свои думы.

IV. МАССОВЫЙ ПСИХОЗ

Прошла неделя, а Зауер с женой еще не уезжали. Последние дни Штирнер почти не выходил из своей комнаты и был очень мрачен. Даже музыкальные вечера в большом зале были отменены. Эльза иногда пыталась повидаться со

Штирнером, но что-то удерживало ее. Одинок бродила она по залу, останавливалась, заламывала руки и тихо шептала:

— Как я несчастна!..

В конце недели образ Штирнера начал как-то тускнеть в ее сознании. Иногда перед нею проносилось его лицо, и оно казалось ей чужим и страшным.

Все чаще окидывала она взором окружающую обстановку с недоумением, как будто в первый раз видела ее. А в конце недели ее начал преследовать образ Зауера. Милый Зауер, как она могла забыть его? О том, что Зауер женат, что у него родился ребенок, она совершенно не думала, как будто этого и не было. Случайно встретившись с Зауером, она окинула его таким нежным взглядом, что он посмотрел на нее с недоумением, потом вдруг смутился и задумался, как будто припоминая какую-то ускользавшую мысль.

— Отто, — сказала она, вновь называя его по имени, — я так давно не виделась с вами... Отчего вы избегаете меня, Отто?.. — И, потянувшись к нему, она тихо добавила: — Я так одинока... Мне не хватает вас, Отто...

Они были одни.

Отто присел на стул рядом с Эльзой и усиленно тер лоб ладонью. Нежные слова Эльзы разбудили спавшие воспоминания. Лицо Зауера выражало мучительную борьбу. И вдруг какая-то мысль прорвалась и осветила его лицо. Он схватил Эльзу за руку и, глядя на нее влюбленными глазами, заговорил прерывающимся от волнения голосом:

— Да, да, мы так давно не видались! Эльза, милая Эльза! Как я мог забыть о вас? Я не знаю, что происходит с нами, но сейчас как будто рассеялся туман и я увидел вас после долгой разлуки. Где вы были, Эльза? Что было с вами?

Они сидели, будто и в самом деле встретились после долгой печальной разлуки, и не могли насмотреться друг на друга.

Перебивая друг друга, они стали говорить о своей любви, о тоске одиночества, о радости этой встречи.

Часы с башенным боем били час за часом, гулко раздавались удары в пустых комнатах, а они, не замечая времени, продолжали сидеть и говорить...

Они не строили никаких планов, не вспоминали прошлого, не думали о будущем. Они просто упивались насто-

ящей минутой, упивались этим лучом, так неожиданно разорвавшим мрак, окружавший их настоящие мысли и чувства. Еще раз пробили часы.

— Уже двенадцать, как поздно! — сказала Эльза. — До завтра, мой милый. — И она первая обняла и поцеловала Зауера долгим и крепким поцелуем.

Но это «завтра» не пришло.

Штирнер на время выпустил их из-под своего влияния только потому, что был с головой погружен в новые заботы. Он работал над каким-то сложным аппаратом, который должен был расширить его мощь, его власть над людьми. К созданию же этого аппарата его побуждали новые осложнения и новые огромные задачи.

Благодаря принятым им мерам продукция находившейся в его руках промышленности возросла необычайно, товары подешевели, внутренний рынок был уже перенасыщен ими. Штирнер стоял перед катастрофическим кризисом перепроизводства. Его могло спасти только завоевание иностранных рынков. Но на пути к этому стояли огромные препятствия. Иностранные государства, опасаясь конкуренции его дешевых товаров, установили высокие заградительные пошлины. Нужно было сломать во что бы то ни стало этот барьер. Экономическая война, которую он вел с иностранными конкурентами, находилась в том периоде, когда она неминуемо должна была перейти в вооруженное столкновение. Но объявить настоящую войну было делом сложным. Правда, с правительством он делал, что хотел. Но все же правительство было средостением между его волей и действием. И он решил, что настал момент уничтожить правительство. Он сам станет единым, неограниченным правителем страны. Он подчинит своей воле миллионы людей, внушит им мысль о необходимости войны, и они с радостью пойдут умирать, как умирали солдаты Наполеона.

Но для этого должно быть орудие необычайной мощности, «дальнобойности», покоряющее мысли и волю людей, орудие массового внушения, радиоволны... И он усиленно работал над этим, позабыв на время об окружающих его людях.

В тот самый день, когда Эльза и Зауер с поцелуем расстались друг с другом, задача Штирнера была разрешена. И только ночью он вспомнил об Эльзе и Зауере. Он

вспомнил. И в их душах все переменилось. Зауер вновь любил свою «куколку» Эмму и боготворил ребенка, а Эльза уже в предутреннем сне с нежностью повторяла имя Людвига.

Наутро она пришла к нему в кабинет и, поцеловав в лоб, сказала:

— Милый Людвиг, у меня к тебе две просьбы!

— Здравствуй, дорогая... Целых две! Приказывай, повелительница.

— Здесь Готлиб.

— Опять Готлиб?

— Это молодой Готлиб, Рудольф.

— Но молодой как две капли воды похож на старого. Ему нужны деньги, не так ли?

— Рудольф поссорился с отцом, когда узнал, что старик получил от нас двести тысяч и ничего не дал ему, и Рудольф Готлиб просит...

— Ни в коем случае!

— Но мы так богаты, Людвиг!

— Именно потому, что мы так богаты. Бросить подачку старику куда ни шло. Но дать этому мальчишке — значит дать ему повод думать, что мы не совсем ладно оттягали у него лакомый кусок и сами сознаем это. Тогда от него не отвяжешься. Он начнет шантажировать нас. Старику немного надо, и он удовлетворен. А Рудольф... Он еще опасен. Нет, нет, дорогая. Я не могу этого сделать в твоих же интересах.

— Но я почти обещала ему...

Штирнер подумал. Он был в хорошем настроении. Какая-то мысль заставила его улыбнуться.

— Я сам поговорю с ним. Садись, Эльза, одну минутку. — Штирнер скрылся в своей комнате и скоро оттуда вернулся.

— Я сыграю над ним шутку, которая отведит его от этого дома. Я просто мог бы заставить его забыть наш дом, но мне совсем не улыбается брать его в число «опекаемых», — сказал Штирнер непонятную Эльзе фразу.

Штирнер позвонил и приказал вошедшему лакею пригласить Рудольфа Готлиба.

Готлиб вошел. Он не был похож на просителя. Жадность, приведшая его сюда, боролась в нем с напыщенной гордостью.

— Садитесь, молодой человек, — сказал Штирнер. — Вам нужны деньги?

Рудольфа передернуло от этого обращения, но он сдержался. Только веснушчатое лицо его вспыхнуло.

— Да, мне нужны деньги, — сказал он, оставаясь стоять, — и, как мне кажется, моя... просьба не совсем безосновательна.

«Дурак! — подумал Штирнер. — Этим началом он сам обезоруживает себя!»

— Господин Готлиб, если вы ставите так вопрос, то обратитесь в надлежащие судебные учреждения и доказывайте там основательность ваших «законных» претензий.

— Кроме норм юридических, есть нормы моральные, — ответил Рудольф заранее приготовленной фразой. — Мне нечего доказывать мои моральные права.

— Моралью ведает благотворительность, а здесь не благотворительное учреждение.

— Довольно вывертов! — вдруг вспыхнул Рудольф. — Или вы удовлетворите меня, или я...

— Ах, вы угрожаете? Таких посетителей я имею обыкновение выводить с особым почетом.

Штирнер свистнул. Из смежного кабинета послышались мягкие, но тяжелые шаги. В кабинет, переминаясь с ноги на ногу, вошел на задних лапах бурый медведь. Он молча приблизился к Рудольфу и, упершись лапами в грудь, стал толкать его к выходной двери.

Рудольф побледнел и полуживой от страха дошел до двери, потом вдруг с истерическим криком бросился бежать от преследующего его медведя.

Эльза была испугана, Штирнер хохотал, откинувшись в кресле.

— Вот лучший способ отгнать нежелательных посетителей. Больше не явится, будь покойна!

И он опять засмеялся.

Позвонил телефон.

— Алло! Штирнер, да, я вас слушаю. А, опять вы, господин Готлиб? Вы этого так не оставите? Ого! А вы хорошо стреляете? Так, так. Только я не советую охотиться на меня вблизи дома! Имейте в виду, что я отдал приказ моим четвероногим друзьям о том, что если вы еще раз попадетесь им на глаза, то они должны разорвать вас на части, как глупого козленка!... Что, смерть вашего дядюш-

ки? Убийца? Скажите пожалуйста!.. Так, так... Желаю успеха!

— Дурак, — сказал Штирнер, кладя трубку телефона.

— Людвиг, можно ли так пугать людей?

— Дорогая моя, это наиболее безобидное орудие в арсенале человеческой борьбы. Но у тебя была еще вторая просьба?

— Теперь уж я не знаю...

— Не беспокойся. Твой второй протез не попадет в объятия медведя. Кто он?

— Это Эмма. Я была у нее. И она умоляла меня отпустить с ней Зауера на юг. Ей необходимо лечиться, а без мужа она не поедет.

— Да, можно. Теперь можно. Я обойдусь без Зауера. — И, взяв в руки утренний выпуск газеты, Штирнер повторил: — Теперь можно! Кстати, ты не читала сегодняшней газеты? Вот прочти, любопытная заметка. Читай вслух.

Эльза взяла газету, на которой Штирнером было подчеркнуто красным карандашом заглавие:

«МАССОВЫЙ ПСИХОЗ

Вчера вечером в городе наблюдалось странное явление. В одиннадцать часов ночи, в продолжение пяти минут, у многих людей — число их пока не установлено, но, по имеющимся данным, оно превышает несколько тысяч человек — появилась навязчивая идея, вернее, навязчивый мотив известной песенки «Мой милый Августин». У отдельных лиц, страдающих нервным расстройством, подобные навязчивые идеи встречались и раньше. Необъяснимой особенностью настоящего случая является его массовый характер. Один из сотрудников нашей газеты оказался жертвой этого психоза. Вот как он описывает событие:

— Я сидел со своим приятелем, известным музыкальным критиком, в кафе. Критик, строгий ревнитель классической музыки, жаловался на падение музыкальных вкусов, на засорение музыкальных эстрад пошлыми джаз-бандами и фокстротами. С грустью говорил он о том, что все реже исполняют великих стариков: Бетховена, Моцарта, Баха. Я внимательно слушал его, кивая головой, — я сам поклонник классической музыки, — и вдруг с некоторым ужасом заметил, что мысленно напеваю мотив пошленькой песенки «Мой милый Августин». «Что, если бы об этом

узнал мой собеседник? — думал я. — С каким бы презрением он отвернулся от меня!..» Он продолжал говорить, а будто какая-то навязчивая мысль преследовала и его... Он времени до времени он даже встряхивал головой, точно отгонял надоедливую муху. Недоумение было написано на его лице. Наконец критик замолчал и стал ложечкой отбивать по стакану такт, и я был поражен, что удары ложечки в точности соответствовали такту песенки, проносившейся в моей голове. У меня вдруг мелькнула неожиданная догадка, но я еще не решался высказать ее, продолжая с удивлением следить за стуком ложечки.

Дальнейшие события ошеломили всех!

— Зуппе, «Поэт и крестьянин», — анонсировал дирижер, поднимая палочку.

Но оркестр вдруг заиграл «Мой милый Августин». Заиграл в том же темпе и в том же тоне... Я, критик и все сидевшие в ресторане поднялись, как один человек, и минутку стояли, будто пораженные столбняком. Потом вдруг все сразу заговорили, возбужденно замахали руками, глядя друг на друга в полном недоумении. Было очевидно, что эта навязчивая мелодия преследовала одновременно всех. Незнакомые люди спрашивали друг друга, и оказалось, что так оно и было. Это вызвало чрезвычайное возбуждение. Ровно через пять минут явление прекратилось.

По наведенным нами справкам, та же навязчивая мелодия охватила почти всех живущих вокруг биржевой площади и Банковской улицы. Многие напевали мелодию вслух, в ужасе глядя друг на друга. Бывшие в опере рассказывают, что Фауст и Маргарита вместо дуэта «О, ночь любви» запели вдруг под аккомпанемент оркестра «Мой милый Августин». Несколько человек на этой почве сошли с ума и отвезены в психиатрическую лечебницу.

О причинах возникновения этой странной эпидемии ходят самые различные слухи. Наиболее авторитетные представители научного мира высказывают предположение, что мы имеем дело с массовым психозом, хотя способы распространения этого психоза остаются пока необъяснимыми. Несмотря на невинную форму этого «заболевания», общество чрезвычайно взволновано им по весьма понятной причине. Все «необъяснимое», неизвестное пугает, поражает воображение людей. Притом высказываются опасения, что «болезнь» может проявиться и в более опасных формах.

Как бороться с нею? Как предостеречь себя? Этого никто не знает, как и причин появления «болезни». В спешном порядке создана комиссия из представителей ученого мира и даже прокуратуры, которая постарается раскрыть тайну веселой песенки, нагнавшей такой ужас на обывателей. Будем терпеливы и сохраним спокойствие. Быть может, все окажется не столь серьезным и страшным, как кажется многим».

Эльза окончила чтение и посмотрела на Штирнера.

— Что же это все значит, Людвиг? — спросила она.

— Это значит, что все великолепно! Идем завтракать, дорогая!

V. КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Веселая немецкая песенка, всполошившая население огромного города, вопреки успокоительным уверениям газет, оказалась делом серьезным, внушающим большие опасения.

Не прошло и недели с тех пор, как тысячи людей вынужденно пели эту песенку, случилось событие, которое еще в большей степени взволновало не только общество, но и правительство.

Ровно в полдень в части города было приостановлено на одну минуту все движение. Можно было подумать, что происходит какая-то «минутная забастовка протеста». Но забастовка небывалая по своей организованности и своеобразию.

Работа учреждений вдруг приостановилась, как по мановению волшебного жезла.

Чиновники перестали писать, будто мгновенный паралич сковал их руки. Приказчики в магазинах замерли с протянутым покупателю товаром и стояли без звука, с раскрытым ртом и застывшей улыбкой, как в столбняке.

В ресторанных оркестрах музыканты превратились в статуи с остановившимися смычками в руках. Замерли в своих позах и посетители — кто с поднятой чашкой в руке, кто с куском мяса на поднесенной к открытому рту вилке.

Но особенно поражал вид улиц и площадей, охваченных странным столбняком. Вот конвойные с арестованным посередине. Арестованный легко мог бы убежать от своих окаменевших стражников, если бы и сам не застыл с подня-

той ногой. На базаре голодный мальчик, с расставленными на бегу ногами и сильно наклонившимся телом, протягивает руку к пирожку. Торговка бросается на него с видом курицы, защищающей цыплят от налетающего коршуна. В этой окаменевшей группе столько движения, выразительности, живости, что скульптор дорого бы дал, чтобы иметь возможность приводить в такое состояние своих натурщиков. Будто моментальный фотографический снимок закрипил мгновенную игру мимики лиц и движений мускулатуры.

Тою же каталепсией были охвачены и прохожие на тротуарах. Удивительнее всего было то, что это странное явление захватило городское движение полосой. Всякий прохожий, вступая в таинственную зону, мгновенно каменил, а по ту и другую сторону этой зоны обычное движение не прекращалось. Автомобили, въезжавшие с разгона в эту «мертвую зону», проскакивали ее. Вернее, их выносила машина. Шофер же и пассажиры на целую минуту теряли способность не только двигаться, но и думать.

И автомобили не заворачивали на поворотах, врезались в дома, наезжали один на другой, нагромождаясь целыми поездами. Произошло крушение двух поездов городской железной дороги, причем один поезд, разбив упор, свалился на улицу.

Не успело общество прийти в себя от этого потрясения, как город постиг новый удар. Полосой через город прошла волна какого-то массового пятиминутного помешательства. Крайнее возбуждение охватило всех. И пунктом помешательства на этот раз было слово «война».

— Война, война до победы! Смерть врагам! — кричали мужчины, размахивая палками и зонтами, кричали женщины, старики и дети в необычайном задоре и нестройно пели национальные гимны. Лица всех были страшны. Кажалось, эти люди уже опьянены кровью и видят перед собой смертельного врага.

— Смерть или победа! Война! Да здравствует война!

Жажда действия, борьбы, крови была так сильна, что на улицах произошел ряд побоищ. Мужчины и дети дрались между собой. Женщины окружили полную даму, показавшуюся им иностранкой, и били ее зонтиками так, что от зонтиков остались одни изогнутые прутья. Их лица были бледны, глаза горели ненавистью, шляпы падали на землю,

волосы распускались. А они продолжали избивать несчастную женщину с каким-то садизмом, почти сладострастным упоением жестокостью. Везде им чудились иностранные шпионы. Толпа мужчин, остановив проезжавший автомобиль «Скорой помощи», вытащила воображаемого шпиона. Мужчины сорвали бинты с обожженного тела несчастного. Больной кричал, а обезумевшие люди рылись в перевязках в поисках секретных бумаг.

Все они, и мужчины и женщины, старики и дети, были в таком состоянии, что действительно пошли бы умирать на поля сражений и умерли бы, думая не о себе, а только о том, чтобы убивать.

Припадок безумия прошел так же внезапно, как и начался.

Ошеломленные, потрясенные люди смотрели на избитых и раненых, на следы крови на земле, на свои истерзанные, растрепанные костюмы и волосы и не могли понять, что все это значит.

Комиссия, созданная для расследования причин массового помешательства людей на мотиве веселой песенки, скоро была преобразована в комитет общественного спасения.

Спасения от кого? Комитет не знал этого. Но что обществу угрожала огромная, небывалая в истории опасность от неизвестного, невидимого врага — будь то человек или неизвестный микроб, — в этом никто больше не сомневался. Новый неведомый враг казался правителям опаснее войн и революций именно потому, что он был неведом. Неизвестно было, откуда придет новая опасность и как бороться с нею. Возбуждение общества было необычайно. Каждый день десятки людей сходили с ума и кончали жизнь самоубийством, не будучи в состоянии переносить напряженное ожидание новых неведомых бед. С величайшим трудом правительство и печать поддерживали обычное течение жизни. Казалось, еще немного, и распадется не только государство, но и все основы общежития и общество превратится в сплошной сумасшедший дом.

В столице это чувствовалось особенно сильно. Находились проходимцы, которые, однако, не поддавались в такой степени панике. Они сами поддерживали эту панику, распространяя чудовищные слухи.

— Скоро наступит новый приступ болезни, и люди начнут перегрызать друг другу горло...

— Люди перестанут дышать и умрут в страшных мучениях от удушья...

— Наступит внезапный сон, и никто больше не проснется...

И все этому верили.

После того, что было, все казалось возможным.

Люди за бесценок распродавали свои дома и вещи тем, кто спекулировал на панике, и уезжали из города в места, еще не захваченные эпидемией.

Комитет общественного спасения заседал почти беспрерывно. Заседания эти, из опасения быть открытыми невидимым врагом, — если он живое существо, — происходили в глубоком подвальном помещении городской ратуши и обставлялись большой тайной. Несмотря на то, что члены комитета попеременно совещались день и ночь, тайна оставалась нераскрытой.

Среди приглашенных экспертов-ученых существовало разногласие.

Психиатры высказывали мысль о массовом психозе и гипнозе. Вспышка кровожадных воинственных чувств не поддавалась этому научному объяснению, но труднее было объяснить одновременное исполнение массами людей одной и той же песенки. Эта песня, несмотря на невинность «заболевания», казалась ученым более страшным явлением, чем внезапное возбуждение уличной толпы. Наука знает примеры заразительности эмоций, ярко выраженных внешним образом, знает примеры «преступности толпы», массового гипноза. Но формы массового «скрытого» гипноза ей неведомы.

Ссылка из факиров, будто бы способных производить нечто подобное, казалась неубедительной. Все их чудеса, совершаемые будто бы с помощью массового гипноза, не проверены, не изучены и переплетены с выдумкой фантазеров-путешественников.

«Микробная гипотеза», пытавшаяся объяснить таинственные явления действием нового микроба, также не привела ни к чему.

Сотни лиц, подвергавшиеся новой «болезни», были тщательно исследованы, врачи произвели анализ их крови, но никакого микроба не нашли.

— Вопрос будет решен совершенно в иной обстановке, — говорили инженеры-электрики. — Вероятнее всего, мы имеем дело с радиоволнами, которые непосредственно воспринимаются организмом человека.

— Люди-радиоприсемники? — с иронией спрашивали их старые инженеры. — Это что-то из области фантастики!

— А само радио разве не из области фантастики? — отвечали первые.

Старики пожимали плечами.

— Докажите!

— И докажем!

И, подобно своим коллегам медикам, инженеры усаживались за опыты.

В то время как ученые сидели в своих лабораториях над микроскопами и катодными лампами, желая раскрыть тайну, над раскрытием этой же тайны усиленно работал Иоганн Кранц.

Иоганн Кранц не принадлежал к почтенной корпорации ученых. Он был всего только полицейским сыщиком. Человек с большим профессиональным опытом и неплохой головой. Кранц не задавался даже вопросом, кто враг: микроб или человек. Кто бы он ни был, врага нужно найти по тому методу, который не раз приводил Кранца к цели. Следы преступления! Вот что интересовало сыщика. Их было более чем достаточно, надо только умело пользоваться ими. И Кранц усиленно принялся за работу, возбужденный ее важностью и таинственностью, а также и тщеславным желанием опередить многодумных очкастых ученых.

В большом кабинете за письменным столом, заставленным трофеями его «побед» — снимками преступников, дактилоскопическими оттисками, отмычками, вещественными доказательствами, он сидел ночи напролет над большим планом города, систематизируя все сообщения газет и полицейские донесения о последних событиях.

Он буквально плавал в табачном дыму, изредка проветривал комнату, вновь дымил и наносил на план какие-то пунктирные линии, как будто он уже преследовал по пятам опознанного им преступника.

— Готово! — воскликнул он, сведя две линии в тупой угол на карте города.

Был четвертый час утра. Кранц спешно сложил план

города, всунул в потрепанный портфель, вызвал автомобиль и помчался в комитет.

— Срочное сообщение! Тайна раскрывается! — крикнул он, влетая в сводчатый зал.

Собрание, несмотря на поздний час довольно многолюдное, всполошилось.

— Вы открыли тайну? — спросил взволнованно один из членов комитета.

— Тайна раскрывается, сказал я, и она будет раскрыта, — ответил Кранц. — Я нашел местопребывание преступного микроба или человека. Я нашел тот фокус, откуда исходят таинственные влияния, — продолжал Кранц, спешно вынимая план и раскладывая его на столе.

Все обступили его, и он начал объяснять:

— Метод мой очень прост: я систематизировал весь материал о необъяснимых происшествиях, чтобы точно определить районы, захваченные «эпидемией помешательства». И вот что получилось. Случай с песенкой дал мне немного. Эта эпидемия захватила часть города по кругу радиусом около двух километров. Дальше двух километров навязчивый мотив наблюдался все слабее, и на третьем километре он никого не затронул. Центр этого круга находился приблизительно около Биржевой площади и Банковской улицы. Именно вблизи этого места отмечалась такая сила навязчивости мотива, что о нем не только думали, но и пели его вслух. К сожалению, определить математически точно этот центр не удалось, так как установить убывающую градицию силы навязчивости на основании опросов не удалось.

Лица, бывшие в одном и том же месте, дают довольно разные показания; очевидно, субъективные особенности заставляли каждого воспринимать по-разному.

— И только-то? — сказал кто-то разочарованно.

— Совсем не только-то. Следующая эпидемия дала гораздо больше. Эта эпидемия шла по известному направлению, захватив сравнительно узкий сектор, и заканчивалась в определенном месте. Получилось нечто вроде луча, который начинался от здания банка Эльзы Глюк.

Толпа зашумела.

— Штирнер! Это, конечно, он! Я говорил!

Имя Штирнера не раз упоминалось в комитете.

— Не спешите с выводами, господа, — прервал

Кранц. — Я также был уверен, что нити привели меня к Штирнеру. Но для проверки я с нетерпением ожидал следующего «сеанса». «Военное помешательство» и было этим сеансом. Оно также прорезало город, как луч, и подошло к дому Готлиба — теперь Эльзы Глюк. Получился тупой угол. Но если свести концы, то исходная точка окажется за домом Эльзы Глюк. Она падает на смежный дом. Вот, извольте ли видеть.

И он показал план, давая объяснения.

— Что же помещается в этом смежном доме, где вершина угла?

— Ресторан «Амбир». Вот куда должны быть направлены наши поиски. — И Кранц шлепнул по карте жирной ладонью, как будто прихлопнул муху. Доводы Кранца были просты и убедительны. После небольшого совещания комитет решил произвести в ресторане «Амбир» и номерах помещавшейся в том же доме гостиницы повальный обыск.

Тотчас была по телефону поставлена на ноги вся полиция. Большой отряд солдат сплошным кольцом окружила дом. Обыскали перепуганных жильцов, перевернули все вверх дном от чердака до подвала, но, несмотря на все старания, не нашли ничего подозрительного.

Кранц был смущен, но не сдавался. Всю эту фантазматорию мог производить кто-либо из посетителей ресторана.

Это также было невозможно. Всем жившим в доме строго запретили говорить кому-либо о ночном обыске. Несколько лиц, возбудивших подозрение, арестовали, а за посетителями ресторана решили установить негласное наблюдение.

Однако весть разнеслась по городу. Возбужденная толпа разгромила ресторан, и его пришлось закрыть.

Кранц кричал и ругался, раздосадованный неудачей.

— Ну, мы еще поборемся! — говорил Кранц. — Кто бы ни был наш противник, он теперь знает, что мы на верном следу. Посмотрим, осмелится ли он еще раз напомнить о себе! Третья линия решит его судьбу.

VI. НЕУДАВШЕЕСЯ ПОКУШЕНИЕ

— Счастье! Радость! Блаженство! Как прекрасна жизнь! Какое наслаждение!

Молодой человек с отуманенным взглядом и широкой

улыбкой на лице, обнял уличный фонарь, как будто это был его близкий друг.

— Милый фонарь! Счастлив ли ты так же, как я...

— Дорогая моя, как я люблю вас! Как все вы мне милы и дороги! — обнимал изможденный, плохо одетый старик молодую женщину в дорогом костюме. И она целовала старика в жесткую щетину щек и шептала в ответ:

— Я так счастлива! Мне кажется, я нашла своего покойного отца... Он был похож на вас... Отец, дорогой отец!

А рядом обнимались старые политические враги: монархист и анархист.

— Довольно борьбы! Жизнь так прекрасна!

Какой-то оборванец сорвал цветок на соседнем бульваре и, как сокровище, преподнес полицейскому.

— Друг мой, возьми! От меня!..

Толстый полицейский с сизым носом нежно поцеловал бродягу и взял у него цветок.

— Душевно благодарен! Цветы — радость жизни!.. Я так люблю цветы и песни!..

— Споем.

Они уселись на травке и, обнявшись, запели сентиментальную песенку, проливая слезы умиления.

— Берите, все берите!.. — кричал в исступленном восторге хозяин ювелирного магазина, набивая карманы посетителей кольцами и драгоценными камнями, жемчужными ожерельями и золотыми часами. — С собой в могилу все равно не возьмешь! Пусть радость наполнит ваши сердца, как она наполняет мое! К черту торгашество! Да здравствует всеобщее счастье!

В суде был оправдан важный политический преступник. И прокурор, известный своей жестокостью, отказавшись на этот раз от обвинения, обнял преступника, томно положил ему на грудь свою голову и, плача от умиления, бормотал:

— Друг мой, брат мой!.. Хорошо прощать и любить!..

Даже на бойне профессиональные скотобойцы обнимали приведенных на убой быков и нежно целовали их между глаз.

— Мордашка моя!.. — гладили они руками животных. — Испугался? Испей водички, отправляйся щипать травку в соседнем парке. Довольно крови! Дыши!..

Это произошло всего через несколько дней после разгрома кафе. Злой гений, овладевший городом, казалось, бросал

вызов и смеялся над попытками комитета бороться с ним. Как бы в вознаграждение за минутное мрачное помешательство и за жертвы внезапной остановки городского движения неведомый враг подарил людям небывалое блаженство. Состояние блаженства было так велико, что люди, испытавшие его, готовы были на все, чтобы еще раз вкусили неведомого наслаждения. На этот раз все сохранили полное воспоминание о пережитом. И толковали о потерянном рае.

Это едва ли не более страшно, чем вспышка кровожадности и жестокости. Какою властью над человеческими душами обладал этот неведомый враг? Он мог отравить людей ядом наслаждения или страдания, сделать их слепым орудием своих желаний, сделать блаженными или измучить, искалечить, убить, убить без единого выстрела, тихо, бесшумно, неизвестно откуда... Есть от чего прийти в отчаяние!

В глубоком подземном помещении ночью члены комитета сидели подавленные, молчаливые, тоскливо поглядывая на Кранца, который подводил итоги, систематизируя донесения о последнем происшествии, чтобы определить сектор города, охваченный безумием блаженства.

Изредка слышались нетерпеливые голоса:

— Как идет дело, Кранц?

— Прекрасно!

Кто-то сердито фыркнул.

— Хуже некуда!

— Напротив, — отвечал Кранц, — все идет великолепно. Никогда еще у меня не было столь увлекательной задачи. И почтенной, да, да, да!

Кранц быстро шевелил своими красными толстыми пальцами, перебирая листки, и отмечал от времени до времени новый пунктир на плане города.

— Кранц, как древний рыцарь, — продолжал он, — освобождает город от дракона, и ему ставят памятник. Кранцу, конечно, а не дракону, хе-хе! Или, вернее, нам вместе: Кранц с копьем в руке, а у его ног — пронзенный дракон.

— Как вы можете шутить? — спросил прокурор, недавно плакавший на груди преступника. — Кругом сплошной ужас. Если я буду отказываться от обвинения, государство погибнет...

— Я всегда шучу, даже перед дулом бандита. Что де-

лать? Профессиональная привычка. Встречая опасность, можно только или смеяться, или убегать. А дела идут отлично, говорю я. Поветрие безумия опять носило характер направленной волны, и пусть меня изрешетят бандиты, если вершина этого луча не идет опять к тому же месту. Еще пяток рапортов посмотрю — и готово...

Члены комитета в волнении обступили Кранца.

Наступило напряженное молчание.

Кранц нанес последние штрихи на карту.

— Есть!

— Опять к дому Эльзы Глюк! — вскрикнул чиновник министерства внутренних дел.

— Да-с, опять. Извольте посмотреть на план. — Кранц отодвинул план от себя на середину стола и стал объяснять: — Вот, извольте ли видеть, пучок номер первый — полоса безумия, когда остановилось все движение, а вот пучок номер второй — безумие войны. Здесь углы не сходились на доме Эльзы Глюк. Вершина падала на соседний дом, где помещался ресторан. Туда мы и направили поиски.

— И ошиблись.

— Вполне понятно: мы полагали, что источник воздействия один. Но третий пучок, поистине «счастливый» пучок — сектор безумного счастья, открыл нам ошибку. Оказывается, воздействие было из двух точек. Но обе эти точки находятся в доме Эльзы Глюк. Дом этот, как видите, очень длинен. Точки воздействия, очевидно, находились на двух противоположных концах дома. Вот почему и казалось, что вершина тупого угла, если источник воздействия один, должна пасть на соседний дом. Третий сектор дал нам другую вершину, где сошлись линии номер первый и третий. Ясно?

Все зашевелились.

— Я же говорил, что это дело Штирнера!

— Я еще раньше утверждал это.

— Злодей! Изверг! Теперь он в наших руках!..

— Кранц, мы успеем арестовать этого преступника еще сегодняшнею ночью!

— Арестовать недолго, — отвечал Кранц, — но не лучше ли отложить до утра?

— Почему же до утра? — нетерпеливо спросил прокурор, который не мог простить Штирнеру свой отказ от обвинения и постыдную сцену братания с преступником.

— Очень просто, — отвечал Кранц. — Мы имеем дело не с обычным преступником, поэтому должны принять меры предосторожности и обдумать каждый шаг, бить наверняка. Банк крепко запирается на ночь и хорошо охраняется. Если мы пойдем ночью, то, несмотря на все предосторожности, мы поднимем суматоху, которая предупредит врага. Лучше пойти утром, в час открытия банка, когда там еще немного клиентов. Прийти в штатском, вооружившись только револьверами. Войти по одному, не возбуждая подозрения банковских сторожей и служащих, а потом сразу броситься наверх, застать врага врасплох и захватить.

Несмотря на все нетерпение, прокурор принужден был признать эти соображения опытного сыщика правильными и отложить арест Штирнера до утра.

— Но я думаю, — продолжал Кранц, — что нам, может быть, придется отложить и еще на один день...

— Этого не доставало! — воскликнул сухой старик в очках, министр внутренних дел, лично прибывший в комитет.

Кранц поднял брови.

— Что делать, ваше высокопревосходительство, я уже изволил докладывать, что надо обдумать каждый шаг, буквально каждый шаг. Мы должны хорошо знать все расположение дома Эльзы Глюк, все входы и выходы, точно знать комнату, где помещается Штирнер, и прочее. Надо собрать эти сведения, а на это потребуется время.

Все вновь приуныли.

Вдруг начальник полиции ударил ладонью себя по лбу:

— Позвольте! Я, кажется, нашел выход. Поистине сама судьба благоприятствует нам! Только на днях я зачислил в мою канцелярию одного молодого человека — Рудольфа Готлиба; известна вам эта фамилия?

— Еще бы! Неудавшийся наследник. Племянник покойного банкира!

— Вот вам проводник, Кранц, — улыбаясь, сказал начальник полиции. — Лучшего не найти. Он на правах будущего наследника изучил весь дом сверху донизу. К Штирнеру питает самое искреннее чувство ненависти. Словом, человек вполне подходящий.

— Отлично, но где его достать?

— Нет ничего легче! — Начальник полиции позвонил по телефону и отдал распоряжение.

Не прошло часа, как заспанный Рудольф Готлиб сошел в подвал, где заседал комитет.

Сонливость Рудольфа прошла сразу, когда он узнал, зачем его вызвали. У него загорелись глаза. Сжимая кулаки, Готлиб воскликнул:

— Теперь я посчитаюсь с вами, господин Штирнер!

Начальник полиции сиял.

— Господин начальник, — обратился к нему Рудольф, — я убедительно прошу вас не отказать в одной покорнейшей просьбе!

— В чем дело, мой друг?

— Разрешите мне собственноручно убить эту гадину!

— Ну как же так, без следствия и суда? — замылся министр юстиции. — Ведь у нас пока нет прямых улик.

— А знаете, господа, — вдруг вмешался в разговор прокурор, — молодой человек прав. Дело слишком серьезное, чтобы играть в правосудие. Что все это проделал Штирнер, едва ли кто из нас сомневается. Кранц прав, говоря, что мы имеем дело не с обычным преступником. Значит, к нему должны быть применены необычные меры. Этого требует охрана государства и граждан. Если мы будем возиться со Штирнером, я не уверен, что во время суда над ним он не заставит меня вместо обвинительной речи поцеловаться с ним и предложить ему папироску. Когда на карте стоит судьба страны, — а это так и есть, — с нашей стороны было бы прямо преступно рисковать и, быть может, выпустить врага из рук во имя соблюдения формальностей. И потом... гм... мы в своем кругу... Разве Штирнер не может быть убит при попытке к бегству? Как ни осуждают такой способ, по существу, в нем нет даже обмана, потому что какой же преступник не желает *избежать* наказания и не воспользуется всяким случаем к бегству? Таким образом, мы одним ударом отделаемся от врага.

— Совершенно верно! — отозвался начальник полиции. — Кто попирает законы общества и государства, тот вне закона!

— Вы метко стреляете, Готлиб? — спросил Кранц?

— Пуля в пулю, весь заряд.

— Ну что ж, в добрый час! — сказал начальник полиции.

До наступления утра обсуждался план нападения. Было

решено идти только четверым: Рудольфу Готлибу, Кранцу и двум надежным агентам полиции. Эти двое брались как резерв.

— Чем меньше, тем лучше, — говорил Кранц.

В девять часов утра отряд был в сборе, вооружен парабеллумами, снабжен точными инструкциями.

— В добрый час! — еще раз сказал начальник полиции.

Отряд благополучно проник в банк, поднялся во второй этаж и, руководимый Рудольфом, направился к кабинету. Встречавшимся лакеям тихо, но повелительно приказывали стоять на месте.

Кабинет был пуст. Один из агентов стал у входной двери, другой — у двери, смежной с комнатой Штирнера, а Рудольф в сопровождении Кранца приоткрыл дверь таинственной комнаты Штирнера и бегло осмотрел ее. Комната была почти лишена мебели. Кровать с тумбочкой, небольшой шкаф и туалетный столик составляли всю обстановку. Половина комнаты была отгорожена дубовой, довольно массивной перегородкой. Штирнер сидел у зеркала за туалетным столиком и брился. На весь этот осмотр потребовалось не больше нескольких минут. Штирнер еще не успел повернуть головы на шум открываемой двери, как две собаки Штирнера бросились на Рудольфа, прежде чем он успел вынуть револьвер. В то же время Штирнер, сидевший задом к двери, увидел рудольфа в отражении зеркала и, вскочив со стула, в два прыжка был у перегородки, открыл дверь и скрылся за нею. Рудольф и Кранц, отбиваясь от собак, — им дана была инструкция стрелять только по Штирнеру, чтобы не поднимать раньше времени шума, — бросились к перегородке и стали стучать.

— Откройте, Штирнер! — кричал Готлиб. — Откройте, чего вы испугались?

Дверь открылась назад так неожиданно, что Рудольф, напавший на нее, споткнулся.

— Осторожнее, не упадите! — спокойно сказал Штирнер. — Куш, Фальк! Куш, Бич!

Собаки покорно улеглись, положив морды на вытянутые лапы, но продолжая внимательно следить глазами за посетителями.

— Я к вашим услугам, господин Рудольф Готлиб! — сказал Штирнер, усаживаясь опять за туалетный столик.

Рудольф Готлиб положил на этот же столик револьвер, взял кисточку и начал намыливать шею и щеки Штирнера.

Потом Рудольф взял бритву и начал ею брить.

Штирнер окинул голову назад, и Рудольф внимательно и осторожно брил горло.

— Немного беспокоит, Готлиб... Поточите бритву!

Рудольф направил бритву на ремне и продолжал брить.

Кранц стоял возле, как на часах.

— Благодарю вас, Готлиб. Вы прекрасно бреете. У вас талант, и я советую вам не зарывать его в землю. Откройте парикмахерскую. Вы? — вопросительно обратился Штирнер к Кранцу.

— Кранц! Иоганн Кранц! К вашим услугам! — вдруг ожил Кранц. И, бросив револьвер, схватил платяную щетку и начал чистить платье Штирнера.

— Благодарю вас, вот вам за труды! — И Штирнер дал им по мелкой монете.

Они униженно раскланялись и пошли к двери.

Выйдя из дома, все они разошлись в разные стороны.

Агенты пропали без вести.

Кранц явился в тюрьму и потребовал, чтобы его засадили в одиночную камеру.

Начальник тюрьмы принял это за шутку, но Кранц весь покраснел от гнева и затопал ногами.

— Я имею распоряжение от самого министра арестовывать всех, кого найду нужным, и прошу не рассуждать! Вы не смеете не доверять словам служебного лица!

Начальник тюрьмы пожал плечами и отдал распоряжение. Кранца увели и заперли. Начальник тюрьмы справился по телефону, но получил ответ, что никто не давал приказаний арестовывать Кранца, что, наоборот, его очень ждут в комитете. Кранц, однако, категорически отказался выходить из тюрьмы.

— Если вы попытаетесь вывести меня силой, я буду стрелять! — угрожающе кричал он. — Меня сам Кранц засадил, сам Кранц только и может выпустить!

Начальник тюрьмы махнул рукой.

— С ума спятил или напился!

Так как Кранц никогда не расставался с оружием, то было опасно применять к нему силу.

— Черт с ним, пусть сидит!

И Кранц сидел, наблюдая из дверного волчка за часовым в коридоре.

— Ты что плохо смотришь? — Кричал он часовому. — Разве можно надолго останавливаться в одном конце? Службы не знаешь? Иди сюда, проверь замок, чтобы я не убежал.

Кранц, очевидно, составлял исключение из правила, о котором говорил прокурор: Кранц не обнаруживал никаких попыток к бегству. Из всех участников неудавшегося нападения в комитет вернулся только один Рудольф Готлиб! Но от него трудно было добиться толку. Он был растерян и мрачен. На все вопросы, нетерпеливо задававшиеся ему членами комитета, он отвечал какой-то несуразицей.

— Выбрил!

— Кто выбрил? О чем вы говорите?

— Я выбрил Штирнера.

Члены комитета переглянулись в недоумении.

— Может быть, это иносказательно, преступный жаргон, обозначающий убийство? — тихо спросил министр начальника полиции.

— Что-то не слыхал такого выражения, — ответил начальник.

— Да вы скажите толком, жив Штирнер или убит?

Рудольф обвел всех мутным взглядом, потом, горько улыбнувшись, ответил:

— Живей нас! Начисто выбрил! Надо будет открыть парикмахерскую!

VII. «ТРИЛЬБИ»

— Людвиг, наконец-то! — встретила Эльза Штирнера обычными словами и протянула руки. — Ты совсем забыл меня!

Они стояли в зимнем саду, разглядывая друг друга после долгой разлуки. В самом деле, они не виделись уже почти месяц, и за это время оба несколько изменились. У Штирнера лицо стало как-то суше, глаза запали, взгляд сделался беспокойным, и резкие переходы настроения стали появляться чаще. Эльза похудела так, что выступили ключицы и удлинился овал лица. Но ее взгляд стал неподвижным, больше затуманился, движения сделались вялыми и автоматическими. Внутренне она изменилась еще больше. Под

влиянием ненормальной душевной жизни, в которой она жила, казалось, начинался распад ее личности. Она думала отрывками, неожиданно, без связи перехода от мысли к мысли. Так же неожиданно ломалось ее настроение. Из живого человека она все больше превращалась в автомат. Это отражалось и на характере ее свиданий со Штирнером. Их разговор то обрывался на полуслове, то вспыхивал необычным оживлением...

Штирнер усадил Эльзу рядом с собой и прижал щеку к ее щеке. Она провела рукой по другой его щеке.

— Гладенький? Это Рудольф Готлиб выбрил меня!

— Готлиб? — удивленно спросила Эльза.

— Да, Готлиб, он хочет открыть парикмахерскую и тренируется, брея своих друзей.

Штирнер трескуче рассмеялся.

— Я не понимаю, Людвиг, ты шутишь?

— И не нужно понимать. Забудь о Готлибе.

Наступила пауза.

— Ты так изменился, Людвиг. Ты утомлен...

— Пустяки!

— Зачем ты так много работаешь? Может быть, у тебя есть неприятности?

Штирнер поднялся и стал нервно ходить.

— Неприятности? Наоборот. Все идет прекрасно. Но я устал... да... Я смертельно устал, — тихо проговорил он, полужакрыв глаза. — Забыться... Ты холодна ко мне, Эльза!

Открыв опять глаза, он скрестил руки и внимательно стал смотреть в глаза Эльзы.

Под этим взглядом она вдруг побледнела и стала тяжело дышать полукрытым ртом. Как в опьянении, она с протяжным стоном бросилась к Штирнеру, обвила руками его голову и, задыхаясь, стала покрывать поцелуями глаза, лоб, щеки. Наконец до боли, до крови впилась в его губы.

Штирнер неожиданно оттолкнул ее.

— Довольно! Иди на место! Успокойся!

Эльза покорно уселась на диван. Порыв ее прошел так внезапно, как и начался, оставив лишь утомление.

— Не то, не то... Проклятие! — бормотал Штирнер, быстро шагая между пальмами.

— Чем занималась ты, Эльза, последнее время? — спросил он, успокоившись.

— Я думала о тебе... — вяло произнесла она.

Штирнер кивнул головой с видом доктора, предположения которого оправдываются.

— А еще что ты делала?

— Я читала. В библиотеке я нашла старинный роман «Трильби» и перечитала его. Ты читал?.. Свенгали гипнотизирует Трильби, и она делается игрушкой в его руках. Мне было жаль Трильби. Я подумала, какой ужас потерять свою волю, делать, что прикажут, любить, кого прикажут!

Штирнер хмурился.

— И я подумала: как хорошо, что мы любим друг друга свободно и что мы счастливы!

— Ты счастлива?

— Да, я счастлива, — по-прежнему вяло говорила Эльза. — Свенгали, какой это страшный и сильный человек!..

Штирнер вдруг резко расхохотался.

— Почему ты смеешься?

— Ничего, так. Вспомнил одну смешную вещь... Свенгали — щенок. — И, направив на нее опять сосредоточенный взгляд, он сказал: — Забудь о Свенгали! Так ты читала?

— Я ничего не читала.

— Мне казалось, ты говорила про какой-то роман?

— Я не читала никакого романа.

— Музицировала?

— Я давно не играла.

— Идем, сыграй мне что-нибудь. Я давно не слышал музыки...

Они вышли в зал. Эльза уселась за рояль, начала играть «Весну» Грига. Играя, она тихо говорила:

— Эта вещь напоминает мне Ментону. Тихие вечера... Восходящая из-за моря луна... Запах тубероз... Как мы были счастливы тогда, в первые дни!

— Разве теперь ты не счастлива?

— Да, но... я так мало вижу тебя. Ты стал нервным, переутомленным. И я думала, зачем это богатство? Много ли нужно, чтобы быть счастливым? Уйти туда, к лазурным берегам, жить среди цветов, упиваться солнцем и любовью.

Штирнер вдруг опять трескуче, резко рассмеялся.

— Завести огород, иметь стадо коз. Я пастушок, ты прекрасная пастушка; Польша и Виргиния... Любимая белая козочка с серебряным колокольчиком на голубой ленте.

Венки из полевых цветов у ручья. Идиллия!.. Ты еще слишком много думаешь, Эльза. Идиллия!.. Людвиг Штирнер в роли доброго пастыря козлиного стада! Хе-хе-хе!.. Ты, может быть, и права, Эльза. С четвероногим стадом меньше забот, чем с двуногим. Забудь о Ментоне, Эльза! Надо забыть обо всем и идти вперед, все выше, выше, туда, где орлы, и еще выше... достигнуть туч, похитить с неба священный огонь или... упасть в пропасть и разбиться. Оставь! Не играй эту сладкую идиллию. Играй что-нибудь бурное. Играй пламенные «Полонезы» Шопена, играй Листа, играй так, чтобы трещали клавиши и рвались струны.

Покорная его словам, Эльза заиграла с мощью, превосходящей ее силы, «Полишинель» Рахманинова. Казалось, мятущаяся душа Штирнера переселилась в нее.

Штирнер ходил по залу большими шагами, нервно ломая пальцы.

— Так!.. Вот так!.. Крушить! Ломать!.. Так я хочу!.. Я один в мире, и мир — моя собственность!.. Теперь хорошо... Довольно, Эльза... Отдохни!..

Эльза в изнеможении опустила руки, тяжело дыша. Она, почти теряла сознание от сверхъестественного напряжения.

Штирнер взял ее под руку, провел в зимний сад и усадил.

— Отдохни здесь. У тебя даже лоб влажный...

Он вытер ей носовым платком лоб и поправил спустившиеся пряди волос.

— Что пишет Эмма? Ты давно получала от нее письма? Эльза несколько оживилась.

— Да, я забыла тебе сказать. Вчера я получила от нее большое письмо.

— Как ее здоровье?

— Лучше. Но врачи говорят, что ей нужно еще побыть на юге месяца два. Ребенок тоже здоров.

— Чтобы сообщить это, ей потребовалось большое письмо?

— Она много пишет о муже. Она жалуется, что у Зауера стал портиться характер. Он сделался мрачен, раздражителен. Он уже не так внимателен к ней. Эмма боится, что его любовь к ней начинает охладевать...

Штирнер с тревожным любопытством выслушал это сообщение Эльзы. Казалось, любовь Зауера к Эмме инте-

ресует его больше, чем любовь Эльзы к нему самому. Штирнер задумался, нахмурился и тихо прошептал:

— Не может быть!.. Неужели я ошибся в расчетах? Огромное расстояние... Но ведь это ошибка... Нет! Не может быть!.. Надо проверить...

Он вдруг быстро встал и, не обращая на Эльзу никакого внимания, не простившись с нею, быстро вышел из зимнего сада.

— Людвиг, куда же ты? Людвиг! Людвиг!..

В большом зале замирали удаляющиеся шаги.

Эльза опустила голову и задумчиво смотрела на рыбок, плавающих в аквариуме. Беззвучно двигались они в зеленом стеклянном кубе, помахивая мягкими хвостиками и открывая рты. Маленькие пузырьки, блестящие, как капли ртути, всплывали на поверхность.

— Опять одна!..

VIII. ПАНИЧЕСКАЯ ЗОНА

Прокурор посетил лично Кранца в его «самовольном» заключении, желая узнать подробности неудавшегося налета на Штирнера.

— Послушайте, Кранц, — начал прокурор вкрадчиво, — вы всегда были образцовым служащим. Скажите мне, что произошло у Штирнера и почему вы подвергли себя одиночному заключению.

Кранц стоял навытяжку, руки по швам, но не поддавался на увещания.

— Преступник, оттого и сижу. А в чем мое преступление, сказать не могу. Отказаться от дачи показания — мое право. Можете судить!

— Но как же вас судить, если мы не знаем вашего преступления?

— А мне какое дело? Буду сидеть в предварительном заключении, пока не узнаете. Если Кранц сказал «нет», значит нет. Дело кончено, не будем говорить. Но я, заключенный, имею жалобу на тюремный режим.

— В чем дело, Кранц? — заинтересовался прокурор.

— Безобразие! Подали к обеду борщ. Зачерпнул я ложкой и выловил кусок мяса граммов на двести. А поверх борща — жирок. Если такими борщами в тюрьмах начнут кормить, то и честные люди станут разбойниками. Непоря-

док! Я вам заявляю категорически, господин прокурор: если только пищу не ухудшат, я объявляю голодовку, так и знайте! Или такое, например, здесь водится: конвойные провожают преступников из одиночных камер в уборную, расположенную в конце коридора, вместо того, чтобы поставить парашу. Разве это порядок? Им, может быть, параша выносить лень, а я из-за этого сбежать захочу, а меня при попытке к бегству... того... Прошу принять меры к неуклонному выполнению тюремных правил внутреннего распорядка!

Прокурор даже рот приоткрыл от удивления.

Правда, куску мяса в двести граммов и жирку в борще он не удивился: прокурор хорошо знал, что другие заключенные не вылавливают кусков мяса из жидкой, вонючей похлебки. Но требование об ухудшении пищи! Таких требований еще никогда не приходилось выслушивать прокурору.

«Бедняга, — подумал прокурор, — у него совсем мозги набекрень после визита к Штирнеру!» — И, желая быть как можно мягче, прокурор заговорил:

— Я вас очень прошу, Кранц, скажите мне обо всем, как старшему товарищу. Ведь мы так много работали вместе... Ну дайте хоть какое-нибудь показание!

— Дать вам показание? Вот вы чего захотели! Если преступники будут давать показания, то что останется делать нам, сыщикам? По миру идти? Вы хотите оставить нас безработными? Нет-с, я не сделаю подлости против своих товарищей! Пусть они раскроют мое преступление и получают награду!

Прокурор был ошеломлен этой неожиданной логикой и огорчен неудачей.

Кранц заметил это. Казалось, ему стало жалко прокурора. Кранц порылся в карманах, извлек оттуда мелкую серебряную монету и протянул ее прокурору, как нищему.

— Вот все, что могу вам дать!

Прокурор машинально протянул руку, взял монету и с недоумением смотрел на нее.

— Приобщите к вещественным доказательствам. Деньги, полученные преступным путем...

Это была монета, полученная Кранцем от Штирнера «на чай».

Прокурор молча удалился, вертя меж пальцами вещественное доказательство.

«Какого ценного работника мы потеряли! — думал он. — И все Штирнер! Неужели нам не удастся покончить с ним?»

Когда члены комитета, с нетерпением ожидавшие прокурора, спросили его, чем кончился его визит к Кранцу, прокурор только рукой махнул и безнадежно опустился в кресло.

— Что же делать? Неужели Штирнер непобедим? — спросил министр внутренних дел.

Поднялся начальник военного округа, которого называли «железный генерал», — сухой, бодрый старик с щетинистыми фельдфебельскими усами.

— Что делать? — начал он неожиданно громким и молодым для него голосом. — Я вам скажу, что делать. Объявить Штирнеру настоящую войну. Простите мне, старику, господин министр, но у вас, штатских, должно быть, нервы слишком слабы. Послали пару полицейских, они проворонили дело, и вы уже говорите о непобедимости какого-то проходимца, едва ли даже нюхавшего порох. Вот что надо делать. — И «железный генерал» начал кричать, как будто он уже командовал на поле сражения миллионной армией. — Объявить в городе осадное положение. Оцепить дом Эльзы Глюк сплошным кольцом линейных войск и идти на приступ. Да, на приступ! На всякий случай подвезти артиллерию. И если, — чего я не допускаю, — пехотная атака почему-либо не удастся, смести с лица земли дом. Картечи и гранаты еще никому заговаривать не удавалось. Вот что надо делать, а не паникерствовать!

Энергичная речь «железного генерала» внесла струю бодрости и оживления.

Против проекта генерала раздавались отдельные голоса, но и они возражали не по существу самого проекта.

— Могут пострадать соседние дома...

— Чем виноваты живущие со Штирнером, хотя бы его жена?..

— Я сказал, что до бомбардировки, по всей вероятности, не дойдет, — отвечал генерал. — Но если бы и так: война без жертв не бывает. Лучше пусть погибнет несколько сот человек, чем все государство.

— Нельзя ли хоть предупредить граждан и эвакуировать их?

— Нельзя! Предупредить их — значит предупредить врага. Лучше этого дела не откладывать. Сегодня ночью, если на то будет ваше согласие, я сам поведу моих обстрелянных солдат, и посмотрим, что запоеет этот непобедимый!

— Но только без артиллерийского огня! — сказал военный министр.

— Почему?

— Потому что он уничтожит не только Штирнера, но и его орудие, а оно... может пригодиться и нам.

С этим все согласились.

В окрестностях города на совещании штаба «железный генерал» изложил свой план.

— Перед нами нелегкая задача. Мы ограничены директивами правительства — не прибегать к артиллерийскому огню. Я имею приказ — захватить Штирнера живым; если это будет невозможно, убить его, но сохранить в неприкосновенности дом со всеми находящимися в нем предметами. Мы имеем дело с необычайным врагом. Мы должны вести борьбу в центре города. И тем не менее тактика уличных боев едва ли здесь применима. Какой же это *уличный бой*, когда мы не можем нащупать врага, его слабые стороны? Если же нам удастся благополучно проникнуть в дом и только там столкнуться со Штирнером, то это... гм... это уже будет «домашний бой». Первое, о чем мы должны позаботиться, это исключить всякую возможность бегства Штирнера. Далее. Нам известно, что Штирнер излучает лучи, или направляя их по известному сектору, или охватывая ими определенную окружность. Притом, по-видимому, его лучи, — будем так называть его орудие, — не на всех действуют одинаково. Все это заставляет нас распределить наши силы по всему району боя и иметь резервы. Пусть пехота движется по улицам к месту боя сплошной массой. Если первые ряды будут поражены и, скажем, в панике бросятся назад, задние должны напирать, силою подвигая головные отряды вперед. Так, может быть, нам удастся попасть к самому дому Штирнера. Кто знает, может быть, таким путем они окажутся в «мертвой зоне», вне «обстрела», как это имеет место при артиллерийских боях. Я буду сопровождать головной отряд.

— Ваше превосходительство, — сказал адъютант

Корф, — это было бы крайне неосмотрительно с вашей стороны.

— Господин полковник, — довольно резко ответил генерал, — разрешите мне самому определить свое место на поле сражения. Подчеркиваю, для данного случая.

Полковник, привыкший к грубостям генерала, смолчал и только густо покраснел.

— Я сам знаю, что это рискованно, — продолжал генерал. — Но всякая война — риск, а не игра в домино. Чтобы руководить боем, я должен знать оружие врага. Я должен испытать на себе действие враждебного «огня», чтобы убедиться, так ли он смертоносен для закаленного бойца, как и для слабонервного обывателя.

Наступило молчание. Штабные офицеры стояли хмурые. Адьютант прервал это тяжелое молчание. Он знал, что спорить с упрямым генералом невозможно. Адьютанту не нравился весь этот план наступления, «с генералом на белом коне впереди», напоминающий старинные банальные олеографии. Но делать было нечего. Оставалось только подумывать о последствиях.

В двенадцать часов ночи из разных частей города к Банковской улице и Биржевой площади потянулись отряды солдат в полном боевом снаряжении. С головным отрядом ехал сам «железный генерал» на прекрасной арабской лошади золотистой масти.

— Целая армия на одного, да еще на штатского!.. Это позор, но, черт возьми, лучше такой позор, чем гибель страны!

Генерал проехал улицу, примыкающую к Биржевой площади. Дом Эльзы Глюк одной стороной выходил на эту площадь, а другой — на Банковскую улицу.

— Посмотрим, что он у нас запоет! — сказал генерал, зорко всматриваясь в видневшийся дом Эльзы Глюк, и прищипорил коня.

Арабский скакун, красиво перебирая тонкими ногами, пошел на площадь, но лошадь вдруг без видимой причины захрапела, прижала уши и сразу подалась корпусом назад, задрожав всем телом. Генерал был озадачен. Что могло испугать Абрека, который не дрожал даже от рева пушек? Генерал похлопал лошадь по шее.

— Что ты, Абрек, дурачишься? — сказал он и дал шпоры.

На этот раз Абрек, вступив на площадь, поднялся на дыбы и, повернувшись на задних ногах, бросился назад. В тот момент, когда лошадь поворачивалась и задние ноги ее на мгновение переступали черту, отделявшую улицу от площади, генерал почувствовал, как холодок жути пробежал и по его спине. А Абрек находился уже в нескольких десятках метров от площади.

— Что за чертовщина? — проворчал генерал. Его вдруг охватил тот порыв гнева и ярости, который, бывало, находил на него в самые опасные минуты. Генерал повернул лошадь к площади и изо всех сил вонзил шпоры в бока. Абрек, не привыкший к такому жестокому обращению, мотнул головой, прижал уши и бросился вперед полным карьером. С разгона он влетел на площадь и тут, страшно захрипев, сделал такой прыжок в сторону, что генерал — лучший кавалерист во всей армии, — как срезанный, свалился с лошади. Но он, казалось, даже не заметил этого. Его сознание, нервы, весь его организм, так же, как и у его лошади, были потрясены необычайным, сверхъестественным ужасом. Он пришел в себя только на улице, куда вытащил его Абрек, волоча за ногу, запутавшуюся в стремени. Отряды пехотинцев уже подошли к этому месту.

«Видали!.. Какой позор!..» — думал генерал. Он поднялся, отряхнулся и, подавляя смущение, сказал подъехавшему адъютанту:

— Ничего... Не беспокойтесь, пустяки! Проклятый Абрек, чего-то испугавшийся, выкинул такой фокус, что сам дьявол не усидел бы.

Генерал не сказал о том паническом ужасе, который испытал он сам, чтобы «не понижать боевого настроения» и не опозориться еще больше перед офицерами и солдатами.

— Все части стянуты?

— Все на местах. Улицы, ведущие на площадь, и даже проходные дворы заняты...

— Банковская улица?

— Вход в эту улицу также занят.

— Хорошо! Ждите сигнала!

Как только по приказу генерала сияющие дуги ракет склонились над домом Глюк, войска двинулись на приступ.

Тут произошло нечто невероятное.

Такой паники не приходилось видеть генералу за всю свою долгую боевую жизнь. Генерал стоял недалеко от

площади на площадке автомобиля и кричал своим громовым голосом:

— Вперед! Вперед! Стрелять буду!..

Но его никто не слушал. С солдатами творилось что-то необыкновенное. В смертельном ужасе метались они, бросая винтовки, давя друг друга. Стон и крики стояли над площадью. Задние ряды напирали, вступившие на площадь рвались назад... Генерал отдал приказ теснить беглецов. Сплошные ряды войск, запрудившие улицу, выдавливали на площадь головные колонны. Площадь превратилась в беснующийся ад, но она понемногу наполнялась.

Вдруг какая-то новая волна разлилась более широким кругом, и паника охватила также войска, шедшие по улице. Волны эти набегали, как ледяное дыхание смерти, прокатываясь по рядам, и стройные колонны солдат превращались в дикое стадо обезумевших животных. Солдаты бросались друг на друга, спасались в подъездах, воротах домов, а оттуда им навстречу в паническом ужасе выбегали граждане.

Паника наполнила и дома. Люди прятались под кровати, залезали в шкафы. Некоторые выбрасывались из окон на головы солдат, на штыки. Женщины хватали детей и с дикими воплями металась по комнатам, как будто весь дом был объят пламенем. По коридорам и лестницам домов бурлили потоки людей, потерявших голову. Одни бежали вверх, другие — вниз, катались по лестнице, топтали упавших женщин и детей. Ужаснее всего было то, что никто не знал причин паники, никто не знал, от кого нужно спастись. Но постепенно в этом хаотическом, бурлящем потоке образовалось движение в одну сторону; возможно, что солдаты задних рядов, до которых еще не докатились волны паники, видя картину всеобщего смятения, побежали назад и увлекли за собой других. Этот поток обратного движения все рос. Казалось, люди нашли путь к спасению, и они побежали все в одном направлении с такой бешеной скоростью, как будто их преследовали тысячи пулеметов.

Пробежав три улицы, адъютант увидел своего «железного генерала» — человека, не знавшего страха. Генерал, без каски, в разорванном мундире, с безумными глазами, перескакивал через груды упавших тел, пробивая дорогу огромными кулачищами.

А «заградительная паническая зона», как после называли

это явление, все ширилась. Она захватила собой и здание, в котором заседал комитет общественного спасения. Члены комитета и все правительство бежали.

Только к утру паника утихла, но комитет не решался возвращаться в город.

Столица была потеряна. Оставалось спасать страну. Но в это уже почти никто не верил. Когда члены комитета разыскивали друг друга, в соседней деревушке был устроен военный совет. «Железный генерал» был совершенно подавлен неудачей и находился в полном отчаянии...

— Перед чертом штыки бессильны, — сказал он и мрачно опустил голову.

Штирнер победил. Он мог распоряжаться страной по своему желанию, как ни один деспот в мире.

IX. «ДРУЖЕСКАЯ ПОМОЩЬ»

Иностранные государства с интересом следили за исходом борьбы немецкого правительства со Штирнером. Французские и английские банкиры не скрывали своего удовольствия, когда телеграф и радио приносили известия о разорении и гибели крупнейших немецких банкиров — конкурентов на международном денежном рынке.

— Отлично! Молодец Штирнер! — говорили иностранные банкиры и уже подсчитывали будущие барыши.

Они считали Штирнера необычайно удачливым финансистом, но были уверены, что в конце концов сорвется, как сорвался когда-то выросший как на дрожжах концерн Стиннеса. Могущество Штирнера росло, превосходя все ожидания, всякую меру. История капитализма не знала такой быстрой и головокружительной карьеры, какую оказалась карьера этого финансового Наполеона. «Солнце Аустерлица» разгоралось над ним все ярче, и не было никаких признаков, указывающих на приближающееся «Ватерлоо».

Все чаще, все упорнее стали проникать слухи о том, что успех Штирнера имеет какие-то необычайные причины, что в его руках есть какие-то таинственные средства воздействия на людей, которых он обезволивает, подчиняет своему влиянию, делает игрушкой в своих руках.

Когда Штирнер стал на путь борьбы с правительством,

опасливо зашевелились не только иностранные банкиры, но и государственные деятели.

Поражение «железного генерала» и бегство правительства произвели ошеломляющее впечатление во всем дипломатическом мире.

Один против всех! Один против государства! Без армии, пушек, без единого выстрела — и он вышел победителем из борьбы!..

Оставаться пассивными зрителями больше было нельзя. Иностранным государствам приходилось определить свое отношение к узурпатору.

Во Франции Штирнер на время заслонил собой вопросы и внутренней политики и даже колониальных войн. Событиям в Германии были посвящены специальные закрытые заседания совета министров и палаты депутатов. Собрания эти носили бурный характер.

Небольшим большинством голосов в конце концов было принято решение: принципиально участие в борьбе со Штирнером признать необходимым, предложив свою помощь Германии, но активно выступить, только обезопасив себя со стороны Англии.

Англия относилась к событиям в Европе более спокойно, хотя внимательно наблюдала за ходом борьбы со Штирнером. Английский кабинет министров довольно скоро установил единство мнения.

— Германия достаточно обессилена европейской волной, и дальнейший развал Германии может нарушить европейское равновесие. Штирнер, по мнению кабинета, непосредственной угрозы для других стран не представляет, может быть, его властолюбие не идет так далеко. Если во Франции смотрят иначе, то это их дело. Но нельзя допускать, чтобы Франция единолично вмешалась во внутренние дела Германии, хотя бы и с согласия последней. Кроме того, хотя Штирнер и узурпатор, но он, по-видимому, неплохой хозяйственник. Нужно посмотреть, как он поведет дело. А как вывод из всего этого: следует предложить Франции обождать с выступлением. Если же Штирнер проявит намерение вмешаться в дела иностранных государств или затронет их интересы, выступить совместно с Францией.

Ответ этот, сообщенный Франции, вызвал негодование

среди милитаристов, которые взывали к достоинству нации.

— Нельзя вечно идти на поводу Англии! — говорили они, призывая к немедленному выступлению, хотя бы уже только для того, чтобы доказать независимость французской политики.

Однако к немедленному выступлению встретились препятствия дипломатического свойства. Германское правительство, не без основания опасавшееся, что «искренняя помощь» со стороны Франции обойдется слишком дорого, не торопилось принять руку этой помощи.

Притом немецкое правительство еще не теряло надежды покончить со Штирнером собственными силами.

Несмотря на неудачный исход сражения, «железный генерал» пользовался еще большим авторитетом в военных и министерских кругах, а он был решительным противником иностранного вмешательства.

— Что нам даст это вмешательство, — говорил он, — кроме нового унижения и новых налогов? Я уже предлагал на военном совете пустить в ход дальнобойные пушки, чтобы снести с лица земли проклятое гнездо... Но мне возражали: это поведет к напрасной гибели, быть может, нескольких тысяч наших граждан, ни в чем не повинных мирных жителей. Такой сентиментализм вреден! Лучше обречь на гибель несколько тысяч, чем все государство!

— И не только это, ваше превосходительство, — прервал его речь военный министр, в душе завидовавший популярности «железного генерала». — Решающим мотивом, который заставил нас отказаться от применения артиллерийского огня, было выдвинутое мною соображение, что, уничтожив тяжелой артиллерией до основания дом Готлиба, мы вместе со Штирнером начисто уничтожим и его изобретение. А оно... Его жалко уничтожить! Если бы нам удалось овладеть орудием Штирнера, ого! — Министр даже мечтательно закрыл глаза. — Мы посчитались бы с Францией, мы уничтожили бы всех наших врагов, мы...

— Правил бы миром? — резко ответил «железный генерал». — Остановка за малым: захватить живьем Штирнера. Я уже пробовал. Пусть попробуют другие!

После долгих прений атака Штирнера из тяжелых дальнобойных орудий была решена.

И когда огромная дальнобойная пушка выпустила из

чудовищного жерла снаряд в два человеческих роста длиною и он, разрезая воздух с потрясающим шумом, понесся по направлению столицы, «железный генерал» не мог скрыть своего восторга. Для него этот громовой удар был сладок, как симфония.

— Ого! — И он расхохотался. — Летит! Нуте, господин Штирнер, заставьте свернуть этот гостинец с пути!

— Теперь огонь батарей! Скорее, пока он там не одумался, если еще не переселился на небо.

Казалось, обрушилась земля. От сотрясения воздуха солдаты не могли устоять на ногах. И только «железный генерал», как бог войны, стоял с сияющим лицом. Казалось, он стал еще выше. Морщины около глаз собрались в хищно-веселую улыбку.

— Огонь! — крикнул он. Но, несмотря на звучный голос, его никто не услышал: потрясенные барабанные перепонки отказывались воспринимать слабые звуки человеческого голоса.

Генерал в нетерпении махнул рукой, показывая на орудия.

Прислуга занялась подготовкой к следующему выстрелу, но вдруг, будто обессилев, артиллеристы склонились и стояли неподвижно на своих местах.

— Что же вы? — крикнул «железный генерал». — Огонь!

Солдаты не двигались.

«Железный генерал» подбежал к одному из них и дернул за плечо, но солдат как будто даже не заметил этого.

«Железный генерал» стал неистово ругаться и топтать ногами. Его сознание леденила мысль о том, что Штирнер жив и уже пустил в ход свое невидимое орудие.

Так же неожиданно артиллеристы ожили и стали вдруг поворачивать орудия, стоявшие на круглых площадках, в обратную сторону. Никогда еще они не делали этого так четко, автоматически и быстро. Ошеломленный генерал не успел прийти в себя, как пушки были повернуты и грянул залп, один, другой, третий... Залпы не смолкали, пока не был расстрелян весь запас снарядов. И снаряды летели один за другим, неся смерть соседним городам и мирным селениям.

«Железный генерал» уже не кричал, не волновался. Он понял все, понял, что его приказы напрасны перед неведомо-

мой силой, сковавшей волю солдат. Сознание катастрофы подавило, ошеломило его. Он сам чувствовал себя скованным неведомой силой. В изнеможении опустил он на землю и низко склонил побледневшее лицо.

А когда последний залп замолк и наступила звенящая тишина, генерал вынул из кобуры револьвер и приставил к виску. Кто-то выбил револьвер из его рук.

— Стыдно, ваше превосходительство! — сказал адъютант.

Генерал как будто даже не заметил этого. Он продолжал сидеть, тупо глядя на землю. Кругом, как трупы, валялись упавшие от изнеможения солдаты.

* * *

Вечерело. Молодой месяц пробирался по светлому еще небу между клубами облаков. Но люди не видали месяца, не слышали свиста птицы в соседнем лесу. Они были полумертвы.

Только адъютант еще бодрился. Он даже нашел в себе силы послать из походной радиостанции телеграмму правительству об исходе сражения, хотя в этом едва ли была нужда: снаряды, падавшие на города и селения, сами разнесли весть о катастрофе.

— Скверно... — тихо сказал адъютант, уселся недалеко от генерала на походный стул и закурил папиросу, рассеянно глядя на небо.

Его внимание неожиданно было привлечено точкой на горизонте, то появлявшейся, то исчезающей между туч. Опытный глаз адъютанта скоро определил, что это летит аэроплан. И летит, по-видимому, прямо на Берлин. За ним следовал другой, третий, целая эскадрилья.

«Чьи это могут быть аэропланы? — подумал адъютант. — Мы не отдавали распоряжения нашим летчикам... Может быть, военный министр распорядился, узнав об исходе сражения? Но было бы безумием посылать людей на верную гибель после того...» — Не окончив мысли, он подошел к генералу и осторожно тронул за плечо.

— Ваше превосходительство!

— Да, да... Все кончено! Корф, зачем вы отняли у меня револьвер? — вспомнил вдруг генерал. — Отдайте мне. Все равно я не переживу этого позора.

— Ваше превосходительство, на Берлин летит эскадрилья аэропланов.

— Глупость... чушь... вам мерещится...

— Извольте посмотреть!

Рокот аэропланов уже ясно был слышен среди вечерней тишины.

Генерал устало повернул голову.

— Черт! Действительно! Дурачьё! Этого еще не доставало. Запросите по радио: чьи?

Адъютант послал радиogramму, но ни один аэроплан не ответил.

Генерал начал ругаться: он оживал.

«Наконец-то пришел в себя!» — подумал адъютант, улыбаясь.

Генерал быстро поднялся на ноги и как-то весь встрепетнулся, словно его окатили бодрящим, холодным душем.

— У вас молодые глаза, Корф, чьи аэропланы, вы не видите?

Аэропланы уже были довольно близко, но летели они на значительной высоте, притом быстро темнело от сгущавшихся туч. Над местом канонады собиралась гроза. Ветер крепчал. Он качал аэропланы, но, видимо, руководимые опытной рукой, они хорошо справлялись с ветром...

— Трудно разобрать...

— Осветите аэропланы прожекторами.

Через несколько минут яркие лучи света залили аэропланы. Генерал и адъютант вооружились биноклями.

— Или мне мерещится, — сказал генерал, — или...

— Вам не мерещится. Я совершенно ясно вижу... Это американские аэропланы.

— Час от часу не легче! — Генерал грузно опустился на стул и, положив бинокль на колени, смотрел на удаляющиеся аэропланы.

— Вы понимаете, что происходит? — спросил он адъютанта.

Корф, продолжая смотреть в бинокль, пожал плечами.

— По-видимому, они держат путь на Берлин... Значит, Америка.

— Но как? Почему?

— Их, кажется, ветром относит несколько в сторону.

Вмешательство Северо-Американских Соединенных

Штатов в борьбу со Штирнером было неожиданностью не только для «железного генерала», но и для всей Европы.

Пока между европейскими государствами происходили дипломатические переговоры, в Вашингтоне, который зорко следил за всем происходящим, быстро приняло решение.

Америка не могла оставаться безучастной. Мало того, что разрушительная работа Штирнера понижала платежеспособность одного из европейских должников, Вашингтон еще раньше военного министра Германии учел все те последствия, которые могут произойти, если Германское правительство, покончив с самим Штирнером, сумеет овладеть его средством борьбы. Америка раньше других оценила все значение этой новой могучей силы. Если овладеть этой силой самой Америке было трудно, то нужно было уничтожить орудие Штирнера вместе с ним, чтобы его тайна не попала в другие руки. И чем скорее это сделать, тем лучше. Но как? Американская техника уже значительно овладела способом управления аэропланами по радио, и они могли пролетать большие пространства без летчиков, по установленному в месте отправки направлению, и автоматически сбрасывали разрывные снаряды большой разрушительной силы на заранее определенном месте. Единственно, что еще не было закончено, это механизм для получения с летящих аэропланов съемки всего пролетаемого пути, чтобы все время следить за полетом и корректировать его. Но откладывать выступление до окончания этих работ было признано рискованным. Точность механизмов и тщательно составленные военные географические карты, казалось, могли обеспечить успех... Америка также рано поняла и то, что со Штирнером возможна лишь борьба механизмами, направленными без людей, с большого расстояния от него. Правда, Атлантический океан и путь по Европе от западного берега Франции был слишком велик. На таком большом протяжении воздушные течения могли изменить первоначальный полет аэропланов, несмотря на все автоматические «выпрямители». Поэтому необходимо было отправить их в путь по крайней мере с территории Франции, но для этого требовалось ее согласие, равно как нужно было и согласие Германии на этот налет на Берлин. Для американской дипломатии не составило труда получить от европейской дипломатии нужный ответ.

Американским правительством были посланы по этому

поводу Франции и Германии очень почтительные ноты, составленные в самых изысканных формах дипломатической вежливости. А одновременно с почтительными нотами были посланы короткие, но энергичные напоминания о немедленной уплате задержанных платежей государственного долга.

Ответ не замедлил: Франция и Германия ответили такими же любезными нотами, с выражением согласия на вмешательство Америки, и одновременно до унижения почтительно они просили об отсрочке платежей.

Америка великодушно согласилась на отсрочку и послала свои аэропланы. Она даже не дождалась замедлившегося ответа Германии, будучи в нем вполне уверена, и американские аэропланы, которые увидели «железный» генерал и его адъютант, летели над Германией в тот момент, когда министр только еще подписывал ответ.

Однако Америка была обманута в своих расчетах. Буря отнесла аэропланы в сторону. Только один из них сбросил бомбы на столицу, снесши до основания королевский дворец. Остальные аэропланы посбрасывали свои смертоносные грузы в окрестностях города, произведя значительные опустошения.

Американцев не смутила неудача, они отправили новую эскадрилью. Но тут немцы, видя плачевные результаты воздушной экспедиции, сначала взмолились, прося избавить их от такой сокрушительной помощи, а потом, видя, что им нечего терять, послали энергичный протест, вызывая вместе с тем к общественному мнению Европы. Америка не обратила бы на этот протест внимания, если бы не изменилось положение на театре военных действий.

Штирнер, очевидно все усовершенствовавший свое необычное орудие, вдруг послал направленное мыслеизлучение, прорезавшее не только Германию, но и всю Францию до самого океана.

Все попавшие в полосу этого луча узнали, что думал Штирнер.

«Вы хотите поднять мировую войну против меня? Я принимаю вызов! Ваши орудия ничтожны по сравнению с моим. Оставьте поэтому борьбу. Если же безумие овладело вами, я сделаю вас еще безумнее. Шлю последнее предупреждение!»

И, очевидно изменив несколько угол луча, Штирнер

послал свое мыслеизлучение. Все, кто попал в этот луч в Германии и Франции, действительно обезумели. Буйное помешательство охватило даже экипаж и пассажиров парохода, плававшего у берегов Франции. Люди бросались в безумии в волны, кочегары взорвали котлы, пароход потонул. Больницы для душевнобольных переполнились. Буйнопомешанные бродили по улицам, бросались на прохожих, наводя панику. Несколько человек, особенно опасных и сильных, пришлось застрелить.

Вся Европа переживала панику. В Вашингтоне царило непривычно подавленное настроение. Несколько американцев-инженеров, участников экспедиции, подпавших под действие лучей Штирнера, привезенные из Франции, производили удручающее впечатление. Впервые Америка переживала такой удар, тем более чувствительный национальному самолюбию, что он был нанесен могущественному государству одним человеком, да еще европейцем.

На время пришлось прекратить военные действия, и Штирнер отдыхал от того постоянного огромного напряжения, в котором он находился во время «боев».

Х. В ПОИСКАХ РАВНОГО ОРУЖИЯ

Зауеры жили на побережье Средиземного моря, в Оспидалетти, недалеко от Ментоны. Эмма имела основание жаловаться в своем письме к Эльзе на мужа. В первое время по приезде Отто Зауер был очень нежен и внимателен к своей больной жене. Он сам выносил ее на руках на широкую веранду, заботливо усаживал в кресло и вывозил в колясочке ребенка. Целыми днями просиживали они так, любуясь лазурным морем, следили глазами за проходящими пароходами и легкими, изящными яхтами, за гидропланами, с воркованием летевшими вдоль побережья. Они почти не говорили друг с другом, но это молчание было легким молчанием счастливых людей. Изредка Эмма с радостной улыбкой протягивала Зауеру руку, он пожимал ее и не выпускал из своей.

Южное солнце оказывало на ее здоровье благотворное влияние. Скоро румянец вернулся на ее щеки, силы прибывали, и через три недели она уже была на ногах.

Но радость выздоровления стала скоро омрачаться тем, что Зауер начал относиться к жене все более холодно. Она

уже не находила, проснувшись, на столике у кровати свежего букета окропленных водой гвоздик, фиалок и темно-красных душистых роз. Зауер все реже сидел с нею на веранде. И молчание их стало тягостным. Оно уже не сближало, а отдаляло их.

— Ты уходишь? — тоскливо спрашивала Эмма, видя, что Зауер поднимается.

— Не могу же я торчать здесь целый день, — грубо отвечал он и уходил к себе в комнату или из дому.

Однажды, войдя неожиданно в комнату мужа, она застала такую картину.

Зауер с грустью и нежностью смотрел на портрет Эльзы, сидя у письменного стола с открытым ящиком.

Будто тонкая игла пронзила сердце Эммы. Эмма вспыхнула, хотела выйти незамеченной. Но Зауер увидел ее в отражении большого зеркала. Их взгляды встретились, Эмма смутилась еще больше. А Зауер нахмурился, лицо его стало злым. Он бросил карточку в стол, со стуком задвинул ящик и, не оборачиваясь, глядя в ее зеркальное отражение, раздраженно сказал:

— Что у тебя за манера врываться в комнату, когда я... занимаюсь?

— Прости, Отто, я не знала...

И она тихо вышла из комнаты.

Сердце маленькой Эммы было ранено.

Она забралась в свою комнату и долго плакала, склонившись над колыбелью сына.

— Бедный мой мальчик, крошка моя! — плакала она, осторожно целуя головку ребенка, и несколько слез упало на его волосы.

Вечером она не спала и думала, думала... Это было так не похоже на маленькую Эмму.

— Так вот почему охладел ко мне Отто! — думала она, ломая руки. — Он любит другую. Эта другая — Эльза! Это так естественно. Ведь они любили друг друга. Как я могла забыть об этом? Почему Зауер женился на мне, если он любит Эльзу? Но он любил и меня, мое сердце не обманешь. А Эльза?..

Все это было слишком сложно для Эммы. Тяжелые мысли, неразрешимые вопросы, как горная лавина, обрушились на нее и сразу раздавили нежный цветок ее счастья.

— Отто, Отто! — шептала она в отчаянии и плакала бессильными слезами.

Бороться? Она не создана для борьбы.

К утру она приняла решение: написать Эльзе то самое письмо, которое Штирнера взволновало больше, чем Эльзу.

Женское чутье подсказало Эмме верный тон письма: она ни слова не упомянула в письме о случае с карточкой. Она только делилась с Эльзой, как с подругой, своим горем.

Полусознательно Эмма ставила этим письмом ловушку своей сопернице, надеясь, что та как-нибудь выдаст себя, если она продолжает любить Зауера.

С нетерпением Эмма ожидала ответа Эльзы и, наконец, получила его.

Руки не повиновались, когда она вскрывала конверт, сердце замирало, а строки прыгали перед ее глазами.

Но, прочитав письмо, Эмма вздохнула с облегчением.

— Нет, Эльза не умеет лгать!

Эльза утешала Эмму, уверяла, что Отто опять будет нежен «к своей маленькой куколке»; главное же, что успокоило Эмму, — Эльза больше писала о себе, о своей любви к Штирнеру, о своем счастье, о своих тревогах... Она искренне выражала беспокойство, что Штирнер стал плохо выглядеть, что он переутомлен и чрезвычайно нервен. У Эммы отлегло от сердца. Конец письма даже рассмешил ее.

«Ты не узнала бы теперь Штирнера. Он отпустил бороду и теперь стал похож на пустытника-монаха...» — писала Эльза.

— Представляю себе! Вот чудовище-то!

Эмма повеселела.

Но Зауер скоро заставил ее вновь погрузиться в безысходное отчаяние.

После случая с портретом Эльзы Зауер стал с Эммой еще более резок и груб.

Он приходил теперь на веранду, когда там сидела Эмма, только для того, чтобы посмотреть на сына. Не обращая внимания на Эмму, Зауер усаживался у детской коляски и начинал возиться с малышом.

Эмма с волнением следила за мужем, ловила его взгляд, но Отто не замечал ее. Иногда решалась заговорить.

— Эльза писала, что Штирнер плохо выглядит и очень переутомлен...

— Мир только выиграет, если подохнет эта скотина, — сквозь зубы отвечал Зауер.

Эмма была удивлена резкой переменой Зауера к Штирнеру. Теперь Зауер не мог слышать его имени. Но Эмма не решалась спросить о причинах этой перемены. И они сидели молча.

Как-то Эмме показалось, что Зауер в хорошем настроении. По крайней мере он был спокойнее обычного. Над морем летала стая аэропланов.

— Отто, а почему аэропланы не падают? — спросила вдруг Эмма.

— До какой степени ты глупа, Эмма! — ответил Зауер. — Поразительно, как я этого не замечал раньше!..

Эмма побледнела от горя и обиды.

— Ну что ж, можешь оставить меня, — ответила она дрогнувшим от слез голосом. — Возьму маленького Отто и уйду...

— Пожалуйста! Удерживать не буду. Но сына я тебе не отдам! — И, поправив одеяльце на ребенке, он вышел.

Эмма, уже не сдерживая слез, подошла к ребенку и склонилась над ним.

— Неужели я лишусь и этого?

На дорожке сада заскрипел под чьими-то ногами песок.

— Могу я видеть господина Зауера?

Эмма наскоро вытерла лицо платком и обернулась. Перед нею стоял молодой человек, в летнем белом костюме, с рыжими волосами и веснушками на лице.

«Где я видела это лицо?» — подумала Эмма.

— Вы не узнаете меня? Мы, кажется, встречались.

— Ах, да, да, господин Готлиб!

— Рудольф Готлиб, вы не ошиблись.

На голоса вышел Зауер. Готлиб поклонился.

— Господин Зауер, мне нужно с вами поговорить по весьма важному делу.

Они прошли в кабинет.

— Надеюсь, вам известно из газет, — начал Готлиб, — о всех событиях последнего времени.

— Я не читаю газет, — ответил Зауер.

Готлиб поднял с изумлением брови.

— Но об этом говорит весь мир!

Зауер был несколько смущен. С самого приезда на Ривьеру он совершенно не читал газет, как будто забыл об их

существовании. Почему? Он сам не знал этого. И теперь вопрос Готлиба заставил его самого призадуматься.

— Я хотел отдохнуть, — ответил Зауер, чтобы как-нибудь объяснить странность, — а в газетах всегда есть что-нибудь, что взволнует или расстроит... все эти политические дразги...

— В таком случае я должен вам осветить положение вещей. Дело идет уже не о политических дразгах, а об опасности, которая угрожает целой стране, быть может, всему миру.

Готлиб рассказал Зауеру о необычайной войне между комитетом спасения и Штирнером и о бесславном поражении «железного генерала».

Зауер слушал с возрастающим вниманием, прерывая иногда рассказчика ругательствами по адресу Штирнера.

Эти реплики, видимо, очень нравились Готлибу.

— Я чрезвычайно доволен, — сказал Готлиб, окончив рассказ, — что вы, кажется, так же мало расположены к Штирнеру, как и я. Каждый из нас имеет свои причины ненавидеть Штирнера. Но вы с ним работали, были его правой рукой, и я, признаюсь, опасался, что вы и сейчас на его стороне. Тогда моя миссия не увенчалась бы успехом... Я послан комитетом, — собственно, это была моя идея, — но я имею полномочия... Мне казалось, что вы единственный человек, который может открыть тайну необычайного влияния Штирнера на людей, тайну той силы, которою он обладает. В настоящее время большинство ученых склоняется к тому, что Штирнер овладел тайной передачи мысли на расстояние. Но секрет этой передачи не открыт. И если бы вы захотели... вы могли бы оказать нам огромную услугу... и награда...

Зауер поднялся и в волнении прошел по комнате.

— Награда? Свалить этого изверга Штирнера — лучшая награда для меня!

В этот момент Зауер подумал об Эльзе.

Ему вспомнилась сказка о принцессе, попавшей в руки злого волшебника. Штирнер — это волшебник. А он, Зауер, рыцарь, который должен освободить принцессу от чар. Освободить! Но как?..

— Я охотно помог бы вам, господин Готлиб, если бы хоть что-нибудь знал наверное. Собственно говоря, у меня имеются только догадки. Насколько мне известно, Штирнер до

поступления на службу к вашему покойному дядюшке занимался научной деятельностью в области изучения мозга и передачи мыслей на расстояние. Он делал опыты над животными, и я сам видел, что эти животные проделывали чудеса. Я лично думаю... — Зауер помолчал, как бы колеблясь, затем продолжал, — что ваш дядюшка, Карл Готлиб, погиб не естественной смертью... Это собака, бросившаяся под ноги старика в момент приближения поезда, — пусть Штирнера не было в этот момент, — она могла действовать по его внушению.

Рудольф Готлиб привстал и вытянул вперед голову. От волнения он тяжело дышал.

— Я всегда думал, что в деле наследства скрыто преступление! — воскликнул он. — Но почему вы не высказали своих подозрений во время процесса? Больше того, на суде вы защищали интересы Эльзы Глюк...

Зауер пожал плечами.

— Я думаю, что я, как и все окружающие Штирнера, находился под влиянием этого ужасного человека. Я не ученый и не знаю, каким путем Штирнер внушает людям свои мысли. Но я думаю, что власть его ограничена известным кругом воздействия. Сужу я об этом по тому, что только здесь, вдали от него, я почувствовал, как стал постепенно освобождаться от какого-то гипноза, «размагничиваться» от того заряда, который, очевидно, получен мною перед отъездом. Или Штирнер не достиг еще возможности действовать на большие расстояния, или же он сделал мне, при моем отъезде, недостаточно сильное внушение, и оно со временем ослабело.

— Вы правы, — сказал Готлиб. — Но Штирнер, по-видимому, непрерывно совершенствуется, круг, сила и длительность его воздействия все увеличиваются. И кто знает, может быть, уже завтра мы не будем в безопасности и здесь.

Зауер вздрогнул.

— Опять? Опять подпасть под власть этого человека? Сделаться игрушкой в его руках? Нет, лучше бежать на край света! А еще лучше уничтожить Штирнера. Освободить себя и других!..

— И если это так, тайна успеха Штирнера в этом, то бороться с ним можно только равным оружием. Кто даст нам его?

Они молчали. Зауер что-то обдумывал.

— Да, вы правы, — сказал он. — Бороться можно только равным оружием. Мне сейчас пришла мысль. Не может же быть, чтобы только один Штирнер занимался разрешением проблемы о передаче мысли на расстояние! Надо поискать среди ученых...

— Мы искали, — сказал Готлиб, — обращались к ученым, работавшим в этой области. Но их так мало. Мы запрашивали одного итальянского ученого. Он ответил, что то, что делает Штирнер, еще недоступно современной науке. Или Штирнер гений в этой области, ушедший вперед, или тут что-нибудь иное.

— Но не один же итальянец...

— Мне приходилось читать об опытах еще одного ученого. Правда, он даже не имеет профессорского звания...

— И потому вы не обратились к нему? — с иронией спросил Зауер.

— Признаюсь...

— А Штирнер разве гнет нас в дугу своим профессорским званием? Надо непременно найти этого ученого! Нельзя упускать ни одного шанса.

Подумав немного, Зауер сказал:

— И нельзя упускать ни одной минуты. Вот что: я еду с вами, мы разыщем этого ученого и послушаем, что он нам скажет. Да, еще одно. Штирнер жил на вилле в Ментоне, это рядом. Надо заглянуть туда: не оставил ли он после себя каких-нибудь следов?

Зауер быстро собрался в дорогу.

— Эмма, — сказал он, встретив жену на веранде, — я уезжаю.

— Надолго? — тревожно спросила Эмма.

— Не знаю, но думаю, что надолго. — Холодно простившись с нею, он быстро вышел в сопровождении Готлиба.

А Эмма не знала, плакать ли о том, что Зауер покинул ее, или радоваться, что он не лишил ее ребенка.

Зауер, имевший доверенность от Штирнера, беспрепятственно проник в виллу Эльзы Глюк и внимательно осмотрел все помещение.

В одной из комнат, почти пустой, был найден огромный кусок металлического сплава. На полу валялись обрывки проволоочной спирали, обломки фарфоровых изоляторов, клеммы, зажимы.

— Чистая работа! — сказал Готлиб, разглядывая сплав-

ленную глыбу металла. — Штирнер умеет прятать концы в воду. Ясно, что здесь стоял какой-то аппарат. Но как удалось ему расплавить весь металл, не обуглив даже пола?

— Ну что ж, нам здесь делать больше нечего, Готлиб. Едем искать противоядное оружие. Где находится ваш не-дипломированный ученый?

— В Москве.

XI. МОСКОВСКИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Месяц спустя Зауер и Готлиб входили во двор-колодец на Тверской-Ямской, недалеко от Триумфальных ворот. Шестиэтажные дома плотно обступали асфальтированную площадку. Голоса игравших детей гулко отдавались среди высоких стен.

— Кажется, здесь, — сказал Готлиб, просматривая номера квартир у входной двери дома. — Идем, Зауер. Пока все идет хорошо.

— Фу, черт возьми, когда же кончится эта лестница? Удивительно, как это могут люди жить без лифта! — ворчал Зауер, тяжело дыша. — Какой номер квартиры?

— Двадцать девятый.

— А это двадцать пятый. Значит, на самый верх.

— Ничего, вам полезен моцион, вы слишком быстро полнеете, Зауер, — сказал Готлиб и нажал кнопку.

Зауер был разочарован тем, что он увидел, войдя, наконец, к Качинскому. Ни обстановка комнаты, ни сам изобретатель не соответствовали тому, что представлял себе Зауер.

Он ожидал увидеть кабинет, заваленный и заставленный всякими машинами, с тем беспорядком, который присущ изобретателям.

Жилище Качинского не напоминало лаборатории современного Фауста.

Это была небольшая комната с широким венецианским окном. У окна стоял большой письменный стол с пишущей машинкой. Другая машинка помещалась на небольшом столике, примыкавшем к узкой стороне письменного стола. Эти машины, одна с русским, другая с латинским шрифтом, да небольшой чертеж ветряного двигателя по системе Флетнера на стене у стола были единственными неясными указателями характера работ владельца комнаты.

Над широким турецким диваном висела неплохая копия с картины Грёза, изображавшая девушку с характерным «грёзовским» наивно-лукавым выражением глаз.

Зауер посмотрел на эту головку и поморщился. Ему вспомнилась Эмма. Он сравнивал ее с грёзовскими девушками, когда так неожиданно влюбился в нее.

Рядом с головкой Грёза висели два пейзажа. На отдельном маленьком столике помещалась чугунная статуэтка, изображавшая одну из конных групп Клодта, стоящих в Ленинграде, на Аничковом мосту.

Небольшой буфет, шкаф с зеркалом, стол посреди комнаты, застланный чистой скатертью, и несколько обитых кожей стульев с высокими спинками дополняли обстановку.

На всем лежала печать чистоты и аккуратности. И это тоже сбивало с толку Зауера. Сидя в этой комнате, можно было представить, что находишься в Берлине, Мюнхене, но никак не в Москве.

Совсем иначе представлял он себе и русского изобретателя. Эта порода людей, по мнению Зауера, должна отличаться особыми чертами. Но перед Готлибом и Зауером стоял скромный на вид, еще молодой человек со светлыми зачесанными назад волосами, светлыми глазами, гладко выбритым лицом, правильным носом и со скульптурно очерченной линией рта. Он был одет в темно-коричневую вельветовую блузу и брюки покроя галифе, заправленные в сапоги с узкими голенищами.

Рядом с ним стояла жена, в белой блузке, радушная и приветливая.

«Уж не ошиблись ли мы?» — подумал Зауер. Но они не ошиблись. Гости представились, и скоро завязалась оживленная беседа.

«И этот человек, — подумал Зауер, — быть может, обладает такой же могучей силой, как Штирнер, но живет и выглядит так просто! Неужели он не чувствовал соблазна использовать эту силу в личных интересах, как Штирнер? Стать необычайно богатым, могущественным? Или здесь люди действительно мыслят и чувствуют иначе?..»

Зауер постарался косвенно получить ответ на интересующий его вопрос.

— Скажите, — обратился он с шутливой улыбкой к жене Качинского, — а вам не страшно иметь такого мужа,

который может внушить окружающим все, что ему захочется, вам, например?

Качинская удивленно подняла брови.

— Зачем? Что особенного он мне может внушить? Мне и в голову никогда не приходила эта мысль. Для опытов у него есть лаборатория.

Качинский улыбнулся.

— Но все-таки это опасная сила, — сказал, несколько смутившись, Зауер.

— Как всякая другая, — ответил Качинский. — Нобель изобрел динамит, для того чтобы облегчить человеческий труд в борьбе с природой — взрывать гранит. А человечество сделало из этого изобретения самое страшное орудие истребления. И огорченному Нобелю оставалось только учредить на «динамитные доходы» премию мира, чтобы хоть немного искупить невольный грех перед человечеством. Штирнер в этом случае не исключение. Он только использовал эту новую силу в своих единоличных целях.

— Все зависит от того, в чьих руках находится топор, — продолжал Качинский. — Один рубит им дрова, другой — человеческие головы. опасность такого использования предвиделась еще до того, как Штирнер бросил вызов обществу. Когда первые мои опыты сделались известны широкой публике, меня прямо осаждали взволнованные обыватели. Несколько женщин приходили ко мне и уверяли, что злые люди уже подвергают их внушению на расстоянии. В отчаянии эти несчастные просили меня спасти их от «злых чар». Одна из них говорила мне, что какие-то студенты Харьковского университета так «заряжают» ее электрическими токами, что, когда она проходит мимо железных фонарных столбов, от нее с треском отлетает искра. «А когда я иду в калошах и шелковой шляпе, — говорит она. — тогда искры нет. Что мне делать? Я ложусь спать и чувствую, как электроволны наполняют меня, и слышу голос: «Теперь ты в нашей власти!» Я посоветовал ей накрываться шелковым одеялом, а в руку брать металлический предмет, соединенный с трубами отопления. «Заземлитесь, как в радиоприемнике». И она уверяла потом, что это помогло ей. Как только она «заземлялась», ее «крючило», ток уходил в землю. Она спокойно засыпала. Что мог я еще сделать? Это были просто нервно- или душевнобольные. Несколько

мужчин угрожали убить меня, если я стану применять свое изобретение.

«Я не желаю, — кричал один из них, — чтобы вы начинали мой мозг вашими мыслями!»

— И они правы в своих опасениях, — сказал Готлиб, желая скорее перевести разговор на практическую почву. — Ужасы, которые Штирнер сеет вокруг себя...

— Да, да, я тоже предвидел эту возможность, — сказал Качинский, — и поэтому я с самого начала работал в двух направлениях: над тем, как усовершенствовать передачу мысли на расстояние и как оградить людей от причинения им вреда.

— И что же, вам удалось это? — с интересом спросил Готлиб.

— Я думаю, что я разрешу задачу, — ответил Качинский.

— Позвольте мне задать один вопрос, — сказал Зауер. — Весь мир сейчас говорит о передаче мыслей на расстояние. Но, к стыду моему, я не знаю, в чем тут дело и почему только теперь вдруг люди открыли то, что, по-видимому, должно было существовать всегда.

Качинский оживился, а Готлиб недовольно вздохнул.

«Пойдет теперь теория, когда надо действовать!» — подумал он.

— В кратких чертах дело сводится вот к чему: каждая наша мысль вызывает ряд изменений в мельчайших частицах мозга и нервов. Эти изменения сопровождаются электрическими явлениями. Мозг и нервы во время работы излучают особые электромагнитные волны, которые расходятся во все стороны так же, как и радиоволны.

— Но почему же мы до сих пор не могли мысленно разговаривать друг с другом?

— Эти электроволны небольшой мощности и притом своеобразной природы. Поэтому в другом сознании отмечается излученная кем-либо мысль только в том случае, если эта мысль попадает в мозг, если можно так выразиться, одинаково настроенный.

— Словом, если «приемник-мозг» может принимать волны той же длины, какие посылает «передающая станция», то есть излучающий мозг?

— Совершенно верно. И случаи таких передач наблюдались давно между близкими людьми. Но так как эти случаи

невозможно было проверить и тем более объяснить научно, то наука их чаще всего просто отрицала, тем более, что этими загадочными случаями пользовались всякие спириты, телепаты, теософы и прочие мистики, пытавшиеся на этих научно не объясненных фактах доказать существование «духа», который может проявлять себя независимо от тела.

Качинский сделал паузу и продолжал:

— Один из таких «таинственных» случаев и натолкнул меня самого заняться вопросом о передаче мыслей на расстоянии.

— Это интересно! — сказал Зауер.

Готлиб в нетерпении повернулся на стуле.

— Дело было в Тифлисе. Мой друг болел тифом в тяжелой форме, и я часто навещал больного. Однажды я вернулся от него поздно ночью, потушил огонь и лег в кровать. Пробыло два часа. И вслед за боем часов я услышал совершенно отчетливо звук... как будто кто-то ложкой ударил несколько раз о край бокала из тонкого стекла. «Кошка!» — подумал я и зажег свет. Но, осмотрев комнату, я не нашел ни кошки, ни какого-либо стеклянного предмета, который мог бы дребезжать. Я не придавал значения этому случаю и скоро уснул.

Наутро, войдя в дом друга, я увидел ту особую суету, которая без слов сказала мне все. Друг мой умер в эту ночь. Его труп еще лежал в кровати, и я стал помогать убирать его.

«Когда он умер?» — спросил я.

«Ровно в два часа ночи», — ответила его мать.

Подходя к кровати, я толкнул ногой тумбочку, на которой стояли лекарства. Ложка, лежавшая в большом бокале тонкого стекла, повернулась, и я услышал знакомый звук.

«Где я слышал его? — с недоумением подумал я. — Вчера ночью. Нет никакого сомнения, что это тот же звук». И я спросил у матери моего друга, как умер ее сын.

«Ровно в два часа ночи я поднесла к его губам ложку с лекарством. Он только слабо шевельнул губами, но не мог уже пить. Я положила ложечку в стакан и наклонилась над ним. Он был мертв».

Случай этот заставил меня глубоко задуматься. Я, конечно, совершенно не допускал никакой сверхъестественности. Но чем же можно тогда объяснить этот случай? В то

время я читал курс лекций по радио в одной из школ. Я, как вам, вероятно известно, по профессии инженер-электрик. И первая мысль, которая у меня мелькнула, подсказала мне, что странное явление передачи звука должно быть электрического порядка, схожее с радиопередачей. Не излучил ли мозг умирающего друга электроволны, которые дошли до меня? Я стал изучать работу мозга и нервов уже здесь, в Москве. К моему удивлению, я нашел ряд очень близких аналогий в строении нервной системы и мозга с конструкцией радиостанции. Частицы мозга играют роль и микрофона, и детектора, и телефона; фибриллярные нити нейронов имеют на конце виток, удивительно напоминающий проволочную спираль — соленоид, вот вам самоиндукция. Интересно, что с физиологической точки зрения даже профессор-физиолог, с которым я работал, не в состоянии был удовлетворительно объяснить значение этой спирали. В свете же электротехники она получает вполне логичное объяснение. Природа, очевидно, создала этот виток для усиления электротоков. Есть у нас в теле даже лампы Раунда — это ганглиозные колбочки сердца. источник энергии сердца соответствует батарее аккумуляторов, а периферическая нервная система — заземлению. Так, изучая строение человеческого тела с точки зрения электротехники, я пришел к полному убеждению, что наше тело представляет собой сложный электрический аппарат — целую радиостанцию, способную излучать и принимать электромагнитные колебания. Вот, пожалуйста, посмотрите чертеж.

Но мне нелегко было, бесспорно, доказать наличие электромагнитных волн. Я вел свои опыты в лаборатории Дугова, который успешно занимается опытами внушения животным. Свой опыт я поставил таким образом: я собственноручно смастерил клетку из густой железной сетки, стоящую на изоляторах; сетка могла, по желанию, заземляться. Перед клеткой мы сажали собаку, а в клетке помещался Дугув. Когда клетка не была заземлена, собака удачно выполняла мысленные приказы Дугова. Но достаточно было заземлить металлическую оболочку клетки — и никакое внушение не доходило до собаки. Я думаю, вы понимаете почему: электромагнитные волны, попадая на металлическую сетку, уходили в землю, не достигая собаки. Таким образом, задача была разрешена. Наличие элек-

тромагнитных волн, излучаемых мозгом, было установлено. Иными методами электромагнитная природа мозговых и нервных колебаний была доказана и работами наших ученых: академиком Лазаревым, профессором Бехтеревым, а в Италии — профессором Казамали.

Готтлиб окончательно терял терпение.

— Это все чрезвычайно интересно, — наконец сказал он, — но, признаться, мы интересуемся не столько научной стороной, сколько практическими результатами ваших работ. Вы изволили сказать, что вам удастся разрешить задачу охраны населения от преступного использования нового средства воздействия на людей. Но вы еще не разрешили этой задачи. Короче говоря: сможете ли вы обезвредить Штирнера?

— Теоретически для меня вопрос решен, но опытной проверки в большем масштабе я еще не делал. Мы ограничивались опытами передачи мысли животным на коротком расстоянии. Моя «машина-мозг» вполне осуществима для современной техники. Я изучаю природу электромагнитных волн, излучаемых мозгом человека, устанавливаю их длину, частоту и так далее. Воспроизвести их механически уже не представляет труда. Усильте их трансформаторами, и мысли-волны потекут, как обычная радиоволна, и будут восприниматься людьми.

Машина моя строится и состоит из антенны, усилительного устройства с трансформаторами и катодными лампами и индукционной связи с колебательным контуром антенны. Вы можете излучить определенную мысль на антенну моей «передающей станции», она усилит это излучение и пошлет в пространство. Вот новая «пушка», при помощи которой мы будем обстреливать Штирнера.

Готтлиб вздохнул с облегчением.

— И скоро можно будет пустить эту пушку в дело?

— Недели через две, я думаю, удастся послать первый выстрел.

— В чем же он будет состоять?

— Мы застанем Штирнера врасплох и внушим ему, чтобы он вышел из дома и приехал к нам. И он будет в наших руках.

— Но где вы установите вашу «пушку»?

— Я думаю, что вам придется поехать возможно ближе

к нашей цели. Повторяю, пушка не испытана на опыте, и я не ручаюсь за ее действие на большом расстоянии.

— Но не опасно ли вступить в сферу влияния Штирнера? Ведь он обладает орудием более дальноточным, совершенным и испытанным?

— Другого выхода нет, мы должны пойти на риск.

— А изолироваться мы не можем? Ведь вы говорили, что думали и над защитительными средствами? — спросил Зауер.

— Конечно. Можно покрыть себя тонкой металлической сеткой, и электроволны, излученные мыслями Штирнера, будут осаживаться на сетку и проходить в землю. Мы будем нечувствительны к его излучениям, но в то же время такая изоляция лишит нас самих возможностей излучить мысль. Правда, мы можем действовать механически, при помощи «машины-мозга». Но мною еще недостаточно изучены электромагнитные волны мозгового излучения, и потому пока придется рисковать собой. Я буду передавать мысли на антенну без изоляционного костюма. Если же почувствую влияние излучения Штирнера, вы накинете на меня сетку. Сами же вы будете в изолированных костюмах.

— А что, если прямо идти в этих защитных костюмах в дом Штирнера и расправиться с ним? Авось на этот раз он не заставит меня щекотать его бритвой, вместо того, чтобы перерезать ему горло?

— Это значит идти на убийство...

— Туда ему и дорога!

— не только Штирнера, но и тех, кто пойдет его убивать. Штирнер, конечно, дорого продаст свою жизнь. Постараемся захватить его живым. Так будет лучше, и победа будет полней.

Готлиб встал. За ним поднялись Качинский и Зауер.

— Позвольте вас поблагодарить... — начал Готлиб.

— Не за что, — отвечал Качинский. — Поблагодарите, когда Штирнер будет в наших руках.

ХII. НЕМАЯ СТРАЖА

Штирнер сидел в кабинете за столом над чертежами и вдруг почувствовал неудержимое желание выйти из дома. Он уже поднялся и направился к двери, как промелькнувшая мысль заставила его остановиться: что, если он сам

оказался под воздействием чужой воли? Неужели они открыли его секрет и действуют тем же оружием? Очевидно, их воздействие не обладало достаточной силой: Штирнер не потерял способности рассуждать. Но непреодолимое желание выйти на улицу он ощущал совершенно ясно. Легкий холодок прошел по спине Штирнера. Он погиб, если сейчас же не освободится от влияния чужой мысли! Что делать? Как спасти себя? А его ноги непроизвольно уже донесли его до двери. У двери висело шелковое драпри. Рядом проходили радиаторы отопления. С чрезвычайным усилием воли Штирнер сделал шаг в сторону, сорвал шелковое драпри, накинул его на голову и уцепился руками за металлическую трубу отопления. Тотчас же он почувствовал, как желание выйти на улицу уменьшилось. Посылаемые неведомым врагом электромагнитные токи быстро уходили в землю. Штирнер вздохнул с облегчением. Но это еще не спасение. надо было обдумать создавшееся положение.

«В моей комнате, — думал Штирнер, — есть железная клетка, в которой я делал первые опыты. Если бы пробраться туда, войти в клетку, заземлиться... Как-нибудь отсижусь, а там видно будет. Но успею ли я добежать? Не разобьет ли противник мой волевой импульс, как только я отойду от заземления? Если бы еще не этот линолеум на полу! Черт возьми! Меня начинают бить моим же оружием. Это скверно. Прежде всего надо изолироваться. У меня есть металлическая сетка. Можно будет накинуть ее на себя... Потом я сделаю настоящий костюм. Но как достать ее? Эльза! Надо вызвать Эльзу».

Между Штирнером и Эльзой давно установился такой полный контакт, что довольно ему было подумать, даже без применения каких-либо усиленных излучения мысли, как она немедленно являлась. Штирнер начал мысленно призывать ее, как всегда ясно представляя весь путь, который должна та пройти. Но Эльза не шла. Шелковая материя на голове Штирнера задерживала излучения...

— Проклятие! — Штирнер приоткрыл шелк и полубнажил голову. В ту же минуту он почувствовал желание выйти из дома. Штирнер поспешно натянул на голову шелк и задумался. Одним глазом через щелку в шелковой материи он увидел недалеко на стене кнопку электрического звонка.

— Спасибо покойному Готлибу, он везде насажал этих звонков. Может быть, мне удастся вызвать слугу...

Звонок находился на расстоянии двух метров. Скользя рукой по металлической трубе, он стал приближаться к звонку. Труба окончилась. Следующий сектор отопления находился на расстоянии семидесяти сантиметров. Штирнер нагнулся, левой рукой ухватился за конец трубы, а правую протянул к трубе следующего сектора, следя в то же время, чтобы шелк не сползал с головы. Для этого он закусил края материи зубами. Так перебрался он к следующему сектору и, держась за трубу, нажал звонок.

— Что, если они послали внушение и слугам? Я пропал...

Штирнер с облегчением вздохнул, когда вдали послышались шаркающие шаги старика Ганса.

Ганс вошел в кабинет и с невозмутимым лицом вышколенного лакея, который умел скрывать удивление за маской почтительности, стал перед закутанным в шелк Штирнером.

— Ганс, в моей комнате... — сказал Штирнер и запнулся. Он еще никого не пускал в свою комнату. «Э, теперь не до того, — подумал он. — Я смогу ему внушить, чтобы он забыл все, что увидит там». В моей комнате находится металлическая сетка. Принесите ее немедленно сюда. Вот вам ключ...

Придерживая одной рукой шелк, как будто стыдливо закрывая свою наготу, Штирнер вынул другой рукой ключ и подал его Гансу.

Ганс молча удалился и принес тонкую металлическую сетку.

— Набросьте на меня!

Старик исполнил приказание с таким привычным видом, как будто он подавал пальто.

— Благодарю вас, Ганс. Теперь идите... Постойте! Вы ничего не испытываете, Ганс? Никаких особенных желаний? Ну, например, выйти на улицу?

— Куда там на улицу! Если правду сказать, господин Штирнер, я чувствую желание полежать... Больные ноги отдыха просят!..

— А давно появилось у вас это желание?

— Да уж лет двадцать, как к кровати стало тянуть...

— Идите, Ганс!

Штирнер быстро прошел в свою комнату, помещавшуюся позади кабинета.

— Ну, погодите! — сердито ворчал он, приводя в движение машины. Внизу загудели мощные моторы, загорелись лампы, машина заработала. «Выстрел» был послан, и он достиг цели.

В окрестностях города стоял большой грузовой автомобиль, на площадке которого была установлена радиостанция не совсем обычного устройства. Это была станция, спроектированная по схеме Качинского, для передачи с усилением излученной мысли.

Шофер, Зауер и Готлиб были в особых костюмах, сделанных из тончайшей проволоочной сетки, прикрывавшей все тело, не исключая лица.

— Наряд не совсем обычный, — смеялся Качинский, — но если мода узаконит его, он покажется даже оригинальным. В будущем мы просто станем делать в наших костюмах тончайшую металлическую прокладку. К сожалению, я не знаю, как обойтись без вуали. Но ведь носили же вуаль женщины! А мы будем изготавливать наши вуали не толще и не тяжелее шелковых.

— Снаряд послан, — говорил Качинский. — Я послал Штирнеру приказ выйти из дома и идти сюда.

— А как мы узнаем, что снаряд попал в цель? — спросил Готлиб.

— Я думаю, он так или иначе известит нас, если и не явится, — сказал Качинский. — Дело в том, что мы имеем и механическую приемную радиостанцию, кроме нашего собственного «приемника» — мозга. А в ней имеется прибор, автоматически записывающий излучения другой станции.

И Штирнер действительно «известил» их, хотя и совершенно неожиданным для нападающих образом.

В тот момент, когда Качинский без изолирующего костюма отправлял новую «мысль-снаряд», он вдруг упал на площадку автомобиля, сделал попытку подняться и упал снова. Он хотел сесть, но голова, а за ней и все тело свалилось на сторону.

Зауер и Готлиб бросились к Качинскому.

— Вы ранены? Контужены? Как вы себя чувствуете? — спрашивали они его. — Что у вас болит?

— Ничего не болит, и чувствую себя вполне здоро-

вым, — отвечал Качинский, делая новую попытку сесть и вновь падая на сторону, — но, черт возьми, я совершенно потерял чувство равновесия!..

Зауер, Готлиб и шофер были поражены. Готлиб поспешил накинуть на Качинского металлическую сетку, чтобы оградить его от новых излучений.

— Ну да, конечно!.. Чему же вы удивляетесь? Штирнер, очевидно, парализовал мозговые центры, которые управляют равновесием. Однако он далеко ушел в своих работах! Чувство равновесия — один из сложнейших и наименее разработанных вопросов. Профессор Бехтерев...

«А все-таки эти изобретатели совсем особая порода людей, — думал Зауер. — Его свалили с ног, и он беспомощно копошится на земле, как раздавленный червь, а сам рассуждает о своей рефлексологии!..»

— Это он нарочно, — продолжал Качинский, — чтобы показать своему противнику, с каким опасным врагом нам приходится иметь дело. Чувство равновесия...

— Это все очень интересно, господин Качинский, но сейчас нам надо позаботиться о вашем здоровье. Я думаю, — обратился Готлиб к Зауеру, — нам придется на этот раз отступить и эвакуировать нашего первого раненого в этой необычайной войне, чтобы подать ему медицинскую помощь.

Несмотря на протесты Качинского, который хотел продолжать дуэль на расстоянии, Зауер и Готлиб решили отступить.

— Помните, что на вас лежит ответственность за миллионы людей. Что, если Штирнер убьет вас или, скажем, лишит разума?

— Ну что ж, едем... — со вздохом согласился Качинский.

— Да, Штирнер — опасный противник, — продолжал Качинский, лежа в автомобиле. — Он обладает более мощным оружием. И сила его передачи так велика потому, что он, очевидно, пользуется направленной волной. Попробуем и мы действовать направленными волнами!..

— Вы лучше скажите, как вы теперь будете жить без чувства равновесия?

— Может быть, мне удастся найти его! — отвечал Качинский.

Готлиб с сомнением покачал головой.

Качинский выглядел совершенно беспомощным. Он не мог даже протянуть руки, она тотчас падала в сторону как плеть, хотя все члены его тела были совершенно невредимы.

— Посмотрите, Зауер, нет ли какой-нибудь записи на ленте аппарата.

Зауер посмотрел. Лента была испещрена кривыми линиями.

— Здесь что-то начерчено, но я ничего не понимаю...

— Я скоро сделаю прибор, который будет переводить эти знаки на буквы. — Качинский сделал безуспешную попытку протянуть из-под сетки руку. — Поднесите к моим глазам ленту, Зауер! Так... гм... он хочет напугать меня!.. Вот какую мысль он излучил:

«Вы проиграли сражение, так как потеряли свой единственный шанс: застать меня врасплох. *Штирнер*».

— Посмотрим, кто победит! — крикнул Качинский, в волнении поднял голову, которая тотчас же упала назад. — О, дьявол! Но вы не запугаете меня этим, Штирнер!

Подъехали к больнице. Качинского перенесли на руках. Стены комнаты завесили металлическими сетками.

Врачи ничего не могли понять в болезни Качинского, и ему пришлось с улыбкой объяснить им.

— К сожалению, медицина бессильна помочь вам, — сказал старший врач, разводя руками.

— Я знал это, — ответил Качинский. — Придется создавать новую медицину или прибегнуть к гомеопатии.

Врач недовольно тряхнул головой.

— Гомеопатия — шарлатанство.

— Не всегда, — улыбаясь, ответил Качинский. — принцип гомеопатии — лечить подобное подобным. Вот в каком смысле я говорю о гомеопатии.

Зауер первый понял мысль Качинского.

— Вы хотите применить для лечения ваш мыслепередающий аппарат?

— Ну конечно. Я передам «машине-мозгу» мысль, что мои мозговые центры, ведающие чувством равновесия, должны восстановить свою деятельность, потом сам восприму это излучение, усилив его. Так как Штирнер действовал на расстоянии, а я буду подвергать себя контрвоздействию возле самого источника излучения, то думаю, что

мне удастся вернуть потерянное чувство равновесия... Сделаем опыт!

Врачи с недоверчивым интересом следили за опытом. Но когда Качинский неожиданно поднялся с земли и начал размахивать руками, стоя на одной ноге, все зааплодировали.

— Это прямо чудо! — крикнул молодой врач.

— Если не была симуляцией сама «болезнь» Качинского, — тихо проворчал старый врач.

Так было положено начало новой медицины, получившей впоследствии широкое применение в самых различных областях — от лечения нервных болезней до совершения безболезненных операций без применения наркоза.

— Скажите, — спросил Зауер Качинского, когда они остались одни, — почему «удар», посланный Штирнером, поразил только вас? Ведь если Штирнер сумел точно определить направление, откуда послано им мыслеизлучение, то его ответный луч мог встретить на пути других людей, не защищенных сетками. Почему же луч не задел их?

Качинский подумал.

— Я думаю, это уж не так трудно объяснить. Штирнер, получив мое мыслеизлучение, мог тотчас проанализировать его длину, частоту волн — словом, все те характерные особенности, которыми отличается моя передающая радиостанция, то есть мой мозг. Ведь каждый мозг излучает электроволны, несколько отличающиеся от излучения мозга других людей. Установив характерные особенности моего мыслеизлучения, Штирнер послал ответную «пулю», поразившую меня, на волне той же длины и частоты. И она воспринята была только мною. Это самое естественное объяснение. Но я думаю, что он мог послать излучение и «на предъявителя», если так можно выразиться.

— То есть?

— То есть он мог послать мысленное внушение: «У человека, излучившего мысль против меня, должны парализоваться двигательные-волевые центры». Я человек, получивший это излучение, значит, у меня...

— Но разве можно делать такие внушения? Были такие случаи в практике гипноза?

— Не помню, хотя ничего невозможного в этом нет. Во всяком случае, первое объяснение мне самому кажется проще и логичней. Ну, с этим кончено. Теперь за дело! —

бодро сказал Качинский. — На этот раз мы попытаемся действовать иначе. Мы окружим Штирнера целым кольцом наших «пушек» и будем действовать на него сразу со всех сторон. Конечно, он может парировать наши удары, обходя круг своим направленным лучом. Но пока он будет делать этот круг, каждая наша «пушка» успеет излучить по снаряду мысли.

— А что, если нам направить наши излучения и на слуг в доме? Ведь если мы заставим их уйти из дома, Штирнеру некому будет приносить пищевые продукты, он будет обречен на голод и принужден будет сдаться, — сказал Готлиб.

— Прекрасно! Мы применим и этот способ, — согласился Качинский.

Срочно были изготовлены радиомашинны, излучающие мысль. Когда все было готово, «главнокомандующий» выехал на позицию с тридцатью «орудиями», которые были расставлены вокруг города на расстоянии нескольких километров.

Качинский отправил Штирнеру ультиматум:

«Наши мыслиеизлучения должны убедить вас в том, что настал конец вашему исключительному использованию новой силы — передачи мысли на расстояние. Наравне с вами этой силой владеют другие. Дальнейшая борьба при таких условиях бессмысленна. Она только усилит общественные бедствия и страдания масс. Если даже вы изолируете лично себя от влияния наших мыслиеизлучателей, мы парализуем вашу разрушительную деятельность; на всякое мыслиеизлучение массового характера мы ответим контризлучением, контрприказом. мы можем гарантировать оставление вас живым при немедленном выполнении следующих условий:

1. Немедленно вернуть нормальное состояние и свободу воли всем подвергшимся действию ваших мыслиеизлучений.

2. Совершенно прекратить в дальнейшем всякое мыслиеизлучение с вашей стороны.

3. Сдать все машины и электроустановку, обслуживающие мыслиеизлучения.

В случае вашего отказа или неполучения ответа я не остановлюсь перед крайними средствами.

Качинский».

В то же мгновение он отправил и мысленный приказ всем слугам Штирнера бежать из дома.

Но Штирнер был наготове.

Он прочитал автоматически записанную мыслерадиограмму и тотчас отправил ответ:

«Я сложу оружие тогда, когда сам найду это нужным».

Вдруг он заметил, что слуги бегут из дома. Он сразу понял причину этого бегства и послал сильнейшее излучение с приказом вернуться.

Слуги заматались, как в пламени пожара. Переkreщающиеся излучения двух противоположных мыслей бросали их из стороны в сторону, и они металась по дому. Два «желания» раздирали их одновременно: бежать из дома во что бы то ни стало и ни в коем случае не покидать его. Люди то бросались к дверям, то бежали обратно. Некоторые из них цеплялись за мебель, косяки дверей, отопительные трубы, чтобы удержаться на месте. И вся эта необычайная суеда происходила без единого звука.

Излучения Штирнера были ближе и, очевидно, сильнее.

Они удержали слуг. Постепенно слуги вернулись на свои места.

А в это время Штирнер уже послал новое излучение мысли.

Он поднял поголовно все население, еще оставшееся в городе, и дал приказ идти и разрушить машины врагов.

И люди бросились из города, как при землетрясении, выполнять приказ Штирнера. Эта атака была неожиданной. И толпе удалось разбить несколько мыслепередатчиков. Но большинство бойцов Качинского вовремя поняли значение бегущей толпы и излучили волны паники. И люди заматались в бешеном хороводе, смешались в водовороте двух излучений, не будучи в силах ни вернуться, ни наступать...

Штирнер и не надеялся на полный успех этой атаки. Ему нужно было только отвлечь внимание для главного удара. Он направлял волны в разные стороны, по кругу, и враги, не защищенные сеткой или неосторожно открывавшие этот неудобный наряд, падали, пораженные параличом, безумием. Этих раненых отвозили в тыл или лечили довольно успешно по способу Качинского. Нападающие не унимались. Их было больше, они поспешно заменяли вы-

бывших из строя, становились у своих мыслеотправительных машин и излучали мыслеволны день и ночь.

Штирнер засыпал на несколько часов в своем изолирующем костюме, но спать долго было опасно. Можно было ожидать физического нападения. Он одел в изолирующие костюмы всех слуг и вооружил их.

Штирнер устал, но не сдавался. Он спешно заканчивал новое усовершенствование своей передаточной машины, которая, по его мнению, должна была привести в негодность машины его врагов.

Война продолжалась несколько дней.

Однажды, передавая мыслеизлучения, парализовавшие воздействие Штирнера, Качинский стоял на автомобиле без изоляционного покрывала. Вдруг он соскочил с автомобиля и куда-то побежал. Зауер, закрывшись с головой изоляционной сеткой, спал на брезенте, а дежуривший Готлиб в первую минуту не придал значения бегству Качинского.

Была темная ночь. Проекторы не зажигались, чтобы не обнаружить местонахождения мыслепередатчика. Прошло несколько минут, а Качинский не возвращался. Готлиба стало охватывать чувство беспокойства. Он разбудил Зауера и сообщил ему о бегстве Качинского.

— Что вы наделали! — закричал Зауер. — Неужели вы не поняли, что Качинский попал под направленный луч Штирнера? Он погиб. Сколько времени прошло с тех пор, как он убежал?

— Минут десять. Он спокойно сошел с автомобиля, — оправдался Готлиб. — Я думал, может быть, он пошел по делу.

— Ну, можно ли так опростоволоситься, Готлиб? — Зауер сбросил покрывало — для скорости работы они накидывали на себя только металлические покрывала — и излучил мысль:

«Качинский, вернитесь! Качинский, вернитесь!...»

В тот же момент Зауер соскочил с автомобиля и побежал в темноту.

— Мы пропали!.. — услышал Готлиб удаляющийся голос Зауера.

Готлиб догадался отдать приказ шоферу переехать в другое место, чтобы выйти из зоны воздействия направлен-

ного излучения. Спешно он дал мыслеприказ всем передатчикам излучать мысль:

«Качинский и Зауер, вернитесь!...»

Мысль была излучена одновременно двадцатью мыслепередатчиками. Минут через десять из темноты показалась темная, качающаяся вперед и назад согнутая фигура, как будто она шла против сильнейшего ветра. Это был Зауер. Его удалось спасти. Но Качинский, очевидно, слишком близко подошел к очагу лучеизлучения со все усиливающейся мощностью воздействия, и рассеянное излучение ищущих наугад мыслепередатчиков уже не смогло вернуть его.

— Скорей покрывало! — вскрикнул Зауер.

Готлиб накинул на Зауера металлическую сетку.

— Спасибо, Готлиб. На этот раз вы хорошо сделали. Вы спасли меня... Но если бы вы знали, что я пережил, когда меня дергало!.. Шаг вперед, два назад... Препоганое чувство! Качинский вернулся?

— Увы, нет.

— Бедный Качинский! Он погиб... Погиб не вовремя... Без него мы не справимся со Штирнером.

— Будем продолжать борьбу, Зауер. Мы умеем обращаться с машинами. Наконец, если нам не удастся захватить Штирнера в плен мыслительным приказом, попытаемся напасть на него со старым оружием в руках. Одснем в изоляционные одежды большой отряд, вооружимся до зубов и проникнем к нему в дом. Изоляция сохранит нас от излучения, а пули, к счастью, не поддаются внушению... И мы прикончим его!

ХІІІ. «ЧЕРТОВСКИ ИНТЕРЕСНАЯ НОЧЬ»

Качинский, почти падая от усталости, подбежал к дому Эльзы Глюк. Его, очевидно, ждали. Перед ним раскрылись двери. Прыгая через несколько ступеней, Качинский вбежал на второй этаж и, тяжело дыша, вытирая пот со лба, вошел в кабинет и в изнеможении опустился в кресло.

Дверь из комнаты Штирнера открылась. На пороге появился человек, весь покрытый металлической сеткой, с густой металлической вуалью на голове, совершенно скрывавшей черты лица. Это был Штирнер.

— Ваша фамилия? — спросил он.

— Качинский.

— Поляк?

— Русский.

Штирнер помолчал.

— Вы мой племянник, — начал он после паузы. — Вы знаете, что я могу остановить ваше дыхание и вы умрете мучительной смертью от удушья. Я могу сделать из вас покорного раба. Я все могу сделать с вами.

— Я знаю, — ответил Качинский. — И это доставит вам удовольствие?

Штирнер опять помолчал.

— Война не знает пощады, — продолжал Качинский. — Я обречен и знаю это, но вы тоже обречены. И уж если со мной покончено и я лично больше не опасен вам, то позвольте мне, как ученому, обратиться к вам с просьбой.

— Говорите.

— Я хочу осмотреть ваши изобретения. Мне интересно узнать, каким путем шли вы в ваших изысканиях, как сконструированы ваши аппараты.

Штирнер был удивлен. Он подумал немного, потом подошел к Качинскому и протянул ему руку.

Но Качинский не принял рукопожатия.

Штирнер отступил назад и спрятал руку под сетку.

— Вот как! У вас там, в России, все такие герои? — с насмешкой спросил он.

— Я не вижу геройства в том, что отказался пожать вашу руку, — просто ответил Качинский. — Мы стоим на двух полюсах, и моя рука слишком далека от вашей, вот и все.

— Хорошо. Я удовлетворю вашу просьбу и, пожалуй, оставлю вам жизнь до утра, если вы согласитесь дать приказ своим соратникам прекратить излучение до девяти часов утра.

Качинский подумал. В конце концов несколько часов «перемирия» не имеют значения. И потом ему хотелось сообщить своим, что он жив.

— Я согласен.

Штирнер провел Качинского в свою комнату, где была установлена мыслеизлучающая станция.

— А это что такое? — спросил Качинский, обращая внимание на небольшой ящик из проволоочной сетки, в

котором мог поместиться человек в сидячем положении. — Вы также прошли через это?

— Да, — ответил Штирнер. — Это моя железная клетка, которой я пользовался в своих опытах, чтобы установить наличие электромагнитных волн, излучаемых мозгом.

— Удивительно! — сказал Качинский. — Мы шли одинаковым путем!

— Но разошлись в пути. Извольте излучить приказ вашему штабу.

Качинский сосредоточился перед аппаратом и передал приказ. Штирнер тотчас проверил верность передачи по автоматической записи.

Через четыре секунды та же лента дала ответ:

«Дайте доказательства, что это говорит Качинский», — излучил мысль Зауер.

Качинский передал содержание их последних разговоров, а также бесед в Москве. Видимо, Зауер удовлетворился.

«До девяти часов утра ни одного излучения и нападения не будет.

Зауер».

— Ну вот и прекрасно, — сказал Штирнер. — А теперь я запру вас в кабинете и покажу все свои чертежи. Вы проведете интересную ночь! — Штирнер закрыл дверь кабинета на замок и положил ключ себе в карман. — Садитесь вот здесь, у стола. Мне нужно кое-что передать из моей комнаты.

— Но я надеюсь, что вы не используете перемирия во вред нам?

— Не беспокойтесь. Эта мыслепередача будет частного, так сказать, семейного характера. — Штирнер усмехнулся и прошел в свою комнату.

Где-то внизу зашумел мотор. Через четверть часа Штирнер вышел из комнаты.

— Ну, вот и я! — И, вынув из шкафа пачку с чертежами, он бросил их на стол. — Наслаждайтесь! Здесь вы найдете все, вплоть до плана дома. Вы видите, я не скрываю ничего. Мощные динамомашины я установил в подвале.

Штирнер замолчал, походил по кабинету, потом, круто обернувшись, спросил Качинского:

— Вы не удивлены моим поведением? Я не убил вас,

предложил вам, моему врагу, ознакомиться с моими военными тайнами — вот с этими чертежами.

— Нет, не удивлен. Если вы не убили меня и предоставили возможность ознакомиться с этими планами, значит на это у вас есть свои соображения. Поэтому я и не спешу выражать ни удивления, ни благодарности за ваш «великодушный» поступок.

— Вы правы. Я поступаю так не из великодушия... — Штирнер помолчал. Он будто колебался, раскрыть ли ему перед Качинским причину своего поведения. Потом он медленно, как бы через силу, сказал: — Я проиграл сражение.

— Разумеется, — быстро ответил Качинский, — вы проиграли. С тех пор как ваша тайна открыта, — а известна она теперь не одному мне, — ваша монополия кончена. Ваша власть раскололась надвое, и дальнейшая борьба...

— Неправда! — крикнул Штирнер и топнул ногой. — Я еще не пустил в ход всех моих средств. Я ушел далеко по сравнению с вами на пути усовершенствования моих приборов. Я имею еще неизвестное вам изобретение. Аккумуляция волн и мысли миллионов людей, чудовищные усилители... Если бы я пустил все это в ход, то я раздавил бы вас, заглушил бы комариное жужжание ваших мыслеизлучений, как сверхмощная радиостанция глушит слабое лепетание радиолилипутов. Я пятидесятитысячекиловаттная станция, а ваши ресурсы по сравнению с моей мощностью...

— И все-таки вы побеждены!

— Не там, где вы думаете. Не в технике...

— А в чем же?

— Я взял на себя ношу не по силам. То, что я затеял, было бессмыслицей. Чтобы властвовать над миром так, как хотел это сделать я, надо было стать излучающей волю машиной. Я же всего только человек. И я изнемог. Я истощил свою волю, истощил чисто физический запас своей нервной энергии. Вот вам одна из причин моего поражения. Теперь все равно. Конечно! Возьмите эти чертежи, используйте их как хотите, сделайте их общим достоянием.

Штирнер посмотрел на часы и вздрогнул.

— Вот и все. Выполните строго наши условия. Это совершенно необходимо для меня. На всякий случай — уж не посетуйте — я запрю вас и, кроме того, оставлю вот этих

сторожей. — И Штирнер вышел из кабинета, заперев дверь снаружи.

Качинский раскрыл большую папку. В ней хранились листки, испещренные математическими вычислениями и формулами, планы, чертежи, схемы. Весь этот условный язык, непонятный для непосвященного, был ясен и понятен Качинскому. Цифры и формулы превращались в мысли, мысли — в образы. Стройные колонны цифр и букв отражали работу железной логики ума, их создавшего. Качинский восхищался оригинальностью замысла, красотой мысли, смелостью построения, как шахматный игрок восхищается партией шахматного маэстро. Качинский скоро углубился в чертежи и забыл обо всем на свете.

Среди вороха бумаг Качинский нашел записную тетрадь. Это было нечто вроде дневника, который вел Штирнер. Беглые заметки, без дат. Обрывки мыслей, наброски схем, сделанные торопливой рукой. Выписки из книг. Домашние счета. Качинский просмотрел несколько страниц.

— Однако это интереснее, чем я думал, — прошептал он и стал поглощать страницу за страницей...

«Новый год. Что принесет он? Был у Гере! Профессор не в духе. Шимпанзе Фриц заболел и поранил Гере руку (укусил).

Читал «Гусеницы на дереве». Если начать раздражать одну гусеницу так, что она начнет сокращаться, то соседние гусеницы также начнут сокращать мышцы и корчиться. Чем объяснить?

Фрицу лучше. Рука Гере поджила. Старик, кажется, боялся заражения крови. Говорил ему о гусеницах. Только туману напустил в своих «объяснениях» и ничего не объяснил. Условный рефлекс. Так же, как плачут дети, видя другого плачущего ребенка. Но в том-то и дело, что гусеницы извиваются, если верить сообщению, не видя той, которую раздражают пальцами.

Прачка ограбила: три марки двадцать пять пфеннингов за стирку! Надо будет поискать прачку подешевле. Не хватило на книгу.

Аррениусу (книгу которого я не могу купить из-а прачки) удалось обнаружить в растворах, содержащих в своем составе соли, кислоты или основания и проводящих хорошо электрический ток, распадение нейтральных в электрическом отношении молекул растворенных солей на заряжен-

ные электрически части, которые получили название *ионов* (вот он, ион, — «странник», отщепившийся электрон)..
Хозяин требует за квартиру. Обещает выселить. Надо будет опять взяться за переводы.

Кормили пуделя под музыку. Я играл на флейте. Закреплял условный рефлекс. После работы профессор Гере совершал свою обычную прогулку и проводил меня. Дорогой он рассказал мне любопытную вещь. Он уверяет, что если взять пару насекомых, самца и самку, разлучить их — самку посадить в маленькую клеточку, а самца вынести за город на значительное расстояние и там выпустить, — то самец прилетит к самке. Как он найдет дорогу? Профессор Гере говорит, что у насекомых хорошо развита зрительная память и что в этом нет ничего удивительного. Многие насекомые (пчелы) обладают такой памятью. Но мне кажется это неправдоподобным. Как только появятся насекомые, сделаю такой опыт, причем я самца понесу за город в закрытой коробочке.

Гере вырезал собаке одно мозговое полушарие. Операция, кажется, не совсем удачно прошла. Бедная собака! Вост еще жалобнее, чем была с обеими половинками мозга. Я впрыснул ей морфий — успокоилась. Я заметил, что успокаивающее действие морфия было периодическим: собака затихала постепенно, паузы между припадками становилось все длиннее. Когда же морфий перестал действовать, такая же периодичность наблюдалась и в возобновлении болевых ощущений.

Мне посчастливилось: получил книгу для перевода. Химию. Трудную. Но зато мне выдали аванс, и я удовлетворил своих самых назойливых кредиторов: хозяина квартиры, в том числе и нашей конуры, и лавочника. В химии, оказывается, есть немало любопытного. Сегодня, переводя, узнал, что во многих химических процессах наблюдается периодичность. Например, если налить в склянку ртуть, а на ртуть налить перекись водорода известной концентрации, то между ртутью и перекисью водорода начнет происходить химический процесс, заключающийся в том, что перекись водорода разлагается на воду и кислород. И как показывает запись, периодически наблюдается замедление и ускорение выделения кислорода. Самое же любопытно то, что на эти *периодические реакции яды и наркотики производят своеобразное действие, как и на человеческий орга-*

низм! Не говорит ли это за то, что в организме человека и животного происходят, по существу, такие же химические реакции? Не удивительно ли — морфий производит на реакции в склянке лаборатории такое же *успокаивающее* действие, как и на собаку, которую мы оперировали?

Разные науки иногда неожиданно сближаются.

Мы производили с профессором Гере опыты, изучая процессы утомления. Утомление глаза. Пурпур, разложившийся на свету, восстанавливается в темноте.

Раздражение нерва можно доводить повторными возбуждениями до известного предела, затем наступает реакция, и нерв просто перестает реагировать на раздражения. Период чувствительности нерва зависит от полного разложения чувствительного вещества в нем. (Таким чувствительным веществом, например, в глазу оказывается пурпур.)

Что касается нервных центров, расположенных выше спинного мозга, то раздражение их электричеством вызывает периодические «реакции», не зависящие от периода действующего тока и характера раздражения. Двигательные возбуждения, передаваемые от центра мышцам, происходят от 16 до 30 раз в секунду. (Тоже периодичность, как и в химических процессах.)

Гере находит у меня значительные способности к дрессировке собак. Пожалуй, если бы я начал выступать в цирке, то заработал бы больше, чем переводами. А до профессуры еще далеко! Да и что даст профессура? Надоела нужда.

12 мая — великий день! Я оставил у себя в маленькой клеточке у открытого окна бабочку-самку, а самца в *закрытой коробочке* отнес за город и там выпустил. Я очень боялся, что самец попортит крылья и не в состоянии будет лететь. Они действительно немного пострадали, но бабочка-самец полстела по направлению к городу. Я вернулся, ее еще не было. Но примерно через час бабочка прилетела и начала кружиться перед своей плененной подругой. Я отпустил обеих на свободу. Я был поражен. Как унесенная мною за город бабочка нашла дорогу обратно? Она была наглухо закрыта и не видела дороги. Гере ошибается. Бабочка вернулась, руководствуясь каким-то неведомым нам чутьем. Что это за чутье? И еще мне вспоминались гусени-

цы. А они каким чутьем знают, что одна из них судорожно извивается в чьих-то пальцах? Я думал весь день...

И вдруг мне показалось, что я отгадал загадку, что я у порога какого-то огромного открытия. Может быть, это и есть то, что зовут интуицией? Непосредственное, внезапное постижение. Впрочем, постиг я позже. Когда меня «осенила» мысль, это было еще не «озарение», а радость, безмерная радость от предчувствия, что сейчас я узнаю что-то важное. В интуиции нет, конечно, ничего таинственного, хотя не все понятно нам. Мне кажется, что интуиция есть тот момент, когда целый ряд впечатлений, отрывочных знаний, накопленных, быть может, за большой срок, вдруг ассоциируется — вступает между собой в связь; эта связь устанавливается в мозгу. И все мысли приводятся в систему, объединяются и дают какой-то вывод, какую-то *новую мысль*. Так по крайней мере было у меня. Теперь я могу проследить, как дошел я до своего открытия. Думая о мотыльках и гусеницах, я, скорее в шутку, подумал о том, что, может быть, они сообщаются по радио. Конечно, у них должна быть своя собственная «природная» радиостанция. Их усики, быть может, их антенна. Аналогия мне понравилась, и я продолжал думать об этом. Почему бы нет? Две разлученные бабочки могут сообщаться сигналами. Но какая энергия может передавать их? Хотя бы электричество! Вспомним аррениусовские химические растворы, производящие *ионы*, то есть *электричество*. В организме живых существ происходят сложные химические процессы, сопровождающие работу мышц и главным образом нервов и мозга. В этой работе наблюдается известная периодичность. Значит, нервные центры периодически освобождают или *излучают ионы*. Эти ионы летят, воспринимаются нервной системой другого существа, и... вот вам и радиосообщение!

Я еще не сделал всех выводов, но чувствовал, что мое открытие глубже, важнее, значительнее, чем простое объяснение того, как встретились две разлученные бабочки. Бабочки только дали новое направление моим мыслям. Быть может, бабочки нашли дорогу друг к другу и без участия радио. Может быть, у них развито обоняние или имеется неведомое нам чувство *направления*. Бабочки теперь могут улетать, разлучаться и встречаться, находя друг друга каким угодно способом. До бабочек мне нет дела. У

меня есть более интересные объекты для изучения: животные, человек...»

«Удивительно, — подумал Качинский. — Я и Штирнер пришли к одному и тому же выводу, хотя шли различными путями. Вернее, у нас с ним были различные исходные точки. Но и он и я воспользовались новейшими изысканиями в области химии, физиологии, физики. Если бы мы ничего не знали о радио, об ионной теории, о рефлексологии, то ни он, ни я ничего не изобрели и не открыли бы. Теперь мне понятно, почему ученые, иногда живущие на противоположных концах земли, делают одно и то же открытие, можно сказать, день в день, час в час...»

«... Несколько дней я ходил как помешанный, — писал далее Штирнер в своем дневнике. — Я сделал научное открытие. Говорить или не говорить о нем профессору Гере? Я не утерпел и рассказал, быть может, не совсем связно и толково. Но он, по-видимому, усвоил самую главную мою мысль. Профессор насмешливо посмотрел на меня поверх своих маленьких очков, и его беззубый рот сжался в улыбке, отчего его усы и часть бороды под нижней губой приподнялись, как иглы сжа.

— Вы утверждаете, — сказал он, — что вы, хе... что работающий, то есть мыслящий, человеческий мозг излучает радиоволны и что поэтому можно передавать мысли на расстояние?

— Точнее говоря, передаются на расстояние не сами мысли, а те электроволны, которые излучаются мозгом. Каждая мысль, каждое настроение «выделяет» свою особую волну, определенной длины и частоты. Эти радиоволны воспринимаются другим мозгом и «проявляются» в сознании, как та же мысль или то же настроение, что и у отправителя.

Гере слушал внимательно, утвердительно качал головой и, когда я кончил, отчеканил:

— Чепуха! Не сердитесь, но это чепуха, мой молодой друг. Вы были склонны к поспешным заключениям. И если вы дальше пойдете по этой дороге, то из вас никогда не выйдет серьезного ученого.

— Но почему же чепуха? — обиделся я.

— Потому, что это ненаучно. А ненаучно потому, что это не доказано на опыте. Ну, вот мы стоим с вами в двух

шагах друг от друга. Попробуйте передать какую-нибудь мысль мне!

Я немного смутился.

— Для этого надо, чтобы наши «станции» — мозг и нервы — были одинаково настроены.

— Ну что же, настройте!

— Настроить их нельзя. — Гере сделал торжествующий жест. — Позвольте, я еще не кончил. Настроить нельзя так, как настраивается радиоприемник. Но у близких людей одинаковая настройка бывает. Разве мало рассказывают случаев...

— О видении на расстоянии, телепатии, спиритизме, столоверчении и прочей чепухе? Берегитесь, мой молодой друг. Вы вступили на очень скользкий путь.

— Но ведь между моей теорией и всей этой чепухой нет ничего общего!

Я был огорчен, но не обескуражен.

Опять безденежье... Неужели хозяин выселит меня?

А все-таки я прав. Я не успокоюсь, пока не докажу этому старому грибу, Гере, что я прав. Но как поставить опыт?

Завтра обещают уплатить за перевод.

Эврика! Гере удивляется моей способности дрессировать собак. Он не знает секрета моей дрессировки. Я не строю свою дрессировку на условных рефлексах. Я иду иным путем. Я внушаю собакам.

А секрет этого внушения в том, что я стараюсь очень четко, очень ясно для самого себя представить весь путь и каждое движение, которое должна делать собака, выполняя мой приказ. Вчера был курьезный случай. Гере так надоел мне своей воркотней и своими поучениями, что я подумал: хоть бы Вега (белый шпиц, который до безумия любит Гере) покусала его. Я по привычке ясно представил себе, что Вега бежит к Гере и хватает его за ногу. И что же? Вега действительно подбежала с громким лаем к Гере и разорвала ему брюки. Разве это не передача мысли на расстояние? Гере огорчен и испуган. Поведение Веги настолько резко выпадает из круга всех рефлексов, которые мы привили ей, что Гере серьезно предполагает у Веги начинающееся бешенство. Он посадил бедняжку в изоляционную камеру и наблюдает за ней. Ставит ей воду и очень удивляется, что Вега пьет как всегда. Мне смешно, а Вега скучает в своем карцере. Но не могу же я объяснить причину ее поступка.

Курьезно! Я искал способа доказать Гере возможность передачи мысли на расстояние, а теперь приходится ждать другого случая. Впрочем, этот случай можно создать. Поставлю опыт внушения в присутствии Гере. Пусть Гере сам даст задание, например, чтобы собака пролаяла определенное число раз.

Занял двадцать марок. Уплатил за комнату.

Вега еще сидит. Я пробовал внушить ей через стенку, чтобы она пролаяла три раза. Обычно она верно выполняла мои мысленные приказы. Но теперь мое внушение не действует. Что бы это значило?

Нашел причину. Стенка «карцера» обита железным листом, а лист прикасается к канализационной трубе, уходящей в землю. Великолечно! Сама судьба помогает мне и «ставит опыт»: мое мыслеизлучение попадает на железную стенку и уходит в землю через канализационное заземление, не достигая собаки. Если сделать железную клетку, которую можно будет по желанию заземлять или же изолировать от земли, засесть в эту клетку и оттуда делать внушения собаке, то...»

— Удивительно! — прошептал Качинский. — Вот как возникла у него мысль сделать железную клетку!

В дневнике Штирнера был, очевидно, значительный пропуск, так как следующие записи уже относились ко времени службы автора у Карла Готлиба.

«Мой почтенный патрон, Карл Готлиб, — писал далее, Штирнер, — очень любит собак. Как это ни странно, собаки «сосватали» нас и сделали мою карьеру у Готлиба. Я познакомился с ним у Гере. Оказывается, они школьные товарищи и однолстки, чего никак нельзя предположить, глядя на них вместе: Гере — старый гриб, а Готлиб цветет, как хсрувим. Готлиб очень заинтересовался моими дрессированными собаками и просил заходить к нему. У Гере Готлиб бывает не более раза в год. Поэтому я не встречался ранее с банкиром. И вот я личный секретарь Карла Готлиба! Он доволен мною, я — им.

Со стариком Гере давно покончено. Я так и не доказал ему на опыте возможности передачи мысли на расстояние. И к лучшему. Я решил работать самостоятельно. Эти старики с именем имеют обыкновение присваивать себе труды молодежи. «В лаборатории Гере были проведены опыты... Под руководством Гере...» — и кончено. Вся слава Гере.

Впрочем, меня интересует сейчас не слава, а кое-что поважнее. Для себя я проделал опыт внушения через железную клетку и бесспорно убедился в том, что мысль сопровождается излучением электроволн. Теперь нужно приняться за изучение природы этих электроволн.

Занят по горло. Вечерами конструирую аппарат для улавливания радиоволн, излучаемых человеческим мозгом. Это должен быть приемник необычайной чувствительности для приема радиоволн очень короткой длины. Приемник будет с диапазоном настройки на длину волны от сорока сантиметров до метра.

Вот схема.

Эльза Глюк! Необычайно интересная девушка. Между нею и нашим юрисконсультom — никак не запомню его фамилию — что-то не то горькое, не то кислое. А, вот! Зауер! Между Глюк и Зауером существуют какие-то отношения, вполне корректные, но... Жених, может быть? Что нашла она в этом круглолицем?

Неудачи! Приемник не воспринимает радиоволн моей мысли. Переделываю. Теперь работаю по ночам. А вечерами изучаю в университете анатомию и физиологию, но изучаю с точки зрения радиотехники. Необычайно! Человеческое тело как приемная и отправительная радиостанция! Очень интересно.

Но для того, чтобы изучить эту радиостанцию, мне пришлось взяться за изучение радиотехники. Черт возьми, может быть, завтра окажется крайне необходимым взяться за изучение астрономии! Хорошо еще, что теперь квартирный хозяин не надоедает мне своими напоминаниями о долгах. Живу у Готлиба и получаю хорошее жалование. После своего полуголодного существования чувствую себя Крезом. Имею возможность приобретать необходимые материалы для моих машин.

Эльза Глюк. Глюк — счастье. Кому достанется Глюк? Неужели круглому?

Опять незадача. Слышу какой-то свист, завывания. Неужели это «музыка мысли»? Надо лучше отызолировать комнату от внешнего мира, чтобы не было никаких посторонних влияний.

Наконец-то!..

Глюк не обращает на меня внимания. Фит — живая кукла, хорошенькая, но пустая. Она, кажется, влюблена в

Зауера. Но его сердце занято Эльзой. В этом уже нет сомнения. А Эмма? Трагедия!

Идет, идет дело на лад! Ничего нет удивительного. Выражаем же мы свои мысли знаками-буквами в письме, газете. Для меня теперь мысли и чувства имеют иной язык и иную номенклатуру. Длина волны — эн. Частота икс — страх. Чувство страха имеет такую радиоволну. Радость — иную. Я, кажется, скоро буду искусственно изготавливать чувства и рассылать их по радио. Не хотите ли повеселиться или поплакать? Любопытно, что чувства животных имеют электроволны, очень близко напоминающие соответствующие электроволны (страха, радости и пр.) людей.

Нет, это было бы слишком необычайно!!!

Черт возьми! Это же гениально! Я сам себя возвожу в гении. Я сделал маленькую передающую радиостанцию и начал излучать волну, которая соответствует чувству горя у собаки. Теперь мой аппарат очень точно регистрирует электроволны, излучаемые мозгом человека и животных, и у меня составилась целый «словарь» волн — чувств — мыслей. Так вот, я завел мой «граммофон» — маленькую передающую станцию — на печальный лад. Она излучала радиоволны собачьей печали. Рядом со станцией я посадил моего Фалька на изоляционном стуле, чтобы радиоволны лучше воспринимались им. И что же? Мой Фальк вдруг загрустил и завыл! Радиоволны собачьей грусти были восприняты им! От радости я схватил моего пса в объятия и закружился с ним по комнате.

Когда я, наконец, пришел в себя, то решил повторить опыт и посадил пса за перегородкой. Но Фальк уже не выл. Очевидно, радиоволны воспринимаются им только на близком расстоянии. А что, если усилить мощность моей передающей радиостанции?

Я решительно не понимаю Эльзы Глюк. Но почему она так интересуется меня? Быть может, я влюблен в нее? Глупости! Мне не до этого.

Необычайный курьез! Я настроил себя на грустный лад. Мой аппарат записывал излучаемую моей грустью волну. Волна имеет довольно сложное колебание. Затем я ту же волну излучил из моего передающего аппарата, значительно усиливающего передачу. Я настроился на самый веселый лад и начал ждать результатов. Поразительно! Я загрустил и, право же, готов был завывать, как Фальк. Я сам себе

передал волны грусти. И ведь удивительнее всего то, что я прекрасно сознавал, что никаких причин грустить у меня нет, что эта грусть «искусственного происхождения». Можно ли это назвать самогипнозом? Мне кажется, в данном случае имеется нечто иное, чем внушение или самовнушение. Общее с гипнозом только то, что в данном случае, как и в гипнозе, имеется налицо, так сказать, влияние той или иной мысли или настроения. Но здесь это вызывается механически: в нервных волокнах искусственно вызываются те же электрохимические процессы, которые всегда сопровождают данное настроение или мысль, и в результате сознание регистрирует возникновение этого настроения или мысли. Удивительная механика!

Однако как же я буду проделывать дальнейшие опыты? Как мне влиять на других, не подпадая самому под влияние излучения? Для этого два пути: во-первых, направленное излучение и, во-вторых, изоляция (металлическая сетка на голове).

Сетка помогает. Начну работать направленными волнами. Какие антенны для этого удобнее? Пожалуй, вот такого вида. Необходимо построить антенну по типу «фокусных зеркал», собирающих лучи в определенном фокусе. Таким путем я могу значительно усилить действие излучения.

Я не даю воли своим мыслям, но иногда у меня голова кружится: какие перспективы открываются передо мною! Эльза!..

Вчерашний опыт. Я излучил мысленный приказ Фальку принести мне книгу из другой комнаты. Приказ этот восприняла передающая станция и излучила. Фальк выполнил приказ. Я отнес книжку на место и повторил механически излучение, то есть сам я мысленно уже не давал никакого приказа, но излучил при помощи передатчика ту же волну, что и в мысленном приказе. Фальк вновь принес книгу. Эти радиоволны записываются аппаратом, как голос на пластинке граммофона. И теперь мне можно будет отдавать повторные приказания одним поворотом рычага.

Сегодня я сделал любопытный опыт. Я попытался мысленно передать свой приказ человеку. У Карла Готлиба живет старый слуга, Ганс. Я мысленно приказал ему прийти в мою комнату. Я сосредоточивал всю силу своей мысли и как бы представлял себя на месте Ганса, мысленно проделывал весь путь от его комнатки до моей — словом, я

поступал так, как будто внушал Фальку. Но старик Ганс не шел. Это меня не удивило. Между мною и Фальком давно установился полный «рапорт» — связь, как говорят гипнотизеры. Притом Фальку я делал мысленные приказания на близком расстоянии. Излучаемые моим мозгом радиоволны слишком ничтожной мощности, чтобы они могли прийти и возбудить аналогичные электроколебания (то есть мысли или образы) в мозгу другого человека. С Гансом мы слишком различные люди. Не мудрено, что его мозг — его приемная станция — не мог воспринять сигналы, посылаемые моим мозгом. Тогда я тот же мысленный приказ отправил, усилив мощность передачи, через мою передающую радиостанцию. Признаюсь, я с большим волнением ожидал, что будет дальше. И, к своему неизъяснимому удовольствию, я услышал шаркающие шаги Иоганна: у него большие ноги, и он всегда ходит в мягких туфлях. Он открыл мою дверь, не постучав, чего с ним никогда не было, и вдруг с недоумением и смущением остановился. Что делать дальше, я не приказывал ему, и теперь он знал, чем объяснить свое появление.

— Простите, но... мне послышалось, что вы звали меня... — сказал он, переминаясь с ноги на ногу.

— Да, да, — поспешил я успокоить старика. — Я хотел узнать, вернулся ли из клуба господин Готлиб.

— Они еще не возвращались, — ответил повеселевший Иоганн. Теперь он не сомневался в том, что явился на мой зов. Неприятное ощущение от необъяснимости своих поступков у него прошло.

— Благодарю вас, можете идти, Иоганн.

Старик поклонился и вышел. А я?.. Я готов был догнать его и от радости схватить и кружиться с ним по комнате, как я делал это с Фальком, завывшим от грусти.

Опыт удался! А что означает он? То, что я могу повелевать и другими людьми. Я могу заставлять их делать все, что мне хочется. Я могу! Я все могу! Разве это не всемогущество?

Захочу, и люди принесут мне свое богатство и сложат у моих ног. Захочу, они выберут меня королем, императором. К черту корону! Захочу, и меня полюбит самая красивая женщина... Эльза! Нет, нет... Этого я не сделаю. Штирнер, ты теряешь голову! Возьми себя в руки, Штирнер, иначе ты наделаешь глупостей! Штирнер! Давно ли нищий

студент, потом аспирант профессора Гере... Средний, рядовой человек с довольно некрасивым, длинным лицом... И ты мечтаешь о власти, славе, любви только потому, что тебе посчастливилось случайно напасть на интересное научное открытие?!

Вчера мы были на прогулке: я, Эльза Глюк, Эмма Фит и Зауер. Я, кажется, наговорил много лишнего. Полушутя-полусерьезно я делал Эльзе предложение. Этого и следовало ожидать... Но пусть она не шутит со мной! Впрочем, она и не шутит. Зачем только Зауер смотрит победителем? У меня чешутся руки испытать на нем силу моих мыслепередатчиков».

«Как давно я не писал! Жена опять хандрит. Надо еще и еще усилить мощностъ моих передатчиков.

Я затеял крупную игру. Или сверну себе шею, или...

Зачем я не послушался голоса благоразумия? Теперь уже поздно останавливаться, но игра завела меня слишком далеко. Я устал, измотался от вечного напряжения.

Черт бы меня побрал! Лучше бы мне не бросать профессора Гере!

Война!..

Довольно! Устал смертельно. Пора кончать игру...»

XIV. ИГРА ОКОНЧЕНА

Эльза Глюк сидела в зимнем саду, вся окутанная тонкой металлической вуалью.

Приближалась гроза, и дальние раскаты грома глухо отдавались в соседнем зале. Было душно. Эльза, как всегда, думала о Людвиге и вся встrepенулась, услышав его шаги. Она очень удивилась, когда Штирнер, войдя в зимний сад, вдруг сбросил с себя металлическое покрывало и, подойдя к ней, сбросил такое же покрывало и с нее.

— Сегодня можем отдохнуть, Эльза, от этого неприятного убора. Уф! — И он с облегчением вздохнул.

Эльза давно не видела лица Штирнера и удивилась, как оно изменилось. Нос обострился еще больше, как у тяжело-больного, и еще глубже запади глаза. А волосы на голове и борода сильно отросли.

— Ты так изменился, Людвиг! Тебя трудно узнать!

Штирнер усмехнулся.

— Тем лучше. Не правда ли, я похож теперь на старца

пустынника? Пойдем, Эльза... Ты сыграешь мне... Я давно не слышал музыки... В последний раз...

Они вошли в зал. Эльза уселась за роялем и стала играть ноктюрн Шопена.

— Подожди, Эльза... Перестань... не то... Можно ли играть эту грустную ласкающую мелодию, когда приближается гроза?.. Ты слышишь раскаты грома? Гроза!.. Она возрождает, освежает одних и несет гибель другим... Сегодняшней ночью Штирнер умрет...

Эльза в волнении поднялась.

— Людвиг, что с тобой? Ты пугаешь меня!

— Ничего... Не слушай меня... Ты еще наслушаешься в эту ночь... Нам о многом надо переговорить в тобой... Играй скорей... Играй Бетховена — похоронный марш на смерть героя. Герой! Ха-ха-ха!

Эльза заиграла.

Штирнер ходил большими шагами по залу, ломая руки.

— Похоронный марш на смерть развенчанного героя... Говорят, Бетховен писал его на смерть Наполеона, но потом разочаровался в нем и назвал марш просто: «На смерть героя». О чем я хотел говорить? — Штирнер посмотрел на часы и сказал: — Довольно, Эльза. Минуты сочтены. Теперь поцелуй меня, поцелуй крепко, как ты не целовала еще никогда.

...Штирнер оторвался от губ Эльзы.

— Сладкий самообман!..

Часы пробили двенадцать ночи.

— Конец! — тихо прошептал Штирнер.

И в то же мгновение Эльза почувствовала, что с нею творится что-то необычайное. Как будто сползла с нее какая-то пелена, подобная металлической сетке, которую носила она последнее время. Мысли необычайно прояснились. Она вдруг стала снова прежней Эльзой, какой была до смерти Карла Готлиба. Какие-то чары рушились. С удивлением смотрела она на большой уютный зал, утопавший в полумраке. Молния осветила лицо Штирнера, и она вздрогнула, увидев перед собой незнакомое, бородатое лицо.

— Что это? Где я? — спросила она с недоумением. — Кто вы?

Штирнер с болезненным любопытством следил за этой переменной.

— Это зал Карла Готлиба, покойного банкира. Стенографистка Эльза Глюк никогда не была здесь... А перед вами Людвиг Штирнер. Вы не узнали меня? Эльза!.. Я виноват перед вами и не прошу прощения. Единственно, что оправдывает меня, это то, что я действительно любил и... люблю вас... люблю глубоко и искренне...

Эльза опустилась на круглый стол у рояля и, откинувшись назад, почти с ужасом смотрела на Штирнера.

— Не смотрите так на меня, Эльза! — Штирнер потер ладонью лоб, как бы собираясь с мыслями. — Да, я люблю вас. И разве любовь меня первого толкнула на преступление? Я долго боролся с собой. Вы помните наш далекий разговор на прогулке, в лодке? Я тогда говорил о могучей силе, которой владел я. Это были не пустые слова. Я действительно обладал этой силой. Я прежде других открыл способ передачи мысли на расстояние. В моих руках оказалась сила, которой не владел еще ни один человек в мире. И у меня... закружилась голова. Самые грандиозные планы носились в моей голове. Пользуясь этой силой, я внушил вам любовь ко мне.

Эльза с ужасом отшатнулась от него.

— Я внушил Заусеру любовь к Эмме. Я двигал людьми, как марионетками, я дергал их за ниточку, и они плясали по моему желанию. Я хотел богатства, и оно пришло ко мне. Но пока я не убедился вполне в моем могуществе, я был осторожен. Я шел окольными путями. Кривая! Она вернее ведет к цели. И об этом я говорил тогда, в лодке. Чтобы не возбудить подозрения против себя, я сделал так, что наследство Готлиба получил не я, а получили его вы, а я... получил вас с хорошим приданым! Ха-ха-ха!..

Расширенными глазами Эльза смотрела на Штирнера.

— Я наделал много зла людям. Но не думайте, что зло само по себе доставляло мне удовольствие. Я хотел стать великим. Мне казалось, что власть моя беспредельна. Довольно было мне захотеть славы, и люди стали бы рукоплескать мне, воспевать мои самые бездарные произведения. Но ведь это было бы в конце концов самовосхвалением, тем же самым самообманом, как и внушенная вам любовь ко мне.

И вдруг, опустив голову, с тою же горечью в голосе он продолжал:

— Я похож на Тора. Эльза, вы помните скандинавскую

сагу о боре Торе? Он считал себя всемогущим, как я. Как-то забрел он в страну, где жило племя великанов. Они стали смеяться над его небольшим ростом. Тор рассердился и предложил им испытать его силу. Великаны сказали: «Выпей воду из этого рога». Он пил без конца и не мог выпить. Великаны предложили ему бороться со старухой, но он не мог победить ее, хотя от напряжения по колена ушел в землю. Рог был соединен с морем, даже бог Тор не в силах выпить море. А старуха была сама смерть. И я, как Тор, хотел выпить море, я один хотел повернуть историю человечества, навязать свою волю миллионам «капель» человеческого океана. При помощи своих машин я хотел создать нечто вроде «фабрики счастья», но я создавал только грубые суррогаты.

Штирнер нервно посмотрел на часы.

— Я, кажется, говорю не то... Так много надо сказать... Эльза, если бы вы знали, как я страдал, загнанный, как зверь, в темный угол, окруженный бесчисленными врагами, всегда настороже, в постоянном, неослабевающем нервном напряжении.

Если бы хоть один друг — искренний, преданный друг — был около меня... Если бы вы любили меня не искусственной, мною созданной любовью! Быть может, я бы еще боролся. Но я был одинок. Я устал... Я бесконечно устал!..

Штирнер умолк, опустив голову.

Эльза смотрела на Штирнера и думала, что в этом бледном, измученном лице нет ничего таинственного, страшного. Это лицо неврастеника, переутомленного человека. Что же представляет собой Штирнер? Быть может, талантливого изобретателя и экспериментатора, но заурядного человека, который случайно открыл способ подчинить себе волю других людей и почти обезумел от своего «могущества». Он наделал тысячи глупостей и, не победив «мира», сам был раздавлен непосильной тяжестью, которую он взвалил на себя. Это Эльза поняла скорее чувством, чем умом. Она видела перед собою не героя трагедии, не свсрх-человека, а просто страдающего человека, который жестоко расплачивается за свои ошибки. Такой Штирнер был понятнее ей и возбудил в ней жалость.

— Вы должны были очень страдать! — тихо сказала она.

— Благодарю вас! Эти слова участия для меня дороже,

чем искусственно внушенные поцелуи!.. Да, я смертельно устал. И я... — Штирнер сделал паузу и глухо проговорил: я решил отказаться от борьбы. Я решил покончить со всем, покончить и с самим Штирнером.

Он снова вынул часы и посмотрел на них.

— Штирнеру осталось жить всего несколько минут.

Эльза в ужасе смотрела на него.

— Вы приняли яд?

— Да, принял, но яд не совсем обычный. Сейчас вы узнаете об этом... Но прежде, чем покончить со Штирнером, я решил хоть немного искупить вину перед вами. Я вернул вам ваше прежнее сознание. Я внушил вам в одиннадцать часов ночи, что ровно в двенадцать вы станете прежней Эльзой. Вся искусственная жизнь спадет с вас, как шелуха. Будьте свободны, будьте сами собой. Устраивайте жизнь, как хотите, любите, кого хотите; будьте счастливы.

Эльза глубоко вздохнула.

— А Штирнер? Что делать со Штирнером, которому честные люди отказываются пожать руку? — продолжал он. — Штирнер должен умереть. Я отдал приказ моей мыслепередающей машине. Я поставил ее на полную мощност. Ровно в час ночи, — Штирнер опять посмотрел на часы, — всего через шесть минут, она излучит этот приказ, посланный от Штирнера — Штирнеру. И Штирнер забудет о том, что он Штирнер. Он потеряет свою личность. Он забудет обо всем, что было в его жизни. Это будет новый человек, наделенный новым сознанием. Это будет Штерн. Штерн уйдет отсюда туда, куда ему приказал идти Штирнер. И Штерн даже не будет подозревать, что в железной клетке его подсознательной жизни будет влачить существование скованный Штирнер!.. Это смерть... Смерть сознания!

— Но вас могут поймать? — с невольной тревогой спросила Эльза.

— Кто узнает в этом анахорете Штирнера? В таком виде, с бородой, меня никто не видал. Я все обдумал заранее. Сегодня ночью излучений врагов не будет. А если бы они и были, они не опасны для какого-то Штерна. Излучения направлены и должны поражать сознание Штирнера. Его больше не будет!..

Эльза расширенными глазами смотрела на Штирнера.

Перед ней должна была произойти тайна какого-то пере воплощения.

— Еще одно, Эльза. Когда я уйду, здесь все пойдет вверх дном. От вас, наверно, отберут все ваше имущество. Я позаботился, чтобы вы не нуждались. Вот здесь, — Штирнер протянул Эльзе пакет, — вы найдете деньги на дорогу и адрес одного человека, на имя которого я перевел крупную сумму денег. На ваше имя держать их опасно. Он получил крепкое внушение, и деньги будут в целости. Поезжайте туда. Это очень далеко. Но тем лучше. Вам надо отдохнуть от всего пережитого. Пора! Прощайте, Эльза!..

— Подождите, один вопрос... скажите, Штирнер, вы... виноваты в убийстве Карла Готлиба?

Часы пробили час. Вдруг по лицу Штирнера прошла судорога. Глаза его закатились, стали мутными. Он ухватился за край рояля, тяжело дыша.

Эльза с замиранием сердца следила за этой переменой.

Штирнер вздохнул и постепенно стал приходить в себя.

— Ответьте же, Штирнер, на мой вопрос!

Штирнер посмотрел на нее с полным недоумением и сказал каким-то новым, изменившимся, спокойным голосом:

— Простите, сударыня, но я не имсю чести вас знать и не знаю, о каком вопросе вы говорите. — Потом Штирнер поклонился и размеренным, незнакомым шагом вышел из зала.

Эльза была потрясена. Штирнера больше не было.

XV. У РАЗБИТОГО АКВАРИУМА

Эльза совсем не спала в эту ночь. Уже рассветало, а она все сидела на том же месте, у рояля. События этой ночи потрясли ее. Она разбиралась в том сложном, запутанном клубке, в том хаосе, который внес в ее сознание Штирнер. Она вспомнила все, что пережила со времени смерти Карла Готлиба: свое неудачное бегство от Штирнера, неожиданную любовь к нему, поездку в Ментону. Но вспомнила, как о чем-то чужом, как будто все это прочла она в романе. Так же ясно вспомнила она и то время, когда она была невестой Зауера. Но что-то и в этой картине прошлого изменилось. Думая о Зауере, она чувствовала, что еще любит его. Но любит как-то иначе: образ Зауера потускнел. Что с ним

стало? Изменился ли он? Что он вообще за человек?.. К своему удивлению, Эльза поймала себя на мысли, что, в сущности, она не знала Зауера. Как сложатся теперь их отношения? Ее размышления были прерваны неожиданным появлением Эммы. Эмма была в дорожном костюме, усталая, побледневшая.

— Эльза! — крикнула она и бросилась со слезами к подруге.

— Здравствуй, Эмма! Отчего же ты плачешь? Почему не предупредила о присезде? Где твой мальчик? — забросала Эльза вопросами плачущую Эмму.

— Малютка там, внизу, с няней. Отто бросил меня и не оставил даже денег. Я продала платья и кое-какие безделушки и собрала на дорогу.

— Оставил без денег, с ребенком?

— Он совсем сошел с ума. Я чувствовала себя такой несчастной и одинокой. У меня никого нет, кроме тебя... — И вдруг с новым припадком истерического плача Эмма прерывающимся голосом заговорила: — Не отнимай у меня Отто! Он любит тебя. Он хранит твою карточку и смотрит на нее. Я совсем не следила за ним, я вошла случайно, но он грубо прогнал меня... Он любит тебя!.. Не отнимай его. У тебя все есть, ты такая счастливая. У тебя есть богатство, ты любишь Людвига, зачем тебе еще Отто?..

Эльза улыбнулась краем губ, но глаза ее оставались печальными.

«Бедная Эмма, — думала Эльза, глядя на изменившееся, похудевшее лицо подруги. — Куда девался ее румянец во всю щеку, серебристый смех? Бедная куколка, что сделал с нею Отто? Неужели он такой бессердечный?»

— Я не счастливей тебя, — серьезно сказала Эльза, гладя рукой растрепавшиеся волосы Эммы, — у меня нет богатства, я больше не люблю Штирнера, и Штирнера больше нет...

Эмма от удивления на минуту забыла о своей горе.

— Он умер? Почему же ты не писала мне об этом? И разве мертвых не любят? Сколько новостей!..

Эльза опять улыбнулась.

Лицо Эммы снова сделалось печальным.

— Это значит, — всхлипывая, начала она, — это значит, что ты призналась ему в любви к Отто, и Штирнер в отчаянии убил себя. Значит, ты отнимешь у меня Отто?

— Успокойся, глупенькая девочка, — ласково сказала Эльза, — я не отниму у тебя твоего Отто. Ведь он твой муж и отец твоего ребенка.

— Это ничего не значит! — ответила Эмма. — Он говорил, он говорил не раз, что вся его любовь ко мне была одним чертовским наваждением, что если бы не это наваждение, он никогда не полюбил бы такую дуру. И такой брак, говорит он, можно расторгнуть. А если Отто говорит, это верно. Ведь я действительно глупенькая. Но только... ведь и глупенькие хотят счастья! — И она опять заплакала. — Ведь любил же он меня такую, какая я есть! А потом..., потом он стал будто мстить мне за то, что любил меня.

И Эмма, прерывая разговор плачем, подробно рассказала Эльзе историю своей любви. Она слишком долго страдала в одиночестве и теперь говорила обо всем, что наболело, о грубости, придирчивости Отто, о его насмешках, издевательствах, оскорблениях.

Эльза слушала, и ее сердце невольно холодело. Отто вставал перед нею в новом свете. Это уже не было «наваждением». Он так поступал уже после того, как освободился от власти Штирнера.

Он мог разлюбить Эмму. Но неужели у него не хватило такта, корректности, наконец, простой порядочности, чтобы удержаться от такого обращения с женой? И, вспоминая уже о своей любви к Зауеру, Эльза подумала: «Неужели прав Штирнер в том, что мы лишь слепые игрушки инстинкта, который может заставить полюбить человека с ослиной головой? Ужасно!..»

Эльза слушала подругу, думая о своем, и прислушивалась ко все увеличивающемуся шуму во втором этаже.

«Что бы там могло быть?»

А там происходил последний акт борьбы.

Вооруженный отряд в защитных металлических костюмах во главе с Заусром и Готлибом ворвался в дом Эльзы.

Зауер ударял рукояткой парабеллума в дверь кабинета и кричал:

— Откройте, Штирнер, или мы взломает дверь!

Неожиданно нападающие услышали доносившийся из кабинета голос Качинского и лай собак.

— Штирнера нет, а я открыть дверь не могу. Штирнер, уходя, запер ее снаружи и приставил собак.

— Это вы, Качинский? Вы еще живы? — Обратившись к солдатам, Зауер приказал: — Ломайте двери!

Несколько дюжих плеч навалилось на дверь, и она затрещала. За дверью послышался неистовый лай догов. Дог просунули в образовавшиеся проломы оскаленные, покрытые пеной морды.

Несколько выстрелов уложили собак на месте.

— Зачем же убивать животных? — послышался голос Качинского.

— А вы предпочли бы, чтобы собаки разорвали нас? — проворчал Зауер, пролезая в образовавшуюся брешь. Он был удивлен, увидев, что Качинский спокойно сидит за столом; подперев голову руками, изобретатель сосредоточенно рассматривал чертежи.

— Где Штирнер? — спросил Зауер.

— Не знаю, — ответил Качинский, не поднимая головы, — он обещал меня утром ослепить, удушить или что-то в этом роде, но, вероятно, забыл или занят чем-нибудь... — Хлопнув рукой по чертежам, Качинский воскликнул: — Вот великолепная штука! Штирнер не обманул. Я провел чертовски интересную ночь! Этот Штирнер прямо гениален. Схемы антенны усилительного устройства с трансформаторами и катодными лампами и схема индукционной связи с колебательным контуром антенны...

Зауер и Готлиб переглянулись: неужели Штирнер отнял у Качинского разум?

— Нужно обыскать все здание сверху донизу и поставить караулы у мыслепередающих станций, — сказал Зауер.

Осмотр начали с комнаты Штирнера, где помещалась одна из мыслизлучающих станций. Вторая такая же станция находилась в другом конце дома, рядом со «зверинцем». Станция не работала.

— Ну, что ж, господа, я думаю, теперь безопасно. Можно снять наши защитные маски, — сказал Готлиб и первый снял со своей головы сетку. Его примеру последовали другие. Среди пришедших было несколько старых знакомых Готлиба: прокурор, начальник полиции и «железный генерал», который принимал участие в военной экспедиции против Штирнера «в целях изучения новых методов ведения войны».

Он разводил руками, как бы оправдываясь в своих преж-

них неудачах воснной экспедиции против Штирнера, и говорил:

— Кто же его знал, что на Штирнера надо идти дамскими вуалями на голове? — И, нахмутив свои большие седые брови, он печально сказал, указывая на Качинского: — Теперь вот они будущие полководцы, вы, господа инженеры. Наша песенка спета! Что мы сделаем штыком, если эта штука может повернуть штык в любую сторону? — И он с недоброжелательством указал на машину, виднеющуюся через дверь комнаты Штирнера.

— Однако надо оповестить всех, что орудия мысленного воздействия нами захвачены. — И Зауер прошел в комнату Штирнера. — Фу, черт! — проворчал он, глядя с недоумением на незнакомую конструкцию машины. — Качинский, — позвал он на помощь изобретателя, — вы понимаете в этом что-нибудь?

Качинский подошел к машине и стал уверенно поворачивать рычаги. Машина заработала.

— Нужно послать излучение, которое освободило бы всех пораженных Штирнером, — сказал Качинский.

— Правильно! — ответило несколько голосов. И Качинский принялся «лечить на расстоянии», как выразился кто-то из стоящих в комнате.

— Ну что? — спросил Зауер одного из солдат, обыскивавших подвальное помещение.

— Штирнер не найден! — ответил он.

— Ищите в первом этаже! Обыщите каждую щель!

— Виноват, господин прокурор, — обратился Качинский к прокурору, — могу ли я взять эти чертежи? Штирнер передал их мне...

— Сейчас я ничего не могу разрешить трогать и брать отсюда. Все это является следственным материалом. Потом, может быть...

— Очень жаль! — ответил Качинский.

«Хорошо, однако, что я успел ознакомиться со всем этим и записать важнейшие формулы. Обойдемся и без чертежей! — подумал Качинский. — А они, пожалуй, и в формулах не все поймут».

— Я также хочу обратиться к вам с просьбой, господин прокурор, — сказал Готлиб. — Необходимо вызвать дополнительный отряд для охраны подвала, в котором хранятся огромные ценности. Я полагаю, что настаивать на этом я

имсю право, поскольку я являюсь законным наследником. Думаю, что теперь вопрос о нашем праве на наследство ни в ком не вызывает сомнения.

— Ваши права — вопрос будущего, — ответил прокурор. — Но против усиленной охраны я ничего не имсю.

Зауер все больше хмурился, слушая этот разговор. Он подошел к Готлибу и язвительно произнес:

— Не слишком ли вы забегаете вперед, господин Готлиб? Как вам должно быть хорошо известно, суд присудил наследство в пользу Эльзы Глюк, и решение вошло в законную силу.

— Но оно может быть пересмотрено ввиду вновь открывшихся обстоятельств! — И вдруг, вспыхнув, недавний союзник крикнул: — Да вы с какой стати вмешиваетесь в это дело? Довольно морочили всех! Если вы еще раз станете на моей дороге к наследству, я потребую, чтобы вас арестовали. Вы выступали от имени Глюк и, значит, являетесь соучастником преступления!

— Но вопрос о причинах лишения наследства вашего почтенного родителя... — горячился Зауер.

Спор их был прекращен появлением Кранца.

— Ого! — в волнении размахивал он руками. — Вот оно самое! Вот где мы с вами, Готлиб, брили господина Штирнера, и чистили его платье, и, кхе... получили на часк с его милости! Помните, ваше превосходительство, вещественное доказательство, которое я преподнес вам в тюрьме, — обратился он к прокурору, — монетку помните? Это самое и есть мое преступление. Цена крови, так сказать. Вместо того, чтобы убить, я почистил платьице у господина Штирнера!

— Никто не поставит вам в упрек этого преступления, Кранц. Довольно вы насиделись, теперь вас ждет серьезная работа. Клетку мы захватили, но птичка улетела. Штирнера нет.

— Найдем, найдем! Из-под земли вырастем! — весело сказал Кранц, потирая руки.

— Печальные новости, — слышался голос Качинского. Он отложил трубку телефона и сказал: — Сейчас телефонировали с одного завода, что, как только прекратилось действие влияния Штирнера, сотни рабочих упали замертво, очевидно, наступила реакция после ужасного переутом-

ления, в котором держал их все время Штирнер. Требуется немедленная помощь.

Зауер, хмурый и злой, вышел из комнаты и поднялся на третий этаж. В зимнем саду он застал Эльзу и свою жену.

Эмма бросилась к нему с радостным криком:

— Отто!

Но он грубо оттолкнул ее.

— Откуда ты? — хмуро спросил он жену. — Уйди, мне надо поговорить с фрау... Штирнер.

Эльза с упреком посмотрела на него. Эмма со слезами на глазах — на Эльзу, как бы говоря: «Видишь, как он относится ко мне?»

— Ну? — сказал Зауер, сурово глядя на жену.

Эмма вздохнула и послушно вышла.

— Отто Зауер, я не узнаю вас, — с упреком сказала Эльза.

— Она мое несчастье! Я не знаю, как отделаться от нее, — с раздражением сказал Зауер. — Вы должны знать, что моя любовь к ней была искусственно вызвана Штирнером.

— Это не дает вам права так относиться к ней. Она не виновата ни в чем, и она любила вас раньше не по приказу Штирнера.

— Какое мне дело до нее? — так же раздраженно ответил Зауер. — Где Штирнер?

— Он ушел.

— Куда?

— Я не знаю. Он не сказал мне, но в доме его нет наверно.

— Вы лжете! Вы скрываете его!

Эльза встала.

— Послушайте, Зауер, если вы не оставите этот тон, я сейчас же уйду.

Зауер заставил себя успокоиться и сел рядом с Эльзой.

— Простите меня, Эльза, — почти ласково сказал он. — Я слишком изнервничался за это время. Вы говорите, Штирнера нет. Вы, значит, свободны?

Эльза в ответ кивнула головой.

— Что же мешает нам теперь быть вместе?

— Зауер, но ведь у вас ребенок, жена...

— Не говорите мне о ней, Эльза!

Он взял ее руку. Эльза нахмурилась и тихо, но реши-

тельно отняла свою руку. Не только жена и ребенок отдаляли ее теперь от Зауера. Новые черты характера Зауера делали его чужим. А может быть, это и не новые черты; может быть, эта грубость и черствость всегда жили в нем под покровом холодной корректности и она раньше только не замечала их?

И еще одно удерживало Эльзу. Штирнер, каким она узнала его в последнюю ночь, порастил ее воображение. Он был преступен. Он учинил насилие над свободой ее воли и чувств, но он прошел через ее жизнь, оставил след. И та бездна страдания, которую он открыл перед нею в последнюю ночь, не могла не взволновать ее. Вернув ей свободу, он показал, что доля порядочности еще сохранилась в нем.

Зауер не понимал, что творится в душе Эльзы, и думал, что в ней говорит лишь женская стыдливость.

Он сделал новую попытку взять ее за руку и начал говорить, все более увлекаясь:

— Скажите «да», Эльза, и мы будем счастливы. Мы оба много страдали и заслужили право на счастье. И еще, Эльза, вы помните, я радовался, когда вы отказались от наследства, потому что я боялся потерять вас? Я думаю, что теперь оно не будет стоять стеной между нами. Штирнера нет. Что мешает вам воспользоваться вашим правом? Готлиб? Мне не страшен этот щенок!

Эльза посмотрела на Зауера и вновь отняла свою руку. Во взгляде Эльзы Зауер заметил удивление и страх.

— Не думайте, что во мне говорит корыстолюбие! — поспешил он оправдаться, по-своему поняв этот страх. — Нет, я люблю вас, только вас, а не ваше богатство. Но будьте же практичны. Поймите, что рай в шалаше — мечта поэтов. Подумайте о своем будущем. Дайте мне доверенность, и я ручаюсь, что спасу по крайней мере часть вашего состояния в размере оставленного вам наследства.

Эльза встала и подняла руки, как бы защищаясь.

— Нет, Зауер, нет! Не говорите мне о наследстве! Я не хочу переживать еще раз все эти ужасы, всю эту грязь... Прекратим этот разговор... Я так устала... Я не спала всю ночь и еле стою на ногах...

— Но это не последнее ваше слово? — спросил Зауер вслед удаляющейся Эльзе.

Она быстро ушла, ничего не ответив.

Эльза вбежала в свою комнату и обняла плачущую Эмму.

— Не плачь, моя девочка! Я не отниму у тебя Отто, но боюсь, что тебе не удастся вернуть его.

— Ты думаешь? — спросила Эмма, беспомощно взглянув на Эльзу.

— Может быть, потом... — сказала Эльза, чтобы утешить подругу, хотя и не верила в это возвращение.

— А теперь нам с тобой надо отдохнуть. Я не оставлю тебя. Мы поедем далеко, чтобы забыть обо всем. Не плачь! Тебе надо сберечь себя. И ты совсем не одинока. У тебя есть сын, мы будем вместе воспитывать его. В нем ты найдешь свое счастье.

— Да, поедем. Не оставляй меня, Эльза!

Зауер продолжал сидеть в зимнем саду перед аквариумом, опустив голову, хмурый и злой.

— О, черт!.. — вдруг крикнул он и неожиданно для себя ударил кулаком в стеклянную стенку аквариума.

Стекло разбилось, вода вылилась, и рыбки, опустившись на дно, жадно открывали рты и били хвостами по сырому песку...

Часть третья

І. ДОМИК У МОРЯ

Листья пальм, колеблемые ровным береговым ветром, мерно покачивались, как огромные веера, приводимые в движение невидимой рукой. Несмотря на ранний час, солнце палило немилосердно. От пальм ложились на землю иссиня-черные тени.

Небольшой дом с плоской крышей и широкой верандой, выходящей на берег океана, стоял на склоне горы. За домом начинался тропический лес. Пальмы густо обступили дом, укрывая его от зноя широкими листьями. Живая ограда из колючих растений опоясывала участок вокруг усадьбы.

Дом стоял особняком. За невысоким горным кряжем находился небольшой городок.

На веранде за утренним кофе сидела молодая русоволо-

сая женщина в летнем белом костюме и в плетеных туфлях местного изделия на босу ногу.

— Еще чашку прикажете? — спросил старый слуга в белой блузе, белых шароварах и таких же плетеных туфлях.

— Нет, Ганс, благодарю вас. Можете убирать кофе. Как ваши ноги, Ганс?

— Благодарю вас, отлично. Это солнышко прекрасно излечило меня. Еще немножко, и я буду танцевать!

— Фрау Шмитгоф дома?

— Ушла за провизией. Скоро должна прийти. Вам что-нибудь нужно, фрау?

— Нет, благодарю вас, ничего.

Ганс вышел.

Эльза вздохнула, взяла веер, сделанный из пальмового листа, повернула легкое плетеное кресло к океану и, тихо махая веером, стала смотреть на сверкающую в утренних лучах солнца поверхность воды.

Прошло три года с тех пор, как поселилась она здесь вместе с Эммой, ее маленьким сыном и фрау Шмитгоф, которая упростила взять ее с собой.

Первое лицо, которое она встретила здесь, был Ганс, старый слуга Карла Готлиба. Он и был тем доверенным человеком, которому Штирнер перед своим уходом вручил заботы об Эльзе.

Штирнер постарался «закрепить» верность Ганса мыслеизлучением большой силы. Штирнер тогда достиг большого успеха в мысленном внушении на продолжительный срок, — он сам готовился внушить себе «перевоплощение личности» на всю жизнь. Ганс был первым опытом в этом направлении. Когда опыт с Гансом был закончен и по испытанию дал вполне прочные результаты, Штирнер улыбнулся, довольный своей работой.

«Как легко теперь делать людей верными и честными!» — подумал он, отпуская Ганса.

Но эта искусственно закрепленная внушением верность была только предосторожностью. Ганс, по всей вероятности, и без внушения остался бы верен и точно выполнил все приказания Штирнера. На имя Ганса была положена крупная сумма в банке ближайшего города. Но полной хозяйкой денег и дома была Эльза. Ей очень нравился этот укромный уголок, далекий от шумных центров и всего, что могло ей

напомнить прошлое. Она хотела одного: чтобы о ней поскорее забыли.

Их переселение сюда было похоже на бегство. Они никому не сказали, куда едут, уехали внезапно, без предупреждения, а здесь даже переменяли свои фамилии. Эльза стала называть себя Беккер — по фамилии доброй старушки, приютившей и воспитавшей ее в детстве. Эмма приняла девичью фамилию своей покойной матери — Шпильман. Только Шмитгоф оставила свою прежнюю фамилию.

— Я слишком привыкла к своей фамилии и буду путаться, если перемену ее. И потом... может быть, это незаконно и я боюсь ответственности, — говорила она.

Маленькая колония жила тихой и мирной жизнью. Боюсь быть открытыми, они ни с кем не переписывались и даже не получали газет. Шмитгоф и Ганс вели небольшое хозяйство. Чернокожая нянька помогала Эмме ухаживать за ребенком. Два негра работали в саду и в огороде и трисматривали за парой лошадей и ослом. Но в лошадях почти не было надобности. Изредка Эмма ездила с сыном кататься. Обычно же они ограничивались пешими прогулками по берегу океана.

Все так загорели, что их трудно было узнать. Особенно маленький Отто, или Крепыш, как его звали. Темноволосый, курчавый, почти всегда голый, бронзовый от загара, он совсем походил бы на мальчика-туземца, если бы не европейские черты лица.

Эмма в первое время несколько скучала без привычной обстановки большого города, но скоро втянулась в новую жизнь. Заботы о ребенке оставляли мало свободного времени. Сквозь загар на ее щеках проступал прежний румянец, и ее смех теперь часто сплетался со смехом ее ребенка, как два звонких колокольчика, наполнявших звоном весь небольшой дом. Вечером Эльза иногда играла на рояле: от этой привычки она не могла отказаться. Ребенок засыпал. Эмма усаживалась у ног Эльзы на циновке и замолкала.

Каждая из них думала о своем.

Эльза вставала позже. За утренним кофе она с несмоль улыбкой прислушивалась к веселым голосам, звеневшим у берега океана.

Крепыш пропадал на берегу все дни.

Он собирал раковины и камешки, ловил крабов, бросал

обратно в воду мелкую рыбку, выкидываемую на берег волнами океана.

Трусиха Эмма первое время боялась всего. Боялась, что океан в бурю смоев их домик, боялась скорпионов, змей, которые могли вползти в дом, боясь львов. Львы действительно водились здесь, но далеко, в глубине леса. Они никогда не подходили близко к дому. Только раз или два обитатели дома слышали их отдаленный рев. И Эмма в ужасе будила Эльзу... Но потом она привыкла ко всему.

Эльза медленно махала веером, следя за белой яхтой, показавшейся в океане, у входа в залив. По заливу нередко шныряли пироги туземцев-рыболовов. Появление европейского судна было событием для обитателей этого тихого уголка. Океанские пути лежали в стороне. Небольшие суда появлялись иногда на горизонте, но они или шли мимо, или заходили в порт соседнего городка. На этот раз белая яхта заворачивала в залив.

Эльза испытала неприятное чувство человека, опасавшегося, что его покой и обычный уклад жизни могут быть нарушены.

Яхта, мерно покачиваясь, приближалась к берегу.

На яхте развевался красный флаг.

«Странно», — подумала Эльза.

Между тем яхта пристала к берегу.

Слышно было, как заворачивала якорная цепь; паруса опустились, и яхта закачалась на месте. В шлюпку спустились два матроса и три человека в белых костюмах с пробковыми шлемами на голове. Шлюпка отчалила. Вот трое в белом вышли на берег у того места, где находилась Эмма с ребенком и черной няней. Голоса-колокольчики умолкли. Крепыш прижался к матери и с испугом смотрел на незнакомых людей. Матросы вынимают из шлюпки тюки и по пояс в воде переносят и складывают их на берегу. Мужчина в белом подходит к Эмме с поклоном, снимает пробковый шлем, что-то говорит и показывает на тюки. Эмма кивает головой. Матросы и трое в белых костюмах развязывают тюки, вынимают колья, брезент, веревки. Они разбивают палатку. Этого еще не доставало! Почему именно здесь?

Эмма что-то говорит няне, которая берет ребенка на руки, и они трое быстро поднимаются по каменистой дорожке к дому.

Эльза все быстрее машет веером и в нетерпении ожидает

их. Эмма опсережает няню с ребенком и почти бежит к веранде. Эльза видит взволнованное, побледневшее лицо Эммы и неизвестно почему начинает волноваться сама.

— Кто это? Что им здесь нужно? — спросила Эльза подругу, избежавшую по легким ступеням лестницы в густую тень веранды. От быстрого подъема на гору, усталости и волнения Эмма не смогла справиться с дыханием. Пряди волос прилипли к ее влажному лбу.

— Птицы сегодня не достала, но купила хорошей рыбы! — услышала Эльза за собой голос фрау Шмитгоф, вернувшейся с провизией.

— Кто эти люди? — повторила свой вопрос Эльза, не отвечая Шмитгоф.

— Приехал Штирнер и с ним еще двое каких-то... — ответила Эмма, глядя испуганно на подругу.

Эльза побледнела, выронила все из рук и откинулась на спинку.

— Не может этого быть! Ты ошиблась, Эмма.

— Он, он! Уверяю тебя, это он! У него, правда, сильно изменилось лицо, но это он. Его глаз нельзя забыть! А с ним двое каких-то неизвестных. Один помоложе, а другой пожилой, с усами.

Наступила пауза. Эльза была глубоко взволнована.

Она стала дышать так часто, будто не Эмма, а она только что взбежала на гору.

— О чем он говорил с тобой? — спросила Эльза.

— Они приехали на охоту и просили разрешения разбить палатку. Штирнер почему-то назвал себя Штерн.

— Штерн! — вскрикнула Эльза. — Да, это он, сомнений нет.

— Почему Штерн он? — спросила Эмма.

Эльза на минуту задумалась, потом сказала:

— Он переименовал имя, так же как и мы...

— Ты знала это и молчала? — с упреком сказала Эмма.

— Я не думала, что мы встретимся когда-нибудь с ним. У него больше оснований забыть свое прошлое и не открывать его, чем у нас. И потому я прошу тебя, Эмма, и вас, фрау Шмитгоф, предупредите также и Ганса, что если Штирнер явится сюда, никто из нас не должен называть его прежним именем и не подавать виду, что мы знали его. Как бы он ни был виноват, он уже не тот. Он покончил со своим прошлым и мы должны сохранить его тайну.

— А если эта тайна известна его спутникам?

— Не думаю...

— А если Штирнер сам выдаст себя, узнав нас? Я думаю, что, увидя тебя, Эльза, он не сохранит спокойствия. Это будет так неожиданно! — И, всплеснув руками, она по-детски воскликнула: — Как интересно! — И тут же озабоченно добавила: — Если только он опять не наделает никаких бед...

— Не беспокойся. Он не наделает бед. И он никого из нас не узнает, в этом ты можешь быть совершенно уверена. Вздъ не узнал же он тебя. Разве только меня... немножко... как случайную знакомую, — добавила она, как будто вспоминая о чем-то. — Но, может быть, они и не придут сюда?

— Придут, наверно придут, — сказала Эмма. — И вот почему: Штирнер сказал мне: «Надеюсь, что мы вас ничем не побеспокоим. Но если среди ваших слуг есть туземец, знающий местность, мы будем очень просить вас разрешить нам взять его в проводники на день-два». Идут, идут сюда! — вдруг закричала она. — Меня уж все равно они видели такой растрепанной дикаркой, — безнадежно махнула рукой Эмма, — а ты иди хоть переодень туфли да чулки натяни! Нельзя же так. Ведь Штирнер, тьфу, Штерн, Штерн, Штерн, как-никак был твоим...

Эльза не дослушала, быстро поднялась и ушла к себе. Не забота о наряде заставила ее уйти, а желание наедине справиться со своим волнением.

Сейчас она опять встретится лицом к лицу со Штирнером, с этим загадочным человеком, который ей сделал столько зла, но который искренне любил ее.

Эльза быстро ходила из угла в угол. Рой воспоминаний кружил ей голову. Она сама удивилась силе своего волнения. Ей казалось, что ею все было забыто, все стало невозвратным прошлым. Только одна тайна осталась нераскрытой и изредка мучила ее: виновен ли Штирнер в смерти Карла Готлиба? Эту тайну Штирнер унес с собой. Эльза подошла к зеркалу и начала бессознательно поправлять волосы.

«Какая я стала черная!» — подумала она, глядя на свое лицо.

— Впрочем, он все равно не узнал бы меня, — прошептала она со вздохом.

Около дома слышались голоса.

— Однако что же я? — И она вдруг бросилась к шкафу и стала перебирать платья. «Вероятно, все это покажется им ужасно старомодным,» — подумала она. Наконец выбрала легкое белое платье, быстро оделась, осмотрела себя еще раз в зеркало и, глубоко вздохнув, вышла на веранду.

II. ОХОТНИКИ НА ЛЬВОВ

К Эльзе подошел пожилой человек с пушистыми седыми усами.

— Позвольте мне, как самому старшему из нашей компании, представить других, — сказал он с поклоном. — Дугов, заведующий зоологическими садами в Москве. А вот это Качинский. Он стоит во главе всего дела передачи мыслей на расстоянии.

Качинский поздоровался.

— Ну-с, а это, — Дугов указал на Штирнера, — это мой ближайший помощник Штерн.

Штирнер протянул руку Эльзе, и они несколько церемонно поздоровались.

Все уселись за стол. Эльза позвонила и попросила принести завтрак. Поднос заметно дрожал в руках старого слуги, когда он подходил к столу, искоса поглядывая на Штирнера. Эльза вдруг оглянулась, чтобы посмотреть, что рассмешило Эмму, и увидела испуганное лицо фрау Шмитгоф, выглядывавшее из-за дверей.

Дугов выпил бокал вина за здоровье хозяек и сказал:

— Мы очень просим извинить нас за то, что нарушили ваше одиночество, но, право, это вышло случайно, фрау Беккер. Мы, пользуясь отпуском, решили поохотиться в здешних местах на львов. В наших зоологических садах недостает нескольких экземпляров этих прекрасных животных той породы, которая встречается только здесь. Вот мы и отправились со Штерном сюда, а к нам присоединился и Качинский, который хочет испытать на деле то оружие, которым он сам нас вооружил.

— Что же это за оружие? Где оно? — спросила любопытная Эмма.

Дугов засмеялся.

— А вот пойдете с нами на охоту и увидите!

— На львов? Ни за что! — в ужасе воскликнула Эмма. — Я дрожу, когда слышу отдаленный рев...

— Ого! Значит, нас не обманули, и охота должна быть удачная! — сказал Дугов, потирая руки. — А вас мы побеспокоили потому, — продолжал он, — что не хотим своим прибытием в городок возбуждать лишний шум. Толпа зевак всегда мешает. И мы решили завернуть в ваш залив. — Дугов протянул руку к берегу. — Жить мы будем в палатке. Вас же мы попросим только об одном: если среди ваших служащих имеются туземцы, разрешите использовать их в качестве проводников.

Эльза охотно согласилась на просьбу Дугова. Она старалась не глядеть на Штирнера, но не могла удержаться, чтобы не скользнуть несколько раз взглядом по его лицу. Наконец она не выдержала и обратилась к нему:

— Скажите, господин Штерн, если я не ошибаюсь, вы не русский?

— Да, я не русский, — ответил Штерн.

— А вы... давно живете в России?

— Около трех лет.

Вежливость не позволяла продолжить этот разговор, похожий на допрос. И все же Эльза неожиданно для себя спросила:

— А раньше где вы жили?

Штирнер рассмеялся самым добродушным образом. И этот смех удивил Эльзу: так не похож он был на прежний, иронический, сухой и злой, смех Штирнера. Действительно, перед нею был другой человек.

— Где я жил раньше и вообще что было со мной раньше — это загадка для меня самого. Не верите? Спросите моих товарищей. Я абсолютно не помню ничего, что было со мной до приезда в Москву, и «забвение» в первое время крайне угнетало меня. Я обращался за советами к профессорам, и они находили у меня какое-то сложное психическое заболевание с мудреным названием, что-то вроде шизофрении. При этом заболевании человек может как бы утратить свою личность, память о прошлом. Вот товарищ Качинский предлагал мне испытать его собственный метод лечения. — Штирнер, улыбаясь, развел руками. — При всем моем доверии и уважении к Качинскому я отказался. Это лечение что-то вроде гипноза, а я чувствую к нему органическую неприязнь.

Эльза посмотрела на Качинского. Он утвердительно кивнул головой и сказал:

— Я предлагал Штерну свои услуги. Но он отказался. , без его согласия я, конечно, не стал делать опытов.

— В Москве я служил рабочим на заводе «Динамо», — продолжал Штирнер. — Потом поступил в зоологический сад, — я очень люблю животных — и там познакомился с заведующим Дуговым, который был так любезен, что скоро сделал меня своим ближайшим помощником.

— Вы стоили того, дорогой мой, — ответил Дугов.

— А через Дугова я познакомился и с «передатчиком мыслей», как шутя зовут у нас Качинского. Вот и все, что я могу рассказать о себе.

— А у вас так широко поставлено теперь это дело передачи мысли на расстояние? — спросила Эмма.

— Ого! — отозвался Дугов. — Что-то необычайное! Передача мысли на расстояние действительно достигла широкого применения. Через несколько десятков лет вы не узнаете мира.

— И то, что уже достигнуто, изумительно, — сказал Штирнер. — Неужели вы не читали в газетах?

— Мы не выписываем газет.

Штирнер посмотрел на Эльзу и нахмурился, как бы стараясь что-то вспомнить.

— Странно, — сказал он, — мне кажется, что я как будто где-то когда-то мельком видел вас. Может быть случайная встреча в пути?..

— Возможно, — ответила Эльза, смутившись. — Так вы говорите, что передача мыслей творит чудеса?

— Да, чудеса. Чудеса, фантазии и химеры мы воплотили в жизнь. — И вдруг вдохновившись, Качинский стал быстро говорить: — Вы не узнали бы Москвы, если вам когда-нибудь приходилось бывать в ней. Первое, что вас поразит, — это то, что Москва стала городом великого молчания. Мы почти не разговариваем друг с другом с тех пор, как научились непосредственно обмениваться мыслями. Каким громоздким и медленным кажется теперь нам старый способ разговора! Возможно, что со временем мы и совсем разучимся говорить. Скоро и почту, и телеграф, и даже радио мы сдадим в архив. Мы научились уже разговаривать друг с другом на расстоянии. Вот сейчас, если хотите, я могу обменяться мыслями на расстоянии с моим приятелем в Москве.

Качинский замолчал, полужакрыл глаза и сосредоточил-

ся, приложив к виску какую-то коробочку. Эльза и Эмма с удивлением следили за игрой его лица, отражавшей этот молчаливый разговор. Качинский открыл глаза и улыбнулся.

— Друг здоров, но очень занят — он на заседании. В Москве идет снег. Ивлин шлет нам всем привет. Просит нас, чтобы мы привезли его жене попугая.

Эмма даже рот приоткрыла от удивления.

— Но как же, — спросила она, — не перемешаются все эти мысли?

— Взаимные мешания существуют, но не в такой степени, как в радиопередаче. Наши «радиостанции» более точны, чем старые; мы всегда знаем, как настроен радиоприемник нашего собеседника, и быстро устанавливаем нужную связь.

— Где же ваша радиостанция? — спросила Эльза.

— Вот здесь! — ответил Качинский, с улыбкой показывая на свой лоб. — Наш мозг — наша радиостанция. У нас есть и настоящие усилительные машины, но теперь мы пользуемся ими только для передачи мыслей, так сказать, массового восприятия: новостей дня, лекций, концертов. Отдельные же лица для общения друг с другом имеют усилители, которые помещаются в кармане. Вот он! — И Качинский показал коробочку, которую только что держал у виска. — На близком расстоянии усиления не нужно и сейчас. А скоро мы и вообще обойдемся без искусственного усиления. Постепенным упражнением мы достигаем все большей мощности нашей природной «радиостанции».

— И вы можете передать концерт, как по радио?

— Лучше, чем по радио. Мы просим наших лучших композиторов мысленно импровизировать и излучать импровизацию. Какой восторг слушать свободный полет фантазии! Или, например, шахматы, которыми у нас так увлекаются. Сотни тысяч людей мысленно следят за игрой шахматных мастров. Особенно интересна игра «в открытую», когда шахматисты излучают весь процесс обдумывания ходов. Да всего не расскажешь!

— Приезжайте и посмотрите своими глазами, — сказал Штирнер, поймав взгляд Эльзы.

— Да, это лучше всего, — согласился Качинский. — Мысленно мы передаем не только звуки, но и краски, образы, сцены — словом, все, что может вообразить чело-

век. Когда передача мысли станет всеобщим достоянием, больше не будет театров, кинематографов, школ, душевных помещений, скопления людей. Знания, развлечения, зрелища станут доступны каждому. Чрезвычайно полезной оказалась мыслепередача и в нашей рабочей жизни. У нас теперь идеальные трудовые коллективы, которые выполняют работу со стройностью лучшего оркестра.

Дело сводится к координированию при помощи мыслепередачи деятельности нервных систем. Сочетание движений само по себе чрезвычайно важно в тех случаях, где применяется коллективный труд. Для этого, например, во все времена, начиная с глубочайшей древности, употреблялись песни. У нас когда-то распевалась песня «Эй, дубинушка, ухнем.» На слоге «ух» работавшие как бы слагали общие усилия в одной точке времени и пространства. Но этот способ годился и помогал только в тех случаях, где приходилось применять грубую физическую силу. В более сложных процессах пытались применять иные способы координирования трудовых движений. Устраивались так называемые конвейерные системы, когда все процессы шли «лентой» так, что остановка в одном месте производила остановку всей ленты. Волей-неволей приходилось применяться к общему темпу работ. Эта система заставляла работать в одинаковом темпе людей с различной нервной и физической организацией. На смену механическому принуждению пришла наша мыслепередача, которая не принуждает, а помогает рабочим координировать работу своей нервной системы и мышц с работой коллектива.

Когда-то в Москве удивлял так называемый Персимфанс: первый симфонический оркестр без дирижера. Это была действительно первая попытка создать коллектив, связанный внутренней спайкой — координированием работы нервных систем многих людей. Но все же и в Персимфансе было больше механической спайки: члены его подчинялись больше заранее установленным музыкальным темпам, чем единой воле коллектива.

Иное дело, когда невидимый «дирижер» воздействует непосредственно на волевые центры. Слаженность работы получается изумительная, и, конечно, и производительность труда максимальная.

— Но разве все это не подавляет личность, ее свободу?

Ведь могут же быть люди, которые захотят использовать эту силу во зло другим!

— Был такой человек, его звали Штирнером, мне о нем приходилось кое-что слышать, — сказал Штирнер. — Этот человек действительно наделал много вреда, используя в личных целях мощную силу мысли. Но вот Качинский сумел обезвредить Штирнера.

— А вы не знаете, где теперь Штирнер? — не удержалась Эльза от жуткого вопроса, обращаясь к Штирнеру.

— Не знаю, и пусть он благодарит судьбу, что я не знаю, где он... Если бы я встретил этого человека, не поздоровилось бы ему.

Качинский улыбнулся.

— Зачем мстить Штирнеру? У нас есть более мягкие способы вырвать ядовитое жало. Правда, мы прибегаем к ним лишь в исключительных случаях. И потом надо же быть справедливым: Штирнер оставил нам огромное наследство. Без его изобретений мы не имели бы таких успехов в области передачи мысли. Наконец, он сохранил мне жизнь. В нем было свое благородство.

— В России не может быть того, что натворил Штирнер. — С тех пор как передача мысли на расстояние сделалась общим достоянием, произошло, так сказать, уравнивание сил. Если вы не желаете воспринимать чужие мысли, вы всегда можете «выключить ваш приемник», и дело с концом.

— Собственно говоря, возможность внезапного «мысленного нападения» не исключена, — сказал Качинский. — Но мы строго следим за этим и своеобразно караем. При помощи сверхмощных усилителей, которые у нас имеются, мы делаем преступнику соответствующее «внушение», и он навсегда делается безопасным, так как самая мысль о повторном преступлении не может уже возникнуть в его сознании. Нам не нужны теперь тюрьмы, мы делаем из всякого преступника полезного члена общества.

Эльза о чем-то задумалась.

Дугов заметил это и, опасаясь, что своими разговорами они утомили хозяев, отвыкших от посещения посторонних людей, посмотрел на часы и сказал:

— Однако мы заговорились. Пойдемте, Штерн, нам надо готовиться к охоте.

Простившись с дамами, Дугов и Штирнер спустились с террасы.

— Надеюсь, вы будете у нас обедать? — спросила Эльза вслед.

— Если это не очень беспокоит вас, — ответил с поклоном Дугов.

Где-то заплакал маленький Отто. Эмма извинилась и вышла.

III. ШТИРНЕР И ШТЕРН

Эльза осталась одна с Качинским.

Ее охватило волнение. Из всего, что рассказывал Качинский, ее больше всего поразило и заинтересовало одно: Качинский может вернуть Штирнеру его прежнее сознание, сделать хоть на несколько минут из Штерна прежнего Штирнера. Ей очень хотелось этого. Почему? Она сама едва ли отдавала в этом отчет. «Я хочу узнать тайну смерти Готлиба», — думала она. Но не только это возбуждало ее желание увидеть прежнего Штирнера. Быть может, в ней бессознательно говорило чувство женщины, которое не могло примириться с тем, что человек, который любил ее и решил так своеобразно покончить с собой, вместе со своей личностью убил и чувство любви к ней. Быть может... Быть может, она странными изгибами чувства начинала любить этого человека. Она сидела молча, не зная, как приступить к своей цели.

— Скажите, господин Качинский, — начала она нерешительно, — вы не могли бы здесь же, у нас, испробовать ваш способ, чтобы вернуть прежнее сознание Штерна? Возможно ли это?

— И да и нет. Вообще говоря, восстановление памяти вполне возможно. Медицина знает много таких случаев. Их бывает немало на войне, когда он сильной контузии люди совершенно теряют память о прошлом и даже забывают свое имя, но потом память возвращается. Известны такие случаи и при гипнозе. Окончательная потеря памяти может быть только тогда, когда органически разрушаются самые центры памяти в мозговом веществе. Это, так сказать, травматическая потеря памяти. Она безнадежна. Но в данном случае разрушение мозговой ткани едва ли было, иначе оно отразилось бы на всей психической деятельности. А

Штерн во всем остальном, кроме воспоминания прошлого, вполне нормален. Я могу в пример привести себя. Во время моей борьбы со Штирнером он поразил мои мозговые центры, управляющие равновесием. Я был совершенно беспомощен и тем не менее сумел восстановить чувство равновесия.

— Значит, можно? — оживилась Эльза. — Почему же вы ответили «и да и нет»?

— Да вообще можно, но... вы же слышали, что сам Штерн не желает подвергаться этому опыту? Это вопреки... Но почему вас так интересует прежнее сознание Штерна?

— Дело в том, что мне кажется... я была знакома с этим человеком... даже наверно очень хорошо знакома... Но он забыл обо мне, как обо всем прошлом. Мне хотелось бы пробудить в нем одно воспоминание. И потом... узнать одну тайну, очень важную тайну, которую он хотел мне сказать, но не имел возможности...

Качинский посмотрел на нее с удивлением. «Роман?» — подумал он.

— Против его желания я, к сожалению, лишен возможности удовлетворить ваше любопытство, — ответил он.

Эльза нахмурилась.

— Это не любопытство. Это очень серьезно, — сказала она с некоторой обидой с голосе. — Настолько серьезно, что я просила бы вас сделать опыт, не спрашивая его разрешения. Всего на десять минут. И кто бы он ни был в прошлом, он опять станет Штерном и ничего не будет знать о вашем опыте. Ведь в этом же нет ничего преступного. Я прошу вас, очень прошу!

На этот раз нахмурился Качинский.

— Если я сам первый начну изменять нашим принципам охраны свободы чужого сознания, то вряд ли это будет похвальным, — сурово ответил он.

Эльза начала раздражаться. «Качинский не понимает важности дела. Так я же покажу ему, что тут нечто более серьезное, чем женское любопытство!» — подумала она и сказала:

— Штерн говорил, что вы обезвредили некоего Штирнера. Как это было? Я прошу рассказать мне.

Качинский рассказал.

— Значит, вы видели в лицо Штирнера в том стеклянном доме?

— Нет, в лицо я его не видел. Он был в густой металлической маске.

— Если вы так упрямы, что не хотите исполнить мою просьбу, то я принуждена открыть тайну: Штерн и есть Штирнер, а я его жена, урожденная Эльза Глюк, по мужу Штирнер.

Качинский был поражен.

— Неужели Кранц был прав? — сказал он после паузы.

— Кто такой Кранц?

— Кранц — сыщик. Он поставил целью своей жизни отыскать Штирнера. Не так давно он встретил в Москве Штерна и стал уверять меня, что это и есть Штирнер. Тогда мне стоило больших трудов убедить Кранца, что он введен в заблуждение внешним сходством.

— Теперь, надеюсь, вы признаете мою просьбу основательной? — спросила Эльза, довольная произведенным эффектом.

— Штерн — это Штирнер! — мог только произнести Качинский и глубоко задумался.

Эльза выжидательно смотрела на него.

— Ну что же, да или нет?

— Нет!

— Но если Штерн-Штирнер согласится на опыт?

— Он не согласится.

— Посмотрим. Я сама поговорю с ним. Подождите здесь, я сейчас приду.

Качинский остался на террасе, следя за удаляющейся Эльзой.

Она спустилась вниз к палатке на берегу и стала о чем-то говорить со Штирнером, который внимательно слушал ее, потом кивнул головой.

«Неужели ей так скоро удалось уговорить его? — подумал Качинский. — Ведь он всегда с ужасом отказывался, когда я предлагал ему сделать попытку вернуть память о прошлом».

Эльза пригласила Штирнера идти за собой.

— Он согласен, — сказала Эльза, поднимаясь на веранду, — согласен и даже сам просит вас об этом.

— Вы согласны? — спросил, еще не веря, Качинский.

— С большим удовольствием. Ничего не имею против, — ответил Штирнер.

Качинский задумался: «В конце концов я ведь каждую минуту могу погасить у Штирнера память о прошлом. Я буду следить за ним».

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, — сказал Качинский. Он вынул из кармана коробочку — аккумулятор-усилитель, приложил у виску и мысленно приказал, фиксируя Штирнера глазами:

— Садитесь и усните!

Штирнер покорно уселся и тотчас уснул, закрыв глаза и опустив голову.

— Обычно к усыплению мы не прибегаем, — сказал Качинский, обращаясь к Эльзе, — но это трудная операция. Я верну прежнее сознание всего на десять...

— На двадцать! — сказала Эльза.

— Ну, на пятнадцать минут, не больше. Надеюсь, за это время он не натворит больших бед. На всякий случай я буду следить за ним из комнаты, уж с этим вы должны примириться. Ровно через пятнадцать минут он снова станет Штерном.

Качинский замолчал и стал сосредоточенно смотреть на Штирнера.

— Сейчас он проснется. Я ухожу.

Качинский ушел в дом и стал у двери так, что с веранды его не было видно.

Штирнер несколько раз глубоко вздохнул, приоткрыл глаза и вдруг опять закрыл их, ослепленный ярким солнцем. Переход из полумрака большого зала в доме Готлиба к сверкающей поверхности океана был слишком резким. Наконец, щурясь, он открыл глаза.

— Что это? Где я? Эльза? Ты?... Он бросился к ней и стал целовать ее руки. — Милая Эльза! Но что это значит? Я не соберусь с мыслями...

— Садитесь, Людвиг, — ласково сказала она, — слушайте и не перебивайте меня. У нас только пятнадцать минут на это свидание... Я вам все объясню. Вы ушли в ту бурную ночь, превратившись в Штерна. И вот мы опять встретились с вами. Как? Я вам скажу потом, если у нас останется время. А теперь я прошу вас скорее сказать мне то, что мучило меня все это время, эти три года.

— Три года? — удивленно повторил Штирнер.

— Скажите мне правду: вы не виноваты в смерти Карла Готлиба?

— Я же вам говорил, Эльза. Смерть Готлиба действительно произошла от несчастной случайности.

— Но второе завещание было составлено всего за месяц до смерти. Это тоже случайность?

— Нет, это не случайность. В этом я, если хотите, виновен. Я действительно поторопил Готлиба составить последнее завещание, так как дни его были сочтены. Несмотря на свой цветущий вид, он был смертельно болен сердечной болезнью. Ему врачи не говорили об этом, но мне, как доверенному лицу, сказали, что дни его сочтены, больше месяца он не проживет. Поэтому я и внушил ему мысль скорее составить завещание. Почему на ваше имя, а не на свое, я, кажется, уже говорил вам. Эта «кривая» была ближе к цели, — сказал он со знакомой иронической улыбкой.

— Но моя услуга Готлибу, о которой упоминается в завещании?..

— Она была, хотя я, пожалуй, несколько преувеличил ее. Я как-то передал вам несколько полученных нами для оплаты векселей, подписанных Карлом Готлибом, и вы, может быть, случайно, заметили и обратили мое внимание на то, что почерк не похож на обычный. Я не подал вам тогда виду, но потом произвел тщательное расследование и нашел с десятков таких векселей. Это были подложные векселя. Откуда они появились? Кто их подделал? После долгих и осторожных разведок я пришел к убеждению, что это дело рук Оскара Готлиба — брата покойного Карла. Я собрал уничтожающие улики и представил их нашему старичку Карлу. Таким образом, вы оказали ему услугу, хотя я не говорил ему, что вы первая заметили подлог — вы открыли ему глаза на недостойное поведение брата; Карл страшно рассердился, тогда же сказал, что лишит Готлиба наследства — эта мысль не была внушена мною, — и послал Оскару резкое письмо. Оскар ответил письмом, в котором униженно просил о прощении, сознался в вине, но оправдывался своим тяжелым материальным положением. Письмо это должно храниться в одном из несгораемых шкафов Готлиба...

— И оно нашлось! — воскликнула Эльза. — Это правда... Теперь я верю вам!

— Кто же его нашел?

— У Зауера были ключи. Когда вы ушли, Зауер поспорил с Рудольфом Готлибом, который вновь предъявил свои права на наследство. А Зауер, видимо, хотел во всем заменить вас и решил бороться с Готлибом, чтобы сохранить имущество за мной. Прежде чем шкафы были опечатаны, Зауер успел вскрыть один из них, нашел пачку подложных векселей и письмо Оскара Готлиба, и предъявил их прокурору, чтобы доказать правильность завещания Карла Готлиба, лишившего брата наследства. Раздраженный Рудольф Готлиб выстрелил в Зауера, ранил его в живот, и Зауер скончался от перитонита, а Рудольф Готлиб был присужден к десяти годам заключения и отбывает теперь наказание. Дело о подлоге Оскаром векселей пришлось прескратить в самом начале, так как Оскар при первом же допросе внезапно умер от апоплексического удара...

— Сколько несчастий! — сказал Штирнер. — Но ведь в них я не виноват, Эльза?

— Да, хотя косвенно, быть может, и виноваты. Но не будем говорить об этом. Теперь скажите мне, почему вы оказались в Москве?

Штирнер пожал плечами.

— Когда я обдумывал свое бегство, то решил, что врагам менее всего придет в голову искать меня в Москве. Да и московская милиция уж, конечно, не имела контакта с нашей. И я решил отправить Штерна туда. Что было со Штерном, я не знаю.

— Об этом я могу сказать немного из того, что я узнала от Штерна.

И Эльза рассказала Штирнеру обо всем, что произошло со Штерном, не упоминая только фамилии Качинского, вплоть до того момента, как он приехал.

— Но как вам удалось вернуть мое прежнее сознание? — спросил Штирнер.

— Я попросила об этом одного из ваших новых друзей. Я хотела поговорить в прежним Штирнером хотя бы несколько минут, чтобы узнать то, что вы мне сказали.

— И я согласился на то, чтобы мне вернули сознание?

— Да, вы согласились.

— Странно, — сказал Штирнер. — Я предвидел такую возможность и, внушая себе изменение личности, отдал

приказ Штерну, чтобы он ни в коем случае не соглашался подвергать себя внушению.

— Ну, значит, Штерн не послушался вас, а послушался меня, — улыбаясь, ответила Эльза.

— Эльза, Эльза, зачем вы это сделали? Как тяжело почувствовать опять на своих плечах груз пережитого! — с тоскою сказал Штирнер.

— Он скоро опять спадет с вас, — ответила Эльза.

— Да, но мне будет труднее расстаться с вами, чем раньше. Забыть вас опять...

Штирнер встал, протянул руку и, глядя на нее с любовью, сказал:

— Эльза!.. — В этот момент вдруг глаза его и лицо сделались спокойными, и он, несколько смутившись тем, что держал ее за руки, сказал: — Так как же, фрау Беккер, едете вы с нами на охоту? Я согласен, думаю, что и мои товарищи будут не против. Наша охота будет вполне безопасной.

Эльза поняла, что перед нею стоит опять Штерн. Время истекло. Качинский с часами в руках вошел на террасу и спросил Штирнера:

— Скажите, Штерн, о чем вы говорили с фрау Беккер на берегу, только об охоте?

— Ну да, — ответил Штирнер, с удивлением глядя на Качинского. — А о чем же иначе? Фрау Беккер подошла ко мне и просила взять ее с собой на охоту. Она говорила, что вы и Дугов согласны, если я также соглашусь. Я согласен. Вот я и пришел сказать об этом. Ведь так? — обратился он к Эльзе.

— Да, так, — ответила она, улыбаясь.

Качинский посмотрел на Эльзу укоризненно и покачал головой.

— Почему вы качаете головой, Качинский? — спросил Штирнер.

— Но ведь все обошлось благополучно, — сказала Эльза Качинскому.

— Что благополучно? О чем вы говорите, господа? — недоумевал Штирнер.

Качинский махнул рукой.

— Так, пустяки. Фрау Беккер схитрила, желая принять участие в охоте... — сказал он, поглядывая с упреком на

Эльзу. — А вы... серьезно хотите идти? — спросил Качинский Эльзу.

— Конечно, серьезно! — ответила она, смеясь. Качинский опять развел руками.

— Итак, завтра утром идем? — спросил Эльзу Штирнер.

IV. «ЛЕБЕДЬ» СЕН-САНСА

Вечером после ужина все сидели на веранде и оживленно разговаривали.

Гости рассказывали о Москве, о чудесах, которые творит передача мысли на расстояние, о необычайных возможностях, которые развернет это мощное орудие, когда человечество овладеет им в совершенстве.

Эмма слушала с увлечением, вздыхала и поглядывала на Эльзу, как бы говоря: «Как там интересно! А мы-то живем здесь!..»

Огромный шар луны поднялся из-за горизонта, проливая серебро бликов через весь океан до самого берега. И волны бережно качали этот подарок неба.

Океан дышал вечерней влажной прохладой. Цветы пахли сильнее, пряным, сладковатым запахом.

Где-то недалеко пели туземцы. Напев их был так же ритмичен и однообразен, как прибой. Под впечатлением этой южной ночи разговор на веранде становился все медленней и, наконец, затих.

Слышнее стал доноситься шорох гальки, обтачиваемой волнами.

— А мы-то тут живем!.. — с тоской вдруг dokonчила вслух свои мысли Эмма.

— Вы несправедливы, фрау, — отозвался Дугов и повел широко рукой вокруг. — Разве все это не очаровательно?

— Да, но... сегодня и завтра одно и то же... Хочется нового! Здесь хорошо, и все-таки чего-то не хватает.

— Я знаю, чего не хватает! — сказал, улыбаясь, Дугов. — Музыки! По крайней мере нам для полноты впечатлений. Фрау Беккер, ведь вы играете? Я видел у вас инструмент. Сыграйте нам что-нибудь этакое... лирическое! Мы будем слушать, молчать и созерцать.

— Просим, просим! — поддержал Качинский Дугова.

— С удовольствием, — просто ответила Эльза, вошла в комнату и села у рояля.

«Сегодня я хорошо буду играть», — подумала она, прикоснувшись пальцами к прохладным, чуть-чуть влажным от вечерней сырости клавишам и чувствуя нервный подъем.

— Что бы такое сыграть? — И прежде чем она успела подумать, ее пальцы, как бы опережая ее мысль и повинувшись какому-то тайному приказу, начали играть «Лебедя» Сен-Санса.

Ласковые, тихие звуки полетели в ночь, по серебристой дороге океана, к луне, сливая очарование звуков с очарованием ночи.

— Как прекрасно вы играете!..

Эльза вздрогнула. Опершись на рояль, перед ней стоял Штирнер и внимательно смотрел на нее. Когда он вошел?

— Простите, я помешал вам? Но я не мог не прийти сюда... Эти звуки... Продолжайте, прошу вас!..

Эльза, не прерывая музыки, с волнением слушала Штирнера и думала о своем. «Лебедь», это «Лебедь Сен-Санса...» — так говорил он когда-то там, давно, в стеклянном зале. Нет, он не мог быть злым до конца. И тогда его голос был так же нежен, как и теперь.

— «Лебедь»... «Лебедь» Сен-Санса!.. Десятки раз я слышал эту пьесу в исполнении лучших музыкантов, — говорил Штирнер, глядя на Эльзу, — но почему эта музыка, ваша музыка так волнует меня? Мне кажется, я когда-то слышал ее так же, как иногда мне кажется, что где-то я встречал вас...

От волнения грудь Эльзы стала подниматься выше.

— Это не только кажется. Мы действительно встречались с вами, — быстро ответила она, продолжая играть.

— Где? Когда? — так же быстро спросил Штирнер.

— Ночью, в грозу, в большом зале со стеклянными стенами и потолком...

Штирнер потер лоб рукою и сосредоточенно вспоминал о чем-то.

— Да... действительно... Я вспоминаю что-то подобное...

— И еще раньше мы виделись с вами... часто... в той жизни, о которой вы забыли... — по-прежнему быстро и нервно продолжала Эльза бросать фразы. — Вы забыли меня... и когда вы стали Штерном, то на один мой вопрос вы ответили: «Простите, сударыня, но я не знаю вас».

— Как? Неужели? И мы... были очень хорошо знакомы с вами?

Эльза колебалась. Пальцы ее начали путаться. Потом она решилась и, оборвав музыку, посмотрела Штирнеру прямо в глаза.

— Очень... — И тотчас она заиграла «Полишинель» Рахманинова, чтобы в бравурной музыке скрыть свое волнение. Взволнован был и Штирнер.

— Но тогда... тогда вы знаете, кем был я раньше?

Эльза молчала. Звуки «Полишинеля» росли, ширились, крепили.

— Фрау Беккер, умоляю, скажите мне! Здесь какая-то тайна, я должен ее знать!

Эльза неожиданно оборвала музыку и, серьезно, почти с испугом глядя на Штирнера, сказала:

— Я не могу вам сказать этого, по крайней мере сейчас.

— Что же вы не играете? — слышался голос Дугова.

Эльза начала играть снова.

Штирнер молчал, склонив голову. Потом он опять тихо начал:

— Ваша музыка... вы сами... Почему?... — Он не договорил свою мысль, как бы ища подходящего выражения. — Почему вы так волнуете меня? Простите, но я должен высказать. Я не донжуан, легко увлекающийся каждой красивой женщиной. Но вы... поворот вашей головы, складки вашего платья, легкий жест — все это необычайно волнует меня, вызывает какие-то смутные, даже не воспоминания, а... знакомые нервные токи, если так можно выразиться... — И вдруг с горячностью, которой она не ожидала, Штирнер подошел к Эльзе, взял ее за руку и сказал: — Фрау Беккер, я не буду настаивать на том, чтобы вы сказали, кем я был раньше. Но если мы были с вами знакомы, вы все же должны мне рассказать об этом времени... о нашей дружбе... быть может... больше, чем дружбе... Это... это так важно для меня!.. Пойдемте туда, на берег моря, и там вы расскажете мне.

Они вышли на веранду.

— Концертное отделение кончилось? — спросил Дуггов. — Очень жаль, мы только настроились слушать.

— У фрау Беккер болит голова, — ответил за нее Штирнер, — мы пройдемся к берегу моря подышать прохладой.

Штирнер и Эльза спустились к берегу.

Качинский провожал их внимательным и задумчивым

взглядом. Весельчак Дугов усмехнулся в усы. Эмма подметила эту улыбку и рассердилась на него.

«Ничего не знает, не понимает, а тоже — улыбается!» — подумала она. И, глядя на две фигуры, сидящие на прибрежных камнях, Эмма вздохнула...

V. УКРОЩЕННЫЕ

Небольшой отряд выступил в поход.

Впереди шли два проводника негра, вслед за ними — Дугов, Эльза, Штирнер и Качинский.

— Где же ваши ружья? — с недоумением спросила Эльза.

— Вот здесь! — ответил Дугов, стукнув себя по лбу.

— Как, опять здесь? Ваш мозг? Это и радиопередатчик, и ружья, и, может быть, собственная электрическая лампочка? — шутя спросила Эльза.

— Не только может быть, но так оно и будет. Человеческая мысль — величайшая сила, или, как это там, Качинский, сказано у Аррениуса?..

«Самый великий источник энергии это — человеческая мысль... Электромагнитные колебания, которые возникают в клеточках человеческого мозга — это величайшая сила, которая владеет миром».

— Видите, какое могучее оружие заключено в нашем мозгу! — сказал Дугов.

Они вошли в чащу тропического леса. Здесь стоял полумрак. Пестрые птицы порхали среди ветвей и паутины лиан. Пробивающиеся кое-где лучи солнца, как луч прожектора, выхватывали из полумрака группы листьев разнообразной окраски и зажигали радугу на цветном оперении птиц. Дорожка исчезла. Идти по преющим листьям и гнилым стволам упавших деревьев становилось все труднее. Штирнер помогал Эльзе преодолевать препятствия пути.

Со вчерашнего вечера Штирнер стал необычайно внимателен и любезен к Эльзе.

— Сколько продлится наше путешествие? — спросила Эльза, которая начала уже уставать. — Я думаю, звери живут далеко в глубине леса.

— А зачем нам искать их? — ответил Дугов. — Зверь

сам должен бежать на ловца. Вот найдем полянку и покличем их.

Скоро они вышли на лесную поляну, ярко освещенную солнцем. Все невольно сощурились после полумрака чащи. Огромные красные и желтые, пятнистые цветы, вроде тюльпанов, покрывали поляну сплошным ковром.

— Какая прелесть! — воскликнула Эльза.

Все уселись, беспечно беседуя.

— Ну, пора, — сказал Дугов. Он вышел на самую середину поляны и остановился. Выдвинул несколько вперед и вверх голову. Лицо его сделалось серьезным и сосредоточенным. Он медленно стал поворачиваться во все стороны, как бы пронизывая взором чащу леса.

Вдруг Эльза вздрогнула. Где-то далеко она услышала рычание льва, как отдаленный раскат грома. Ему ответило другое, третье...

— Клюет! — улыбаясь, сказал Качинский.

А Дугов продолжал медленно поворачиваться в той же сосредоточенной позе.

Рычанье все приближалось. В ветвях испуганно завопили и закричали обезьяны. Волнение охватило даже птиц: они вспорхнули с ветвей и перелетели выше.

Вот послышался хруст веток под мягкими, но тяжелыми шагами зверей.

Они идут отовсюду, окружают безоружных, незащищенных людей... Эльзе сделалось страшно. Что, если новое оружие окажется бессильным?.. Все они погибнут ужасной смертью!..

Штирнер заметил ее испуг, взял за руку и, глядя в ее глаза, сказал:

— Успокойтесь!

Ее волнение улеглось.

В это время огромный лев, ломая заросли, выбежал на поляну, зажмурился от яркого света и остановился. Потом он тихонько подошел к Дугову и, ласково рыча, потерся головой о его ноги. Дугов почесал его между ушей, и лев растянулся у ног укротителя. Послышалось что-то вроде мяуканья, и на поляну выбежала львица с двумя львятами. Они также улеглись у ног Дугова. Еще один лев прыгнул из леса огромным прыжком.

— Однако довольно! — сказал Дугов. — Наша яхта не поднимет всех этих гостей. Пожалуй, ты лишний, — обра-

тился он к первому льву, похлопывая его по голове, — ты уже не так красив, иди назад, старина!

Лев лизнул огромным языком руку Дугова и побежал в чашу.

— А вот этот красавец, — продолжал Дугов, проведя рукой по спине огромного льва, прыгнувшего через всю поляну, — посмотрите, не шерсть, а настоящее золотое руно!.. А ты чего плачешь, маленький? Лапу занозил? Бедный малыш! Дай я тебе вытащу занозу.

Дугов вытащил из лапы звереныша большой шип колючего растения.

Львица спокойно смотрела на эту операцию.

— У них очень нежные лапы, — сказал Дугов, обращаясь к Эльзе, — и они часто страдают от заноз. Но почему же вы не подходите, фрау? Вы видите, они безопасны, как дети!

Эльза подошла и стала гладить львов. Они ласково ворчали, терлись головами и норовили лизнуть руку.

— Ну, пора и домой. Уже солнце склонилось на вечер. Где же наши проводники?

Одного из них нашел Качинский в густой траве. Бедный негр лежал как мертвый, парализованный страхом. Другой сбежал при первых звуках львиного рева. Но и тот, которого нашли, был мало способен служить проводником. Он дрожал так, что ожерелье из раковин, висящее на его шее, непрерывно звенело. При виде львов он боялся шевельнуться. Качинский стал фиксировать его взглядом. Негр успокоился и пошел вперед.

На этот раз Дугов шел позади, а вслед за ним послушно, как собаки, следовали лев и львица с двумя детенышами.

Впереди шел проводник, за ним — Эльза со Штирнером, за Штирнером — Качинский.

В самой густой чаще, где было почти темно, над ними вдруг затрещали ветви деревьев. Штирнер вскрикнул и заслонил собой Эльзу. Огромный ягуар, прыгнувший на нее, упал на Штирнера и сбил его с ног. В ужасе вскрикнула Эльза. Однако ягуар не растерзал Штирнера, как ожидала она, а внезапно убежал в чашу, поджав хвост, как побитая собака.

— Однако и наша охота не совсем безопасна! — послышался голос Дугова. — Вы не ранены, Штерн?

— Цел и невредим, — отвечал Штирнер, поднимаясь с Земли. — Только изорван костюм.

— Вы можете теперь убедиться с силе нашего оружия, фрау Беккер, — сказал Качинский, подходя к Эльзе. — Ягуар не подвергался воздействию мысли и пытался напасть на нас. Но прежде чем он упал на Штерна, я уже успел дать зверю мысленный приказ убираться подобра-поздорову. И, как видите, он позорно бежал. Электромагнитные волны при излучении мысли летят со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, то есть со скоростью света. Вы видите, что мы обладаем самым скорострельным оружием в мире. Довольно было стотысячной доли секунды, чтобы обезвредить врага.

— Но все же нам надо быть осторожнее, — сказал Штирнер, поглядывая на Эльзу. Он испугался не столько за себя, сколько за нее.

— Теперь не опасно, чаща редет, мы скоро выйдем из леса, — ответил Дугов.

— Какие прекрасные попугаи! — воскликнула Эльза, когда ее волнение несколько улеглось.

— Ах, чуть было не забыл! — воскликнул Качинский. — Я обещал Ивину привезти ее жене попугая. — И, выбрав на ветке самого красивого, он послал мысленный приказ. Попугай уселся на плечо Качинского.

Негр посмотрел на Качинского с суеверным почтением.

Качинский заметил этот взгляд и рассмеялся.

— Для него, — он указал на негра, — мы высшие существа, всемогущие боги, способные творить чудеса. Так уж устроен человек: он или обожествляет, или отрицает то, чего не может понять.

— Это может показаться чудом не только для негра, — ответила Эльза.

— А между тем здесь нет никакого чуда — сказал Дугов. — Всякая дрессировка животных основана на том, что мы вызываем и закрепляем у животных так называемые условные рефлексы. Наши успехи в передаче мысли на расстояние сделали только возможным закреплять в сознании все, что мы желаем. Да, — продолжал он после паузы, — вспомните, Качинский, наши первые опыты: это была детская забава по сравнению с тем, что мы делаем теперь!

— Будьте справедливы к нашим первым опытам, —

ответил Качинский. — Без них мы не имели бы нашего зоологического сада, которым восхищается весь мир.

— Что это за сад? — спросила Эльза.

— О, это стоит посмотреть! Огромная площадь в окрестностях Москвы остеклена и превращена в зимний сад необычайных размеров. Тропическая растительность привольно растет в этом саду. А среди цветов и растений расхаживают на воле львы, тигры, козы, антилопы, пантеры и дети — множество детей, которые проводят там целые дни, играя со зверями, катаясь на тиграх, возясь в молодых львятами. Однако вот и конец вашего путешествия. Уже виден наш дом...

Появление необычайного шествия взволновало всех обитателей дома. Эмма, увидев приближающихся львов, в ужасе вскрикнула, и, подхватив ребенка, бросилась в дом, закрывая двери и окна. Старая негритянка побежала с отчаянным криком к берегу. Шмитгоф упала в обморок. Ганс еле стоял на ногах. В конюшне хрипели и бились лошади, почуя диких зверей, а осел неистово ревел.

Но постепенно все улеглось. Эльза уговорила Эмму выйти на веранду и, чтобы ободрить подругу, стала возиться со львами. В конце концов даже маленький Отто осмелел и близко подошел к молодым львятам, не решаясь еще прикоснуться к ним.

— Не желаете ли, фрау Шпильман, — обратился Дугов к Эмме, — я оставлю вам одного льва? Он будет развлекать вашего сына и сторожить ваш дом.

— Благодарю вас, но... пожалуйста, уберите скорее их отсюда!

Дугов засмеялся, посмотрел на львов и перевел взгляд на матросов, сидевших у палатки. Матросы тотчас поднялись выполнять мысленное приказание. Они стали складывать палатку и готовить лодки к отплытию. Львы, медленно и осторожно ступая по каменистой дороге, спустились к берегу и улеглись на песке. Матросы перевезли их по одному на яхту.

— Вы уже уезжаете? — спросила Эльза печально.

— К сожалению, мы не можем оставаться долее. Нас ждет большой дирижабль. Но мы надеемся, что наше приятное знакомство этим не закончится. Мы будем изредка навещать вас, нам нужно будет много новых зверей для пополнения филиалов нашего сада, которые мы открыли в

Харькове, Тифлисе и других городах. А еще лучше, если бы вы побывали у нас и посмотрели наши чудеса.

Эльза поклонилась.

Дугов подошел к Эмме.

— А вы, фрау, очень много потеряли, что не пошли с нами на охоту. Вы увидали бы много чудес. — Посмотрев на небо, где над заливом кружилось множество птиц, Дугов продолжал: — Впрочем, чтобы вознаградить вас за то, чего вы не видели на охоте, я могу показать вам одно «чудо».

Дугов стал смотреть на птиц.

Они тотчас изменили свой полет, выстраиваясь в треугольник. В таком порядке подлетели они к дому. Треугольник превратился в круг. Круг все расширялся и, отдаляясь, как бы растаял в воздухе, сливаясь с далью.

Эмма с восхищением всплеснула руками.

— Еще! Еще! — закричал мальчик.

Пока Дугов на прощанье потешал Эмму и ребенка, Штирнер, отойдя с Эльзой с сторону, горячо о чем-то говорил с нею. Эльза смущалась, краснела, но, видимо, была довольна словами Штирнера.

— Ну, нам пора! — сказал Дугов.

Все спустились к берегу. Качинский, Дугов и Штирнер уселись в шлюпку и взялись за весла.

— До свидания! — крикнул Штирнер, глядя на Эльзу, и взмахнул веслами.

В заходящих лучах солнца капли воды стекали с его весел, как капли красного хиосского вина. Вот шлюпка достигла яхты, и путешественники поднялись на нее. Паруса натянулись от попутного ветра. Гремит якорная цепь...

— До свидания! — еще раз донеслось до Эльзы. С яхты махали платками. Эмма, Эльза и мальчик махали в ответ.

У самого борта выстроились все львы, положив лапы на перила. Шерсть зверей в лучах заката казалась золотым руном. Новые аргонавты отплывали...

Дугов посмотрел на львов, и все они вдруг закивали и замахали лапами, как бы прощаясь с обитателями маленького домика. Мальчик и Эмма засмеялись. Улыбнулась и Эльза, хотя лицо ее было грустно.

Уже паруса яхты скрылись вдаль, солнце опустилось в изумрудную гладь океана, которая быстро подергивалась пепельным оттенком, а две женщины и ребенок все еще

стояли на берегу и глядели в ту сторону, где на поверхности океана переливался след от яхты.

— Да, пожалуй, действительно нам нужно поехать туда и посмотреть все эти чудеса, — наконец задумчиво сказала Эльза.

— Разумеется! — живо ответила Эмма. — Мы слишком засиделись здесь!

Эльза долго не могла уснуть в эту ночь. А когда под утро она задремала, то ей казалось, что она услышала голос Людвига, который звал ее.

— Да, да, милый Людвиг! — прошептала она сквозь сон. *
Но Эльза ошиблась.

Не Штирнер, а Штерн думал в это время о ней.

Штерн сидел на палубе яхты, под южным звездным небом, на низком плетеном стуле, облокотившись на голову спящего льва. Луна уже зашла, от воды тянуло предутренним свежим ветерком, а он все еще не спал и думал о фрау Беккер, живущей в одиноком домике на берегу океана.

Мерная волна укачивала. Штерн склонил голову на косматую гриву льва и незаметно уснул.

Первый луч солнца осветил их — человека и льва.

Они мирно спали, даже не подозревая о тайниках их подсознательной жизни, куда сила человеческой мысли загнала все, что было в них страшного и опасного для окружающих.

**Продавец
воздуха**

1. ОКАЯННЫЙ КРАЙ

«ОКАЯННЫЙ край!» — так писатель В.Г. Короленко назвал Туруханский край. Но название это вполне приложимо и к Якутии. Печальная тощая растительность: в местах, защищенных от ветра, — хилые кедры, тополь да корявые березки; дальше к северу — как будто скрюченный болезнью кустарник, ползучая береза, стелющаяся по земле ольха, вереск; еще дальше — болота и мхи. Когда глядишь на эти хилые, пришибленные деревья и кустарники, бессильно льнущие к земле, кажется, будто несчастные растения хотят уйти в глубину, скрыться от леденящих ветров, не видеть этого «окаянного края», куда закинула их злая судьба. И если бы их воля, они вытащили бы из мерзлой земли свои корявые корни и поползли бы туда, на юг, где благодетельное солнце, тепло и ласковый ветер... Но деревья принуждены умирать там, где они родились; все, что они могут сделать, — это пригнуться ниже под ударами ветра судьбы и ждать своей участи.

Не таков человек: он выбирает свой путь и свою участь, оставляет солнце, тепло и уют и едет, влекомый стремлением к борьбе, в неведомые, негостеприимные страны, чтобы победить природу или сложить свои кости рядом с хилой, корявой березой на холодной земле...

Эти несколько мрачные мысли невольно приходили мне в голову, когда я пробирался со своим проводником и помощником, якутом Николой, вдоль берега реки Яны. База нашей экспедиции находилась в «столице» Якутии Верхоянске — маленьком городке с населением, которое могло бы вместиться в одном московском доме средней величины.

По внешности Верхоянск остался тем же, чем он был много лет назад: несколько десятков деревянных домов, большею частью без кровель, и столько же юрт, разбросанных без всякого порядка по обоим берегам Яны, в низменной болотистой местности, усеянной большими озерами.

Почти перед каждым домом имеется «собственное» озеро, но вода в нем мутная, пить ее нельзя, и жители вынуждены запасаться льдом на круглый год. Только вывески советских правительственных учреждений, магазинов Якторга и кооператива напоминают при первом ознакомлении с городом о современности.

Все мои сложные и дорогие инструменты: барографы Ришара, микробарографы, анемометры и барометры* — я оставил в Верхоянске. Со мною были только небольшой барометр, термометр и довольно примитивный флюгер, доставляющий немалое удовольствие Николе. Для него это была такая же занятная игрушка, как детская ветряная мельница.

Наша экспедиция, во главе которой я стоял, была организована для изучения метеорологических условий полюса холода, находящегося в окрестностях Верхоянска, главным же образом для выяснения причин изменения в направлениях ветров.

Дело в том, что с некоторого времени метеорологами было установлено странное явление: пассаты и муссоны** начали изменять свое обычное направление. В экваториальной зоне ветры, дующие обычно от востока и к экватору, начали отклоняться на север, и чем далее к северу, тем это отклонение замечалось сильнее. Синоптические карты*** обнаружили, что в области Верхоянска образовался какой-то центр, куда и направляются ветры, как лучи, собираемые в огромный фокус. Это повлекло за собою (правда, еще малозаметное) изменение средней температуры: на экваторе она несколько понизилась, на севере повысилась. Такое явление вполне понятно, если иметь в виду, что холодные ветры с Южного полюса начали направляться к экватору, а экваториально теплые — на север. Замечались и другие странные явления, пока обнаруженные лишь точными физическими инструментами да некоторыми инженерами,

* Барограф — самопишущий барометр, прибор, записывающий последовательные изменения в давлении атмосферы. Анемометр (ветромер) — прибор для измерения скорости и направления ветра.

** Пассаты и муссоны — ветры постоянного направления.

*** Синоптические карты — карты, на которых отмечается (несколько раз в сутки) состояние погоды в различных местностях в определенное время.

наблюдавшими за работой пневматических машин. Эти наблюдения говорили о том, что атмосферное давление несколько понижено. О том же говорили и наблюдения над ослаблением силы звука, в особенности на высотах (летчики жаловались на перебои мотора уже на высоте двух тысяч метров).

Люди и животные, по-видимому, еще ничего опасного и вредного в этих метеорологических изменениях не чувствовали и не замечали, но ученые, бодрствовавшие за своими инструментами, были обеспокоены и, еще не волнуя общественного мнения, изыскивали меры к выяснению причин всех этих странных явлений. На мою долю выпала честь принять участие в этой работе.

И пока в Верхоянске заведующий хозяйственной частью экспедиции заканчивал последние приготовления и покупал лошадей и собак, я решил отправиться налегке, чтобы точнее определить направление нашего пути. В этих широтах ветер дул с запада на восток сильно и равномерно, так что даже с моими несложными инструментами можно было довольно точно ориентироваться. Наш путь лежал к отрогу Верхоянского хребта.

Мой спутник и проводник Никола был типичным якутом: у него были длинные тонкие ноги, медлительные и тяжеловатые движения. Его идеалом было ничего не делать, много есть и жиреть. Но, несмотря на этот «идеал», он был отличный, исполнительный работник и неутомимый ходок. Природа наградила его большой жизнерадостностью: без нее Никола едва ли выжил бы в «окаянном краю». Впрочем, для него этот край совсем не был окаянным: Якутия была самым лучшим местом на земном шаре, и Никола не променял бы свои мхи и корявые березы на роскошные пальмы юга.

Он или курил деревянную трубочку, или мурлыкал песни о солнце, не заходящем на небе, о реке, о камне, о пролетевшей птице, о всем, что видит. А его черные глаза с немного скошенными веками видели многое, ускользавшее от моего внимания, несмотря на то, что Никола, как я убедился, не различал некоторых цветов: слишком бедны были краски его родины, и он видел мир почти таким же серым, как мы его видим в кино.

— Сильно хоро́со лето, — говорил он, сплевывая желтую от табака слюну. — Сильно тепло.

Он был прав: для Якутии стояло необычайно теплое лето. Даже ночью (при незаходящем солнце) температура не опускалась ниже нуля, а днем поднималась до 30° С, иногда и выше.

Мы переправились через реку и начали взбираться на горный склон, поросший тальником, лиственницей и кустарниковой березой. Несмотря на очень теплую погоду, нам от времени до времени случалось переходить наледи, или «тарынь», — целые островки еще не растаявшего льда. Огромные трещины — работа лютого холода — покрывали землю густой сетью, похожей на сеть морщин, украшавших лицо Николы.

Стояла «красная ночь»: багровое солнце медленно катилось на север, окрашивая в красный цвет вершины холмов, покрытые снегом.

Мы благополучно перебрались через горный ручей, и я уже начал осматриваться кругом, выбирая стоянку для ночлега, как вдруг Никола остановился, вынул трубку, сплюнул и спокойно сказал:

— Крисит.

— Кто кричит?

— Селовек крисит.

Я прислушался. Ни единого звука не долетело до меня.

— Я не слышу, — сказал я.

— Далесе крисит! — И Никола махнул рукой в сторону. — Беда с ним, однако.

— Если беда, так пойдем на помощь. Может быть, на охотника напал зверь...

— Как хочес. Пойдем. Не надо ходить на зверя, когда стрелить не умеешь. Стрелить не умеешь — ворона обидит, — нравоучительно говорил Никола, быстро взбираясь на гору.

Я едва поспевал за ним.

Мы прошли не менее километра, когда, наконец, и я услышал крик человека. Острота слуха Николы была изумительна! Крик прекратился, и вдруг я услышал два глухих выстрела.

— Сильно дурак. Снасяла крисит, а потом стрелить, — продолжал ворчать Никола.

Мы взобрались на вершину и увидали заболоченную горную поляну. В каменистый берег упиралась топь, поросшая мхом. В нескольких метрах от берега я увидел человеческую фигуру, наполовину засосанную тинной.

Человек также, по-видимому, увидел нас и начал размахивать руками. Прыгая с камня на камень, мы поспешили ему на помощь. Я протянул утопавшему конец ружейного ствола, человек уцепился за ствол правой рукой — в левой он держал какой-то предмет, который казался мне похожим на вымазанный в грязи цилиндрический бидон для керосина.

— Бросай кусын! — крикнул Никола человеку.

Но утопавший, по-видимому, ни за что не хотел расстаться с бидоном. Он кряхтел, раскачивался, напрягал правую руку, но продолжал держать в левой свой сосуд.

— Бросай на берег! — крикнул я.

Этого совета человек послушался. Он размахнулся, бросил бидон на берег, ухватился обеими руками за ствол ружья и начал вылезать из тины.

Не без труда нам удалось извлечь на берег неизвестного человека. Вид его поразил меня. Его довольно полное бритое лицо было совершенно европейского типа. На нем был измазанный грязью, но хороший костюм альпийского туриста, на голове — серое кепи.

Выйдя на берег, он прежде всего схватил бидон, которым, по-видимому, очень дорожил, потом протянул мне руку и сказал на ломаном русском языке:

— Очень благодарю вас. В этих местах я не надеялся на помощь. Ви услышали мой выстрелы?

— Да, выстрелы, и вот он, Никола, еще раньше услышал ваш крик.

Неизвестный одобрительно кивнул головой в сторону Николы.

— Револьвер пропал, но это пустяк, — продолжал неизвестный. — Хорош якут. Ви удивлены? Я член экспедиции изучения Арктики Английски королевски географически общества. Ви тоже наушный работник?

— Да, я от Академии наук СССР... Не хотите ли посушить вашу одежду? — спросил я, продолжая внимательно осматривать его.

То, что я принял за бидон, оказалось чем-то иным, но я

не знал, что это такое. Цилиндр, отсвечивавший сквозь грязь ртутью, заканчивался вверху узким горлышком и, судя по натяжению руки, державшей его, был довольно тяжелым.

— Осушиться? Нет, благодарю вас. Мне не надо. Благодарю вас.

Кивнув головой, он неожиданно повернулся и начал быстро подниматься вверх по склону.

Я с недоумением смотрел ему вслед. Человек, только что спасенный от смерти, мог бы проявить больше внимания к нам. И откуда он появился здесь? Мне не приходилось слышать об экспедиции, отправленной сюда из Англии. И этот странный бидон...

— Сильно дурак. Ливольвел бросил, кусын спасал, — высказал Никола свое мнение о неизвестном.

Потом он задумался, неодобрительно мотнул головой и начал собирать сучья для костра. Мы сами вымокли, спасая англичанина.

— Эй! Эй! — вдруг я услышал голос неизвестного.

Он стоял на большом поросшем мхом камне и махал рукою.

— Услуга за услугу! — крикнул англичанин. — Не ходите туда, — он протянул руку по направлению ветра, — там смерть! — И, кивнув головой, он спрыгнул с камня и скрылся.

«Что за странное предупреждение! — думал я. — Не ходить в ту сторону, куда дует ветер?» Но именно туда мне и нужно было идти. Я должен был исследовать тот «фокус», куда направлялись ветры со всех сторон земного шара.

II. «МЕРТВЫЙ КАЮК»

Как только мы остановились, куча комаров облепила нас. Но, очевидно, это был пустяк по сравнению с тем, что здесь обычно бывает летом.

— Однако, сильно мало комаров, — сказал Никола. — Ветром сдувает.

— Куда уж больше! — проворчал я.

— Надо сильно больше. Солнце не видно, гор не видно. Вот сколько комара надо, — ответил Никола, разжигая

костер и устанавливая походный чайник на треножнике из сучьев.

Пока вода вскипела, Никола раскурил трубку, растянулся на земле и погрузился в думы. Против обыкновения он не пел и не говорил. Молчание продолжалось довольно долго. Потом Никола, выпустив густую струю дыма, сказал:

— Однако, плохо. Сильно плохо.

Никола, видимо, был чем-то озабочен.

— Этот человек... Сильно нехоросо. Пусть бы он тонул... Три раза лето и три раза зима — я видел такой человек.

— Ты знаешь его? — с удивлением спросил я Николу.

— Не его. Похож на него. Там!.. — и Никола показал рукой на север.

— Не говори загадками, Никола, — нетерпеливо сказал я. — В чем дело?

И Никола рассказал мне на своем бедном словами, но богатом образами и меткими выражениями языке удивительную историю.

Это было три года назад. Никола со своим отцом и братом рыбачили в Селахской губе*. Был конец лета. Ветер дул еще с берега, но ледяные глыбы, все в большем количестве появлявшиеся в Северном Полярном море, говорили о близком наступлении зимы. Никола советовал вернуться скорее домой, но лов был хороший, и отец Николы, старый опытный рыбак, не торопился. Он уверял, что вместе с морозами подует северный ветер, который быстро принесет их к берегу.

Однако умиравшее лето не хотело уступить зиме без боя. Южный ветер все усиливался и перешел в шторм. Рыбаков относил к острову Макара. Небольшой парус сорвало, рулевое весло сломалось о ледяную глыбу. Седые волны трепали маленький каюк, как щепку. Но привыкшие к опасностям своего промысла, рыбаки не теряли присутствие духа. Льдины им давали пресную воду, а рыбы было в изобилии. Им приходилось страдать только от холода, но

* Селахская губа — залив Северного Полярного моря восточнее устья Яны (Якутия). Название губа получила от речки Селлах, одной из многих тундровых речек, впадающих в губу. На реке Селлах и в заливе богатые рыбные промыслы.

недаром они выросли в самом холодном месте земного шара. Их организм спокойно сопротивлялся. Полузамерзшие, оледенелые, они подбадривали друг друга шутками.

На третий день их странствования случилось несчастье: их каюк попал между ледяными глыбами, которые смяли его, как яичную скорлупу. Рыбаки едва успели выбраться на льдину и продолжали на ней путешествие.

Предсказание отца Николы, хоть и с опозданием, исполнилось: береговой ветер утих, и скоро потянуло ровным ледяным дыханием с севера. Льдина направилась к берегу, но до него было далеко. А голод начинал не на шутку беспокоить потерпевших крушение. Рыба погибла вместе с каюком. Ловить руками было не так-то легко. Рыбаки начали слабеть от голода. Море, взбаламученное переменной ветра, кипело. Ледяные брызги окатывали путников с ног до головы. Иногда волны перекатывались через них.

— Сильно плохо было, помирать надо, — пояснил мне Никола.

Однажды ночью — хотя солнце в это время уже заходило за горизонт, но ночи были очень светлые — рыбаки увидали «сильно большой каюк», который шел прямо на них, сверкая огнями.

Это был пароход, но такой огромный, какого Никола никогда не видал в своей жизни. Рыбаки закричали и замахали руками. Пароход приближался, но людей на нем не было видно. Однако, судя по тому, что он шел прямо к льдине, рыбаки решили, что их заметили на пароходе. «Почему только он не кричит?» — думал Никола. Чем ближе подходил пароход, тем он казался больше. «Мне надо было смотреть вот так», — объяснил Никола, поднимая лицо к небу.

Радость рыбаков скоро сменилась ужасом. Нос огромного парохода уже был в нескольких метрах от них, а на палубе его не было видно ни одного человека... Еще минута — и киль парохода врезался в льдину и разбил ее пополам. Раздался страшный треск, ледяная вода залила Николу, — он почувствовал, что льдина ушла из-под его ног. Когда Никола вынырнул, отца и брата не было. Они оказались на той половине льдины, которая пошла мимо левого борта, а Никола оказался справа от парохода... С тех пор

Никола больше никогда не видел ни отца, ни брата и не знает что с ними.

Никола барахтался в воде, а железная стена пароходного корпуса проплывала мимо него. Сомнения не было: команда парохода не заметила их... Никола был обречен на гибель, если сам не позаботится о себе. Давлением воды Николу относило от парохода, но он был хороший пловец и, делая невероятные усилия, держался вблизи. Мимо Николы проплывали освещенные иллюминаторы. Никола кричал, но никто не показывался в иллюминаторе.

Вдруг Никола увидел конец троса, спущенного с палубы. Рискнув вырвать руки из плеч, Никола бросился к нему, но волной Николу отнесло в сторону, и он проплыл мимо троса, когда тот находился на расстоянии полуметра от руки. Никола приходил в отчаяние. Но ему не суждено было умереть. Скоро он увидел болтающийся над самой водой трап, спущенный с палубы. Вскочив на обломок льдины, Никола подпрыгнул, протянув руки к трапу. Лыдина перевернулась под ним, но Никола уже держался за трап. Он был опасен. Быстро поднялся Никола по трапу и вззошел на палубу корабля, ожидая встретить удивленные лица матросов.

Но удивляться пришлось не матросам, а самому Николе: палуба была пуста. Ни одного человека! Мертвый корабль! Только снизу глухо доносился гул мощной машины...

Никола никогда не слышал легенды о Лстучем Голландце, но бедного якута обуял такой ужас, как если бы он попал на этот легендарный корабль.

Ужас был так велик, что в первую минуту Никола подумал, не прыгнуть ли за борт. Но, посмотрев на бушующий океан, он одумался.

«Может быть, люди боятся холода и находятся в каютах», — решил он и начал осмотр парохода, пробираясь по трапам и коридорам осторожно, как вор. Каюты были пусты, не исключая капитанской; рубка, кубрик и камбуз также.

Никола перешодил от ужаса к недоумению. Если все здесь умерли, то должны были остаться хоть трупы тех, кто пережил других. Если все бежали с корабля, то он не может идти. А если он идет, то машинист, кочегары и рулевой должны быть на месте.

Никола сошел в котельную, но и там никого не было. В машинном отделении также никого. Как будто пароход шел, управляемый невидимой рукой мертвеца. Никола почувствовал, что у него поднимаются от ужаса волосы. Не помня себя от страха, он взобрался на палубу и пробрался к штурвалу. Никого! Гонимый ужасом, Никола побежал на нос корабля. И здесь он впервые увидел человека, стоявшего на самом носу с опущенной головой.

— Эй! Это я!.. Кто ты?.. — крикнул Никола хриплым голосом.

Человек стоял неподвижно. Это было страшно, как все на пароходе, но Никола чувствовал такую потребность видеть возле себя хоть одно живое существо, что, пересилив страх, подошел к человеку, стоявшему на носу, и заглянул ему в лицо. Это был мертвец! Никола только теперь увидел, что мертвец был привязан тонким линем к фальшборту...

По описанию Николы этот мертвец был очень похож на англичанина, которого мы вытащили из болота: такой же бритый и так же одетый. Теперь мне было понятно мрачное настроение Николы: встреча с нашим англичанином напомнила Николе о самом трагическом происшествии в его жизни.

— Ну и что же было дальше, когда ты увидел мертвеца?

— Я завыл, как волк, — ответил Никола.

И он продолжал свой рассказ. Страшней «мертвого парохода» Никола не встречал ничего во всю свою жизнь. Но на пароходе было по крайней мере тепло и сухо. Голод превозмог ужас, и Никола отправился на поиски съестного. Он нашел несколько бочек пресной воды, но с провиантом дело обстояло хуже. Николе удалось разыскать только мешок сухарей, завалившийся за пустые ящики. Однако для невзыскательного якута и это было хорошей находкой.

«Мертвецы, значит, пьют воду, но мало едят», — решил Никола и не без страха засунул первый сухарь в рот. Он боялся, что из-за его спины вдруг протянется мертвая рука и мертвец крикнет: «Отдай мои сухари!»

Но мертвецы оказались покладистым народом и не помешали Николе съесть сразу десяток сухарей и запить их двумя ковшками воды.

Когда Никола поел и обсушился, то почувствовал себя совсем нсплохо. Он выбрал себе удобную каюту и, на

всякий случай похвалил мертвецов за их доброту, улегся, не раздеваясь, на мягкую койку. Последней его мыслью была та, что пароход, очевидно, прислан специально для него каким-то духом-покровителем. Жалко, что погибли брат и отец, но одному судьба жить, а другому умереть!..

Никола крепко уснул и проспал очень долго. Его разбудил скрежет, треск и покачивания парохода. Открыв глаза, Никола долго не мог понять, что с ним и где он. Вспомнив, что он находится на «мертвом каюке», он вскочил. С каюком, по-видимому, творилось что-то неладное: как будто ожили мертвецы и пляшут, гремя костями. Николе опять стало страшно. Он поднялся на палубу. Резкий, сильный ледяной ветер едва не сбил его с ног. Пароход качало. Никола посмотрел вперед и обмер от ужаса. С громом и скрежетом вокруг судна плясали, сталкивались и ломались большие ледяные глыбы. Но это не испугало Николу. Подхваченный сильным течением, пароход бешено летел между двумя отвесными скалами в узком проливе и направлялся прямо на такую же отвесную каменную стену. Мертвецы играли плохую шутку, и судно, пожалуй, было подослано Николе не духом-покровителем...

— Ты сто делась?! Не видись? — закричал Никола. — Верти назад!

Мертвец упал туловищем вперед, кепи его свалилось за борт. Но он не послушал Николы, и пароход продолжал нестись к скале. Никола бросился к штурвалу, но скоро понял, что рулем тут не поможешь, пролив был слишком узок. С последней надеждой Никола вбежал в капитанскую рубку и крикнул в слуховую трубку приказ в машинное отделение:

— Садни ход! — как это делал капитан парохода на Лене.

Но дух машиниста не хотел повиноваться. Машина гудела...

— Сильно дураки! — выбранил Никола своих воображаемых спутников.

Он привык к быстроте решений. Видя тщетность своих усилий предотвратить катастрофу, он сделал все, что можно было успеть, для спасения себя: быстро слетел вниз, принес мешок с сухарями, бросил в шлюпку и взобрался в нее сам, ожидая событий. И они наступили очень скоро.

Пароход ударился о скалу с такой силой, что Никола вместе со шлюпкой сразу оказался лежащим на палубе. Страшный треск столкновения был заглушен еще более ужасным ревом взорвавшихся котлов, и пароход начал тонуть. Он лег на правый борт, так что волны покатались по палубе. Никола воспользовался этим и стащил шлюпку в воду.

Водовороты завертели шлюпку, льдины мешали грести. А пароход при своем погружении мог увлечь за собою и его. Это был очень опасный момент. Но Никола, поглядывая на пароход, понемногу выбивался на простор и, наконец, попал в течение, огибавшее скалу. Его шлюпка быстро понеслась вдоль каменного отвеса скалы и завернула за угол, прежде чем закружился страшный всасывающий водоворот на месте погружения парохода.

Никола был спасен. Через два дня он на шлюпке добрался до острова Макара, а оттуда уже прямо по льду — зима наступила — до берега...

Никола замолчал, окончив рассказ о своей одиссее, и начал в задумчивости остругивать палку охотничьим ножом, имевшим рукоять из мамонтовой кости, сделанной в виде длинной оленьей головы с вытянутой шеей. Никола был большой мастер резать по кости.

Я также задумался... История с «мертвым каюком» была так необычна, что казалась вымыслом. Но я знал Николу: он мог приукрасить события, но не был лжецом. Неожиданная мысль пришла мне в голову.

— Как назывался тот пароход? — спросил я Николу.

В ответ он только неопределенно чмокнул губами и отрицательно покачал головой.

— Ты видал надписи на спасательных кругах? Не помнишь ли ты хоть первую букву? На что она похожа?

Никола подумал и сказал:

— На эти козлы для чайника. — И он нацарапал на ладони концом ножа фигуру, довольно близко напоминающую букву А.

Неужели мое предположение верно?..

Я вспомнил, что три года назад из Англии была отправлена экспедиция, снаряженная крупным капиталистом мистером Бэйли, на ледоколе «Арктик». Экспедиция была прекрасно оборудована всем необходимым и предполагала

пройти вдоль всего берега Сибири, вплоть до Аляски. На борту парохода находилось несколько крупнейших ученых.

Однако экспедиция эта закончилась трагически. Последние передачи по радио были получены с ледокола, когда он находился недалеко от мыса Борхая. Затем несколько дней «Арктик» не подавал о себе вестей, потом появились тревожные «SOS», и с тех пор всякие вести прекратились. Только на другой год рыбацкими судами были обнаружены на одном из небольших голых островов две разбитые шлюпки ледокола, а к устью Лены был прибит волнами спасательный круг «Арктика». Это, по-видимому, все, что осталось от ледокола. Отважных мореплавателей почтили должным образом, записали их имена в длинный список жертв науки, вычеркнули «Арктик» из списка судов. Этим дело и окончилось.

И вот теперь, в «окаянном краю», из уст якута мне пришлось выслушать историю, которая проливала некоторый свет на судьбу ледокола и вместе с тем окутывала эту судьбу еще большей тайной. Куда девались эти пассажиры? Каким образом пароход без команды оказался идущим на всех парах в океане? И как он мог идти? Машины не могли действовать без управления. Или должен был взорваться котел, или, что вернее, котлы должны были остыть без топки и пароход остановиться.

И кто этот англичанин, спасенный нами из болота? Он сам называл себя членом английской арктической экспедиции. Но он совсем не выглядел человеком, потерпевшим крушение несколько лет назад и долго прожившим в одном из самых глухих углов земного шара. Наконец, что значит его предупреждение? Почему смерть угрожает мне, если я пойду туда, куда дует ветер? В этом предупреждении тоже скрывается какая-то тайна. Но он не запугает меня! «Идти по ветру» — задача нашей экспедиции.

Как бы то ни было, мне необходимо быть осторожным. Благоразумие подсказывало, что мне следует вернуться в Верхоянск и идти на исследование со всей экспедицией. И если бы я послушался бы этого голоса благоразумия, многое бы вышло иначе. Однако мое любопытство и беспокойный дух исследователя неудержимо влекли меня вперед. Обманывая собственную осторожность, я уверял себя, что пойду

вперед еще несколько километров, чтобы посмотреть, какая опасность может подстергать меня.

— Чай готов, — сказал Никола, снимая с огня кипевший чайник.

III. «НОЗДРЯ» АЙ-ТОЙОНА

Утомленные путешествием, мы крепко уснули, укутав головы от комаров. Когда Никола разбудил меня, незаходящее солнце передвинулось на восток. Было утро. Ветер, несколько утихавший ночью, начал опять свою работу. Он дул равномерно, без порывов, все более усиливаясь.

— Идем туда, — сказал я, указывая Николе направление по ветру.

Перед нами поднималась горная гряда.

— Опять туда? — спросил Никола, видимо несколько встревоженный. — Надо назад. Дальше я не пойду.

Этот ответ удивил меня. Никола, бесстрашный и исполнительный Никола, отказывался продолжать со мною путь! Может быть, его напугали слова англичанина?

— Почему ты не пойдешь туда? — спросил я его.

— Один мой товарищ и еще один товарищ шли, и они не вернулись, — ответил Никола, нахмурясь. — Оттуда никто не возвращается. Там ноздря Ай-Тойона.

Я уже знал, что Ай-Тойон — «священный старик» — верховное божество якутов. Но мне никогда не приходилось слышать о ноздре Ай-Тойона.

— Неужели ты еще веришь бабьим сказкам о тойонах и ерах? И как ты можешь бояться, если я иду с тобою?

— Я знаю, ты сильно большой человек. Большевик ты. Но оттуда никто не возвращался.

Никола не льстил мне, называя меня «сильно большим человеком» — большевиком. (Для него все городские жители, присхавшие из больших городов России, были большевиками.) Его похвала была искренна. Якторг освободил его, как и других якутов, от эксплуатации прасолов, покупавших за бесценок пушнину и спаивавших якутов водкой; его дети учились в школе, а жена была вылечена от болезни, насланной злым духом — ером. Все это была «агитация фактами», понятными Николу. Там, где является сомнение в могуществе богов, колеблется и вера в них. И мне каза-

лось, что Никола уже терял эту живую веру в богов и относился к ним как к поэтическому вымыслу, обобщающему те или иные явления, — так, как мы иногда говорим о «фортуне», о «карающей Немезиде», забывая о религиозном происхождении этих слов и передавая ими только известные понятия. Боги Николы явно подгнивали, но не умерли еще совершенно в его сознании. Они оживали тогда, когда он встречался с каким-нибудь непонятным и страшным явлением. Так было с ним на пароходе мертвецов, так, очевидно, было с ним и теперь. Страх разрушал голос разума и пробуждал первобытное верования в злых духов...

— Что же это такое, ноздря Ай-Тойона?

— Обыкновенная ноздря. Ай-Тойон дышит. А там, — Никола показал на гору, — его ноздря.

— Но почему же он дышит только в себя? Видишь, встердует все время в одну сторону? — спросил я Николу.

— Ай-Тойон сильно большой. Тысячу лет, однако, он может брать воздух в себя и тысячу лет выпускать...

Очевидно, я присутствовал при рождении новой легенды.

— Глупости все это! Идем со мной, Никола, и ты сам убедишься, что нет никакой ноздри Тойона.

Но Никола не двигался с места и отрицательно качал головой.

— Идешь?

— Сильно боюсь. Однако, и ты не ходи! — сказал он.

Я колебался, Идти одному было рискованно. Слова англичанина были брошены неспроста. Меня действительно могли ожидать непредвиденные опасности. Но во мне вдруг заговорило самолюбие. Мой отказ Никола мог понять так, будто и я поверил в эту глупую ноздю.

— Если ты отказываешься, я иду один! — решительно сказал я и направился вверх по склону горы.

Ветер дул мне в спину, облегчая путь.

— Не ходи! — закричал мне Никола. — Не ходи!

Я, не оглядываясь, продолжал путь.

Скалы поднимались все выше и круче. Скоро я начал уставать и пошел медленнее. Перед крутым подъемом я остановился, чтобы перевести дух, и вдруг услышал за спиною чье-то сопенье. Я оглянулся. Передо мной стоял

Никола. Он улыбался своим широким ртом, скаля кривые зубы.

— Однако, ты пошел, и я пошел, — сказал он, видя мое недоумение.

— Молодец, Никола! — радостно сказал я.

Мне приходилось кричать. Ветер выл и свистал так, что мы с трудом слышали друг друга.

— Ты не боишься, Никола?

— Сильно боюсь, однако. Пойдем!

Мы начали карабкаться по скалам. Скоро ветер сорвал мой походный флюгер, висевший у меня за спиной. Никола бросился было за ним, но я остановил его. Ветер дул с таким постоянством, что флюгера не нужно было. Никола же рисковал сорваться в пропасть, гонимый этим сумасшедшим ветром.

— Иди сюда! Держись за меня! Пойдем вместе! — крикнул я якуту.

Мы уцепились друг за друга и, помогая один другому, продолжали путь. Нам приходилось сильно откидываться назад, и все же мы не всегда могли удержаться на ногах. Мы падали на землю и с трудом поднимались. Ветер, как тяжелые мешки с песком, давил нам на спину. Мы обливались потом и выбивались из сил. Я уже начал сожалеть о своем опрометчивом поступке, но возвращаться не хотелось. Мы были недалеко от вершины, и я дал себе слово только заглянуть, что делается по ту сторону каменной гряды, и вернуться назад, не искушая больше судьбы. Это небольшое расстояние до вершины горы нам пришлось ползти по земле. Ветер, казалось, готов был раздавить нас, как слизней. Он был плотный и тяжелый. Можно было подумать, что мы находимся на большой глубине океана и сотни тонн воды давят нас своею тяжестью. Нам приходилось закрывать рот и нос, чтобы задерживать воздух, который душил нас; выдыхали же мы с большим трудом, как это бывает с большим астмой.

Я знал, что на самом гребне горы ветер будет свирепствовать еще больше. Чтобы нас не снесло в какую-нибудь пропасть, я принял меры предосторожности, высмотрел расщелину меж скал и направил наш путь туда, чтобы можно было двигаться, укрываясь за гранитными выступами.

Мы благополучно проползли по узкой расщелине, загигавшейся на середине углом, и, наконец, подползли к самому гребню. Я наклонил голову и посмотрел вниз. Открывшееся зрелище изумило меня.

Я увидел огромный отлогий кратер, подобный лунному. Но что меня особенно удивило — скат этого огромного кратера был как будто отшлифован. Ни камня, ни выступа. Совершенно гладкая, пологая воронка, а глубоко внизу, в центре ее, виднелась круглая дыра чудовищного, как мне показалось, диаметра. Неужели шлифованная воронка и геометрически правильная дыра на дне кратера естественного происхождения? Трудно было допустить это.

Крепко уцепившись за острый выступ скалы, Никола махнул рукой, что-то показывая мне, и крикнул, но я не расслышал, что он сказал, и посмотрел по направлению его руки. Я увидел в воздухе дерево, которое несло вдоль окружности кратера, описывая огромный круг, как будто его кружил смерч. Мы стали наблюдать за деревом. Оно продолжало описывать правильные круги, вернее — двигаться по спирали: каждый круг становился уже и проходил ниже предыдущего, причем движение дерева все ускорялось. Это был какой-то воздушный Мальштрем!..* Вот дерево сделало еще несколько кругов и скрылось в черном колодце на дне кратера.

Я стоял перед новой загадкой. Было очевидно, что ветер направлялся куда-то под землю. Это было непонятно и бессмысленно, как «ноздря» Ай-Тойонна.

«Но где же другая «ноздря», из которой воздух должен выходить обратно?..»

Мои размышления были прерваны новым явлением. Огромный камень, весом с добрую тонну, сорвался вдруг с вершины скалы. Но он не полетел вниз, как было бы естественно. Он пролетел в воздухе по спирали почти две трети окружности кратера, прежде чем достиг дна и скрылся в круглом колодце.

«Какова же должна быть сила ветра!» — подумал я и невольно вздрогнул, вообразив себя на месте камня.

* Мальштрем (Мальстром, Москестром) — бурное морское течение у Лофотенских островов (близ северо-западных берегов Норвегии), опасное водоворотом, яростно бушующим во время северо-западных бурь.

Мы стояли перед совершенно исключительным, загадочным явлением природы, и хотя я не верил в божественную «ноздрю», все же я уже с большим уважением вспомнил мифотворчество Николю: в его вымысле была доля правды; мы открыли какую-то чудовищную «ноздрю» в коре земного шара, втягивающую воздух с поверхности земли.

«Это сообщение произведет в научном мире сенсацию!» — мелькнула тщеславная мысль. Однако теперь не время и не место предаваться таким мыслям. Надо подумать о том, как выбраться из этого воздушного водоворота. С величайшими предосторожностями освободив одну руку, я тронул Николу за плечо и кивнул ему головой, приглашая вернуться.

«Но почему не засоряется эта дыра?» — подумал я... И в этот самый момент произошло нечто такое, что сразу вымело все мысли из моей головы.

Никола слишком поспешно и неосторожно отнял обе руки, и вдруг его тело под давлением плотных масс воздуха начало быстро соскальзывать с площадки, на которой мы лежали. Я едва успел ухватить Николу за ноги, но с ужасом почувствовал, что и мое тело движется к краю обрыва. Я начал цепляться носками сапог за выбоины, чтобы задержать наше продвижение, но все было напрасно: мы медленно, неуклонно продвигались к краю пропасти. Тело Николю уже наполовину висело в воздухе. Ветер сдул мешок, висевший на его спине. Мешок еще держался на ремнях и висел горизонтально впереди головы Николю. Еще мгновение — и уже все тело Николю висело над пропастью. Вдруг я почувствовал, что Никола дергает меня ногами, как бы желая освободить их. Я не мог понять этого поступка. Никола с трудом повернул ко мне голову и крикнул:

— Брось!

Он был верный товарищ и настоящий мужчина. Видя неизбежную гибель, он хотел по крайней мере спасти меня. Я не мог принять этой жертвы и продолжал крепко держать его ноги. Тело Николю вытянулось в струну. Мешок с провизией, чайником и инструментами оторвался и помчался влево, вдоль края гигантской воронки. В ту же секунду Никола так сильно дернул ногами, что я невольно выпустил их. И Никола с бешеной скоростью помчался

вслед за мешком, как бы догоняя его. Еще мгновение — и мое тело последовало за Николой...

Ужасные, незабываемые минуты! Первое ощущение, которое я вслед за тем испытал, было то, что ветер будто утих: теперь мы летели в его потоке. Вместе с тем я чувствовал необычайное уплотнение окружающей меня среды, как будто я находился на большой глубине океана. С большим трудом мог я отвести руку в сторону, желая ухватиться за край кратера. Я летел всего в каком-нибудь метре от скал. Но дышать мне было как будто немного легче.

Повернув голову, я посмотрел на Николу, летевшего впереди меня. Он, видимо, также пытался зацепиться за стену кратера. Несмотря на свое неуклюжее тело, он изгибался губою как червяк, протягивая свои длинные руки и раскидывая ноги. На одно мгновение ему удалось коснуться ногой каменной стены. Но это не остановило, а только несколько задержало его полет. Его тело перевернулось и немного приблизилось к моему. Он опять вытянулся пластом, а я протянул руки вперед, желая ухватить его. Но если бы даже всего один сантиметр отделял нас, я не в силах был бы достать его, так как расстояние между нами оставалось неизменным. Мы были бессильны предпринимать что-либо.

Мешок уже сделал полный круг и летел теперь немного ниже места нашего падения. Вслед за мешком это место пролетел Никола, а потом и я. Вблизи стена кратера не казалась уже отшлифованной, как издали. В ней кое-где виднелись трещины, выбоины, выступы скал. Но зацепиться за них было нелегко. Если бы даже это и удалось, рука была бы оторвана бешеным потоком, как мушиная ножка. Приходилось подчиниться своей участи и ждать, что будет.

Вероятно, Никола одновременно со мной заглянул вниз, чтобы посмотреть, что нас ожидает. Там виднелась черная круглая дыра, все увеличившаяся по мере того, как мы приближались к ней воздушной винтовой дорогой, летя все суживающимися кругами все скорее и скорее...

У меня начало мутиться сознание. Круги становились все меньше, мы опускались все глубже... Наш смертный час настал. Я не сомневался в том, что гибель неизбежна. Я должен был упасть в бездну и разбиться насмерть о каменное дно. Когда мы летели уже над самым колодцем, я нашел

еще силу заглянуть вниз, и — быть может, это был бред — мне показалось, что я вижу свет огромных электрических ламп и решетку внизу. Эта решетка вдруг завертелась, свет померк, я потерял сознание...

IV. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Когда сознание начало возвращаться ко мне, я прежде всего почувствовал свое тело: оно ныло и болело. Еще не открывая глаз, я ощутил чье-то прикосновение. С трудом разомкнув веки, я увидел перед собой моего верного друга и спутника Николу. Но я не узнал его сразу. Вместо обычной меховой одежды из оленьей шкуры на нем был белый больничный халат.

Я лежал на чисто застланной кровати, покрытой серым пушистым одеялом, в небольшой комнате без окон, освещенной электрической лампой, спускавшейся с потолка.

— Приехали! — сказал Никола, приветствуя меня своей неизменной улыбкой.

— В ноздрю Ай-Тойона? — попробовал я пошутить. — Вот видишь, Никола, никакой ноздри нет.

— А ты ее видел? Может быть, она как раз такая, — и Никола обвел рукою комнату.

— С электрическим освещением?!

Наш разговор был прерван. Дверь открылась, и в комнату вошла молодая девушка в белом халате — сестра милосердия, как решил я. Я уже не сомневался, что нахожусь в больнице. Но долго ли я был без памяти, как избежал смерти и попал в эту больницу, я себе не уяснял.

Сестра обратилась ко мне с вопросом на неизвестном мне языке. Я жестами дал понять, что не понимаю, и в то же время рассматривал девушку. Она была молодая, краснощекая и очень здоровая. Русский локон выбивался из-под белой косынки. Она улыбнулась, сверкнув белыми ровными зубами, и повторила вопрос на английском языке. Этот язык мне был более знаком — я читал по-английски, но говорить не умел. И я опять развел руками. Тогда девушка в третий раз повторила свой вопрос по-немецки.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Благодарю вас, хорошо, — ответил я, хотя, признаться, чувствовал себя далеко не хорошо.

— У вас что-нибудь болит?

— Что у меня болит! Я как будто прошел через мельничные жернова, — ответил я.

— Могло быть хуже, — сказала девушка, добродушно улыбаясь.

— Где я нахожусь, не будете ли вы так добры объяснить мне? — спросил я.

— Вы это скоро узнаете; В состоянии ли вы подняться с кровати?

Я сделал попытку подняться и закусил губу от боли.

— Лежите, я сейчас принесу вам завтрак. — И она ушла, беззвучно ступая мягкими туфлями.

Никола чувствовал себя лучше. Правда, он потирал себе то бок, то спину, но был уже на ногах. Расхаживая по небольшой комнате, он кряхтел и придерживал правое колено.

— Трубка пропал, табак пропал, курить хочется, — сказал он.

Вновь открылась дверь, и вошла сестра, на этот раз с человеком лет тридцати, бритым, одетым в шерстяную фуфайку и в сары — сапоги из конской кожи. Это напомнило мне, что я нахожусь в приполярных странах. Человек нес с собою такую же, какая была надета на нем, одежду для меня и для Никола, а сестра принесла на подносе завтрак: яичницу, тартинки и чашки дымящегося какао.

— Кушайте, — приветливо сказала она, — а когда почувствуете себя в силах подняться, наденьте костюм и позвоните в этот вот звонок.

Она кивнула головой человеку в фуфайке и вышла с ним из комнаты. Я принялся за яичницу, поставленную на столик возле моей кровати. Несмотря на перенесенные волнения, мы с Николой позавтракали с аппетитом. Какао доставило Николе еще не испытанное им наслаждение. Он даже закрыл глаза и причмокивал, втягивая большими глотками горячий напиток.

Однако в этой больнице, очевидно, залеживаться долго не полагалось. Покончив с завтраком, я с трудом поднялся и осмотрел свое тело, вымытое кем-то и одетое в чистое белье. По всему телу виднелись многочисленные кровоподтеки, но кости были целы. Правое плечо вспухло и сильно

болело. Похоже было на то, что кость в плечевом суставе вывихнута и вправлена. Да, могло быть и хуже...

Мы с Николой переоделись, помогая друг другу, и я нажал кнопку звонка, находившуюся у двери. Скоро к нам в комнату вошел человек в фуфайке и знаком предложил нам следовать за ним.

Мы вышли из комнаты и отправились по длинному загибающемуся коридору, освещенному электрическими лампочками. По обеим сторонам в стенах мы видели двери с крупными номерами: 32, 33, 34... и против них: 12, 13, 14... Как в отеле или в наркомате.

Мы шли довольно долго, все время заворачивая. Откуда-то доносился ровный непрерывный гул. Где-то работали огромные машины. Нет, это скорее похоже на завод!

Наш провожатый неожиданно остановился у двери № 1 и постучал. Мы вошли в большой кабинет с прекрасной мебелью, устланный коврами. Я обратил внимание на то, что в этом кабинете не оказалось окон. Стены были заставлены шкафами с книгами и увешаны техническими чертежами. В углу стоял несгораемый шкаф, а возле большой шведской конторки — вращающаяся этажерка с папками. У конторки, освещаемой лампой под зеленым абажуром, сидел бритый человек и что-то писал. На столе затрещал телефон. Сидящий за столом взял трубку.

— Алло! — и он отдал краткое приказание на неизвестном мне языке.

Потом он откинулся на спинку вращающегося кресла и повернулся к нам лицом. На нем серый пиджак и вместо жилета серая шерстяная фуфайка с острым вырезом на груди, из которого выглядывал отложной воротничок и клетчатый галстук. Можно было подумать, что мы находимся в кабинете директора фабрики. Окончив осмотр костюма, я перевел глаза на лицо иностранца и невольно вскрикнул от удивления. Перед нами был англичанин, которого мы вытащили из болота.

Он также, по-видимому, был удивлен этой встречей.

— А, старые знакомцы! — сказал он. — Садитесь.

Мы сели возле стола. Минуту англичанин смотрел на нас, как бы раздумывая, потом неодобрительно покачал головой и, постучав по столу чертежным угольником, сказал:

— А вы все-таки не послушались моего совета.

— И пока живы, — заметил я, стараясь держаться непринужденно.

— Пока! — многозначительно ответил англичанин. — Это чистая случайность, что вы не разбились, как яичная скорлупа...

Он побарабанил пальцами по столу и вдруг быстро повернулся вместе с сиденьем кресла и углубился в бумаги, как бы забыв о нас. Наступила довольно томительная пауза. Потом он также резко опять повернулся к нам.

— Те, кто идет по ветру, не возвращаются! — отчеканил он, повторяя слова Николы, сказанные мне. — Или они умирают прежде, или... теперь... Но вы спасли мне жизнь. Я в долгу перед вами, и я не хочу вашей смерти. Но... — англичанин поднял палец вверх. Потом опять обернулся вполоборота, что-то быстро написал на листке бумаги и спросил: — Как вас зовут и кто вы?

— Клименко, Георгий Петрович. А его зовут Никола.

Англичанин тщательно записывал мои ответы, как судебный следователь. Он спросил меня о возрасте, должности, образовании, цели путешествия (это последнее интересовало его больше всего). Я не считал нужным скрывать что-либо от него.

— А можно узнать, с кем я имею честь говорить? — спросил я, чтобы несколько уравнять наше положение.

Англичанин как-то фыркнул и бросил:

— Можно. Вы имеете честь говорить с мистером Бэйли...

— Мистер Бэйли? — удивленно переспросил я. — Тот самый, который снарядил экспедицию на «Арктике»? Значит вы не погибли?

— Для всех, кто там, против ветра, я погиб. Но для вас, как видите... Вот что, мистер... Клименко...

— Клименко, — поправил я.

Но мистеру Бэйли не давалась моя фамилия, и он повторил ее на свой лад:

— Вы, мистер Клименко, не уйдете отсюда. Вы тоже погибли для всех, кто живет против ветра. Вы метеоролог, это хорошо. Вы мне будете полезен. Нужно сделать, чтобы вас не искали ваши... товарищи.

— Это невозможно. Как только обнаружится, что я пропал без вести, на поиски будет снаряжена экспедиция.

— О, вы очень любите разыскивать пропавших без вести людей! — с иронией сказал Бэйли. — Своих и чужих: Нобиле, Кулик, Горский...

Это удивило меня. По-видимому, Бэйли знал все, что делается «против ветра», то есть во всем мире. Очевидно, он имел радиостанцию.

— Да, мы не привыкли оставлять без помощи человека, нуждающегося в ней, — ответил я с некоторой горячностью.

— Очень хорошо, — с той же иронией ответил Бэйли. — Но мы устроим так, что вам не нужна будет никакая помощь. Не беспокойтесь. Я уже сказал, что пощажу вашу жизнь. Но можно будет взять вашу одежду, в которой вы путешествовали, разорвать, окровавить ее и бросить на пути тех, кто будет искать вас. Вас разорвали звери. Кончено! Экспедиция вернется назад. Я не хочу, чтобы сюда кто-нибудь приходил... Вы можете идти, — закончил Бэйли, неожиданно обращаясь к Николе.

И когда Никола вышел из комнаты, мистер Бэйли поднялся, прошелся по кабинету и сказал:

— Мне еще надо с вами поговорить.

— Мне также, — ответил я, все еще пытаясь «уравнять положения», если только можно уравнивать положение пленника, каким я был, и человека, в руках которого находилась моя жизнь.

И, не давая говорить Бэйли, я быстро продолжал:

— Вы говорите о том, что не желаете, чтобы кто-нибудь узнал о вашем существовании и нашел дорогу сюда. Это невозможно. Допустим, что вам удастся инсценировать мою гибель. Но научные исследования не будут приостановлены. Я еще не знаю, что вы здесь делаете, но для меня уже вполне ясно, что это по вашей вине изменилось направление ветров, а следовательно изменился и климат. Пока население еще не очень обеспокоено, но ученые всего мира уже давно с тревогой следят за необычайными явлениями, происходящими в атмосфере. Рано или поздно все почувствуют понижение атмосферного давления. На смену нашей экспедиции пойдут «по ветру» другие, и ветер неизбежно приведет их сюда.

— Я это знаю, — ответил Бэйли, с нетерпением выслушав меня. — Рано или поздно это должно случиться. Они

придут сюда, и... тем хуже для них! А вы... вас я однажды уже предупреждал, но вы не послушались меня. Вот вам еще одно предупреждение: не пытайтесь убежать отсюда. Это может вам стоить жизни. Больше я не пощажу вас. Скажите это и вашему якуту. Поняли? Я предоставлю вам некоторую свободу, если вы дадите мне слово... Впрочем, можете не давать: вы сами увидите, что бежать отсюда невозможно. У вас здесь будет много работы. Теперь идите, мистер Калименко. Уильям покажет вам вашу комнату.

Бэйли позвонил. Вошел слуга.

— Уильям, проводите мистера Калименко в комнату номер шестьдесят шесть. До свидания.

— Разрешите Николе поселиться в одной комнате со мной? — сказал я,

Мистер Бэйли подумал.

— Пожалуй можно, — сказал он. — Но помните: никаких заговоров. До свидания.

Я откланялся, и мы с Уильямом отправились по длинному коридору, затем спустились этажом ниже и углубились в настоящий лабиринт. Меня удивило то, что на всем пути мы не встретили ни одного человека. Я спросил моего проводника, где же люди, но он ничего не ответил. Быть может, он не знал ни русского, ни немецкого языка, а вернее — не хотел говорить.

V. С НЕБА НА ЛЕКЦИЮ

Я вошел в мою «камеру заключения». Комната имела около тридцати квадратных метров, высота же едва ли достигала четырех метров. Стены были покрыты фанерой. Одна лампочка на потолке, другая на письменном столе. Две узкие кровати у стен и несколько простых стульев.

После роскошного кабинета мистера Бэйли эта комната показалась мне более чем скромной. Но... «могло быть и хуже», — вспомнил я слова сестры милосердия и потому не очень опечалился. Уильям ушел, и скоро мое внимание было привлечено большим чертежом, закрывавшим половину стены.

На синей чертежной бумаге я увидел профиль подземного городка мистера Бэйли, изображенного в разрезе, и отдельно планы каждого этажа. На чертежах не имелось

пояснительных надписей, но все же они давали общее представление о всем сооружении. Центр городка занимала огромная труба, в которую мы упали. Вокруг этой трубы шли пронумерованные помещения. Городок имел пять этажей ниже уровня земли и три этажа, виднелись две пещеры, по-видимому естественного происхождения.

Вправо от центральной трубы, вдоль пятого (считая сверху вниз) этажа шла боковая труба, и оканчивалась она далеко за пределами комнат, выходя наружу. Эта труба больше всего заинтересовала меня. Первою моей мыслью было, что эта труба предназначена для отвода воздуха, входящего сверху. Однако если бы через эту боковую выходило столько же воздуха, сколько входило, то на поверхности должно было бы существовать второе воздушное течение — и убыли воздуха не замечалось бы, тогда как тщательно составленные нами синоптические карты, показывали, что воздушные течения со всех концов земного шара направляются к одному месту, не встречая никакого обратного течения.

Если же ветер всасывается в подземный городок и никуда оттуда не выходит, то — черт возьми! — давлением воздуха весь городок должен был бы давно взорваться, как котел, переполненный паром...

Дверь открылась, и в комнату вошел Никола. Он тщательно закрыл за собой дверь и, почесав голову, вздохнул. Я ожидал, что он будет укорять меня за пренебрежение к его советам, но он заговорил об ином: Никола сообщил мне, что в одном из коридоров он встретил «двух Иванов» — двух якутов, пропавших год назад в «нозд্রে» Ай-Тойона.

— Ты еще веришь в ноздрю? — спросил я его.

— Лучше было бы нам попасть в ноздрю Ай-Тойона, чем этого сра, — ответил озабоченно Никола.

Он успел перекинуться несколькими словами со здешними якутами и узнал, что они работают в какой-то большой трубе по уборке и отвалке мусора, приносимого ветром из центральной трубы. Я посмотрел на план. Так вот для чего существует боковая труба!..

«Два Ивана» жаловались Николе, что их держат, как рабов, никуда не пускают, «но кормят сильно хорошо».

В комнату постучались. Вошел Уильям и пригласил нас

на своем непонятном языке, подкрепляя слова жестом следовать за ним.

Мы повиновались. В коридоре у двери стоял якут «Иван-старший». Уильям поручил ему Николу, а со мной двинулся дальше. Мы пересекли коридор, сели в кабину лифта № 50, поднялись этажом выше и остановились у двери № 13. Уильям без стука отворил дверь, и я следом за ним вошел в большую комнату. Здесь, видимо, была лаборатория. На столе в идеальном порядке были расставлены сложные аппараты с компрессорами, медными трубами, змеевиками и холодильниками. Целыми рядами были расставлены стаканы, чаши, сосуды. Их посеребренная поверхность блестела при ярком свете двух дуговых ламп.

Вид этой ослепительной посуды был таков, как будто богатый наследник вынул из сундуков дедовское серебро, чтобы полюбоваться своими сокровищами. Но я уже знал, что такие сосуды (с посеребренными стенками для отражения теплоты) употребляют при опытах с жидким воздухом.

Жидкий воздух!.. Ведь его плотность в 800 раз больше атмосферного. Не представляет ли городок Бэйли фабрику для превращения атмосферного воздуха в жидкий?

Занятый своими мыслями, я сперва не заметил человеческую фигуру, склоненную над одним из столов. Это была женщина в белом халате. Она подняла голову и я узнал сестру милосердия. Она также узнала меня и улыбнулась, видя недоумение, отразившееся на моем лице.

— Пожалуйста, пройдите в кабинет, отец ждет вас, — сказала она, протягивая руку по направлению ко второй двери.

Я постучал и вошел в комнату. Она была такой же величины, как первая, но здесь не было инструментов. Зато все стены были уставлены полками с книгами, а на большом письменном столе лежали груды листов, исписанных химическими формулами.

При моем появлении из-за стола поднялся очень высокий, пожилой, но еще моложавый на вид человек с русыми волосами, серыми глазами и румяными щеками. Его добродушная улыбка очень напоминало улыбку девушки. Он крепко пожал мою руку и сказал:

— Мистер Бэйли и Элсонора уже говорили мне о вас. Мы нуждаемся в таких людях, как вы. К сожалению, вы не

химик, но все ваша специальность довольно близко соприкасается с моею... Вы, так же как и я, «питаетесь воздухом», — улыбнулся он.

Он говорил так просто, как будто я пришел к ним по своей воле и предлагал им свои знания и труд.

— Моя фамилия Энгельбрект, — сказал он. — Садитесь, прошу вас.

— Энгельбрект! — с удивлением воскликнул я, продолжая стоять. — Вы Сванте Энгельбрект, гибель которого на «Арктике» оплакивалась всем культурным миром?

— Слухи о моей смерти были значительно преувеличены, — повторил знаменитый шведский ученый остроуму Марка Твена. — Да, я живой Сванте Энгельбрект.

— Но почему... Что заставило вас скрываться?

Энгельбрект нахмурился.

— Садитесь, прошу вас, — сказал он. — Я служу у мистера Бэйли главным инженером. Мы изготавливаем жидкий воздух, водород и гелий, добываем из воздуха азот, кислород...

— И что же вы делаете с ними? — не удержался я от вопроса.

— Это уже дело предпринимателя мистера Бэйли. Очевидно, он продает...

— Но как?.. Я как будто не слышал о концессии...

— Финансовая сторона дела мало интересует меня, — несколько торопливо прервал меня Энгельбрект. — Об этом вы можете узнать у мистера Бэйли. Я работаю по контракту и, кроме своих лабораторий, ни во что не вмешиваюсь. Мистер Бэйли — человек с исключительно широкой инициативой и большим деловым размахом. Он не скупится на расходы, чтобы обеспечить мне спокойную научную работу. Когда вы ознакомитесь с ней, то увидите, что нами сделаны ценнейшие научные открытия, еще не известные миру. Мистер Бэйли пускает их в оборот, это его дело. В его финансовые затеи я не вмешиваюсь, — еще раз, видимо торопясь сообщить все необходимое, повторил ученый. — Я испытываю единственный недостаток: в лаборантах. Мне даже нет времени самому делать опыты. Я их провожу только здесь, — и Энгельбрект показал на листы бумаги, испещренные формулами. — Мне помогает дочь, Элеонора.

— Сестра милосердия?

Энгельбрект улыбнулся.

— Она у нас и сестра милосердия, и ученый-лаборант, и хозяйка моего маленького хозяйства, — сказал он с теплой в голосе. — Она молодец. И я надеюсь, что вы поможете ей работать в лаборатории. Она введет вас в курс дела. Если вы не справитесь с каким-нибудь заданием, обращайтесь ко мне, я вам всегда помогу, если это понадобится... Итак за дело! — Не теряйте времени.

Я откланялся и вышел в лабораторию.

— Сговорились? — спросила Элеонора.

Я развел руками с видом покорности судьбе.

— Садитесь и давайте работать, — просто сказала она мне, подвигая ближе к себе свободный табурет.

Я уселся с видом прилежного ученика. Она приступила к настоящему экзамену.

— Способ добывания жидкого воздуха?... Гм... гм... Он состоит в том... — начал я свои ответы, разглядывая волосы Элеоноры, выбивающиеся из-под белой косынки, — в том, что охлаждением, получаемым от расширения самого воздуха, пользуются для его охлаждения. Воздух сжимают постепенно до двухсот атмосфер, а потом давление падает сразу до двадцати, и температура вследствие происходящего расширения понижается до тридцати градусов ниже нуля. Так проделывают несколько раз, пока температура не достигнет ста восьмидесяти градусов ниже нуля. Тогда при давлении в двадцать атмосфер воздух может уже перейти в жидкое состояние...

«Какие у нее красивые волосы...» — это, конечно, не вслух.

Элеонора поймала мой взгляд, прежде чем я успел опустить веки, поправила выбившийся локон, едва заметно улыбнулась и сказала с важностью, так не шедшей к ней:

— Поверхностно и не совсем точно, однако для начала сойдет. Вы знаете этот аппарат?

— Аппарат Линде для сгущения воздуха, — ответил я, радуясь, как школьник, своему знанию.

Элеонора кивнула.

— Да, но это детская игрушка. Вы увидите сложные машины, которые сконструировал мой отец...

Экзамен продолжался.

— Однако вам еще надо приобрести много теоретических знаний. Добывание жидкого воздуха... — И она, не отрываясь от работы, начала свою первую лекцию. Я сосредотачивал все свое внимание, но мысли мои все время отвлекались. В данную минуту мне гораздо было интереснее знать, каким образом она и ее отец оказались в этом подземном городке, почему погиб «Арктик», кто был тот мертвец, которого видел Никола на носу корабля, какое употребление делает Бэйли из жидкого воздуха, какие отношения между ним и Энгельбректами... Тысячи вопросов теснились в моей голове, но я не решался их задать моей учительнице.

— ...Жидкий воздух представляет легко подвижную прозрачную жидкость бледно-голубого цвета с температурой минус сто девяносто три градуса Цельсия при нормальном атмосферном давлении, — продолжала Элеонора. — Полученный из аппарата воздух бывает мутным вследствие примеси замерзшей углекислоты, которая в незначительном количестве содержится в воздухе. После профильтрования через бумажный фильтр воздух становится прозрачным...

«Бедная девушка! Невесело, должно быть ей в такой дыре. Неужели она с отцом добровольно решила на эту ссылку?» — думал я.

— ...При испарении жидкого воздуха сначала выделяется кипящий азот, точки кипения которого минус сто девяносто четыре градуса Цельсия, потом аргон... Что выделяется при испарении жидкого воздуха? — вдруг переспросила она, уловив мой рассеянный взгляд.

— Аргон, — ответил я машинально, поймав последнее звуковое впечатление ее грудного голоса.

Элеонора нахмурилась.

— Вы невнимательно слушаете меня, — сказала она с упреком.

— Простите, но ведь я всего только несколько часов назад свалился с неба. Согласитесь, что неожиданно попасть после такого необычайного воздушного путешествия на лекцию о жидком воздухе...

На лице строгой учительницы появилась улыбка. И вдруг, не выдержав, она расхохоталась с детской веселостью.

— Пожалуй, вы правы, вам надо отдохнуть и прийти в себя.

Я очень обрадовался этой «перемене» и поспешил спросить ее,

— Но скажите, каким образом я остался в живых?

— Вас случайно заметили, когда вы летели. Вентиляторы были остановлены, и вы довольно мягко упали на первую решетку. Труба имеет целый ряд сит для задерживания мусора. Все это станет вам понятным, когда вы осмотрите устройство. Завтра воскресенье, и я покажу вам.

— Еще один вопрос...

Но Элеонора уже сосредоточенно работала.

— Идите и отдыхайте, — сказала она с мягкой повелительностью.

Лицо мое, вероятно, выразило огорчение, потому что, взглянув на меня, девушка поспешила прибавить с ее обычной добродушной улыбкой:

— Мы с вами еще сегодня увидимся в библиотеке после шести. Второй этаж, номер сорок один. — И, кивнув мне, она вновь углубилась в работу.

Я ушел к себе...

VI. ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОДОК

На второй день моего пребывания в «плену» я уже довольно хорошо ознакомился с городком. Элеонора охотно давала мне объяснения.

Первый верхний этаж был отведен под жилые комнаты для администрации городка. Здесь находился высший технический персонал, квартира мистера Бэйли, квартиры Энгельбректов, инженеров и... офицеров.

— Офицеров? — с удивлением переспросил я.

Элеонора смутилась. Она, видимо, открыла больше, чем следует, и теперь не знала, как исправить свою ошибку.

— Такой большой городок не может оставаться без охраны, — ответила она. — Мы имеем нечто вроде милиции или сторожевой охраны. Во главе стоит несколько начальствующих лиц, которых мы и называем офицерами... Вы только никому не говорите о том, что я сообщила вам. Мистер Бэйли просил меня ничего не говорить вам о

нашей охране, а я проболталась... Чисто по-женски! — сказала она, негодуя на себя.

Я уверил девушку в том, что буду нем как рыба.

— А каково количество вашей милиции? — спросил я.

Но Элеонора стала уверять, что она больше ничего не знает о вооруженных силах.

— Счет этажей идет у нас сверху, — продолжала она знакомить меня с устройством необычного городка. — Во втором этаже, в двух внешних его кольцах, помещаются служащие средней квалификации.

Я также помещался во втором этаже и потому спросил с шутливой обидой:

— Вроде меня?

— Да, вроде вас, — ответила Элеонора, — но только они знают несколько больше, чем вы. А вдоль внутреннего кольца расположены библиотеки и лаборатории. Третий этаж отведен для рабочих. В этом же этаже помещаются склады для провизии, кухни, столовые, бани, клубы, кино...

— Даже кино!

— И кино и театр. Что же в этом удивительного? Если бы у нас не было развлечений, то, пожалуй, многие умерли бы от скуки.

— Не проще ли разбежаться от скуки?

Элеонора как будто не слышала моего вопроса.

— Четвертый этаж, или первый под уровнем земли, занят машинами, перерабатывающими жидкий воздух в азот в виде аммиака, азотной кислоты и цианамида — вещества, очень важного для промышленности и сельского хозяйства. — Она говорила безостановочно, точно боясь, что я опять прерву ее. — У нас добывается азотной кислоты более миллиона тонн в год, и мы все время расширяем производство. Кроме того, мы добываем кислород. В одном из секторов четвертого этажа производится сортировка материала, который попадает извне через главную трубу. На уровне четвертого этажа в трубе устроена целая система сит, начиная с таких, сквозь решетку которых может пролезть человек, и кончая столь густыми, что они не пропускают даже пыли.

— Меня с Николой, значит, тоже «отсортировали» в сортировочной?

— Да. В трубу иногда попадают самые неожиданные предметы и существа. Больше всего втягивает труба обломков деревьев. Иногда ветер приносит и вырванные с корнем огромные кедры, ели, сосны, пихты, лиственницы. Весь этот материал идет на топливо. Весною и осенью во время перелета в трубу втягивается несметное количество птиц. Часть их мы замораживаем, делая годовые запасы, а часть, охладив жидким воздухом, превращаем в хрупкий камень, который затем измельчается в порошок и хранится в кладовых, а может быть, и экспортируется. Нередко в трубу попадают мелкие четвероногие хищники, попадают и более крупные: енотовые собаки, песцы, а были случаи, когда к нам пожаловали в гости, совершив воздушное путешествие, белый медведь и даже тигр! В пятом этаже проходит труба, по которой пневматически выбрасываются все уже негодные отбросы, поступившие в нее из четвертого этажа. Во всех подземных этажах — от четвертого до восьмого — происходит превращение атмосферного воздуха, поступающего из центральной трубы, в жидкий воздух. В каждом из этих этажей имеются склады для хранения жидкого воздуха. Особенно много таких складов в шестом этаже. Наибольший интерес представляют седьмой и восьмой этажи. В седьмом этаже при помощи жидкого воздуха мы добываем жидкий водород, имеющий температуру всего двадцать градусов выше абсолютного нуля*. А при помощи жидкого водорода мы превращаем в жидкое состояние гелий. Это самое трудное и сложное производство. Весь восьмой этаж отведен под жидкий гелий — очень ценный продукт. Мы имеем его уже несколько сот тысяч литров.

— Но куда же идет вся эта гигантская продукция?!

— Мы не интересуемся коммерческими операциями мистера Бэйли, — ответила Элеонора, повторяя слова, уже слышанные мною от ее отца.

Мне хотелось задать ей еще несколько вопросов: где помещается машинное отделение, что находится в подземных пещерах? Но прозвонил электрический звонок, созы-

* Абсолютный нуль — температура, при которой давление газов (упругость) равно нулю, что соответствует по Цельсию -273° ; существование более низкой температуры невозможно.

вающий на завтрак, и мне ничего больше не пришлось узнать.

Это было в воскресенье, когда я совершал с Элеонорой прогулку по «проспекту» первого этажа — длинному, идущему по кругу коридору. Бесконечное хождение по кругу наводило тоску. Глядя на номера дверей по сторонам, можно было подумать, что находишься в огромной тюрьме. Это впечатление усиливалось тем, что коридор был совершенно пуст. Как будто «заключенным» не разрешалось выходить на прогулку.

Я только позже узнал, что жители городка, в особенности обитатели привилегированного первого этажа, имели возможность совершать прогулки по окрестным горам и лесам. И, конечно, среди них не находилось ни одного человека, который не предпочел бы эти прогулки на свежем воздухе бесконечному кружению по «тюремному» коридору.

Когда звонок прозвонил, двери комнат стали открываться, из них начали выходить, и коридор ожил. Я с большим интересом присматривался к обитателям городка. Среди них совершенно не встречалось женщин. Это был поистине мужской городок, и Элеонора, очевидно, составляла такое же исключение, каким бывала в старину дочь капитана на каперском корабле. Затем все они были молоды. Самому старшему из них, наверно, было не больше тридцати пяти лет.

Я напрасно искал среди них людей в военной форме. «Офицеров» не было, все были одеты в штатские костюмы. Но выправка, особая четкость движения обличали в некоторых из них военных. Во всяком случае, можно было безошибочно сказать, что почти все они прошли военную школу.

Я был новичок и чужой среди них. Но, как хорошо воспитанные люди, они не задерживали на мне любопытных взоров. Любезно поздоровавшись с моей спутницей, они мельком поглядывали на меня и шли дальше, весело разговаривая, увы, на неизвестном мне языке.

Для жителей первого этажа имелась отдельная столовая в первом этаже. Мне очень хотелось проникнуть туда, чтобы иметь возможность ближе познакомиться с местной «аристократией». Но мистер Бэйли принял меры к тому,

чтобы я не сталкивался с обитателями городка. Так, меня задерживали в лаборатории после занятий до тех пор, пока рабочие не разойдутся по своим комнатам; на занятие же я должен был являться позже, после того как все рабочие уже прошли на работу. Кроме того, мне был закрыт доступ в общественные столовые. Обед подавали в мою комнату, я завтракал в лаборатории вместе с Элеонорой. По воскресеньям же, как это было и сегодня, завтрак приносили в мою комнату.

Я простился с Элеонорой и спустился на лифте во второй этаж.

Мне так хотелось увидеть рабочих городка, что я решился на некоторое нарушение установленных для меня правил: не заходя к себе в комнату, я спустился на лифте в третий этаж и пошел по коридору навстречу толпе, направляющейся в общественную столовую. Эта толпа поразила меня. Я знал, что имею дело с настоящими рабочими городка, и все же рабочих, того типа человеческой породы, который создан классовым обществом, я не увидел.

Эта толпа рабочих по внешнему виду ничем не отличалась от толпы верхнего этажа. Те же почти изысканные, прекрасные костюмы, те же изящные манеры, то же пропорциональное сложение, хорошо тренированные, здоровые, более ловкие, чем сильные тела, лица интеллигентов. И только если всматриваться очень внимательно, между обитателями первого и третьего этажей можно было уловить некоторую разницу, — даже не разницу, а оттенок, какой существует, например, в одном и том же классе общества, но в смежных кругах этого класса, как «средне-высший» круг капиталистов или родовой аристократии разнится от высшего круга.

И здесь, как и в первом этаже, не встречались ни женщины, ни старики. Толпа состояла только из мужской молодежи.

Все эти особенности поразили и заинтересовали меня. Но оставаться дольше, чтобы продолжать свои наблюдения, я не мог. Я поспешил к себе на второй этаж. В моей комнате я застал Уильяма, который подозрительно посмотрел на меня. Я объяснил ему, что по рассеянности опустил ниже своего этажа.

Я принялся за завтрак, изподлобья наблюдая за Уилья-

мом. Он, конечно, приставлен шпионить за мной. Но сейчас не это интересовало меня. Я наблюдал его лицо и сравнивал его с теми, которые видел в коридорах. Он был несколько старше тех, но у него также было выхоленное лицо. Такое лицо могло быть у директора крупного торгового предприятия. И вот этот «директор конторы» подает мне завтрак, как лакей!

Странный городок, странная фабрика мистера Бэйли...

VII. НЕУДАЧНЫЙ ПОБЕГ

Работа в лаборатории шла своим чередом. Через несколько дней я даже удостоился похвалы Элеоноры.

— Из вас выйдет толк, — заметила она.

В другое время и при других обстоятельствах эта похвала доставила бы мне большое удовольствие. Но я отнюдь не собирался делать здесь карьеру и окончить свою жизнь в качестве безропотного служащего мистера Бэйли. Мысль о побеге не оставляла меня. Возвращаясь после работы в свою спартанскую обитель, я поджидал Николу, который приходил несколько позже меня, и мы шепотом начинали наши совещания.

Никола был откомандирован к другим якутам работать в трубе, по которой при помощи воздушного напора выбрасывался мусор и все отбросы городка в огромную прогильзсть, лежавшую с внешней стороны кратера. Никола, который уже успел познакомиться с китайцами-поварами и как-то объясниться с ними, сообщил мне и о кое-каких хозяйственных особенностях нашего городка.

Здесь ничего не пропадало. О запасах дичи, попадавшей в трубу, я уже знал. Свежее мясо добывалось охотой. Обитатели городка охотились, вооруженные ружьями, действующими сжатым воздухом. Был еще один довольно любопытный вид охоты: на крупного зверя шли с бомбами, наполненными жидким воздухом, заключенным в тепло-непроницаемые оболочки.

Достаточно было повернуть «запал», чтобы в бомбе начала энергично развиваться теплота. Жидкий воздух расширялся, превращался в газообразный, и брошенная бомба разрывала зверя с такой силой, как будто она была начинена динамитом.

Никола объяснил мне только эффект такого рода оружия, но мне уже нетрудно было понять внутреннее устройство. Однако жидкий воздух был не единственным источником энергии, которым пользовались в городке. Когда рыли новые шахты, употребляли какое-то иное взрывчатое вещество. Неизвестным источником энергии приводились в движение и все сверхмощные машины этого своеобразного завода. Когда я обратился за разъяснениями к Элеоноре, она ответила:

— Это не по моей части.

«На этом заводе, — подумал я, — слишком много производственных тайн... Мало того, чтобы Бэйли лишил меня свободы и сделал своим рабом, он, может быть, заставляет меня работать в интересах английских капиталистов... Что, если весь этот жидкий воздух превратится в их руках в страшное орудие против нас? Нет, надо скорее бежать, чтобы предупредить правительство об опасности через ближайший же совет или ячейку».

Я по несколько раз заставлял Николу объяснять мне подробнейшим образом устройство отводной трубы — план давал слишком схематичное представление. И Никола объяснял мне. Труба имеет не менее двух километров. Когда-то она, очевидно, выходила на самый край обрыва с внешней стороны кратера, но сваливаемый мусор постепенно удлинял площадку перед трубой, и теперь эта площадка протянулась вперед на полкилометра. По ней проведены рельсы для вагонеток, на которых и подвозят отбросы к краю пропасти. Скат на месте свалки довольно крутой. Стены пропасти еще круче, но, по мнению Николы, выбраться из нее все же можно. Это единственный путь к бегству.

Я еще раз подошел к плану и внимательно осмотрел чертеж трубы. Неожиданно мое внимание было обращено на какие-то знаки: Там, где на плане труба кончается, едва виднелись нацарапанные ногтем или спичкой изображения стрел, направленных к устью трубы, а над стрелами стояли восклицательные знаки.

Что означали эти знаки? Кто сделал их? Не предупреждал ли меня мой предшественник, живший в этой комнате, — такой же заключенный, как и я, — не идти этим путем, где меня ждала какая-то опасность?.. Стрелки могли

означать направление ветра. Но ветер дул из трубы, вынося мусор. Наружный воздух втягивался только центральной трубой кратера. Во время уборки мусора и ночью, когда люди спали, в боковой выводной трубе ветер вообще не дул, как сказал мне Никола. Как бы то ни было, для нас не было другого пути, а медлить, когда я должен был предупредить власти о нависшей угрозе, не было оснований.

Не откладывая задуманного плана в долгий ящик, мы решили с Николой двинуться в путь в ближайшую же ночь, как только все уснут.

«Дежурят ли ночью сторожа?» — думал я. Скрыться от них будет довольно трудно, так как огни в коридорах не гасились круглые сутки, — это я уже знал. Кроме того, рискованно было пускаться в путь в наших довольно легких домашних костюмах. Начиналась осень, и ночами, несмотря на потепление климата, могли быть заморозки. Зима же в этих широтах наступает очень быстро. Вопрос о провианте меньше беспокоил меня. Хотя мы были безоружными, но со мной был Никола, который мастерски мог изготовить лук и стрелы и даже связать силки из собственных волос. Он знал тысячи способов ловли птиц, зверей и рыб, и с ним голодная смерть не угрожала.

Мы тихо сидели в своей комнате, прислушиваясь к отдаленным звукам. Где-то глубоко под землей гудели моторы, а над нами завывал ветер в трубе. Скоро замолкло и это завывание: ночью лаборатории не работали...

Полночь. Я кивнул Николе головой, и мы тронулись в путь. Никола шел впереди. Мы благополучно прошли весь коридор, никого не встретив, спустились в пятый этаж, взойшли на небольшую лесенку и оказались в маленькой комнатке — не больше кабины лифта, — из которой дверь выходила во внутренность боковой трубы. В кабине оказался дремлющий сторож. Я отшатнулся назад, но в это время Никола вдруг тихо и быстро заговорил на якутском языке. В стороже он узнал якута — Ивана-старшего. Никола, видимо, в чем-то горячо убеждал Ивана, а тот отрицательно качал головой, вздыхал и чесал свою реденькую бородку.

— Не хочет пустить, — объяснил мне Никола. — Сильно боится и нам не велит. Смерти боится.

Повернувшись к Ивану, Никола вновь начал убеждать

его пропустить нас. Иван, видимо, начинал колебаться. Потом он махнул рукой, открыл дверь, ведущую в трубу, и первый перешагнул порог.

— Он пойдет с нами пропадать, — пояснил Никола.

Труба была большая, как железнодорожный тоннель. Когда дверь за нами закрылась, мы погрузились в полную темноту. Как ни тихо мы шли, шаги наши гулко отдавались в трубе, выложенной железными листами. В конце труба делала небольшой отлогий поворот, завернув за который я вдруг увидел бледный свет месяца... Этот свет взволновал меня как символ свободы. Еще несколько шагов — и мы выйдем из нашей тюрьмы! Я уже чувствовал запах прелых листьев и мха.

Отверстие все расширялось. Месяц осветил стены трубы. Там, где она кончалась, я увидел железные полосы, пересекавшие трубу в виде небольшого мостика. Никола уже занес ногу на этот мостик, но я дернул его за рукав и остановил. Я подумал, что этот мостик мог быть сделан для автоматической сигнализации. Мостик был неширок, однако через него было трудно перепрыгнуть. Я задумался, как обойти препятствие. Никола не понимал меня и торопил идти скорее. Я объяснил ему мои опасения.

Мы начали совещаться. Никола предложил такой план: он и я должны поднять, раскатать и бросить через мостик Ивана, как самого малого и легкого из нас, затем Иван принесет досок или обломков деревьев, и мы соорудим «мост над мостом» — так, чтобы можно было перейти по деревянному настилу, не задевая железных полос. Но Иван не соглашался на маленькое воздушное путешествие — он боялся разбиться.

— Я и так пробегу, — ответил он. — Боком, боком...

И, прежде чем мы успели возразить, Иван отошел назад, разогнулся и побежал по наклонной стенке трубы, сбоку мостика... Несколько шагов он сделал благополучно, но у самого края поскользнулся на гладком сыром откосе и во весь рост грохнулся на железный мостик... Если мостик был соединен с сигнализацией, то она заработала вовсю!

Нам больше ничего не оставалось, как, не обращая внимания на мостик, бежать вслед за Иваном. В два прыжка я выскочил из трубы, Никола последовал за мной. Мы бросились бежать по шпалам, обегая стоявшие вагонетки.

В две-три минуты мы пробежали не менее половины площади, отделявшей нас от кручи. Падение в мягкий мусор не страшило меня.

Я бежал со всей быстротой, на которую был способен; кривоногий Никола не отставал от меня, но Иван, уже давно не тренировавшийся в беге, остался позади. Я приостановился, чтобы обождать его, но Никола, обгоняя меня, крикнул:

— Догонит! Беги!.. — и помчался вперед.

Я вновь побежал, догоняя Николу. Конец площадки уже виднелся перед нами. На другом конце пропасти вздымались угрюмые скалы, освещенные месяцем.

Вдруг я услышал позади себя какой-то звук. Звук, все усиливаясь, перешел в мощное равномерное гудение. В то же время я почувствовал, что подул встречный ветер. Я бежал равномерным шагом, и этот ветер не зависел от быстроты моего бега. «Быть может заработал центральный вентилятор?» — подумал я, но было еще слишком рано. Работа начиналась в шесть утра, а сейчас не более часа ночи.

Звук поднялся еще на несколько тонов, а встречный ветер стал таким сильным, что я принужден был нагнуться вперед. Бег мой все более замедлялся. Я задыхался. Воздух становился все плотнее. Я понял все: сзади нас был пущен вентилятор. Я не знал, что выводная труба могла не только выдувать, но и вбрасывать в себя воздух...

«Так вот что означали стрелки и восклицательные знаки на плане!» — мелькнула мысль. И в ту же минуту ветер от вентилятора завыл, как разъяренное чудовище, увидевшее, что добыча ускользает из его пасти.

Ветер перешел в ураган. Я наклонил голову вперед и старался протолкнуться в этой невидимой воздушной «тесноте», которая давила все сильнее. Но я не мог сделать больше ни одного движения вперед. Никола упал на землю и пополз на четвереньках. Я последовал его примеру. Но и это не спасло. Мы делали невероятные усилия, цепляясь за землю руками и ногами, но ветер срывал нас и неудержимо тянул назад.

Наши легкие были наполнены воздухом, как шары, готовые лопнуть. Голова кружилась, в висках стучало. Мы изнемогали, но еще не сдавались. Наши руки и ноги были

окровавлены. Только бы дотащиться до края площадки... Но мы уже не видели его. Ветер повернул мне голову назад, и среди тучи пыли я увидел Ивана. Его тело, подобно перекасти-полю, вертелось, прыгало и несло к устью трубы.

Что-то мягкое ударило мне в голову, но я не мог повернуть ее, чтобы посмотреть, и лишь догадался, что это было тело Николы. От удушья я начал терять сознание. Борьба была напрасна. Мои мускулы ослабели, руки бессильно отделились воздушному течению. Меня понесло обратно в трубу. Я окончательно потерял сознание.

VIII. «МИСТЕР ФАТУМ»

Очнулся я в той же трубе, недалеко от входной двери. Рядом со мною лежали Никола и Иван. На этот раз я почти совершенно не пострадал. Вероятно, действие вентилятора было приостановлено, как только мы влетели в трубу, и сжавшийся воздух сдержал наш полет. Я потряс за плечо Николу, он вздохнул и сказал, как в бреду:

— Сильно, сильно дуло.

Скоро заворочался и Иван.

Мы вошли в двери. Тут Иван, качая головой, распростился с нами и остался стоять на своем посту, а мы отправились в нашу комнату. Весь подземный городок спал по-прежнему. Мы дошли до комнаты, никого не встретив. С отчаянием бросился я на кровать, не раздеваясь, так как ежеминутно ожидал, что в комнату войдут и арестуют нас за побег.

Однако часы шли за часами, а нас никто не встревожил. Мы были в отсутствии не более двух часов.

«Неужели никто не заметил нашей попытки к побегу? Вентилятор мог действовать автоматически, а к гуденью обитатели подземного городка так привыкли, что, вероятно, не замечают его», — приходили в голову успокоительные мысли. Незаметно для себя я уснул.

Звонок разбудил нас в обычное время — в шесть часов. Никола уходил раньше меня, и, лежа с закрытыми глазами, я слышал, как он, одеваясь, сопел и мурлыкал песню. Я завидовал его безмятежности. Потом я снова уснул до

второго звонка — в семь часов тридцать минут. Я наскоро выпил стакан кофе с сухарями и отправился в лабораторию.

— Вы сегодня бледны, — сказала Элеонора, посмотрев на меня.

— Не выспался, — ответил я.

— Что же вам мешало?

— Мысли. Я не могу примириться с моим невольным заточением и никогда не примирюсь с ним.

Лицо Элеоноры нахмурилось. Я по-своему истолковал перемену в ее лице. Быть может, я нравлюсь ей и она огорчена тем, что свободу я предпочитаю ее обществу? Но у нее, видимо, было другое на уме.

— Надо уметь подчиняться неизбежному, — грустно сказала она, как будто и сама находилась в таком же положении, как и я. Это удивило и заинтересовало меня.

— Неизбежному? Какой-то мистер Бэйли, коммерсант с довольно подозрительными операциями, иностранец, самовольно обосновавшийся на нашей территории, совсем на похож на фатум*, которому надо подчиниться. И если вы такая фаталистка... — начал я с некоторым раздражением.

— Я не фаталистка, — ответила она. — Не надо быть фаталистом, чтобы понимать такой простой факт, что обстоятельства иногда сильнее нас.

— Значит, мы слабее обстоятельств, — не унимался я, чувствуя, что задел больной для Элеоноры вопрос.

— Ах, вы не понимаете! — ответила она и углубилась в работу.

Но я не хотел пропускать случая. Девушка была, видимо, в таком настроении, что могла при некоторой настойчивости с моей стороны сказать мне то, что не сказала бы в другое время.

— Так объясните мне! — ответил я. — Из ваших слов я понял пока одно: что вы здесь такой же пленник, как и я.

— Вы ошибаетесь, — ответила девушка. — Только сегодня утром отец убеждал меня уехать отсюда, и... мистер Бэйли не возражает против этого...

— И тем не менее вы не уезжаете. Значит, что-то удерживает вас. Значит, вы пленница, если не мистера

* Фатум — у древних римлян — воля богов (особенно — Юпитера); судьба, неотвратимый рок

Бэйли, то тех настроений, которые не позволяют вам уехать отсюда. Позвольте, я, кажется, догадываюсь! Вы сказали, что ваш отец убеждал вас уехать. Вместе с ним или же без него?

Элеонора смутилась.

— Без него, — тихо ответила она.

— Теперь дело наполовину ясно. Вы не хотите уехать без него, а он не может или не хочет уехать. Вернее, что его не отпускает «мистер Фатум».

Элеонора улыбнулась одними глазами и промолчала.

— Вы как-то рассказывали мне, — продолжал я, воодушевившись, — что ваш род знаменит в Швеции, хотя знаменит и не в том смысле, как это можно было предположить по вашей звучной фамилии. Вашим предком, говорили вы, был рудокоп Энгельбрект, руководивший в пятнадцатом веке народным восстанием против короля Эрика Померанского*. Почтенный предок!.. Неужели же Энгельбректы в продолжение пятисот лет растеряли все духовные черты славного рудокопа и способны только склонять головы перед порабитителями?

Удар был слишком силен. Я не ожидал, что задену самое болезненное место Элеоноры. Она не раз рассказывала мне про своего предка- революционера, которым, видимо, гордилась. И теперь это невыгодное для потомков сравнение с предком взволновало и возмутило ее. Элеонора вдруг поднялась, выпрямилась и откинула голову. Щеки ее побледнели, брови нахмурились. В глазах сверкнули огоньки, которых я раньше не видал. Она гневно посмотрела на меня и сказала прерывающимся голосом:

— Вы... вы... — у нее перехватило дыхание. — Вы ничего не понимаете, — закончила она тихо и вдруг, закрыв лицо руками, заплакала.

Я совершенно растерялся. У меня в мыслях не было обидеть девушку. Я хотел только вызвать ее на откровенность. Гнев ее огорчил меня.

* Энгельбрект (Энгельбрехтсон) — одержал верх над Эриком, королем Дании, Швеции и Норвегии (низложен в 1436 году), и выдвигался крестьянами-далекарлийцами на место правителя, но дворянству удалось провести своего кандидата. Через несколько лет аристократы убили Энгельбректа.

— Простите, — сказал я таким жалобным голосом, что камень должен был бы расчувствоваться (а сердце Элеоноры не было камнем).

Плечи ее перестали вздрагивать, она быстро овладела собой.

— Ну, простите, пожалуйста, я не хотел обидеть вас...

Элеонора отняла от лица руки и заставила себя улыбнуться.

— Забудем это... нервы расшатались... Осторожнее! — вдруг вскрикнула она, заметив, что я бросил кусок железа на стол, где стоял кубик твердого спирта, похожий на стекло (мы только что разморозили чистый спирт в жидком воздухе). — Разве вы не знаете, что твердый спирт не горит, а взрывается от удара?!

— «Эфир замерзает в кристаллическую массу... — продолжал я шутя, подражая ее менторскому тону, — каучуковая трубка от действия жидкого воздуха становится твердой и хрупкой и может быть превращена в куски и в порошок; живые цветы приобретают вид фарфоровых изделий, и фетровую шляпу можно разбить на куски, как фарфор».

— Вы забыли сказать об упругости металлов под действием жидкого воздуха, — уже непринужденно улыбаясь, сказала Элеонора.

Я продолжал в том же тоне.

— «...Свинец приобретает почти двойное сопротивление разрыву... — ответил я. — Упругость и временное сопротивление разрыву для большинства металлов возрастают...»

— Ну, довольно, — прервала она меня. — Давайте работать.

Она взяла бокал с посеребренными стеклянными стенками, посмотрела в небесного цвета жидкость и, заметив на поверхности какую-то соринку, вдруг опустила палец в сосуд с жидким воздухом.

— Что вы делаете? — крикнул я, в свою очередь испуганный. — Вы обожжете себе палец!

Я только недавно присутствовал при ее «показательном опыте», когда чайник, наполненный жидким воздухом и поставленный на кусок льда, «закипал» холодными парами потому, что для жидкого воздуха даже лед является раска-

ленным телом по сравнению с низкой температурой самого жидкого воздуха. И эта низкая температура должна обжигать тело сильнее, чем раскаленный металл.

Но, к моему удивлению, Элеонора не вскрикнула, вынула палец из сосуда, встряхнула и показала мне. Палец был невредим.

— Жидкий воздух, прилегающий к поверхности пальца, сильно испаряется, так как температура его гораздо ниже температуры пальца. Вследствие этого образуется как бы оболочка из паров жидкого воздуха, — вы видели? — которая и предохраняет на мгновение палец от ожога. Но не думайте повторять опыта, — сказала она, заметив, что я протянул палец к сосуду. — Это надо делать умело, очень быстро и не касаясь стенок сосуда.

Мы углубились в работу. Элеонора, казалось, забыла о нашей размолвке, но я не мог этого позабыть. Бедная Нора! — так уже осмеливался я называть ее в мыслях. Она, значит, была несчастной жертвой Бэйли! Это открытие увеличивало уже существующую симпатию к девушке. Вместе с тем память моя вписала в личный счет мистера Бэйли еще одно преступление.

И незаметно для себя я начал думать о том, чтобы бежать уже вместе с Элеонорой.

В лаборатории было тихо. Мы сосредоточенно работали. Вдруг я вздрогнул от выстрела.

— Опять вы слишком плотно закрыли пробкой сосуд! — сделала мне выговор Нора.

Да, это была моя вина. Жидкий воздух в комнатной температуре лаборатории быстро испаряется и давлением паров выбивает пробки.

— Сильно закроешь — взрывается, слабо закроешь — испаряется слишком быстро, — шутливо проворчал я.

— Трудная работа?.. Зато вы не можете пожаловаться на вредность нашего производства, — ответила Нора. — Воздуха у нас более чем достаточно.

— Не от этого ли у вас такие румяные щеки?

Нора бросила на меня — в первый раз — лукавый женский взгляд, который чрезвычайно обрадовал меня: значит, она не сердится!

Двери лаборатории открылись, появился Уильям и сказал что-то по-английски. Нора перевела.

— Мистер Бейли просит мистера Клименко к себе. Пожалуйста на расправу, — добавила она, улыбаясь.

«Неужели уже все знают о нашем побеге?» — подумал я. Это взволновало меня, но спокойная улыбка Норы несколько ободрила. Увы, я не знал, что мистер Бейли всех, кроме отца Норы, приглашал к себе только «на расправу». В подземном городке он был высшим, безапелляционным судьей.

С тяжелым сердцем я отправился к мистеру Бэйли.

— Желаю вам отделаться легко! — крикнула мне Нора вдогонку.

IX. «ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОМИЛОВАНИЕ»

В кабинете уже находились Никола и Иван под конвоем двух джентельменов, вооруженных автоматическими пистолетами, действующими сжатым воздухом. Мистер Бэйли стоял у своего письменного стола.

— Подойдите! — сурово сказал он мне, не приглашая сесть.

Я подошел к столу. Мистер Бэйли уселся. Я не хотел стоять перед ним и тоже сел. Бэйли сверкнул глазами. Брови его зашевелились.

— Вы пытались бежать? — спросил он меня, хотя в голосе его слышалось больше утверждения, чем вопроса.

— Мы хотели прогуляться, — слегка улыбаясь, ответил я.

— Не лгите и не отпирайтесь! Вы пытались бежать. О последствиях я предупреждал вас.

Мистер Бэйли отдал какой-то приказ одному из вооруженных людей. Тот подошел ко мне и пригласил следовать за собой.

Суд продолжался менее минуты — оставалось, очевидно, привести в исполнение приговор. Я поднялся и последовал за конвоиром. Двое других повели Николу и Ивана. На повороте Ивана и Николу увели в сторону, а я отправился дальше. Мы спустились вниз, прошли по коридору. Конвоир остановился у железной узкой двери, открыл ее и довольно бесцеремонно втолкнул меня в маленькую камеру со сплошными железными гладкими стенами и небольшой

электрической лампой на потолке. Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Я остался один.

«Карцер... Это еще не так плохо. Я дешево отделался», — подумал я, осматривая свою тюрьму. Здесь было сухо и чисто, но холодно. На стене висел термометр Цельсия. Такие термометры висели в каждой комнате и даже в коридорах подземного городка, — здесь очень внимательно следили за температурой. Термометр показывал всего шесть градусов тепла.

После бессонной ночи и волнение я чувствовал себя слабым и разбитым. Мне хотелось спать. Ноги мои едва держали меня. Но в комнате не было даже стула. Я опустился на холодный каменный пол и начал дремать. Однако я скоро проснулся от холода. По моему телу пробежала дрожь. Я поднялся и посмотрел на термометр. Он показывал два градуса ниже нуля. «Что бы это значило? — подумал я. — Недосмотр истопника или умысел?»

Чтобы согреться, я начал ходить по камере, но она была так мала, что я смог сделать только два шага вперед и два назад. Я начал прыгать и махать руками. Я устал еще больше, но мне удалось восстановить кровообращение. Однако довольно было мне присесть, как холод с новой силой охватил мое тело. Зубы выбивали мелкую дробь. Взглянув опять на термометр, я увидел, что он уже показывал одиннадцать ниже нуля.

Я почувствовал, как холод проникает мне внутрь, леденит спину и сжимает сердце. Но это ощущение я испытывал уже не только от низкой температуры. Страшная мысль овладела мною: мистер Бэйли решил меня заморозить! Поддаваясь инстинкту, я подбежал к двери и начал стучать.

— Отоприте!.. Отоприте!.. — кричал я в иступлении. Но никто не отзывался. Я до крови разбил руки. Наконец опустился на пол...

«Обстоятельства бывают сильнее нас. Не надо быть фаталистом, чтобы понять это...» — вспомнил я слова Элеоноры. Но я все же боролся, я пытался бежать, я умираю в борьбе за свободу! А она... Впрочем, быть может, и она боролась. Мне вспомнился рассказ Николы о трупке, привязанном на носу ледокола. Так расправляется мистер Бэйли со своими врагами. Быть может, Элеонора и права — борьба с Бэйли безнадежна...

Как холодно!.. Руки и ноги невыносимо болят. Я растираю пальцы, но они деревенеют, не сгибаются... С трудом поднимаюсь и смотрю на термометр. Двадцать ниже нуля... Борьба окончена! Я должен примириться со своей судьбой.

Я уселся на пол и погрузился в забытие. В конце концов смерть от замерзания не так уж страшна. И, пожалуй, она легче, чем смерть на электрическом стуле. Скоро я не буду чувствовать боли и усну...

...Какой-то шорох у двери. Или мне чудится? Я пытаюсь подняться, но холод сковывает мое тело. Все тихо. Шорох мне почудился.

В камере как-будто потеплело. Но это обман чувств. Организм отдает тепло в воздух, разность температуры тела и окружающего воздуха уменьшается, и поэтому является кажущееся ощущение тепла. Это испытывают все замерзающие. Значит, конец...

Время шло, но сознание больше не покидало меня, а ощущение тепла все увеличивалось. Странно! Я никогда не замерзал, но был уверен, что замерзающие должны чувствовать себя как-то иначе. Чтобы проверить свои сомнения, я попробовал шевелить пальцами и, к своему удивлению, убедился, что они шевелятся свободно, хотя незадолго перед этим я не мог согнуть их. Я посмотрел на термометр.

Пять выше нуля!

Температура повышается! Я спасен, и мои страхи были напрасными. Очевидно, мистер Бэйли хотел только напугать меня.

Через несколько минут температура в камере поднялась до двенадцати градусов — обычная температура в жилых помещениях подземного городка. Я поднялся и начал разминать свои члены. Пальцы опухли и покраснели. Но я чувствовал, как кровь горячо и сильно согревает их. Благодаря тому, что температура поднималась так же равномерно, как и понижалась, я избег отмораживания.

Однако что же будет со мной дальше? Долго ли меня будут держать в одиночном заключении?..

И как бы в ответ на этот вопрос за дверью опять раздался шорох, и я услышал звук поворачиваемого ключа. Дверь отворилась, вошел Уильям и жестом пригласил меня следовать за ним.

Я уже не сомневался, что останусь в живых, и бодро

вышел из камеры. Уильям вновь провел меня в кабинет мистера Бэйли.

На этот раз Бэйли пригласил меня сесть, а сам, поднявшись из-за стола, начал ходить по кабинету.

— Мистер Калименко, — сказал он. — Вы вполне заслужили смертный приговор, и если остались в живых, то можете благодарить за это мисс Энгельбрект...

Я с удивлением посмотрел на Бэйли.

— Вы приговорены были мною к смерти. Я выбрал для вас наиболее легкий способ перейти в небытие. Мною уже был отдан приказ привести приговор в исполнение... Но у нас чувствуется недостаток в квалифицированных работников. Мисс Элеонора не справляется... Вы были ее помощником, и, прежде чем закончить заботы о вашем деле, я решил спросить ее, оказываете ли вы существенную помощь в ее работе. Она не знала о том, что угрожает вам... Я просто попросил ее дать отзыв. Она сказала, что вы отличный работник и незаменимый помощник. Она не соглашалась, чтобы я... перевел вас на другую должность. И я принужден был... отменить решение. Вы помилованы! — закончил он очень торжественно, ожидая, вероятно, выражения благодарности с моей стороны.

Но я промолчал и только кивнул головой. Мистер Бэйли криво усмехнулся.

— Мисс Энгельбрект очень горячо... даже слишком горячо доказывала вашу полезность. Она не знает о вашем побеге. Вы ничего не говорили ей?

— Ничего не говорил, — ответил я.

— Неблагодарный! И вы хотели бежать... от нее!

— Бежать из неволи, из плена, — поправил я мистера Бэйли.

— Но она — ее присутствие, ее общество не удерживало вас?

— Я прошу не вмешиваться в мои личные чувства и отношения, мистер Бэйли, — сказал я сухо. — Вам, конечно, нет до них никакого дела.

— Вы так полагаете? — спросил он. — Нет, мистер Калименко, мне есть очень большое дело!

Я понял мысль мистера Бэйли. Он, видимо, хотел узнать, не влюбились ли мы друг в друга, я и Элеонора. Эта любовь скрасила бы жизнь Элеоноры, а меня привязала бы

к подземному городку лучше цепей. Я был настолько возмущен этими расчетами, что моему зарождающемуся чувству к Элеоноре грозила большая опасность. Бэйли был плохим психологом. Он, очевидно, не знал, что ничто так не губит любовь, как принуждение. А он даже не старался скрывать того, что готов сыграть роль свата, чтобы превратить узы Гименея в цепи, приковывающие меня к его «фабрике».

— Вы помните, — продолжал Бэйли, — я потребовал от вас слова не убегать отсюда, но не настаивал на том, чтобы вы дали это слово. Я не верю в человеческую честность, и в особенности не верю... не волнуйтесь! — не верю в слово человека, данное при таких обстоятельствах, в которых находитесь вы. Как говорит ваша русская пословица: «Как волка ни кушай, то есть ни корми, он все смотрит в лес». И я решил: пусть лучше вы сами испытаете на практике, что убежать отсюда нельзя. Тогда вы успокоитесь и будете работать. И вы сделали эту практику... Теперь вы наш... И я думаю, что у нас вам не будет очень скучно, если у вас не... деревяшка вместо сердца.

Я поднялся со стула с таким зловещим видом, что мистер Бэйли немного отошел от меня и сухо рассмеялся.

— Ну, не сердитесь, — сказал он более миролюбиво. — Я же не сказал ничего обидного ни для вас, ни для мисс Элеоноры. Она прекрасная девушка и сделала бы честь любому мужчине. Идемте со мной. Теперь я могу показать вам многое, что вы еще не видели. Это вам будет полезно знать.

Х. ПОДЗЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Мистер Бэйли открыл потайную дверь и прошел в соседнюю комнату. Я последовал за ним.

— Кстати, — сказал мистер Бэйли, — если интересуетесь, можете прочитать последнее радио. Вашу гибель уже оплакивают. Вы утонули вместе с Николой в Лене. От вас остался только мешок с инструментами. Все сделано очень чисто, мистер «покойник».

Говоря это, Бэйли подошел к большому шкафу и открыл его. В шкафу висело несколько водолазных, как подумал я, костюмов. Мистер Бэйли исправил мою ошибку:

— Это не водолазные костюмы. Это костюмы, в которых можно было бы гулять в межзвездных пространствах, где царит абсолютный холод в двести семьдесят три градуса. Костюмы сделаны из материала совершенно нетеплопроводного, и при них резервуары с кислородом.

— А это для чего? — спросил я, показывая на металлические острие с шариком наверху, приделанное к колпаку скафандра.

— Это антенна. Костюмы снабжены радиотелефонами с собственными маленькими радиостанциями. При помощи радио вы с нами сможем разговаривать. Одевайтесь!

Я снял с вешалки костюм. Он оказался легче, чем водолазные костюмы. Мистер Бэйли помог мне одеться и тщательно застегнул костюм особыми кнопками.

— Ну вот, мы и готовы, — сказал он. Я прекрасно слышал его, хотя наши головы были заключены в толстые шлемы. — Удобно, не правда ли? Для водолазов это было бы незаменимо.

— Но вы, конечно, не сделали это изобретение достоянием общества, — заметил я несколько желчно.

— Общества! — презрительно ответил он. — Что может дать мне общество? Мне некогда заниматься такими мелочами.

Мистер Бэйли подошел к стене, повернул рычаг, и посреди пола открылся люк. Я заглянул вниз и увидел лесенку, которая вела к площадке, окруженной легкой железной оградой.

— Сходите, — предложил Бэйли.

Я спустился на площадку, Бэйли последовал за мной, повернул рычажок на решетке, и мы начали плавно опускаться вниз. Наш спуск продолжался довольно долго. Когда лифт остановился, Бэйли открыл дверцы, и мы вышли. Прямо перед нами была низкая железная дверь. Бэйли открыл ее, и мы попали в небольшую комнату, очень узкую. Бэйли открыл вторую дверь; я не мог определить, из чего она была сделана, — она была черная и гладкая, как эбонит.

— Она сделана из состава, не пропускающего тепла, — пояснил Бэйли.

Опять такая же маленькая комнатка, и опять дверь.

Таким образом мы прошли пять комнат и открыли пять дверей.

— В каждой камере температура приблизительно на пятьдесят градусов ниже, чем в предыдущей, — продолжал пояснения Бэйли. — Сейчас мы войдем в помещение, где температура, близкая к холоду мирового пространства.

Мистер Бэйли открыл шестую дверь, и я увидел изумительное зрелище!..

Перед нами был огромный подземный грот. Десятки ламп освещали большое озеро, вода которого отличалась необычайно красивым голубым цветом. Казалось, как будто в эту подземную пещеру упал кусок голубого неба.

— Жидкий воздух, — сказал Бэйли.

Я был поражен. До сих пор мне приходилось видеть жидкий воздух только в небольших сосудах нашей лаборатории. Я никогда бы не мог вообразить, что можно сгустить и хранить такое огромное количество жидкого воздуха.

Вместе с тем я почувствовал, что мой костюм как-будто сжимается, и не мог понять почему.

— Здесь большое давление. Нас сдавило бы в лепешку, если бы не особая упругость ткани наших костюмов. С помощью мистера Энгельбректа я добился того, что жидкий воздух почти не испаряется. Обратите внимание на свод. Он весь выложен теплонепроницаемым материалом. В этой пещере даже лампы особенные: из светящихся бактерий! Это абсолютно холодный свет... Да, этого голубого озера было бы достаточно, чтобы оживить Луну, — дать ей атмосферу, если бы только Луна могла удержать этот подарок. У меня здесь несколько таких озер. Но всего этого мало, слишком мало. Плотность жидкого воздуха только в восемьсот раз больше плотности атмосферного. Нужны были бы целые океаны, чтобы сгустить весь атмосферный воздух в жидкость. Считайте сами: площадь земного шара равняется примерно пятистам десяти миллионов квадратных километров. Значит, слой воздуха только на расстоянии одного километра от поверхности Земли равен по объему по крайней мере полумиллиарду кубических километров. А более или менее однородный по плотности воздух тянется на восемь километров вверх. Это уже составит массу более пяти триллионов килограммов, или одну миллионную

часть массы земного шара... Сколько еще не использованного сырья!

— Сырья? — невольно вырвалось у меня.

Бэйли невозмутимо продолжал:

— Подсчитать совершенно точно запасы воздушного сырья, конечно, очень трудно. Мировое межпланетное пространство переходит в нашу земную атмосферу постепенно через зону разреженных газов. Точные определения химического состава воздуха сделаны на высоте девяти километров. Шары с самопишущими приборами поднимаются немного выше тридцати семи с половиной километров. Пролетающие метеориты загораются на высоте ста пятидесяти — двухсот километров. Значит, и на этой высоте есть еще достаточно плотный воздух. Нисселю удалось подметить зажигание метеоров даже на высоте семисот восьмидесяти километров. Наконец, о высоте атмосферы говорят и огни северного сияния. Человек давно любовался этой небесной иллюминацией, но только сравнительно недавно мы узнали, что спектр этих необычайно красивых огней состоит главным образом из линий благородных газов и особенно гелия. Линии кислорода, азота, неона и гелия сверкают в северном сиянии еще на высоте восьмисот километров. Возможно, что электрические силы вихрями открывают и поднимают к высоким слоям атмосферы атомы ее газов. Но как бы то ни было, эти атомы существуют даже на такой огромной высоте. Но это еще не все. Не думайте, что атмосфера находится только над поверхностью Земли. Американский ученый Клерк высчитал, что только до глубины в шестнадцать километров, доступной для наблюдения, газообразные вещества по весу составляют три сотых ко всей массе вещества. Так что общий запас воздушного сырья...

— Но не думаете же вы лишить земной шар его атмосферы? — с удивлением воскликнул я.

— А почему бы и нет? — ответил мистер Бэйли. — Пойдемте дальше, и вы убедитесь, что это вполне возможно. Сванте Энгельбрект — гениальный человек. Он стоит тех денег, которые я плачу ему.

«Неужели в деньгах все дело?! — подумал я. — Быть может, отец Норы корыстный человек. Получая много денег, он зарыл себя в этой кротовой норе вместе с дочерью

и не желает возвратиться на родину; дочь изнывает от скуки, но не желает покинуть отца... Не в этом ли заключается драма Норы?»

— Земной шар без атмосферы — это была бы катастрофа! — сказал я.

— О да, — иронически ответил Бэйли. — Люди станут задыхаться, растения погибнут вместе с людьми, ледяной холод спустится на Землю со звездных высот... Жизнь прекратится, и земной шар станет таким же мертвым телом, как оледенелая Луна... И это будет, будет, черт возьми! — закричал Бэйли.

В эту минуту мне казалось, что я имею дело с помешанным.

— Вы хотите погубить человечество? — спросил я.

— Мне просто нет никакого дела до человечества. Оно само идет к гибели. В конце концов наша планета не вечна. Она обречена на гибель не мною. А произойдет это раньше или позже — не все ли равно.

— Далеко не все равно. Человечество еще может жить миллионы лет. Наш земной шар еще очень молод. Он гораздо моложе Марса.

— Вы можете поручиться, что человечество проживет еще миллионы лет? Довольно налететь какой-нибудь шальной кометы, и ваш земной шар скоропостижно скончается.

— Вероятность этого ничтожна.

— С вашей близорукой точки зрения земного червя. Астрономы говорят иное. Огромные вспышки наблюдаются ими во всех углах мировой бездны. И если брать космические масштабы, то в одной только нашей, так называемой галактической системе, в маленьком переулочке вселенной, именуемом Млечным Путем, столкновения происходят, вероятно, не реже, чем столкновения автомобилей на улицах большого города.

— Да, но для нас, червей Земли, интервалы между этими катастрофами равны миллионы лет... И с какой целью вы хотите погубить человечество?

— Я уже сказал вам, что мне нет дела до человечества. Я не хочу губить, но не желаю и отказываться от своих целей ради спасения человечества.

— Каких целей?

Мистер Бэйли не ответил.

Мы шли вдоль изумительного голубого озера. Едва заметный пар поднимался над ним. Несмотря на все предосторожности, жидкий воздух все же немного испарялся. Действие теплоты земного шара и солнца сказывалось даже сквозь все изоляционные преграды.

В стене грота виднелась черная дверь.

— Войдем сюда, — сказал мистер Бэйли.

Он открыл дверь, мы спустились по отлогому коридору и вошли в другую пещеру. Она была гораздо меньше. Здесь не было голубого озера. Это был какой-то склад. Вернее, целый городок, где вместо домов стояли огромные шкафы из того же черного глянцевого материала. «Улицы» были расположены с прямолинейностью плана американских городов. Бэйли открыл дверцы одного из шкафов и, выдвинув при помощи механизма ящик, показал содержимое: там лежали блестящие шарики величиною с грецкий орех. Я с интересом ждал объяснений.

— Вам должно быть известно, — начал Бэйли, — что один литр воды при обыкновенной температуре поглощает до семисот литров газа аммиака, а при нуле градусов количество поглощаемого аммиака увеличивается до тысячи сорока литров, причем объем воды почти не увеличивается.

Я кивнул головой и ответил:

— Газ размещается в промежутках между частицами воды.

— Вот именно. Промежутки между молекулами газа по отношению к величине самих молекул громадны. Расположение молекул может быть уподоблено расположению планет в солнечной системе — они отстоят друг от друга на громадных, сравнительно с их размерами, расстояниях. Если вы читали Фламариона, то помните, что он говорит о кометах. Комету, состоящую из разреженных газов и занимающую пространство в сотни тысяч кубических километров, можно было бы вместиť в наперсток, уплотнив эти газы... Так вот, такие «наперстки» перед вами. Хитроумному Энгельбректу удалось превратить жидкий воздух в чрезвычайно плотное тело. В одном этом ящике заключено воздуха больше, чем в огромном озере из жидкого воздуха. Попробуйте взять один из этих шариков!

Я протянул руку и попытался вынуть шарик, но не мог этого сделать.

— Они все сплавлены вместе, — ответил я.

Бэйли рассмеялся.

— Сколько весит один кубический метр обыкновенного комнатного воздуха? — спросил он меня.

— Около килограмма.

— Килограмм с четвертью. Я в этом шарике заключен один кубический километр воздуха. Не всякая лошадь свезет воз, нагруженный одним таким шариком.

Я был поражен, и мое изумление доставило мистеру Бэйли большое удовольствие.

— Да, — повторил он, — Энгельбрект стоит тех денег, которые я плачу ему. Теперь вы поверите, что переработать все воздушное сырье не такая уж невозможная вещь. Представляю, какой поднимется в мире переполох, когда люди начнут задыхаться!

И, протянув руку к сверкающим шарикам, мистер Бэйли сказал с пафосом:

— Отсюда я могу править миром!

Меня поразило, что он, сам того не зная, почти буквально повторил слова пушкинского «Скупого рыцаря».

— «Что не подвластно мне?» — продекламировал я вслух.

И продолжал:

*...Как некий демон,
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги...*

*... Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно сего
сознания...*

— Это вы хорошо сказали, — ответил Бэйли, внимательно выслушав меня. — Я не знал, что вы поэт.

— Это не я сказал, а Пушкин.

— Все равно. Хорошо сказано. Пушкин? Помню. Он подражал нашему Байрону и нашему Вальтеру Скотту. Но конец нехорош. Мне мало одного сознания власти. Я капиталист, коммерсант. Мертвый капитал — это не капитал. Я должен торговать, и я торгую... Торговец воздухом!.. Ха-ха-ха! Кто бы мог думать?

— С кем же вы торгуете? — спросил я.

— А с кем я должен торговать? — с неожиданным раздражением воскликнул мистер Бэйли. — Не с вашими ли наркомторгами?

— Значит, с заграницей? Не скажу, чтобы эта торговля была законной. Вы обосновались на нашей, советской территории...

— И перерабатываю ваш прекрасный русский воздух, и нарушаю монополию внешней торговли, и так далее, и так далее. Я буду торговать с Англией, Германией, Францией, наживу капитал, а вы отберете его у меня? Я поеду в Англию, а вы там сделаете революцию и доберетесь до меня и моих капиталов? — говорил мистер Бэйли со все возрастающим раздражением. — Нет, довольно! Вы испортили весь мир. Нет на земном шаре угла, где бы не угрожала красная опасность. Я мог бы скрутить вас теперь в бараний рог. Вы еще не знаете о всех моих ресурсах. Но это мне надоело. Я хочу торговать спокойно и уверенно.

— Тогда вам лучше было бы перебраться на Луну, — с иронией сказал я.

— И очень просто! Здесь ничего смешного. Луна слишком мала, чтобы удержать атмосферу, но я могу устроить подлунные жилища. В воздухе недостатка не будет. А для межпланетного путешествия у меня есть кое-какие возможности получше пороховой ракеты.

— Вы это серьезно? — спросил я, с недоумением глядя на него.

— Совершенно серьезно.

— И там вы откроете контору по продаже воздуха? Но вы сказали, что уже ведете торговлю?

— Да, веду, и очень успешно.

— С кем, можно ли узнать?

— С Марсом, — ответил он. — Да, с жителями планеты Марс. Это очень выгодный рынок для сбыта воздуха. Вы знаете, что на Марсе барометр стоит в двенадцать раз ниже чем у нас. У бедных марсиан не хватает воздуха. И они очень хорошо платят за этот товар.

«Сумасшедший! — подумал я. — Этого еще не доставало!»

— Что же, они прилетают к вам, или вы отправляете туда своего комиссионера?

— Зачем? Я бросаю на Марс из особой пушки вот эти снаряды. Там они взрываются и превращаются в воздух. А марсиане таким же образом транспортируют мне взамен свой продукт иль.

— Иль? Что это такое?

— Радиоактивный элемент, обладающий огромной энергией. Этой энергией приводятся в движение все мои машины, на этой энергии работает пушка, посылающая снаряды на Марс. Иль может дать энергию и для ракеты, в которой я полечу на Луну.

— Но почему же марсиане не прилетели на Землю за воздухом? Марс более старая планета, и марсиане должны были обогнать нас в технике.

— Они и обогнали. Но у марсиан очень слабый организм. Уже шестьсот лет назад они делали опыты межпланетных путешествий. Но они неизменно гибли, не будучи в состоянии перенести условий путешествия. Во время полета тела невесома. Такое состояние вредно влияло на кровообращение и все жизненные функции. И смелые путешественники неизменно умирали — одни в пути, другие вскоре после возвращения на Марс. Они называли эту болезнь «левитацион» — так можно перевести на наш язык их слово.

— Как же вы все это узнали и как установили с ними сношения?

Мистер Бэйли нахмурился.

— Довольно того, что я сказал вам. Если вы не верите, я покажу вам иль. Да, впрочем, вы сами однажды были свидетелем того, как я едва не погиб в болоте при получении марсианской посылки.

Но я не мог поверить Бэйли — так все это было необычно — и продолжал возражать:

— Однако такая посылка, пролетая через воздушную оболочку Земли, должна была нагреться и превратиться в пар, как осколок болида.

— Вы же сами признали, что техника марсиан должна далеко уйти вперед по сравнению с человеческой. Их снаряды снабжены регуляторами движения. Управляются они по радио марсианскими инженерами.

Я хотел задать мистеру Бэйли еще несколько вопросов, но он закрыл шкаф и сказал мне:

— Пойдемте дальше. Я вам покажу еще одно интересное и поучительное для вас зрелище.

Бэйли привел меня к узкой двери, через которую мы вышли в слабо освещенный коридор.

— Еще один вопрос, — сказал я, — почему вы устроили ваш завод в Якутии?

— Потому, что это место удобно для моего производства. Здесь полюс холода.

— Однако в центре Гренландии не теплее, там даже летом температура не поднимается выше тридцати градусов мороза.

— Это удобство кажущееся. Когда мои вентиляторы заработали бы, с юга потянули бы теплые воздушные течения и значительно подняли бы температуру Гренландии. Да в конце концов теперь для меня температура не так важна. Мне это было важно вначале. Теперь у меня дело поставлено так, что я мог бы иметь холод мирового пространства даже на экваторе, конечно в моем подземном городке. Притом в Гренландии торчат американские метеорологи, изучающие «родину циклонов». Мне же необходимо было забраться в такой укромный уголок, где мне никто не помешает, пока я не поставлю производство. Теперь мне не страшны люди, но я страшен для них. Горе тем, кто пойдет по ветру!.. Кстати, я не сообщил вам еще одной новости. Вас больше не ищут, но ваша экспедиция скоро тронется в путь, как только приедет ваш заместитель. Могу вас уверить, что экспедиция погибнет вся, до одного человека! Наступает зима. Я подниму такую бурю, что участники экспедиции умрут, прежде чем сделают половину пути от Верхоянска до меня.

— Правительство вышлет вторую экспедицию будущим летом. Вас не оставят в покое, — сказал я.

— Тем хуже для них, — ответил Бэйли и открыл дверь.

Мы вошли в огромную круглую полуосвещенную пещеру. Мистер Бэйли повернул выключатель, и пещера ярко осветилась. Я увидел изумительное зрелище.

С потолка спускались сталактиты, а с земли тянулись вверх сталагмиты самых причудливых форм. На потолке сверкали призмы горного хрусталя. Витые колонны, как в буддийском храме, странные наплывы на стенах и «занавески» по углам придавали пещере фантастический вид.

Прямо передо мной посреди пещеры стоял огромный мамонт. Его хобот был вытянут вперед, как будто этот колосс собирался затрубить призыв к бою. Огромные ноги — толще моего туловища — были широко расставлены, голова пригнута. Вся колоссальная туша мамонта блестела, как будто она была покрыта стеклом. Вокруг мамонта расположились более мелкие представители животного мира: медведи бурые и белые, волки, лисы, соболя, горностаи... Целый ледяной зверинец!

На уступах скал сидели блестящие птицы — полярная сова, гуси, утки, вороны. А вдоль стен расположились... «двуногие» представители приполярных и полярных стран: якуты, самоеды, вогулы, чукчи — все в национальных костюмах, вооруженные самодельными стрелами, луками, капканами. Одни из них стояли в позе охотника, другие — с упряжкой собак или оленей, иные держали в руке рыбачий гарпун или весло. Здесь же лежали домашняя утварь и промысловые орудия.

Это был целый музей, необычайно богатый и разнообразный. Все экспонаты были покрыты прозрачным веществом, блестевшим, как стекло, и позволявшим хорошо видеть малейшие подробности.

— Поразительно! — сказал я.

Мистер Бэйли самодовольно усмехнулся.

— Ваши ученые только собираются устраивать ледяной музей, а я уже устроил его. Вы знаете, что вечная мерзлота сохраняет трупы в полной неприкосновенности. Вот этот мамонт, которого мы выкопали, пролежал в мерзлоте не одну тысячу лет, а мясо его так свежо, что можно было бы зажарить и есть. Наши собаки очень охотно ели — как бы это сказать по-русски — мамонтьятину.

— Но ведь здесь не только ископаемые животные, здесь имеются медведи, лисы... И потом эти люди?..

— Да, я собирал и живые экземпляры.

— *Живых людей?!*

— А почему бы нет? Какая разница? Рано или поздно каждого из этих людей задрал бы медведь или просто умерли бы естественной смертью и бесследно погибли бы, как погибают звери. А участь попавших в мой музей прекрасна. Они сохраняются при помощи холода не хуже египетских мумий. Они обессмертили себя.

— Для кого? Кто видит их?

— Вы, я, не все ли равно? Я не собираюсь делать из моего музея учебно-вспомогательное учреждение и завещать его кому бы то ни было. Это моя прихоть, мое развлечение. Не все же одни дела! Надо чем-нибудь развлекаться.

— И для этого вы... убивали людей?

— Не я первый сказал, что охота на людей — самый увлекательный вид охоты... Впрочем, не думайте, что я стал бы заниматься охотой специально за «двуногими зверями». Вот еще! Здесь только те, кто имел неосторожность бродить вблизи моего городка. О нем никто не должен был знать. И тот, кто «шел по ветру», не возвращался назад...

— Но это еще не все, — продолжал он, помолчав. — Я покажу вам еще одно отделение моего музея. Идемте!

Мы прошли в смежную пещеру. Она была значительно меньше. В глубине пещеры вдоль стен стояли статуи людей, блескшие, как стекло.

Мы подошли ближе.

— Вот, полюбуйте, — сказал мистер Бэйли, указывая на статуи. — Такова судьба тех, кто пытается бежать отсюда. Вот видите этот пьедестал? Он был предназначен для вас.

Мистер Бэйли включил большую лампу. Яркий свет осветил статуи. Я присмотрелся к ним ближе и содрогнулся. Это были трупы людей, покрытые жидким стеклом или каким-то иным прозрачным составом.

— Я замораживаю людей, затем их обливают водой, которая моментально превращается в лед. Так они могут простоять до второго пришествия... Очень поучительное зрелище, не правда ли? Я показываю эти мумии всем провинившимся в первый раз, и действие бывает очень благотворное: У виновных пропадает всякая охота нарушать установленные мною законы... А работники мне, конечно, нужны, особенно квалифицированные...

Я насчитал одиннадцать трупов. Пять из них принадлежали якутам, три, по-видимому, иностранцам, остальные были похожи на сибирских охотников. Тонкий слой льда позволял хорошо видеть. На трупах были костюмы, в которых их застала смерть. У большинства трупов лица казались спокойными, только у одного якута осталась на лице страшная улыбка.

— Как вам нравится мой «пантеон»?* — спросил Бэйли.

— Отвратительное зрелище, — ответил я. — Нужно быть уверенным в полной безнаказанности, чтобы хранить эти улики преступлений.

— А вы еще не потеряли веру в возмездие? — иронически спросил Бэйли. — Да, с этой иллюзией, говорят, легче живется. Однако нам пора возвращаться.

XI. ПЛЕННИКИ ПОДЗЕМНОГО ГОРОДКА

Из нашего путешествия я вернулся совершенно разбитым и подавленным. А Бэйли еще не все показал мне! Я не видел машин, не видел смертоносных орудий, действия иля. Но и того, что я видел, было совершенно достаточно, чтобы лишить человека покоя. Бэйли оказался сильнее и страшнее, чем я мог думать. Борьба с ним должна быть чрезвычайно трудной. А его безумные действия угрожают всему человечеству.

Он сам оставался для меня загадкой. Его «коммерческая» деятельность не могла преследовать только выгоду. В самом деле, на что мог использовать несметное богатство один человек, поставивший себя вне общества, больше того, обрекающий все человечество, всю жизнь на Земле на ужасную гибель? Это мог сделать только маньяк. Быть может, Бэйли вобрал в себя все отчаяние капиталистов, обреченных историей, и, как Самсон, решил погибнуть вместе со своими врагами? Нет. Дикая мысль! Люди его класса не торопятся сами погибать, если они здоровы.

Я вошел в лабораторию. При виде меня Нора весело кивнула головой, причем ее румяное лицо чуть-чуть вспыхнуло. Она склонила голову над пробиркой.

— Мисс Энгельбрект, — довольно торжественно сказал я, — позвольте поблагодарить вас...

— За хороший отзыв? Какие пустяки! Вы стоите этого. Когда вы не очень задумываетесь, вы отличный работник... Не забивайте только слишком туго пробок с жидким воздухом и не...

* Пантеон — древнегреческий храм всех богов; отсюда это название перешло к зданиям, посвященным памяти знаменитых людей (например, Пантеон в Париже с гробницами Вольтера, Гюго, Руссо и других).

— Это совсем не пустяки! — горячо прервал я ее. — Вы спасли мне жизнь!

Нора посмотрела на меня с удивлением и даже испугом.

— Это вы шутите?

— Нет, конечно. Мне угрожала смерть за попытку побега.

— Смерть! Я не думала, что дело так серьезно, иначе бы я еще более... Но кто же угрожал вам смертью? Неужели...

— Разумсется, мистер Бэйли. О, он не щадит тех, кто не повинуется его воле! Приходилось ли вам видеть его страшный «пантеон»?

Нора отрицательно покачала головой и спросила, что это значит. Я рассказал ей о своем путешествии в обществе Бэйли по подземному городку и обо всем, что узнал от «торговца воздухом».

К моему удивлению, Нора выслушала меня с большим интересом. Очевидно, многое из того, что я сказал ей, она слышала впервые. По мере того как я говорил, лицо ее все более хмурилось. Удивление сменялось недоверием, недоверие — возмущением.

Закончив свой рассказ, я поднял бокал с жидким воздухом и сказал:

— Вот в этом сосуде мы изготавливаем смертный напиток для человечества. Моя жизнь пощажена только для того, чтобы я содействовал гибели других, гибели нашей прекрасной Земли со всеми живыми существами, живущими на ней. И я не знаю, радоваться ли мне моему спасению, или... не выпить ли мне самому этот бокал?..

Зазвонивший телефон прервал мою патетическую речь. Нора быстро подошла к телефону.

— Алло... Да... Мистер Клименко, вас просит к телефону мистер Бэйли.

Я подошел к телефону.

— Да, это я... Нет... Слушаю!

— Вы чем-то смущены? — спросила Нора, когда я отошел от телефона.

— Дело в том, что мистер Бэйли опоздал. Оказывается, он забыл предупредить меня, что я не должен говорить вам о том, что видел и слышал.

— И что же вы ответили?

— Я ответил, что еще ничего не говорил, и обещал не говорить.

Нора вздохнула с облегчением.

Потом она взяла бокал с жидким воздухом, который я перед тем держал в руке, в задумчивости посмотрела на голубую жидкость и вдруг бросила бокал на пол. Стекло разбилось. Жидкий воздух разлился и под влиянием теплоты пола начал шипеть и быстро испаряться. Через минуту на полу валялись одни осколки стакана.

«Великолепно! — подумал я. — Теперь у меня есть союзник!»

Нора испытующе посмотрела мне в глаза.

— Вы мне все рассказали?

— Все, — ответил я, но сразу же невольно смутился: я вспомнил о видах мистера Бэйли на мой брак с Норой. Я не хотел говорить об этом девушке. Но она заметила мое смущение.

— Вы что-то скрываете. Вы не все сказали!

— Но это пустяки, не относящиеся к делу.

— Не лгите. Пустяки не заставили бы вас смутиться.

Я был в большом затруднении и решил перейти от обороны к нападению.

— А вы сами разве все говорите мне? Помните наш разговор, когда я неосторожной фразой обидел вас?.. Простите, что я вспоминаю об этом. Тогда вы сказали мне: «Вы ничего не знаете». Почему же вы сами тогда не объяснили мне всего, чего я не знаю?

На этот раз была смущена Нора.

— Есть вещи, о которых трудно говорить...

— Этими словами вы оправдываете и мое молчание.

— Нет, не оправдываю. Вы не дали окончить мою мысль. Есть вещи, о которых трудно говорить. Но бывают обстоятельства, когда нельзя больше молчать. Приходится говорить обо всем, как бы трудно это ни было.

— И вы мне скажете?

— Да, если и вы не скроете от меня ничего.

Я попался в собственные сети. Торг совершился, и мне оставалось только выдать свою тайну. Все же я постарался сгладить цинизм Бэйли.

— Бэйли сказал... что у меня деревяшка вместо сердца,

если я решился бежать, пожертвовав ради свободы обществом такой девушки, как вы.

Нора сначала улыбнулась: это звучало как комплимент. Но она была умна и скоро разобралась в том, что скрывается под таким комплиментом. Брови ее нахмурились.

— Я должна быть благодарна мистеру Бэйли за его высокую оценку, — сказала она. — К сожалению, мистер Бэйли ко всему подходит с коммерческой точки зрения. Было время, когда он сам претендовал на «мое общество»... И даже тогда мне показалось, что им руководит не сердце, а расчет... Он видел, что я скучаю, что меня тянет к людям. Отец очень нагружен работой. Он очень любит меня, но... науку, кажется, любит еще больше, — с некоторой горечью и ревнивым чувством сказала Нора. — Моя тоска мешала общей работе. И мистер Бэйли... Вы понимаете?... Он сделал мне предложение.

— И вы? — спросил я, задерживая дыхание.

— Ну, конечно, решительно отказала ему, — ответила Нора.

Я не мог сдержать вздох облегчения.

— Я не знала тогда о его делах и мало интересовалась ими. Но он мне просто не нравился. Он долго не терял надежды прельстить меня своими миллионами, наконец оставил меня в покое, когда я решительно заявила, что уеду, если он будет надоедать своими предложениями. Это напугало его, и он дал слово «забыть меня»... И вот теперь мистер Бэйли, очевидно, создал новый вариант прежнего плана, да при этом он хочет убить сразу двух зайцев. Проще говоря, он хотел бы поженить нас с вами. Не так ли?..

Я покраснел. Нора рассмеялась. Этот смех обрадовал меня. Значит, на этот раз планы мистера Бэйли не были ей так неприятны! Но Нора сразу же охладила меня. Или это была только женская хитрость? Лукаво посмотрев на меня, она с деловым видом заметила:

— Но я не думаю, конечно, выходить замуж за вас, мистер Клименко.

— А за кого же? — уныло спросил я. — Простите, сорвалось... Такие вопросы не задают... Однако сегодня мы ничего не делаем! — решил я переменить разговор.

— Да, вы правы, — ответила она и, подняв второй бокал с жидким воздухом, вылила жидкость на стол.

Это произошло так быстро, что я не успел снять руку со стола. Часть жидкого воздуха плеснула мне на пальцы; воздух зашипел испаряясь. Я почувствовал ожог.

— Боже! Что я наделала! — вскрикнула девушка. — Простите меня.

Она бросилась к аптечному шкафчику, вынула мазь против ожога, вату и бинт.

В ее лице было столько искреннего огорчения, она так заботливо ухаживала за мной, что я был вполне вознагражден.

Дверь кабинета отца Норы открылась, и на пороге появился он сам.

— Ну что же, Нора, готово? — спросил Энгельбрект.

— Мы не успели окончить, — ответила Нора. — Мистер Клименко ожег себе руку.

— Ничего серьезного? — спросил ученый.

— Пустяки, — поспешил сказать я.

— Надо быть осторожным, — поучительно проговорил он. — Так я жду!

Дверь закрылась.

Рука была перевязана, и мы уселись за стол. Нора вздохнула.

— Я решила больше не работать, — сказала она, — но отец требует. Ему это нужно...

— А ваш отец знает обо всем, что касается мистера Бэйли? — спросил я.

— Это я сама хотела бы теперь знать. Я хочу поговорить с отцом и спросить его обо всем... Когда мы собирались в эту несчастную экспедицию, отец сказал мне, что мы направляемся исследовать Великий Северный путь. Мы высадились недалеко от устья реки Яны. Тогда нам говорили, что летчики, бывшие на нашем ледоколе, сообщили, что дальнейший путь на восток затерт льдами. Предстояла зимовка. С парохода был снят весь груз. Его было очень много, гораздо больше, чем надо для зимовки. Я видела груды больших ящиков. Но что в них было — не знаю. Мы расположились на зимовку. Часть экипажа находилась еще на ледоколе. Там же остались два профессора, участвовавшие

в нашей экспедиции. Один радиоинженер, а другой астроном...

— А зачем был нужен астроном в полярной экспедиции?

— Не знаю. Эти два профессора еще во время плавания в чем-то не ладили с мистером Бэйли. Они держались особняком и иногда тихо совещались в укромных уголках. Однажды утром, когда я вышла из своей палатки, чтобы принять участие в работах по разгрузке, я увидела, что парохода уже нет. Мне сказали, что ночью его унесло ветром в океан вместе с двумя профессорами. Труп астронома нашли потом выброшенным морем на берег, а радиоинженер так и погиб вместе с пароходом. Я была так удивлена. В ту ночь не было бури. Я обратилась с вопросом к мистеру Бэйли, но он, смеясь, — он мог смеяться! — ответил мне, что я очень крепко спала и поэтому не слыжала бури. «Но море совершенно спокойно», — сказала я, указывая на океан. «В это время года не бывает больших волн, — ответил мистер Бэйли. — Плавающие льды уменьшают волнение. А ветер был сильный, сорвал ледакол с якорей и унес его в океан».

Элеонора замолчала, делая запись в тетради и следя за колбой, стоявшей на весах. Потом опять начала говорить:

— Еще одна странность: с парохода были выгружены на берег два аэроплана большой грузоподъемности. Для зимней стоянки они были не нужны. Их выгрузили, как я потом узнала, для переброски всего нашего багажа вглубь страны. Аэропланы переносили куда-то ящик за ящиком. Отец объяснил мне, что мистер Бэйли изменил план. Так как пароход погиб, то он решил заняться геологическими исследованиями на материке. Переброска, несмотря на зиму, продолжалась. Часть груза была отправлена на автомобилях, поставленных на лыжи. Вся э та работа заняла несколько месяцев и стоила нескольких человеческих жизней. Мы замсняли погибших матросов якутами, которые иногда случайно наталкивались на нашу стоянку. Вообще же место было очень безлюдное, и мы работали без помехи и далеко от любопытных глаз. Наконец мы с отцом прилетели на место новой стоянки. Это была совершенно пустынная горная страна. В мерзлой земле, как кроты, рылись буровые машины. Я мало понимаю в машинах. Но даже меня поражала их мощность. Если бы вы видели, как

работали эти изумительные машины!.. От времени до времени сюда доставляли на аэропланах новые машины и материалы. Очевидно, мистер Бэйли имел связь с внешним миром. Подземный городок строился со сказочной быстротой.

Все это было не похоже на геологические разведки. Но мистер Бэйли объяснил мне, что он напал на урановую руду и будут добывать радий. Кроме того, он решил заняться добыванием азота из воздуха и изготовлением жидкого воздуха. В конце концов, чем занимается мистер Бэйли, меня не интересовало. Я рано начала помогать моему отцу в его научных работах и уже не раз кочевала с ним из города в город. Меня не пугали эти переезды. Но в такой дыре мне еще никогда не приходилось жить. У отца были прекрасные предложения от солидных фирм. И я спросила его, что побудило его принять предложение мистера Бэйли. Отец ответил, что мистер Бэйли за один год работы предложил ему сто тысяч фунтов стерлингов. Целое состояние! «Я хочу обеспечить твое будущее», — сказал мне отец. Прошел год, но отец продолжал работать у мистера Бэйли. Как-то я спросила отца, не пора ли нам возвратиться на родину. Отец несколько смутился и ответил, что сейчас он очень занят (в то время он делал опыты с превращением кислорода в водород, действуя электрическим током) и не хочет прерывать работы. «Здесь прекрасные лаборатории и такая тишина, какой не найти во всем мире. Хорошо работается», — точно оправдывался он. Я была несколько разочарована. Тогда отец сказал, что если я хочу, то могу ехать одна и жить пока у тетки... Моя мать умерла, когда я была совсем маленькой... Я не хотела покидать отца и осталась в подземном городке.

— Что же все-таки заставило отца остаться? Большая оплата?

— Не думайте, что мой отец корыстолюбив, — поспешно ответила Нора. — Никто не откажется от больших денег, если они сами идут в руки. Но ради одних денег он не остался бы.

— Но почему он смутился, когда вы задали ему вопрос о том, скоро ли вы уедете отсюда?

— Не знаю. Быть может, потому, что науку он предпочел моим интересам. Так по крайней мере думала я тогда.

Но теперь после того, что я услышала от вас, мне приходит мысль, что мой отец... не совсем добровольно остался у мистера Бэйли. Или же... Но я не хочу об этом думать... Я должна все выяснить. Я поговорю с отцом.

— И если окажется, что мистер Бэйли держит вашего отца в плену?

Лицо Норы сделалось суровым и решительным.

— Тогда... Тогда я буду бороться, и вы мне поможете!

Я протянул ей мою здоровую руку. Нора пожала ее.

— Нора, ну что же твоя работа? — услышали мы опять голос Энгельбректа.

— Через пять минут будет готова, — ответила она, принимаясь за склянки.

— И знаете что, — сказал я, когда дверь в кабинете Норы закрылась. — Перестаньте бить посуду и разливать жидкий воздух. Это ребячество. Будем до времени работать, как мы работали раньше. Нельзя возбуждать ни у кого ни малейшего подозрения.

Нора молча кивнула головой и углубилась в работу.

В этот день я ночевал один в своей комнате. Никола не было. Очевидно, Бэйли решил разъединить нас. Это для меня было большим ударом. Я уже привык и даже привязался к якуту. Кроме того, он был нужен для выполнения моих планов. Рано или поздно борьба между мною и Бэйли должна была принять открытые формы. Я ни на минуту не оставлял мысли о побеге или по крайней мере о том, чтобы предупредить наше правительство о грозящей опасности.

На третий день вечером Никола явился. Он был по обыкновению весел и детски беспечен. Суровая природа закалила его, и он привык легко переносить невзгоды судьбы.

— Никола! — радостно встретил я его.

— Здравствуй, товарищ! — ответил он. И, усевшись на полу на скрещенных ногах, запел, покачивая головой: — Никола сидел на хлеб и вода, это не беда. Никола немного ел, много пел.

— Никола, да ты даже в рифму умеешь сочинять! — удивился я.

— Не знаю, — ответил он. — Мои дети в школе учатся, песни знают. Я слышал.

— Ну, а с Иваном что?

— Жив Иван. Со мной сидел. На работы пошел.

Бэйли, очевидно, решил, что мои «пособники» не заслуживают большого наказания. Вернее же, он берег их как рабочую силу.

— Плохи наши дела, Никола, — сказал я. — Больше не будешь убегать со мной?

— Сильно ветер мешал. Ничего. Если ты побежишь, и я с тобой.

ХII. НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Бэйли, вероятно, полагал, что урок, данный им мне, и зрелище его ужасного «пантеона» окончательно выбили из моей головы мысль о побеге и примирили меня с положением. Во всяком случае, после нашего с ним путешествия мне была представлена большая свобода. Я получил доступ в те части городка, вход в которые раньше мне был запрещен. Только в машинное отделение и в арсенал, где хранились орудия, мне не удавалось проникнуть. Зато я смог завязать новое полезное знакомство — с радистом.

Это был довольно пожилой шотландец, сносно говоривший по-немецки. Когда-то он работал в Германии на заводе, изготовлявшем радиоаппаратуру. Мистер Люк вопреки общему представлению об англичанах был очень разговорчив, и это было мне на руку. Притом он оказался завзятым шахматистом, а так как я был игроком первой категории, то он поставил целью своей жизни обыграть меня, хотя играл значительно слабее.

Шахматы очень сблизили нас. Вечерами, когда Люк сдавал дежурство, он неизменно являлся ко мне со своими литыми чугунными шахматами в виде статуэток, изображавших английского короля и королеву, офицеров похожих на Дон-Кихота, и пешек, напоминавших средневековых ландскнехтов.

Люк скоро входил в азарт, и его пешки при передвижении так громко стучали по деревянной доске, как будто по мосту шли настоящие ландскнехты. При этом он беспрерывно говорил:

— Пехота вперед!.. Вы так? А мы вот так!

Я умышленно задумывался над его ходом и в это время задавал ему какой-нибудь вопрос, систематически выводив-

вая от него все, что мне нужно и интересно было знать. Таким способом я узнал, что мистер Люк — старый холостяк, совершенно одинокий; на родину его не тянет, и живет он у Бэйли, по-видимому, по своей охоте, прельстившись хорошим жалованьем и неограниченной возможностью поглощать джин, до которого Люк был большой охотник.

— Где много джина, там и родина, — говорил Люк. — Но я пью умело. На работе я всегда трезв, как вода.

Я учел это новое обстоятельство, и в моей комнате появлялась перед приходом Люка бутылка джина, которую мне беспрепятственно выдавал буфетчик. Бэйли по своим коммерческим соображениям считал нужным удовлетворять по мере возможности желания своих вольных и невольных работников, чтобы заглушать в них тоску по свободе и не вызывать недовольства.

Для достижения своих целей я решил даже жертвовать престижем игрока первой категории. От времени до времени я проигрывал последнюю партию Люку. Когда джин и упоение победой окончательно развязывали ему язык, я приступал к своим главным вопросам.

Признаюсь, это была не совсем честная по отношению к Люку игра. Но разве Бэйли поступал со мною честно? Я решил, что в борьбе с ним все средства хороши. Это была военная разведка применительно к условиям и обстоятельствам. Мои задачи были поважнее, чем этика приятельских отношений.

— Ну, что сегодня говорит радио, мистер Люк? — спрашивал я, позсывая.

И мистер Люк начинал мне рассказывать о новостях. Так я узнал, что вместо меня во главе экспедиции был поставлен мой друг, молодой ученый Шириев. Несмотря на то, что уже началась зима, экспедиция выступила в путь. Однако поднявшиеся бураны и ветер, достигавший силы десяти баллов, заставили экспедицию вернуться в Верхоянск. После доклада экспедиции о положении дела из центра был получен приказ отложить экспедицию до весны и заняться пока на месте метеорологическими наблюдениями.

Эта весть и обрадовала и опечалила меня. Шириев был осторожнее меня — он не хотел жертвовать жизнью своих

спутников и своей и потому избежал участи, уготованной ему Бэйли. Я радовался за моего друга. Но до весны мне уже не приходилось ждать помощи со стороны. Впрочем, это тоже к лучшему, — успокаивал я себя. — Бэйли погубит всех, кто неосторожно приблизится к его подземным владениям. На борьбу с ним должны быть брошены мощные силы государства...

Но для успеха необходимо предупредить правительство, чтобы оно отнеслось к задаче со всей серьезностью. Быть может, за зиму мне удастся так или иначе установить связь с внешним миром.

Я вооружился терпением, продолжая вместе с тем свою «шпионскую» работу.

С Люком мы все более сближались. И однажды в минуту откровенности он мне приоткрыл тайну «Арктика». Люк был один из немногих, посвященных в эту тайну, хотя Бэйли не сообщил и Люку всей правды о своих целях. По словам Люка, «Арктик» с разведенными парами был направлен в открытый океан, на север, для того, чтобы инсценировать кораблекрушение. Он просто хотел «пособрать в вашем СССР кое-какие полезные ископаемые со всякими концесками».

— О, он очень хитрый, мистер Бэйли! — почти с восхищением сказал Люк. — Коммерсант! Что же вы хотите? У вас богатства лежат даром, как собака на траве, а он сделал из них деньги. Хорошо вас провел мистер Бэйли! — и Люк захохотал. — Машинист развел пары, штурман укрепил колесо штурвала и — фьють! Когда «Арктик» пошел на все парах, оставшиеся на ледоколе соскочили в моторную лодку и вернулись на берег, а пароход один продолжал путь. Ловко?

— На пароходе никого не осталось? — спросил я Люка.

— Никого, — ответил он.

Я боялся возбудить подозрение мистера Люка и потому не спросил его о судьбе двух исчезнувших профессоров. После некоторых колебаний я, однако, решился задать осторожный вопрос:

— И все сошло благополучно, без аварий и без потерь?

— Несколько человек погибли при перевозке с берега сюда, да еще на берегу мы потеряли двух профессоров. Говорят, они отправились на охоту и не возвратились.

— Но вы искали их?

— Как будто да. Тогда было не до этого. У всех было работы по горло. Зима надвигалась.

Или Люк не хотел мне сказать всего, или же он многого сам не знал. Во всяком случае, на него рассчитывать было нельзя. К советской власти он, видимо, относился враждебно. Это был типичный служака. Его идеалы сводились к тому, чтобы получать хорошее жалованье, пить джин да собрать деньги, купить, вернувшись на родину, домик и жить, ничего не делая, на ренту.

Однажды я сказал ему, что очень интересуюсь радио, но, к сожалению, не имел возможности ближе познакомиться с этим замечательным изобретением.

— Это очень просто, — ответил Люк. — Приходите ко мне на станцию, лучше во время ночного дежурства, и я вам покажу.

Я воспользовался этим предложением и зачастил к мистеру Люку.

С каким волнением услышал я после перерыва в несколько месяцев знакомый голос диктора «Коминтерна»! Радиогазета!.. Последние новости...

«...Теперь послушаем, товарищи, какую зиму предсказывают наши метеорологи. Мы можем обрадовать «дачников-зимников»: им не придется мерзнуть в своих сквозных дачках. Ученые обещают, что зима в этом году будет очень теплой, гораздо теплее даже, чем была в прошлом году...»

«Еще бы! — подумал я. — Вентиляторы мистера Бэйли создают свой воздушный Гольфстрим. Теплые воздушные течения идут в северное полушарие от экватора и поднимают температуру».

«...Но зато на юге Африки, в Южной Америке и в Австралии наблюдается значительное понижение температуры...» — продолжал диктор.

«Задышали ледяные пустыни Южного полюса!» — мысленно ответил я диктору... О, если бы я мог отсюда, через тысячи километров, крикнуть ему, что нечего радоваться теплой зиме, что огромное несчастье надвигается на человечество!

«...Теперь послушаем музыку. Оркестр студии исполнит »Менуэт» Боккерини».

Легкий, изящный менуэт зазвучал. Но от этой музыки

мне стало еще тяжелее. Там жизнь идет своим чередом. Люди работают, развлекаются, живут, как всегда, не зная, какая беда нависла над ними.

Я снял с ушей радиотелефон. Люк сидел, углубившись в прием, переводя точки и тире Морзе на буквы. Он быстро записывал телеграмму. Каждое утро эти телеграммы подавались мистеру Бэйли.

Наконец он оторвался от работы и, не снимая наушников, спросил меня:

— Интересно?

— Да. Но я принимал и у себя дома на радиоприемник. Мне интересно знать, как это делается и как производится не только прием, но и передача. У вас имеется передающая радиостанция?

Быть может, я сам был слишком подозрительным и осторожным, но мне показалось, что в лице Люка появилась какая-то настороженность.

— Вы хотите передать привет родным и знакомым? — спросил он меня с улыбкой. — Да, передающая радиостанция у нас есть, но мы не пользуемся ею. Мы не хотим обнаруживать нашего местопребывания.

В этот момент я поверил Люку. Но скоро выяснилось, что он сказал неправду. Однажды я зашел на радиостанцию позже обыкновенного и застал его за передачей.

— Вы решили открыть свое местопребывание? — сказал я с простодушной улыбкой. — Что, застал вас на месте преступления?

Мистер Люк нахмурился, но потом заставил себя рассмеяться.

— Уж не шпионите ли вы за мною? — сказал он шутливо. Но от этой шутки у меня заныло сердце.

— Какие глупости! — отвечал я. — Зачем мне шпионить? — И уже с хорошо разыгранной обидой сказал: — Если я помешал, то могу уйти.

— Оставайтесь, — ответил Люк. — Тогда я вас обманул: наша большая передающая станция молчит. Но эта... Этакой станции нет во всем мире, кроме одного места, где принимается моя передача. Эта станция работает на таких коротких волнах, что обычные станции не могут принимать ее. Таким образом тайна передачи сохраняется... Коммерческие тайны! — пояснил он. — Но только вот что, мистер

Клименко: я вам очень много доверил, потому что вы мой друг. Но вам лучше не говорить о том, что вы видели меня за передачей. И не заходите в это время ко мне... Это служебная тайна.

Я успокоил Люка и вернулся к себе. Последнее открытие убедило меня в том, что Бэйли имеет союзников во внешнем мире. Это делало его еще более опасным. А Люк, по-видимому, начинает относиться ко мне с недоверием. Если бы не боязнь потерять шахматного партнера, он, пожалуй, закрыл бы мне вовсе доступ на радиостанцию. И теперь мне надо держать себя с удвоенной осторожностью.

ХІІІ. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

— Мы дышим в лаборатории самым чистым, насыщенным кислородом воздухом. И все же мне чего-то не хватает, — призналась Нора. — Каких-то «воздушных витаминов». Быть может, нам не хватает этих запахов земли, запахов хвои, не хватает созерцания неба, хотя бы этого северного неба... Истинное наслаждение дыханием я испытываю только здесь, наверху.

Мы стояли на балконе небольшой площадки в расщелине кратера с его внешней стороны.

На внешнем склоне горы было несколько таких балконов. Они соединялись покатыми тоннелями с тремя верхними этажами. Каждый тоннель был снабжен лифтом. Эти площадки с балконами могли служить для сторожевых наблюдений. Но ураганный ветер, всасывающий в кратер всех приближающихся к горе, делал совершенно излишним постоянное наблюдение. И привилегированные обитатели верхних этажей пользовались балконами только для того, чтобы подышать «настоящим» воздухом и посмотреть на небо.

Нора облюбовала себе один балкон и с милостивого разрешения Бэйли получила его в единоличное пользование. Она хранила у себя ключ от входа в тоннель, ведущий на балкон (второй ключ от этой двери был у самого Бэйли). Дверь эта находилась недалеко от ее комнаты, и Нора могла подниматься на балкон во всякое время. Она подолгу бывала здесь и любила «беседовать со звездами». Это было совершенно уединенное место, так как выступы скал за-

крывали балкон и с соседних площадок не видно было, что на нем делается.

Площадка круто обрывалась. Горы кругом были занесены снегом. На темном небе сверкали звезды. Ветра не было.

— «Воздушные витамины»... Это вы хорошо сказали, — ответил я. — Я не чувствую запахов земли, все уже занесено снегом. Но хвоей пахнет. И еще чем-то, как будто далеким дымком.

— А где дым, там жилье, люди...

— Которые также наслаждаются «воздушными витаминами». И всего этого их хочет лишить мистер Бэйли!

— Смотрите!

Я посмотрел на север. От горизонта поднимался бледный световой столб. Все выше, выше, до зенита. Из молочного столб превратился в бледно-голубой, потом в светло-зеленый. Верхушка столба начала розоветь, и вдруг от нее, как ветви от ствола дерева, потянулись во все стороны широкие отростки. А от горизонта поднималась завеса, переливающаяся необыкновенно нежными и прозрачными оттенками всех цветов радуги. Полярная ночь чаровала. На небе разыгрывалась безмолвная симфония красок. И цвета переливались, как звуки оркестра, то вдруг разгораясь в мощном аккорде, то нежно замирая в пианиссимо едва уловимых оттенков.

— Как прекрасен мир! — с некоторой грустью в голосе сказала Нора.

Я взял ее руку в меховой перчатке. Нора как будто не заметила этого и продолжала стоять неподвижно, глядя на расстилающуюся перед нами панораму горных цепей и долин. Белый снег отражал небесные огни и непрестанно менял окраску, то голубея, то розовея. Это была красота, которая покоряет на всю жизнь. Безлюдье... Пустыня... Переключка прекрасных, но глухонемых огней... Мы как будто были заброшены в совершенно иной, фантастический мир. А там, за горными цепями, на юго-западе и юго-востоке копошился людской муравейник.

— Мисс Энгельбрект, вы говорили с вашим отцом? — прервал я молчание.

Нора точно вернулась на землю из надзвездных высот.

— Да, говорила, — ответила она, опустив голову.

— И чем же кончился ваш разговор?

Нора устало подняла голову.

— Чем кончился наш разговор?.. — переспросила она, как бы не расслышав. — Отец поцеловал меня в лоб, как это делал, когда я еще девочкой уходила вечером спать, и сказал: «Спи спокойно, моя дочурка». И я ушла в свою комнату. Отец! Милый отец, с которым я никогда не разлучалась ни на один день, как будто ушел от меня, стал далеким, непонятным и даже... страшным... Я уже не могу относиться к нему с прежним доверием.

Мы опять замолчали. А небесный гимн северного сияния все разрастался, ширился, как могучий световой орган, холодный, беззвучный, прекрасный, чуждый всему, что волновало нас...

Потянулись скучные однообразные дни. Мы с Норой по-прежнему занимались в лаборатории, но девушка работала уже без прежнего энтузиазма. Раньше Норе доставляло огромную радость заслужить одобрение отца. Теперь всю работу она проделывала механически, как подневольный слуга, работающий за кусок хлеба. Она глубоко страдала. Побледнел ее прекрасный румянец, запали глаза, она заметно похудела. У нее появилась рассеянность. Посуда летела из ее рук, она нередко ошибалась. Профессора Энгельбректа я видел только изредка, но и в нем была заметна перемена. Он как-то осунулся, постарел, лицо его потемнело.

По вечерам, после работы, Нора и я выходили иногда на нашу площадку полюбоваться северным сиянием, подышать «воздушными витаминами», а главное горе, и я был единственный человек, в обществе которого она могла найти моральную поддержку.

Уже несколько дней ветер не бушевал над кратером. Было необычайно тихо.

— Мистер Бэйли, очевидно, решил дать передохнуть воздуху, — как-то пошутил я.

— Да, но этому нечего радоваться, — ответила Нора. — Мы переходим на новый способ сгущения воздуха. Зимой воздух приносит целые тучи снежной пыли. Это затрудняло работу. Снег, удаленный из вентилятора, требовал слишком много места и труда для уборки. Вы видите эту

гору? Это искусственная гора. Она не успевает стаивать за лето. Еще через год здесь был бы целый Монблан. Отец призвал на помощь все силы химии и электричества и нашел новые способы поглощения и разложения воздуха. Увы, процессы переработки воздуха пойдут теперь еще быстрее. И скоро земля начнет задыхаться, как в припадке астмы.

— Нора, бежим отсюда! — вдруг сказал я.

Девушка посмотрела на меня.

— Возьмемся за руки и прыгнем с этой площадки? — шутливо спросила она.

Это уже было похоже на кокетство. Не давая мне ответить, Нора в том же тоне продолжала, глядя вниз:

— Пожалуй, мы и не разбились бы. Мы скатились бы вниз и упали бы в мягкий снег. Потом пошли бы вон туда...

Я внимательно смотрел на путь, указываемый Норой. А ведь в самом деле этим путем можно бежать! Здесь нет трубы. Извилистое ущелье может защитить от ветров, если их поднимет «бог ветров» Бэйли.

— Не шутите, Нора, это прекрасный путь для побега, — высказал я вслух мою мысль. — Немножко высоко... Если вы не решаетесь, я бегу один.

Что-то вроде испуга мелькнуло в глазах Норы.

— И оставите меня одну? Нет, я не пушу вас...

— По приказу его величества мистера Бэйли?

— Я не пушу вас, — продолжала Нора. — Вас могут поймать, как и в первый раз, и тогда вам уже не поможет никакое заступничество. Притом вы не приспособлены для такого путешествия. Ваша жертва будет напрасна. Отважиться на такое путешествие имеет право только один человек, рожденный в этой мертвой пустыне, — какой-нибудь якут, как ваш Никола... В самом деле, почему бы вам не снарядить его? Он прекрасно справится с задачей. И скоро на наши головы полетят снаряды. И мы «умрем, как герои», — сказала она с горькой иронией.

— Наши войска будут предупреждены, и, может быть, нам удастся избежать этой почетной смерти. Вероятно, осажденный мистер Бэйли сдастся, когда убедится, что борьба безнадежна, — постарался я смягчить мрачные перспективы. — Ваше предложение неплохое. Я готов идти на риск, но вы правы: Никола лучше справится с этой задачей.

— А Никола согласится?

— Никола! Вы не знаете его. Это золотой человек. Он столько раз смотрел смерти в глаза, что наш проект ни-сколько не испугает и не удивит его.

У меня стало легче на душе, Нора тоже повеселела. Круг безысходности как будто разомкнулся. Теперь у нас был определенный план. Мы всячески обдумывали его, и это отвлекало Нору от мрачных мыслей.

Встретившись с Николой в нашей комнате, я подозревал его и тихо шепнул:

— Никола, я нашел, откуда можно бежать. Можешь ли ты пробраться в Верхоянск? Я дам тебе теплую одежду, револьвер и мешок с сухарями и вяленным мясом.

— А ты? — спросил тоже тихо Никола.

— Нам нельзя вдвоем. Нас могут поймать. Но если не дойдешь ты, тогда отправлюсь я. Впрочем, если ты не хочешь идти один...

— Засем не хочешь? Мне тут скучно. А засем в Верхоянск?

— Ты передашь письмо. Идешь?

— Ну да, — ответил Никола.

— Но только ты подумай хорошенько, Никола, я не принуждаю тебя. Ведь если тебя поймают, то на этот раз ты не отделаешься так легко. Тебя могут убить.

— Медведь бьет и селовек бьет, — формулировал Никола свой фатализм. — А когда идти, сейсяс?

— Нет, подождем немного. Надо все обдумать и приготовить. Притом скоро начнет выглядывать солнце. Зима на исходе.

— Не надо солнца. Я все вижу. Сильно хосю сейсяс.

С большим трудом мне удалось уговорить Николу от немедленного путешествия. Мы начали готовить Николу к побегу. Теплую доху и сапоги я решил отдать свои. Никола мог «украсть» их у меня. Револьвер мне удалось достать у Норы. Оставалось припасти пищу. Это было труднее всего. Приходилось за обедом незаметно класть в карман кусочки хлеба и сухарей. Никола тоже экономил, но я не позволял ему уменьшать свои порции: он должен был набираться сил.

И Нора откладывала запасы. У нее вдруг появился «волчий аппетит». Скоро сумка, хранимая под моей подушкой,

значительно наполнилась. Еще несколько дней, и Никола мог двинуться в путь.

Надо было, однако, позаботиться и о том, чтобы на меня не пало подозрение. Если Никола не доберется до Верхоянска и погибнет, то отправлюсь я. Мне необходимо было беречь себя на этот случай.

XIV. «ШУТИКИ» МИСТЕРА КЛИМЕНКО

По моему совету Никола за несколько дней до побега начал говорить в кругу товарищей по работе о том, что ему очень наскучило пребывание в подземном городке и что он решил бежать.

— Товарищ Клименко ничего не знает. Если бы он знал, мне попало бы от него, — говорил Никола.

Все отговаривали Николу, пугали страшною карой, но Никола стоял на своем: зверь бьет, человек бьет — все равно. Он не может больше.

Была опасность, что кто-нибудь из посвященных в тайну Николы донесет Бэйли о предстоящем побеге. Но на этот риск пришлось идти. На всякий случай Никола наводил на ложный след. Он говорил, что хочет повторить свою первую попытку: бежать из выводной трубы. Если бы Бэйли и донесли о планах Николы, Бэйли мог быть совершенно спокоен, зная, что эта попытка заранее обречена на неудачу. Таким образом, все как будто было подготовлено.

Наконец настал день, вернее ночь, побега. Я условился с Николой, что он уже в походном снаряжении придет на площадку, когда все уснут.

В условленный час я и Нора стояли на площадке. Ночь была довольно темная. Только бледные полосы, как далекий луч слабого прожектора, бороздили иногда небо.

Время шло, а Никола не являлся. Я уже начал беспокоиться, когда дверь на площадку отворилась и Никола вошел.

— Почему ты так запоздал? — спросил я.

Никола широко улыбнулся.

— Я хитрый, — ответил он. — Я был на работе в трубе и поджидал, когда все уйдут. Потом я посол спина вперед, стоб видела мой такой след.

Недаром Никола был завзятым следопытом. Он знал,

как звери путают следы, сбивая охотника, и он решил воспользоваться этой звериной мудростью, прибавив к ней человеческую хитрость. Идя задом, он проложил свежий след на остатках снега и мусора в трубе, так что при расследовании могло показаться, как будто он прошел по трубе к выходу.

— Ну, желаю успеха! — сказал я с волнением, передавая ему письмо.

— Нисего, — ответил он. И, посмотрев вниз, сказал: — Однако, высоко. Нисего. Внизу мягко. Прощай, товарищ! — он пожал мою руку и кивнул Норе: — Прощай, девушка.

Потом он смело перешагнул через железную ограду балкончика, повисшего над бездной, спустился на руках до края и, провисев в воздухе секунду, разжал пальцы.

Я нагнулся вниз, жадно разглядывая полумрак. Тело Николы, все уменьшалось, летело вниз. Ему нужно было пролететь не менее сорока метров, прежде чем достигнуть снежного откоса.

Вот его ноги коснулись снега, и все тело нырнуло в снежную массу. Я напрягал зрение, но ничего не видел. Никола исчез в снежном сугробе. Быть может, он разбился, потерял сознание?.. Волнистые зелено-розоватые полотна северного сияния заколыхались на небе, осветив снег неверным дрожащим светом. Я разглядел дыру, пробитую в снегу телом Николы, но его по-прежнему не было видно.

— Смотрите, смотрите, вот что-то шевелится внизу... — с волнением сказала Нора.

— Где? Я ничего не вижу. Это вам мерещится.

От вспышек сияния тени двигались, то сгущаясь, то бледнея.

— Да не там! Ниже, гораздо ниже!

Я посмотрел ниже места падения и увидел на расстоянии добрых двух десятков метров от него что-то маленькое, копошащееся в снегу.

— Это рука! — воскликнула Нора, которая видела лучше меня.

Я напрягал зрение и, наконец, убедился в том, что из-под снега действительно виднеется рука Николы. Силою падения он пробил рыхлый, еще не слежавшийся верхний пласт снега, пулею пронзил его на несколько десятков

метров и теперь прорывал дыру, чтобы вылезти наружу. Вот показалась его вторая рука, лохматая шапка. Вот он вылез наполовину. Наклонившись вниз, он, наконец, выбрался совсем и обернулся к нам лицом, взмахнув руками в рукавицах.

Я едва удержал готовый вырваться крик приветствия.

Никола еще раз махнул нам рукою, лег на бок и покатился вниз по пологому склону. Так докатился он до самого дна ущелья, превратившись в едва заметную точку. Затем, барахтаясь и увязая в снегу, он пополз к выходу из ущелья. У него не было лыж — мы не могли их достать, — но он этим не смущался. «Сделаю», — говорил он мне.

Да, Никола не пропадет! Он был приспособлен к суровой жизни «окаянного края», так же как звери, на которых он охотился. Только бы он не попался в руки Бэйли, а с природой и четвероногими врагами он справится.

Свет погас. Мы потеряли из виду Николу, но еще долго смотрели в темную бездну.

— Пора идти. нам нельзя долго оставаться здесь, — сказала Нора.

— Да, идем, — ответил я, отрываясь, наконец, от бездны. — Завтра — день расплаты. Мистер Бэйли, вероятно, призовет меня на допрос... Нора, я хочу обратиться к вам с просьбой. Нет ли у вас второго револьвера?

— Зачем он вам?

— Если Бэйли признает меня виновным в побеге Николы, я... всажу в мистера Бэйли пулю.

Нора задумалась.

— Не знаю... У меня нет другого револьвера. Может быть, у отца. Если я сумею достать, то завтра принесу вам. Приходите пораньше в лабораторию.

Я с благодарностью пожал ее руку. Да, Нора имела характер. Она не побоялась стать соучастницей побега, не боится помочь и в замышляемом мною убийстве.

Я плохо спал. Около двух часов ночи, когда я только что задремал, в дверь громко постучались. Поспешно одеваясь, я спросил, кто стучит.

Я услышал голос Уильяма. «Так! Бэйли все уже известно, и он зовет меня на допрос», — решил я и открыл дверь. Вошел Уильям в сопровождении двух вооруженных людей. Я невольно обратил внимание на их лица — энергичные и

породистые. Два «джентельмена» подошли ко мне и тщательно обыскали. В этот момент я порадовался, что не успел получить от Норы револьвер. Затем Уильям и молодые люди тщательно и со знанием своего дела обыскали всю мою комнату. К счастью, в ней не было ничего компрометирующего меня. Покончив с обыском, «джентельмены» повели меня в кабинет Бэйли.

Он встретил меня бурей негодования.

— Это опять ваши шутики! — закричал он, грозно потрясая кулаками. — Вы не можете примириться с тем, что я торгую с Марсом и нарушаю ваш внешторг? О да, мистер Бэйли преступник! Его надо судить Верховным Судом! Скажите, пожалуйста! Мистер Бэйли лишит воздуха русских рабочих, и воздух будут выдавать только по карточкам, в кооперативах, членам профсоюза? Ха-ха-ха! Не так ли? Английские интриги империалистов? О, я знаю, что вы думаете. А я думаю, что вам придется занять ваше место в пантеоне. Пьедестал давно ждет вас.

Я уже был готов к этому нападению и потому хорошо играл свою роль. Выждав, когда Бэйли замолчал, я со спокойным видом, но с «искренним» удивлением спросил его:

— В чем дело, мистер Бэйли? Я не понимаю вас. Мне кажется, я не заслужил упреков. Я усердно работаю в лаборатории и ни в чем не провинился.

— Ложь! Вы все прекрасно знаете. Где Никола?

— Не знаю. Сегодня он не ночевал со мною. Я думал, что он на работе или в чем-нибудь провинился и его отправили в карцер.

— Ложь! Ложь! — закричал Бэйли. — Это ваши шутики! Позвать рабочих, которые были с Николой!

Рабочие явились. Якуты подтвердили, что Никола уже несколько дней назад говорил о побеге, стосковавшись по свободной жизни. Никола говорил, что боится говорить Клименко об этом, что Клименко рассердится. Только они не верили, что он серьезно думает бежать, поэтому и не донесли.

Эти показания несколько охладили гнев Бэйли. Моя непричастность к делу устанавливалась целым рядом свидетельских показаний.

— Я не верю вам и не верю им, — сказал Бэйли. — Одна шайка! Вы покрываете друг друга.

И вдруг, изобразив беспристрастного судью, он неожиданно для меня закончил:

— Но я не могу судить вас без улик. Расследование будет продолжаться. А пока вы остаетесь в подозрении. Идите.

Я вернулся к себе, радуясь, что все обошлось так благополучно. Только бы им не пришлось в голову осмотреть долину. Но хитрость Никола с обратными следами должна направить розыски на ложный путь.

Утром, когда я пришел в лабораторию, Нора шепнула:

— Я не нашла револьвера.

— Тем лучше, — ответил я. — Мистера Бэйли не так-то легко убить. Я уже был на допросе.

И я рассказал Норе о ночных событиях. Она выслушала мое сообщение с большим вниманием.

— Только бы не нашли следов в долине, — закончил я свой рассказ.

— Не беспокойтесь, — ответила она. — Рано утром я была на площадке. Снежный буран скрыл следы. Боюсь только, как бы этот буран не скрыл навсегда самого Никола...

— Никола не пропадет, — успокоил я ее. — Он отлежится. И будет спать в снегу, как в колыбели.

В этот же день вечером ко мне пришел мистер Люк со свертком под мышкой.

— Что это у вас? Новые шахматы? — спросил я его.

— Здесь шахматы и еще кое-что, — ответил он, раскрывая сверток. — Вот это радиоприемник. Я сам сделал его для вас. Мистер Бэйли распорядился, чтобы вы больше не ходили ко мне на радиостанцию. А я знаю, что вы очень любите слушать ваш «Коминтерн». И я решил вам сделать маленький подарок. Вам будет не так скучно.

Я готов был расцеловать Люка за его «маленький подарок». Люк не подозревал, какую огромную услугу оказывал он мне. В награду за это в тот вечер мистер Люк два раза дал мне мат.

Затем он собственноручно установил радиоприемник, испытал его и сказал:

— Слушайте вашу Москву.

Пожелав мне спокойной ночи, он ушел, а я с жадностью начал слушать.

XV. МИР ЗАДЫХАЕТСЯ

Недели шли за неделями. Я продолжал оставаться на подозрении у мистера Бэйли, но он не трогал меня. По-видимому, он начал убеждаться в моей невинности. Понемногу я перестал беспокоиться за себя. Зато радиовести очень огорчали меня. Недостаток воздуха ощущался все сильнее. Уменьшение атмосферного давления замечали уже не только ученые, но и рядовые граждане.

Прежде всего разреженность воздуха почувствовали жители горных местностей, и многие из них вынуждены были спускаться в долины. А в долинах недостаток воздуха сказался на больных. Астматики начали умирать во время припадков; туберкулезные задыхались, усиленно дышали, усоря этим процесс и вызывая кровоизлияния.

Машины, работа которых была рассчитана на обычное атмосферное давление, отказывались служить. Аэроплан-ные моторы давали перебои даже на незначительной высоте. Поршни и насосы машин капризничали. Все это расстраивало производство и транспорт.

В довершение несчастий наступили сильные холода, сопровождаемые бурями, причем бури эти носили странный характер. Смерчевые вихри носились, как вестники смерти. Как будто чья-то злая рука спешила лишить Землю ее атмосферы, сворачивала воздушные струи в «жгуты» и бросала их за облака. А оттуда, с надзвездных высот, спускались на Землю ледяные потоки холода. Земля остывала. Лишенная значительного слоя своей толстой атмосферной шубы, Земля начала усиленно отдавать мировому пространству свое внутреннее тепло.

Катастрофа наступала скорее, чем можно было ожидать, судя по огромным запасам воздушного «сырья».

Я спросил у Норы, чем объясняет ее отец наступление всех этих грозных явлений. Нора ответила, что для ее отца и мистера Бэйли все это явилось, по-видимому, некоторой неожиданностью.

— Отец даже хотел с вами посоветоваться, — сказала

Нора. — Ведь это больше относится к вашей специальности.

И я удостоился чести быть приглашенным к Энгельбректу. На совещании присутствовал и Бэйли. Он нисколько не был огорчен происходящим в мире, скорее наоборот: продавец воздуха находился в приятном возбуждении, как игрок, уверенный в своих картах.

Совещание наше длилось довольно долго. Мы делали различные подсчеты и пришли к выводу, что воздух, переработанный в подземном городке, составляет еще слишком небольшую часть атмосферы, и убыль его из общей массы окружающего Землю воздуха не могла непосредственно вызвать столь катастрофических явлений.

— Но в чем же дело? — спросил Бэйли, поглядывая на меня и Энгельбректа.

Наконец-то я мог уравнивать наше положение! Мистер Бэйли нуждается в моем мнении! Я напустил на себя самый глубокомысленный вид и высказал свое мнение:

— Вентиляторы мистера Бэйли изменили обычные направления ветра, вследствие чего на земном шаре изменилось и «натяжение» атмосферной оболочки: воздух уплотнился там, где обычные воздушные течения совпали с искусственно созданным направлением, и разрежился в местах, где раньше существовали противоположные воздушные течения. Вследствие этого увеличилась разница между максимумом и минимумом атмосферного давления. Циклоническая деятельность усилилась. Сталкивающиеся циклоны стали увлекать воздушные вихри вверх, выше области их обычного влияния. Таким образом, нарушилась обычная циркуляция воздуха не только по горизонтали, но и по вертикали...

Я видел, что Бэйли и Энгельбрект слушали мое объяснение с напряженным вниманием.

— Возможно, что эта картина и не совсем точно соответствует действительности, — закончил я, — но в основном, я думаю, мое предположение верно. Основная же моя мысль заключается в том, что вентиляторы мистера Бэйли, нарушив обычную циркуляцию воздуха, явились толчком к тому, чтобы в игре приняли участие стихийные силы... Вы, мистер Бэйли, похожи на доктора Фауста, который вызвал «духа Земли», но не мог с ним справиться.

Сравнение с Фаустом было принято Бэйли благосклонно. Он усмехнулся и сказал:

— Фауст был совершенно непрактичным человеком. Пусть «Духи Воздуха» играют на свободе. Все дело в том, чтобы использовать эту игру наиболее выгодным для себя способом.

На этом наше заседание закончилось.

А радио приносило все новые вести. Перед лицом ужасной катастрофы борьба за существование обострилась. Если не выжить, то пережить других должны были сильнейшие. А сильнейшими в мире капитализма были, конечно, капиталисты.

Снабдил ли их сам Бэйли «воздушными консервами», начали ли богачи самостоятельно добывать жидкий воздух, чтобы не умереть от воздушного голода, как бы то ни было, но в руках капиталистов оказалась эта новая, самая дорогая валюта. Жидкий воздух победоносно выступил на рынок, заставив пасть перед собою ниц все другие ценности. Жидкий воздух продавался в особой упаковке, гарантирующей от взрыва и испарения.

На новую валюту богачи начали скупать продукты питания и всевозможнейшие консервы. Охлажденная Земля, по-видимому, не могла больше рождать плодов и злаков. Сельское хозяйство и животноводство должны были погибнуть. Больше всех мог прожить тот, кто собрал наибольшие запасы питания, воды, воздуха и тепла. Надземное строительство прекращалось. Кое-где люди начали уже зарываться в землю, как кроты. Там было теплее: внизу, в герметически закрытых квартирах, можно было свободно дышать, постепенно используя запасы жидкого воздуха.

Удивительно, до чего быстро разворачивались события там, вдали от нашего городка!..

Вся эта лихорадка эгоистических мер самосохранения протекла на глазах рабочих, которые во многих местах начали уже волноваться. Ссылаясь на то, что ветер со всех концов земного шара тянул в ледяные пустыни Сибири, буржуазная, а за нею и соглашательская печать убеждали, что ужасная катастрофа, постигшая мир, была делом московских коммунистов, которые решили таким путем «поставить на колени» мир.

Безумие охватило весь мир. Европа и Америка лихорадочно вооружились для войны с «извергами человечества».

А капиталисты продолжали свою политику. Рабочие отказывались получать деньги, все более обесценивавшиеся, и требовали «воздушной платы». Капиталисты вынуждены были пойти на эту уступку, однако они установили чрезвычайно низкую норму: жидкий воздух отпускался в особых «термических» баллонах с таким расчетом, чтобы рабочие не могли делать запасов. Так как воздуха во многих местах (особенно в Западной Европе, Африке и Америке) уже не хватало, то рабочим ничего больше не оставалось, как работать за право дышать. В продаже появились маски, подобные противогазовым, и в этих масках появилось все больше людей в общественных местах. Но так как маски не были снабжены радиостанциями, как скафандры нашего подземного городка, то люди могли изъясняться только жестами.

«Это и к лучшему, — откровенно говорили фашисты, — меньше будет агитации». Впрочем, люди состоятельных слоев обзавелись портативными радиотелефонами. Ими же была снабжена полиция.

Но агитаторы все же умудрялись вести пропаганду при помощи листовок. Классовая борьба резко обострилась и как-то сразу обнажилась. Напряжение дошло до крайних пределов. В разных местах вспыхивали «воздушные бунты»; толпа нападала на склады жидкого воздуха и громила их. На улицах уже пролилась кровь.

Я не спал ночи напролет, слушая радио. Было от чего прийти в отчаяние. Даже мистер Люк потерял свою обычную беспечность. Он по привычке заходил ко мне после дежурства, но без шахмат.

— Скверные дела, — начал он ворчать. — Что толку в деньгах, которые я скопил у мистера Бэйли? Деньги ничего не стоят. Положим, за баллон, даже за бутылку жидкого воздуха я могу купить себе хорошенький домик. Но зачем теперь мне этот домик? Земля задыхается...

— Кто же в этом виноват? — раздраженно спросил я.

— Паникеры и спекулянты, — ответил он.

— А паника из-за чего?

— Из-за глупости. Хватило бы на наш век воздуха. Мистер Бэйли всего не сожрал бы.

Нет, Люка не привлечешь на свою сторону. Даже перед лицом мирового несчастья он остался все тем же: домик и собственное благополучие у него по-прежнему были на первом плане. Люк начал действовать мне на нервы. Я делал вид, что у меня болит голова или много работы, и старался скорее отделаться от него, чтобы засесть за свой радиоприемник.

Нервы мои совсем расшатались. Работа валилась из рук. Нора также чувствовала себя плохо. От ее прекрасного румянца не осталось и следа. Бледная, похудевшая, сидела она, устремив глаза в одну точку.

— Все гибнет, — тихо шептала она. — Мы дышим здесь чистым, насыщенным кислородом воздухом, а там — гибнут люди, задыхаются дети... И никто из них не знает о причине...

Пришел день, когда я решился ответить ей, как должен был, может быть, ответить давно.

— Они узнают, — сказал я. — Никола погиб, это очевидно. Сегодня ночью я отправлюсь в путь... Мистер Бэйли занят своими американскими «конкурентами» и новой перестройкой, надзор ослаблен, и, я думаю, мне удастся бежать...

Нора повернула ко мне лицо и, как сомнамбула, беззвучно сказала:

— Вы тоже погибнете, как Никола. — И в ее лице было выражение безнадежности, почти равнодушия.

— Пускай погибну. Лучше смерть, чем это ужасное бездействие в то время, когда тысячи людей близки к гибели.

— Да, лучше смерть, чем это... — так же беззвучно проговорила Нора.

В этот день она рассталась со мной без обычной улыбки. С каждым днем ее улыбка бледнела, делалась все более печальной и теперь, угасла, как и ее румянец.

— Прощайте, — сказал я, протягивая ей руку.

— Прощайте, — ответила она.

— Вы... придете провожать меня? На площадку?

— Приду, — ответила она. — Куда? На площадку? Ах да, да... — и она опять поникла головой.

XVI. ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

Я оставил девушку и тихо вышел из лаборатории.

Вернувшись в свою комнату, я устало опустился на стул. Я чувствовал себя опустошенным. Обрывки мыслей пронеслись в голове. Никола погиб. Мир гибнет. Гибнет Нора... она скоро сойдет с ума...

Машинально, по привычке, я надел наушники радио.

Говорил «Коминтерн»... Нет музыки, нет веселых песен... Беспрерывная информация о Земле, которая задыхается. У нас, правда, не так, как за рубежом... Нет звериной борьбы за последний глоток воздуха. Правительство делает все, чтобы уменьшить панику и спасти население. Но что можно сделать!..

Положение разбросанного по деревням крестьянства особенно тяжелое. Неужели гибель?..

Я уже хотел положить трубку, как вдруг услышал весть, от которой у меня захватило дыхание.

«...Больше бодрости, товарищи! Правительством сегодня получено чрезвычайно важное сообщение, которое в корне может изменить положение...»

И, повысив голос, диктор отчетливо сказал:

«Алло! Алло! Ноздря Ай-Тойона! Есть! — Потом своим обыкновенным голосом диктор добавил: — Вам, товарищи, непонятно это обращение, но скоро вы все узнаете о ноздре Ай-Тойона и вздохнете — в буквальном смысле слова — вздохнете с облегчением».

Первый вздохнул с облегчением я.

«Ноздря Ай-Тойона. Есть!»

Это были условные слова, которые я просил мне сообщить по радио, если удастся Николе передать письмо моему заместителю Ширяеву.

А Ширяев должен был передать мой доклад в Москву. Итак, Никола жив, и правительство знает все о подземном городке мистера Бэйли!

Я быстро оделся и побежал на площадку. Норы еще не было.

Небо пело огнями. И мне казалось, что эта песнь была уже не такая холодная, чуждая Земле.

Мне самому захотелось петь, кричать.

И я вдруг запел, впервые за долгое время моего заключения:

*За благом вслед идут печали,
Печаль же ра-адости залог...*

— Вы с ума сошли! — услышал я за собою голос Норы. — Вас могут услышать. Петь на морозе?! Вы простудите горло.

— Да, я сошел с ума! Пусть услышат. Пусть простужу горло. Никола жив! «Ноздря Ай-Тойона есть! Есть!»...

— Что с вами, Георгий? — впервые назвала меня Нора по имени.

Я вдруг схватил ее, поднял на воздух и закружил по площадке.

— Сумасшедший! Пустите меня и расскажите, в чем дело.

— Ух, слушайте! Все прескрасно. Я получил весть по радио. Никола жив! Он отнес мое письмо по назначению. Мы должны ждать скорого наступления событий. Пленный воздух скоро будет освобожден. И мы с вами скоро взлетим на воздух! Но это ничего. Постарася бежать в последнюю минуту, когда над нами зарекут бомбовозы. О, это будет великолепный день!

— Георгий, неужели это правда? — воскликнула она, и румянец вновь показался на ее щеках.

Ее радость была не меньше моей. Однако скоро сияющее лицо девушки омрачилось. Я уже мог безошибочно читать все оттенки выражения этого лица. Она опять думала об отце. Его поведение все еще оставалось для нее мрачной загадкой. Потом мысли Норы приняли другое направление.

— Вам пока не надо отправляться в опасное путешествие, — сказала она. — Это хорошо. Но вообще радоваться нам еще преждевременно. Мистера Бэйли не так-то легко победить. Он будет защищаться до последней крайности. Он страшный противник.

— Пустяки! — крикнул я. — Не может один человек устоять против сил всего государства, против мира.

— Как знать? — ответила Нора. — Вы не можете вообразить, какими страшными орудиями разрушения обладает мистер Бэйли.

— Но по крайней мере это будет борьба, а не безропотное подыхание. И потом... у мистера Бэйли есть «внутрен-

ние враги». Правда, их немного, но они могут быть опаснее вражеских армий.

— Этих внутренних врагов только двое: вы и я, — сказала Нора. — Но вы правы. Они могут сделать много. О, если бы и мой отец!.. — Она опустила голову

Потом вдруг выпрямилась и решительно сказала:

— Настанет минута, и я поставлю отцу прямой вопрос: друг он или враг...

Ледяной ветер вдруг потянул снизу. Из кратера послышалось гудение.

— Вентилятор опять заработал, — сказала Нора. — Мистер Бэйли спешит переработать остатки воздушного сырья. Холодно... Идем...

В этот вечер я простился с Норой, унося с собою воспоминание о ее улыбке, как будто я увидел солнце после долгой зимы.

И опять я уселся за радиоприемник.

«Коминтерн» передавал последнее правительственное сообщение.

Начальнику экспедиции Ширяеву удалось установить центр направления ветров. Правительство снаряжает новую экспедицию для полного выяснения причин необычайного поглощения воздуха на такой-то широте и сто тридцать пятом градусе восточной долготы.

Я улыбнулся, выслушав это сообщение. Я знал, что Ширяев никуда не двигался из Верхоянска. Честь открытия «точки поглощения воздуха» была приписана ему по моему совету, чтобы отвести от меня подозрение мистера Бэйли, которому, конечно, будет передана эта важная радиотелефонограмма. Я представлял, как взбесится мистер Бэйли, узнав, что местоположение его подземного городка уже открыто. Это должно показаться ему тем более правдоподобным, что его мощные вентиляторы некоторое время бездействовали, и работники экспедиции могли довольно близко быть подойти к кратеру без риска быть втянутыми воздушным потоком.

Как обычно, наше правительство действовало быстро и решительно. К сожалению, я ничего не мог сообщить Реввоенсовету о вооруженных силах мистера Бэйли: это для меня оставалось тайной. Мне удалось только узнать, что население городка не превышает пятисот человек. Меня

сначала удивляло такое небольшое количество рабочих и служащих. Но у мистера Бэйли все было механизировано и рационализировано до последней возможности.

Пятьсот человек против целой армии — ничтожная горсточка! Но какие машины истребления пустят в ход эти люди? Я мог только предупредить наших бойцов, что борьба предстоит трудная и надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

Так или иначе, развязки ждать недолго. Карты сданы, игра начата...

* * *

Мистер Бэйли приказом объявил городок на военном положении. «Гарнизон» готовился к осаде. На гребне кратера появились сторожевые вышки с установленными на них радиоушами, улавливавшими звуки. В склонах с внешней стороны кратера открылись люки, о существовании которых я не знал, и иллюминаторы с толстыми стеклами. Грозные дула пушек выглядывали из отверстий люков. Как будто облегчая путь врагу, гигантские вентиляторы опять бездействовали.

Приближалась весна. Стояла тихая, безветренная погода. Солнце после зимней спячки начало выглядывать из-за горизонта, освещая снежные вершины гор багровым светом.

Настали дни напряженного ожидания. Но в городке не чувствовалось особого оживления. Он казался таким же безлюдным и мертвым, как всегда. Работы в лабораториях не прекращались. Но, по-видимому, лаборатории и мастерские работали теперь «на оборону». Беспрерывно сновали подъемники, доставляя снаряды на скрытые батареи. Машины заменяли целые армии людей.

Я и Нора по-прежнему занимались в нашей лаборатории, превращая длинные столбцы формул профессора Энгельбректа в новые способы обработки и переработки нашего воздушного «сырья». Мы проделывали ряд опытов, не зная их конечного синтеза, их результатов и целей. Это очень заботило Нору. Быть может, мы способствовали изготовлению новых способов истребления человечества? На вопросы Норы отец не отвечал ничего определенного.

Вечерами мы с Норой выходили и наблюдали пустынное

небо. Летучих вестников не было (я был убежден, что новая экспедиция появится на крыльях). Главные Воздушные Силы СССР находились далеко от нас, и я высчитывал, как скоро они могут быть сюда переброшены. По моим расчетам, должно было пройти еще несколько дней, прежде чем аэропланы зареют над нашими головами, неся нам смерть, но человечеству освобождение...

— Смотрите, как будто у орудий появились люди, — сказала в один из этих томительных вечеров Нора.

Я посмотрел на темные люки и увидел движущиеся тени. Очевидно, радиоуши уловили приближение аэропланов, и защитники городка готовились к воздушной атаке.

Мы с волнением ожидали, что будет дальше. Кругом все было тихо. Солнце зашло за горизонт, и только ущербленная луна тускло освещала дикий пейзаж, расстилавшийся у наших ног. Было холодно, но мы не уходили.

Прошло не менее часа. И вдруг яркий свет ослепил нас. Десяток огромных прожекторов вспыхнул кольцом вокруг кратера, далеко освещая окрестности. Из полярной ночи мы как будто перенеслись в сияющий тропический полдень. Когда глаза привыкли к свету, мы увидели на горизонте несколько серебристых стрекоз. В то же время уши наши уловили едва заметный рокот моторов.

— Летят, — в волнении сказала Нора.

— Да, — тихо ответил я, следя за тем, как далеко на западе маленькие стрекозы превращались в ласточек, ласточки в соколов... Все ближе, ближе... Раз, два, три, четыре... пять, шесть... семь, восемь, девять, десять... Целая стая, расположенная журавлиным строем!

— А вот еще там, смотрите! — воскликнула Нора.

С юга приближалась такая же эскадрилья.

— И с севера!..

Рокот моторов уже наполнял собою воздух, отдавался в долинах, возвращался эхом. Западная эскадрилья продолжала лететь по прямому направлению на кратер, а северная и южная медленно загибали на восток, так, чтобы пройти над городком, сбрасывая бомбы, следом за первой эскадрильей...

— Скоро от нас ничего не останется! — сказала Нора. Я вспомнил о нашем плане побега, но продолжал стоять и смотреть как прикованный.

Аэропланы уже настолько приблизились, что при ярком свете прожекторов я мог различить красные звезды на нижней стороне крыльев.

— Странно, — сказала Нора. — У мистера Бэйли должны быть дальнобойные пушки. Аэропланы уже на расстоянии выстрела, почему же городок молчит?

— Вам хочется скорее видеть подстреленными этих птиц? — шутил я.

— Я скорее хочу видеть развязку... так же как и вы.

Да, это была правда. Я сам был во власти нервного нетерпения — узнать неотвратимое, увидеть скорее силу оружия мистера Бэйли. И ждать нам пришлось недолго. Люди на батареях засуетились, затем я заметил движения, сопутствующие выстрелам из орудий. Но я не услышал никакого звука.

— Это пневматические пушки, и стреляют они воздушными бомбами, — пояснила Нора.

— Воздушные бомбы? Что это? — спросил я, напрягая зрение, чтобы не пропустить момента, когда снаряды достигнут аэропланы.

Но действие воздушных бомб оказалось иное.

— Смотрите не вверх, а вниз, — сказала Нора.

Я посмотрел вниз и увидел, как по белой поверхности снега вздымается снежная пыль.

— И только-то!.. — Я готов был улыбнуться.

Но что это? Снег как будто закипел в месте падения бомб. Поднялись огромные клубы пара, и вдруг со страшным рвом, свистом, шумом от земли поднялись смерчи. Снежный виток столба взлетел, казалось, до самого неба, начал быстро расширяться, расти, в то же время распыляясь и превращаясь в бешенную снежную пургу. Бэйли поднял снежную бурю! Я посмотрел на аэропланы. Белая пелена приближалась к ним с необычайной скоростью. Вот головной аэроплан вдруг встал на дыбы, завертелся и полетел назад, как кусок бумаги, гонимый самумом.

Второй, третий... Не прошло нескольких секунд, как вся воздушная стая закружилась в воздухе, подобно осенним листьям, сорванным с дерева ураганом.

Серая мгла затянула небо.

Когда она постепенно рассеялась, небо было так же пустынно, как всегда. Месяц зацепился острым краем за

пик скалы, будто он боялся разделить судьбу аэропланов, и уныло смотрел на мертвые склоны...

Я стоял пораженный, тяжело дыша. Меня била лихорадка. Нора прислонилась к стене и, бледная, смотрела расширенными глазами туда, где за несколько минут перед тем гордо реяли остальные птицы. Потом она тяжело вздохнула. В ее словах была знакомая безнадежность:

— Трудно бороться с мистером Бэйли... Вот результат...

— Это не конец, это начало! — сказал я, но, признаюсь, в эту минуту сомнение в успехе вползало в мои мысли. — Посмотрим, что будет дальше.

— Дальше нечего смотреть, — ответила Нора. — Нужно быть безумным, чтобы решиться на вторичную атаку.

Нора была права: атака не возобновлялась. Надо было время, чтобы оправиться от удара и учесть опыт первого сражения.

Но мы продолжали стоять, глядя на запад...

XVII. «ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ВЗРЫВ»

На другой же день после первого наступления самолетов Красной Армии атака возобновилась. Мы с Норой сидели в лаборатории, когда услышали тревожный сигнал. Взглянув друг на друга, мы по молчаливому согласию разом бросили наши пробирки, быстро оделись и поднялись на балкон.

Было двенадцать часов дня. Серая пелена облаков покрывала небо. Высоко над нами слабо гудел один аэроплан. Но его не было видно. Я понял тактику наших летчиков: забрать большую высоту и лететь под прикрытием ниже лежащих облаков. Наше командование, очевидно, решило не бросать больших сил, а действовать одиночными налетами. Это была вполне разумная тактика в данных условиях. Но, увы, и она не достигла цели.

Мистер Бэйли был поистине повелителем бурь. Прежде чем аэроплан достиг зенита, пришли в действие гигантские вентиляторы, путившие в небо мощный столб воздуха. Этот воздушный таран пробил дыру в облаках, которые быстро рассеялись. Выглянуло голубое небо... А аэроплан? Мы так и не видели его. Среди рева поднявшейся бури я уловил несколько захлебывающихся перебойных звуков мотора, как прерывающийся предсмертный клекот ранено-

го орла. Ветер отбросил самолет вместе с тучами далеко в сторону...

В тот же день я узнал по радио результаты первых боев. Если только число жертв не было скрыто «по стратегическим соображениям», что утверждал Бэйли, — потери нашего воздушного флота были не так велики, как я боялся: три летчика были убиты, шесть ранены, два аэроплана разбиты. Большинству же воздушных машин удалось выровняться, но их отнесло на несколько верст. Несмотря на эти потери, дух наступающих не был сломлен. Правительство объявило, что не прекратит борьбы, пока враг не будет уничтожен.

— Посмотрим, кто кого уничтожит! — высокомерно говорил Бэйли. — Они еще не кушали всех моих гостинцев.

В течение нескольких следующих дней воздушные атаки продолжались, но с тем же результатом. Усилители звуков задолго предупреждали о появлении самолетов, несмотря на применение глушителей, почти уничтожавших шум моторов. Всякий раз аэропланы отбрасывало далеко назад. «Ноздря Ай-Тойона» уже сделалась известной всему миру. Она усиленно выпускала воздух и теперь совсем не втягивала его в себя (чтобы вместе с аэропланом не втянуть и бомбы, которые могли бы разорваться в вентиляторе).

Наконец наши летчики, по-видимому, убедились в невозможности атаковать город с воздуха. Воздушные атаки прекратились.

— Поумнели, — сказал Бэйли. — Жалко только воздуха, столько пришлось выпустить его. Но война не бывает без потерь; я опять вберу мой воздух к себе. Они еще придут ко мне, на коленях приползут! И будут вымаливать маленький глоточек!..

Опять потянулись дни тревожного ожидания. Сторожевые стояли на своих наблюдательных вышках, напоминая о войне, но в городке жизнь шла своим чередом.

Через несколько недель это затишье было нарушено звуками далекой канонады. Похоже было на артиллерийскую стрельбу, но разрывов я не слышал. Это случилось ночью перед утром. Я быстро оделся и вышел в коридор. Там я неожиданно столкнулся с Бэйли.

— Ваши товарищи не унимаются, — сказал он злобно. — Они подвезли дальнобойные пушки и хотят разгро-

мать городок. Глупцы! Они не понимают, что этим только ускорят смерть всего мира. Теперь нет нужды скрывать вашего присутствия у меня. Идемте со мной на радиостанцию, вы мне нужны.

— Отправьте радиотелеграмму, — сказал Бэйли Люку, когда мы вошли к нему.

Люк сел к передатчику. Бэйли начал диктовать:

— «Командующему армией. Прекратите немедленно бомбардировку. Если хоть один снаряд попадет в подземный городок мистера Бэйли, то произойдет мировая катастрофа. В городке находятся огромные запасы жидкого водорода. При истечении водорода и воспламенении его произойдет соединение, несмотря на весьма низкую температуру жидкого воздуха, произведет гремучий газ с колоссальным жаром пламени вследствие сильной концентрации кислорода в жидком воздухе. Развившаяся теплота в одно мгновение превратит весь жидкий воздух в газообразный. Произойдет взрыв небывалой силы. Поднявшийся ураган сметет с лица земли города и селения. Разразится неслыханная в истории человечества катастрофа. Калименко».

— Вы хотите, чтобы эта радиотелеграмма шла от меня? — удивленно спросил я.

— Да, от вас. А вы сами разве не хотите предупредить страшную катастрофу? Вам они скорее поверят, чем мне. Я не лгу. Вы сами видели жидкий водород, озера жидкого воздуха и груды воздушных шариков. Наконец, если не верите мне, можете спросить у профессора Энгельбректа.

«Неужели Энгельбрект на стороне Бэйли?» — мелькнула у меня мысль.

— Я не могу послать такой радиотелеграммы, — отвечал я.

— Почему?

— Потому что я не верю только тому, что видел глазами. Действие воздушных шариков мне неизвестно.

— Ах, вот как! Вы не верите мне? Ну хорошо, я представлю вам случай убедиться. Это мне будет стоить недорого, но вашим товарищам обойдется еще дороже.

И, обратившись к Люку, он добавил:

— А телеграмму вы все-таки пошлите от имени Калименко. Обойдемся и без его согласия!

— Но я протестую!

— Сколько хотите... Идемте отсюда.

Я стоял не двигаясь.

— Хотите, чтобы я арестовал вас?

Я был в его руках. Арест ничему не помог бы, а я еще могу причинить Бэйли вред, если останусь на свободе. Пришлось повиноваться.

Телеграмма была отправлена и принята. Некоторое время пушки молчали: вероятно, командование сносилось с Москвой. Но на другой день пушки вновь загремели. Один снаряд взорвался у подошвы кратера. Бэйли решил, что рисковать больше нельзя, и отдал распоряжение «дать наглядный урок». Снова была отправлена радиотелеграмма, предупреждавшая на этот раз, что мистер Бэйли «разрядит» одну миллионную часть запасов своего воздушного оружия, чтобы убедить врага и весь мир, какое действие должен произвести взрыв всего городка.

На западный склон кратера выкатили несколько бочек, наполненных безобидными на вид блестящими шариками. Все люки были плотно закрыты. Бэйли пригласил меня и Нору наблюдать за действием взрыва из небольшого оконца, проделанного в скале, недалеко от ее вершины. В оконце было вделано стекло толщиной в пять сантиметров.

— Ну, полюбуйтеся сами, — сказал он, — как действуют мои шарики.

— Пока они спокойно лежат, несмотря на то, что в воздухе температура всего двенадцать градусов ниже нуля, а атмосферное давление даже ниже обычного.

— А вы хотите, чтобы шарики взорвались моментально? Тогда нам не удалось бы их вынести наружу. Энгельбректом изобретен состав, замедляющий испаряемость и взрыв. Подождите немного...

— Но если так, почему же этим предохранительным составом вы не осумкуете все шарики?

— Никакой состав не поможет против жара, развиваемого взрывом артиллерийского снаряда. Вот смотрите, начинается!..

Действительно, я увидел, что шарики, лежавшие сверху, начали как будто куриться. Вскоре бочки покрылись облаком пара. Это облако выросло с необычайной быстротой, затягивая все пространство перед нашими глазами.

— Это еще не взрыв, — сказал Бэйли. — Это только

испарение предохранительной оболочки. А вот... — Но он не успел договорить.

Что-то треснуло, ухнуло, и я потерял сознание.

...Когда я открыл глаза, то увидел над собой небо, на котором тучи вертелись и рвались, как в бешеном водовороте. От внешней стены нашего помещения не осталось и следа. Весь верх также снесло, причем порыв урагана был так велик, что на нас, к нашему счастью, не упало ни одного камня, — они были унесены, как солома. Рядом со мной лежала Нора, а у задней стены — Бэйли с разбитой головой. Под ним расплзлась лужа крови.

Я посмотрел на горную долину и не узнал ее. От леса не осталось и следа. Деревья были вырваны с корнем и унесены неведомо куда. Горные пики и даже целые вершины сорваны. Прямо передо мною между горами открылась новая долина, за которой виднелась безбрежная снежная пустыня... Там еще бушевал ветер, но вокруг нас было относительно тихо.

Я попытался сесть. Все мое тело болело и ныло гораздо сильнее, чем в тот день, когда меня втянул вентилятор. Я еще раз посмотрел на Бэйли. Рот его был полуоткрыт, глаза остекленели. Он был мертв. Тем лучше!.. Он сам приготовил себе смерть.

Я наклонился над Норой и начал приводить ее в чувство. Она была невредима, но лежала в глубоком обмороке. Мне пришлось немало повозиться с ней. Искусственное дыхание не возвращало ее к жизни. Я был на грани отчаяния, когда вспомнил о способе восстанавливать биение сердца частым постукиванием кулака в области сердца. Это помогло. Пульс усилился, и Нора, наконец, открыла глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Благодарю вас, сносно. Где мистер Бэйли?

— Убит, — ответил я, не скрывая своей радости.

Но в этот момент я услышал за собою хрип. Вслед за этим Бэйли глухо проговорил:

— Черт возьми!.. Я, кажется перестарался.

Он задвинул руками по полу.

— Я не могу поднять головы, — так же глухо продолжал он. — Помогите мне.

Я подполз к Бэйли и усадил его, прислонив к стенке. Голова его свесилась набок.

— Давление пятьдесят тысяч атмосфер... Главная волна должна была идти в сторону нагрева... Нагреватель был поставлен на запад. А между тем такая контузия... — бормотал Бэйли, разбираясь в своей ошибке. Потом он застонал и закрыл глаза.

Одна мысль вдруг молнией пронеслась в моем мозгу. Мистер Бэйли был в моих руках! Если я его... Никто не узнает!.. Я поднял большой осколок камня и уже занес над головой Бэйли. Нора внезапно схватила мою руку и отвела в сторону.

— Как вам не стыдно... убивать раненого, больного, незащитного человека? — шептала она.

Я смутился. Камень выпал из моей руки.

— Но разве вы сами...

— А? Что?.. О чем вы шепчетесь? — спросил мистер Бэйли, приоткрыв правый глаз.

— Вас нужно отнести в комнату, я сейчас позову людей, — сказала Нора, потирая свои щеки, побелевшие от холода. — Мистер Клименко, позовите кого-нибудь на помощь.

Я колебался. Но в этот момент сквозь разломанную дверь пролез Уильям. Одежда его была порвана, лицо в синяках и ссадинах. Видимо, ему также досталось от взрыва. Следом за ним явились двое слуг. Они взяли Бэйли на руки и, с большим трудом просунув его тело в развороченную дверь, унесли.

Нора смотрела на картину разрушения.

— Какой ужас! — сказала она.

— Вы скоро раскаетесь в вашей милосердии.

— Может быть, но иначе я не могла, — ответила девушка. — Это было сильнее меня.

XVIII. БЭЙЛИ СНИМАЕТ МАСКУ

Норе пришлось ухаживать за раненым Бэйли. Положение его было довольно серьезно. Его мучили головные боли. Временами он бредил. Первые ночи Нора не отходила от него.

— Ну как? — при каждой встрече спрашивал я Нору с тайной надеждой, что Бэйли не выживет.

— Все в том же положении, — отвечала Нора и, видя мое

разочарование, смущенно говорила: — Вы, вероятно, упрекаете меня в слабости, но это сильнее меня, я уже говорила вам. Я не могу...

— А как его настроение?

— Сегодня утром мистер Бэйли пришел в себя и сказал: «Я набил себе порядочную шишку, но у моих врагов шишка будет, наверное, побольше».

Бэйли был прав. «Показательный взрыв» произвел огромные опустошения. На тысячи километров к западу, куда была направлена главная сила взрыва, страна представляла печальное зрелище. Как будто гигантская бритва прошла по земному шару, сбив начисто вековые леса. селения, города... Реки вышли из берегов, и наводнения доканчивали дело бури. Кто не погиб от ветра, тот нашел смерть в волнах. Трупы людей и животных были раскиданы повсюду, целые дома заносило на вершину гор или в озера, иногда за сотни километров.

Полоса между шестидесятыми и семидесятыми градусами северной широты особенно пострадала. По счастью, для наиболее густо населенных мест Европейской части СССР и Западной Европы очаг воздушного взрыва находился далеко. Уральский горный хребет также несколько задержал ураган. Уфа, Сverdловск, Пермь и другие города, лежащие недалеко от Уральского хребта, пострадали меньше Поволжья; на Урале ветер сделал как бы огромный прыжок и обрушился всей массой на Самару, Нижний Новгород, Вологду и дальше — Москву, Ригу, Варшаву. Польша, Германия, север Франции и Англия имели такой вид, как будто здесь произошло сильнейшее землетрясение. Далее вихрь пронесся по Атлантическому океану, потопив там множество судов, перекинулся на восточные берега Северной Америки и, произведя в Канаде и Соединенных Штатах огромные разрушения, помчался через Тихий океан к берегам Японии, обогнув таким образом весь земной шар. Пролетев пустынями Азии, ветер сделал полный круг. В одну бурную ночь наша гора тряслась, как в лихорадке, под напором восточного ветра. Так, все более замедляясь, вихрь четыре раза обошел вокруг земного шара. Его периодические порывы продолжали ощущаться еще долгое время.

Урок был дан хороший! Весь мир содрогнулся от ужаса.

Сказка о преступлении большевиков, готовившихся удушить мир, рассеялась. Имя Бэйли было у всех на устах, после того как он сам дал радиотелеграмму «Всем! Всем!», призывавшую признать его власть и сложить оружие. В наиболее пострадавших государствах царила паника. Печать требовала перемирия, предлагая сейчас же начать с мистером Бэйли переговоры о соглашении.

И только Советский Союз объявил, что не сложит оружия до тех пор, пока враг не будет побежден. Это решение вызвало взрыв возмущения в печати Германии, Англии, Франции и Соединенных Штатов. Если СССР упирается, то европейские державы и Америка могут заключить мир с мистером Бэйли и через голову СССР. Если же СССР будет противиться этому, то «против него вооружится весь мир».

И действительно, скоро от имени правительств Германии, Франции, Англии и Соединенных Штатов Америки мистеру Бэйли была прислана радиотелеграмма, предлагающая ему изложить условия мира.

Бэйли не заставил себя долго ждать. Он ультимативно выставил три пункта:

1. Повсеместное установление диктатуры крупного капитала.
2. Физическое истребление коммунистов.
3. Монополия продажи воздуха остается за мистером Бэйли, как гарантия, обеспечивающая незыблемость устанавливаемой им политической системы.

Наконец-то Бэйли открыл свое настоящее лицо. Я до сих пор сомневаюсь, действительно ли он занимался «внешторгом» с Марсом. Но «земные» его цели стали мне вполне понятны, когда я узнал об ультиматуме. Бэйли преследовал социально-политические задачи: он хотел на вечные времена закрепить рабочий класс, предоставляя ему возможность работать за право дышать, дышать в буквальном смысле слова!

Буржуазные правительства нашли условия мистера Бэйли более чем приемлемыми для себя. Но в рабочих местах этот ультиматум вызвал живейший протест. Однако с рабочими капиталисты надеялись быстро расправиться. «Кто против нас, тот останется без воздуха», — лаконически отвечали защитники соглашения с Бэйли.

Мир стоял перед новым ужаснейшим кровопролитием.

Впрочем реакционная печать (уже через два дня после ультиматума) цинично заявляла, что на этот раз революция, если рабочие захотят поднять ее, будет «совершенно бескровной», намекая на то, что классовый враг попросту будет удушен.

Я сообщил эти новости Норе. Она выслушала их молча, но только губы ее дрогнули.

— Так дальше продолжаться не может, — сказала она, помолчав. — Я должна сегодня же переговорить с отцом. Приходите в полночь на нашу площадку. Я расскажу вам все, что узнаю от него.

Вечером ко мне зашел мистер Люк. Он был необычайно мрачен. Вопреки обыкновению он не предложил мне играть в шахматы. Угрюмо бродя по комнате, он выкрикивал от времени до времени крепчайшие проклятия.

— Вы не в духе, мистер Люк?

— Будешь не в духе, — буркнул он. — Пусть дьяволы разорвут трубку мистера Бэйли и всех ваших «товарищей»!

— В чем дело, мистер Люк?

Люк расставил широко ноги, скрестив руки на груди, и трагическим тоном ответил:

— Дело в том, что в городке нет больше ни капли джина!

— Как? — воскликнул я с удивлением. — Неужели запасы городка истощаются?

— Истощились! — мрачно огрызнулся Люк. — Нет джина, а скоро нечего будет и есть, кроме мороженого мяса. — Он помолчал и, махнув рукой, продолжал: — Эх, ну что скрывать! Вы все равно не уйдете из этой мышеловки. Нам доставлялись запасы со стороны, на аэропланах. Мистер Бэйли все время поддерживал связь с внешним миром. При всем его богатстве ему одному не удалось бы соорудить и поддерживать такое предприятие. Мистер Бэйли не один. У него много союзников. И они все время поддерживали его, пополняли его запасы... Но теперь мы в блокаде. Ваши летчики — и бури их не берут! — установили такой кордон, что ворона не пролетит, а не то что аэроплан. Мы отправили нашим союзникам в Англию уже три отчаянные телеграммы и получаем все тот же ответ: «Нет возможности. Потерпите, скоро будет заключен мир». Потерпите! — сердито

закончил Люк. — Им хорошо там терпеть. А каково мне тут!..

То, что сказал мистер Люк, было для меня откровением. В одном отношении Бэйли оказался сильнее, чем я думал раньше. Он не был, оказывается, борцом-одиночкой, он стоял во главе заговора капиталистов! Быть может, силы всего международного капитала поддерживали Бэйли. «Продавец воздуха» — это только ловкий маневр, чтобы среди рабочих и населения не возбудить гнева против всех капиталистов. Дело было поставлено так, как будто один маньяк или злодей завладел воздухом, а капиталисты лишь принуждены принять его условия!

С другой стороны, положение самого Бэйли и его городка, как я узнал от Люка, было почти катастрофическим. А если капитулирует городок, то и весь заговор сорвется. Этого не знали рабочие, не знало и правительство СССР. Недаром иностранные государства так спешат заключить договор с мистером Бэйли. Наступают решительные дни. Теперь все средства хороши... И если Нора не имеет сил прикончить мистера Бэйли, то это сделаю я!

Новости, сообщенные мне Люком, были так важны, что я решил вознаградить его и вытащил из-под кровати припасенную мною за неделю до этого бутылку джина.

Мистер Люк, увидев заветную бутылку, издал рычащий звук и набросился на нее, как зверь на добычу. Он начал пить прямо из бутылки и оторвался не раньше, чем высосал половину. Потом он вытер губы, любовно закупорил бутылку, опустил в карман и, поблагодарив меня, ушел.

ХІХ. РАЗВЯЗАННЫЕ РУКИ

Я посмотрел на часы. Было без десяти минут двенадцать — время идти на площадку.

Норы еще не было. На небе расцветали лилово-зеленые букеты, сновали веселые желтые и голубые полосы. У горизонта плясали какие-то бледно-оранжевые занавески. Сегодня на небе была праздничная иллюминация. Спектры кислорода и неона танцевали кадрили со спектрами азота и гелия.

За мною тихо скрипнула дверь. Я обернулся! Нора!

Она была бледна, как труп замерзающего. Ни слова не

говоря, девушка подошла ко мне, положила руки на мои плечи, приблизила лицо и вдруг крепко поцеловала. От неожиданной ласки у меня захватило дыхание.

— Нора! — тихо воскликнул я.

Она быстро отошла от меня и сказала:

— Теперь все будет хорошо. Мне нужно сходить вниз, к озеру жидкого воздуха. Отец послал меня туда, — выразительно добавила она, — и мистер Бэйли. Идемте со мной.

— Нора! Нора! Но что сказал отец? И что все это значит? Почему вы так бледны?

Все, что я хотел сказать Норе, вылетело у меня из головы. Поведение девушки было настолько необычно, и она говорила так повелительно, что я последовал за нею, как автомат. Она шла очень быстро. Несколько раз я окликал ее и пытался заговорить, но девушка только ускоряла шаги.

Мы вошли в комнату, где хранилась одежда для путешествия в пещерах абсолютного холода.

— Помогите мне скорее одеться, — сказала Нора, — и не спрашивайте ни о чем. Вы скоро все узнаете.

Я принужден был покориться. Быстро надев «водолазные» костюмы, мы спустились на лифте, в молчании миновали ряд дверей и вошли в подземную пещеру. Голубое озеро жидкого воздуха чуть дымилось. Холодный свет ламп ярко освещал путь.

Мы шли берегом озера. Нора начала замедлять шаги и несколько раз споткнулась, как будто ноги не держали ее. Я взял ее под руку, но она освободила свою руку и сказала мне:

— Пройдемте вперед.

— Зачем?

— Так надо.

Я покорно сделал несколько шагов вперед — и вдруг услышал слабый крик. Я быстро оглянулся и вздрогнул от ужаса.

— Что вы делаете?! — закричал я.

Но было уже поздно.

Нора раскрыла свой изоляционный костюм, обнажив грудь и голову...

Холод в двести семьдесят три градуса ниже нуля должен был убить ее моментально. Я подбежал к девушке и трясу-

щими руками пытался натянуть ей на голову скафандр и закрыть одежду на груди. Тело Норы в одно мгновение покрылось пушистым инеем и затвердело, как сталь... Даже ее глаза, остававшиеся открытыми, покрылись пленкой инея, а с губ, открытых улыбкой, упал ледяной комочек — последнее дыхание Норы. Часть инея отделилась от ее тела и хлопьями снега осыпалась на пол.

— Нора! Нора... Что ты наделала!.. — кричал я, обезумев.

Я стоял перед снежной статуей девушки, не зная, что делать. И вдруг я заметил у ее ног четырехугольный запущенный инеем предмет. Я поднял ее, стер иней и увидел, что это письмо.

Взглянув еще раз на Нору, я увидел, что иней опустился ниже, запусив всю ее фигуру.

Я решил перенести ее в «пантеон» и поставить на пьедестал, уготованный мистером Бэйли для меня. Мне казалось, что это будет лучший способ похорон бедной девушки. Я обнял рукой ее закоченевший стан и попытался поднять труп. Но ноги девушки не отрывались, припаянные льдом, образовавшимся от испарившейся внутренней теплоты ее тела.

Я сделал усилие и вдруг почувствовал, что тело Норы треснуло и разломилось на несколько кусков. Вздвогнув, я отпустил руку, и верхняя половина тела упала на сторону, сдерживаемая только одеждой. Несколько кусков замороженного тела, как осколки разбитого изваяния, выпали из распахнувшейся одежды. Нора, живая горячая Нора в одно мгновение превратилась в хрупкую, нежнее фарфора, статую!..

Я глубоко был огорчен и потрясен этим превращением. Оторвав, наконец, ноги девушки от земли, я взвалил на плечи фарфоровые останки, отнес их в «пантеон» и положил на пьедестал.

Увы, я смог восстановить там только бюстовый памятник Норе...

Осторожно очистив ее лицо от инея и посмотрев в последний раз на губы, которые так недавно целовали меня, я вышел из мрачной пещеры, поднялся, поспешил к себе, осторожно согрел и высушил письмо и начал читать его.

Нора писала:

«Милый друг!

Простите, что я заставила вас пережить неприятные минуты. Но я боялась, что без вас не совершу того, что надо было совершить. Ваше присутствие поддерживало меня.

Я говорила с отцом. Я принудила его сознаться во всем. И теперь я знаю, что заставляло его работать с мистером Бэйли.

Мистер Бэйли обманул отца. Он завлек отца в этот городок, обещая отпустить через год. Но когда год прошел, Бэйли объявил отцу, что не отпустит его. Если же отец не послушается Бэйли, то мы не выйдем отсюда живыми — ни он, ни я. Отец очень любит меня. Он не мог рисковать моей жизнью и остался у мистера Бэйли. Но отцу тяжело было признаться, что он находится в плену. И потому он уверял меня, что его задерживает работа.

Таким образом, я связывала отца. И из-за меня отец принужден был принимать участие в этом ужасном деле.

Когда-то вы бросили мне упрек в том, что я не похожа на моего предка революционера, рудокопа Энгельбректа. Да, я должна признаться, что не имею его силы воли и его неукротимой энергии. Века и поколения потомков, очевидно, распылили его железный характер. Я не решилась убить мистера Бэйли. И долго не могла решиться задать отцу вопрос о его соучастии в преступлении. Но все же я хочу умереть, как достойная правнучка рудокопа Энгельбректа. Это все, что я могу сделать. Теперь отец свободен. Мне тяжело писать ему. Но передайте ему мои слова: «Отец, твои руки больше не связаны. Поступи так, как поступил бы на твоём месте рудокоп Энгельбрект».

Прощайте. *Нора*».

Я несколько раз прочитал письмо. Бедная Нора! Она поторопилась. Если бы я успел сказать ей о том, что узнал от Люка, то, может быть, она была бы жива... И... она любила меня. Но теперь со всем этим кончено. Однако не все в письме Норы было для меня ясно. Быть может ее отец объяснит мне.

Было уже утро. Я пошел к профессору Энгельбректу.

Он сидел в кабинете, погруженный в формулы. Увидев меня, профессор поднял голову от бумаг и спокойно спросил:

— Вы не видели моей дочери?

— С вашей дочерью... с мисс Элеонорой случилось большое несчастье, — сказал я.

Энгельбрект побледнел.

— Что такое? Говорите!

Я молча положил на стол письмо Норы. Руки профессора заметно дрожали, но он посмотрел на меня и глухо спросил:

— Что с ней?

Я рассказал о том, что произошло в пещере абсолютного холода. Я уже был почти спокоен.

Энгельбрект опустил голову и закрыл лицо руками. Так он просидел несколько минут. Я не нарушал молчания. Когда он отнял руки и поднял голову, я не узнал его лица — так оно изменилось и постарело.

Энгельбрект с трудом поднялся, пошатнулся и опять сел.

— Я убил ее...

Потом он вдруг силой ударил по столу кулаком, и глаза его засверкали гневом.

— Бэйли убил ее!

Казалось, в Энгельбректе пробуждалась душа его предка.

— Идемте со мной к этому бандиту! — крикнул он.

— Один вопрос, профессор, — сказал я.

— Говорите, но скорее...

— Мисс Элеонора пишет, что, по вашим словам, Бэйли угрожал убить вас и ее, если вы решитесь уехать от него. Между тем мисс Элеонора говорила, что он не задерживал ее.

— Это была игра мистера Бэйли, игра на психологии. Он знал, что Нора не уедет без меня. Я же принужден был поддерживать в моей дочери иллюзию того, что она вольна уехать. Если бы она узнала о моей неволе, то положение всех нас осложнилось бы еще больше. Она почувствовала бы себя несчастной.

— Ну, а если бы она все-таки решилась уехать?

— Мистер Бэйли не выпустил бы ее.

— Но почему же вы... не убили Бэйли?

— Я не раз думал об этом. Но убийство мистера Бэйли не изменило бы положения. Мистер Бэйли только одно из звеньев преступной цепи. Вы знаете из кого состоит все

население городка, за исключением нескольких якутов чернорабочих? Из сыновей банкиров и тузов! И они не выпустили бы меня, если бы я убил Бэйли. Они убили бы меня и Нору. Они могли убить меня, а ее оставить в живых... Что было бы с ней? Бедная девочка, она была права: она связывала мне руки. Но если бы я знал, что Нора так поступит... Впрочем, теперь об этом поздно говорить. Да, мистер Бэйли шутить не любит. Со мной поступили бы точно так же, как с моими коллегами-профессорами, погибшими в Арктике. Их убили за то, что они не хотели повиноваться мистеру Бэйли.

Профессор начал шарить в ящике письменного стола.

— Черт возьми, куда девался мой револьвер?

Я хотел сказать, что еще Нора искала его и не могла найти, но промолчал.

— Ну, обойдемся. Идемте, мистер Клименко.

— Что вы намерены делать? — спросил я.

— Поговорить по душам с мистером Бэйли...

Наш приход к Бэйли был не совсем удачным. Он уже сидел в кресле, а вокруг него сгруппировались его приближенные. Их было не менее десяти человек.

Увидя это зрелище, Энгельбрект нахмурился, но отступить было поздно.

— А, уважаемый профессор, как стати! — сказал Бэйли. — Я только что хотел послать за вами. У нас тут маленький военный совет. Вот только голова моя еще плохо работает...

Бэйли замолчал и начал перебирать на лежавшем перед ним на блюде блестящий бисер. Этот бисер был последним изобретением Энгельбректа — спрессованный воздух, заключенный в особые оболочки. В них воздух не испарялся в обыкновенной температуре и мог безопасно перевозиться. Только быстрое повышение температуры могло вызвать взрыв. Бэйли усиленно готовился к экспорту воздуха, считая вопрос о мире на предложенных им условиях предпринятым.

— Да, голова... — продолжал мистер Бэйли. — Непорядки в голове. Говоришь — и вдруг несешь чепуху. Но это пройдет. Присядьте, сэр... — Меня Бэйли не пригласил сесть, он только покосился на меня, но не попросил удалиться.

— Я отказываюсь работать. Можете больше не считать меня в числе своих служащих, — сказал Энгельбрект, продолжая стоять.

— От-ка-зываетесь?! — спросил Бэйли уже гневно. — Вы забываетесь, мистер Энгельбрект. Если вы сейчас же...

— Довольно! — вдруг закричал Энгельбрект. — Я не хочу больше оставаться в этой бандитской шайке!

— Это бунт. Вы знаете, что угрожает вам?

— Мерзавец! — вдруг проревел Энгельбрект. — Ты убил мою дочь, ты ужасом наполнил землю, ты... ты... — И вдруг, подняв руки, Энгельбрект бросился на Бэйли и начал душить его.

От Энгельбректа этого никто не ожидал. Несколько мгновений клеветы Бэйли сидели как окаменелые, потом вдруг всей гурьбой набросились на профессора. Я поспешил ему на помощь. Поднялась невообразимая свалка. Энгельбрект был необычайно сильным человеком. Мои кулаки также работали исправно. Но врагов было больше. Они одолевали нас. Бэйли бежал за письменный стол и забаррикадировался стульями, управляя оттуда сражением.

От волнения он вновь начал бредить и иступленно выкрикивал:

— Долой! На Марс! На Луну... Конец мира! Сто тысяч фунтов стерлингов за грамм!

А Энгельбрект разбрасывал врагов, рвался к Бэйли и хрипел:

— Убью... растерзаю!

Силы наши истощились. Я крикнул Энгельбректу:

— Назад! Отступайте, или мы погибли...

Энгельбрект пришел немного в себя. Оглянувшись, он увидел, что положение безнадежно. Трое врагов валялись на полу, но остальные, вооружившись стульями, готовы были броситься в новую атаку.

В руках двоих уже сверкали дула автоматических револьверов.

Мы с Энгельбректом, бешено защищаясь, отступили к двери и побежали по коридору, преследуемые по пятам врагами. Завернув за угол, вскочили на площадку лифта, спустились этажом ниже. Еще несколько мгновений — и

мы очутились недалеко от выводной трубы. Вход в нее оказался закрытым.

— Скорей! Сюда! — крикнул Энгельбрект, хорошо знавший расположение городка.

XX. ОБРЕЧЕННЫЕ

Мы вбежали в пещеру, смежную с трубой, и поспешили закрыть дверь.

Это было еще не оконченное отделкой помещение, в котором предполагалось хранить запасы сжатого воздуха. Холодильники еще не были установлены, и в пещере была сносная температура. Временно здесь хранились запасные вагонетки и инструменты. Пещера не освещалась.

— Подвозите вагонетки! — скомандовал Энгельбрект, загораживая вход.

Мы подкатили к железной двери вагонетки, навалили на них кирки, лопаты, все, что оказалось под рукой и что могли нащупать в кромешной тьме. Вход был забаррикадирован.

— Так, — сказал профессор, окончив работу. — Здесь мы можем продержаться.

Шаги наших преследователей глухо доносились из-за двери.

Скоро мы услышали удары в дверь. Мы молчали. Через некоторое время удары прекратились, и все затихло. Убедились ли наши враги в невозможности открыть дверь или изменили план атаки, мы не знали, но рады были этой передышке. Мы едва стояли на ногах от усталости.

Энгельбрект лег в вагонетку и потянулся.

— Глупо вышло, — сказал он. — Выдержки не хватило. Такой уж у меня характер. Терпишь долго, а потом прорвется.

Он замолчал.

— Вы считаете меня соучастником преступлений мистера Бэйли? — заговорил он потом.

— Но ведь вы не могли... — поспешил я его успокоить.

— Нет, я не мог. Я мог предупредить катастрофу, спасти людей, пожертвовав жизнью своей и жизнью дочери. Нелегко принести такую жертву. Но лучше погибнуть двум, чем тысячам, не правда ли?

— Зачем заниматься самоубийством? — пожал я плечами.

— Это не самоубийство. Ваше мнение обо мне для меня не безразлично. Дочь не написала последнего письма мне, но написала вам. Она любила вас, разве я не видел...

Я промолчал. Энгельбрект, этот большой сильный человек, тяжело мучился и не мог уже таить своего горя.

— Но не подумайте обо мне слишком плохо, — сказал он. — Если я и виновен перед человечеством, то и наказан за то тяжко. Я ночи не спал в поисках выхода. Я искал способ пустить фабрику мистера Бэйли «на воздух», но так, чтобы это не вызвало катастрофы. Последнее время вы с Норой как раз работали над этим. Ваша совесть может быть спокойна: вы работали не на Бэйли, а против него. И опыты были очень удачны. Они подходили к концу. И если бы Нора не поспешила... Бедная девочка!.. Но я долго не мог разрешить задачу. Бывали дни, когда я приходил в отчаяние. И тогда я решал: сегодня должно все кончиться. Я убью Нору, потом Бэйли, а затем себя... Но когда Нора входила ко мне, сияющая свежестью и молодостью... Ах!.. — Энгельбрект тяжело вздохнул. — У меня не поднималась рука. Разве я не видел этого страшного вопроса в ее глазах? Не преступник ли ее отец, человек, которого она так любила и в честности которого никогда не сомневалась?

Энгельбрект вдруг поднялся и сделал шаг ко мне:

— Умерла моя девочка. Мне очень трудно... Но, знаете, какая гигантская тяжесть спала с моей души! Кончилось «раздвоение личности»... Мы с вами обречены. Не о себе я теперь думаю. Я сожалею только об одном, что мне не удалось удушить бандита... Нас, вероятно, хотят умерить голодом. К счастью они не могут нас заморозить. Впрочем, не все ли равно? Разве Нора не заморозила себя...

Смерть девушки сильно поразила и меня. Я любил ее и лишился в тот момент, когда узнал, что и она любит меня. Но на моей душе не было того тяжелого груза, который давил Энгельбректа. Притом я был молод, и мое настроение не могло быть так безнадежно, как у энгельбректа. Мне хотелось жить.

— Скажите, а отсюда никак нельзя выйти на волю? — спросил я Энгельбректа.

Профессор был слишком погружен в свои мрачные думы, и мой вопрос не сразу дошел до его сознания.

— Выйти на волю? — наконец переспросил он. — Да, это нелегко. Вот эта стена выходит наружу.

— Так за чем дело стало? — сказал я. — У нас есть кирки. Правда, здесь совершенно темно, но мы можем работать впотьмах.

— Можем, — безучастно ответил Энгельбрект. — Но прежде чем мы пробьем скалу, мы сдохнем с голоду. Напрасный труд. Ложитесь, как я, и ждите спокойно смерти.

Но в мои расчеты вовсе не входило спокойно ожидать смерти. Отдохнув, я поднялся, ощупью разыскал кирку и подошел к стене.

Звонящие удары слышались во тьме.

— Не здесь, возьмите левее, — донесся голос Энгельбректа. — Там стена тоньше.

Я перешел на несколько шагов влево и услышал кряхтенье Энгельбректа и лязг железа — профессор спрыгнул с вагонетки.

— Я слишком устал, устал душою, чтобы долбить скалу спасения своей жизни. Но вы молоды и еще найдете свое счастье. Я должен помочь вам ради Норы...

Загремело железо — это Энгельбрект выбирал кирку.

— Разве так рубят скалы? — услышал я голос профессора уже вблизи себя. — Посторонитесь. Вот как это делал старый рудокоп Энгельбрект.

И я услышал мощные ровные удары.

Мы проработали несколько часов. Я уже бросил в полном изнеможении свою кирку, а удары «старого рудокопа Энгельбректа» еще долго раздавались в обширной пещере. Эхо гулко отдавало эти удары.

— На сегодня довольно, — сказал, наконец, Энгельбрект.

Он отбросил кирку. Но прежде чем лечь спать, мы оттащили от двери вагонетки и устали их на рельсы в ряд через всю пещеру, так что первая вагонетка упиралась в дверь, а последняя в противоположную стену.

— Так. Если теперь еще навалить на вагонетки инструменты и насыпать камней, то сам черт не откроет двери.

Наконец, совершенно утомленные, мы улеглись и крепко уснули.

Я проснулся от холода. Хотелось есть. Из темноты слышался продолжительный зевок Энгельбректа.

— Проснулись? — спросил я?

— Давно не сплю. Есть хочется, но ничего не поделаешь, придется приниматься за работу, не позавтракав.

И он взялся за кирку. Вначале удары были неуверенные и неравномерные. Потом Энгельбрект втянулся и работал со вчерашней энергией. Я также взялся за кирку.

Голод давал себя чувствовать, обессиливая нас. Перерывы для отдыха мы делали все чаще и чаще. Время тянулось бесконечно долго. Казалось, скалы сегодня стали крепче, чем вчера. Наконец я бросил кирку в бессильном отчаянии и мешком свалился на груды камней. Энгельбрект работал еще некоторое время, потом замолкли и его удары.

— Плохие дела, — сказал он мрачно. — Так мы долго не протянем, а углубились едва на одну треть. Мы работали неэкономно. Надо рубить шахту поменьше и бить по очереди.

Так прошел еще один день, если только мы не ошибались во времени. Мы вновь постарались уснуть, лежа в одной вагонетке, чтобы согреть друг друга. Холод ощущался все сильнее и мучительнее. Мне не спалось. Желудок сжимался в голодных спазмах. Ноги холодели, голова горела, все тело ныло. Мрачные мысли, как ни боролся я с ними, не давали покоя. Я терял надежду выбраться отсюда. Мне хотелось поговорить с Энгельбректом, но он лежал тихо и, быть может, спал. Мне жалко было будить его...

Потеряв всякую надежду уснуть, я поднялся, добрался во тьме до дыры, которую мы пробивали в стене, и начал измерять пройденное нами расстояние. Камни покатались из-под ног и загремели.

— Кто там? — услышал я голос Энгельбректа.

— Это я. Вы не спите?

— Нет, — ответил профессор. — Думы проклятые одолевают... И холодно... Давайте погреемся.

Энгельбрект поднялся и взял кирку.

— Черт, тяжелая какая стала! — выбранился он.

Послышались удары киркой, потом вдруг наступило молчание, и я услышал тяжелый вздох.

— Не могу, — сказал Энгельбрект. — Руки не держат кирки... Но я заставлю их держать! — И он вдруг начал

молотить с необычайной силой, так что из-под кирки посыпались искры.

Это была последняя вспышка энергии. Кирка отлетела в сторону, и Энгельбрект растянулся на груде камней.

— Отдохните, я заменю вас, — сказал я, принимаясь за работу.

Но у меня дело пошло еще хуже. Мне казалось, что я размахивался изо всей силы, а кирка только царапала скалу, отбивая мелкие осколки. При таком темпе работы мы и в десять дней не пробьем скалы! Голодная смерть должна должна наступить гораздо скорее...

Мне кажется, что я уснул или впал в забытие с киркою в руке. Я не знаю, как долго продолжалось это. Быть может, так пролежал я целые сутки, а может быть всего несколько минут. И я не могу с уверенностью сказать, во сне или наяву я принимался несколько раз за работу, бил с ожесточением отчаяния и вновь падал на землю. От времени до времени я чувствовал невыносимые приступы голода. Но постепенно это ощущение притуплялось. Я начинал впадать в оцепенение. Время стало, и я не знал, сколько дней прошло с тех пор, как мы заперли себя в этой мышеловке. Я все больше погружался в темную пропасть забытия. Иногда мелькала мысль о смерти, но и она уже не волновала меня.

Тупое безразличие засасывало меня, как тина. Но критическое чувство еще не совсем погасло. Помню, я с некоторым интересом наблюдал за теми процессами умирания, которые происходили во мне. В этом «умирании» наблюдался определенный ритм. Периоды коматозного* состояния сменялись некоторыми просветлениями чувств и сознания, как будто последние запасы жизненных сил собирали остатки «горючего», чтобы еще и еще раз осветить сознание... Ибо только сознание могло найти выход и спасти умирающий организм. И организм отдавал последние соки, последний трепет клеток моему мозгу — последней надежде не спасение...

В один из таких светлых промежутков я услышал очень слабые, отдаленные удары кирки.

«Вероятно, заработал Энгельбрект. Неужели у умираю-

* Кома — болезненная, предсмертная сонливость.

щих с голоду так ослабевает слух? — подумал я. — Или это бред?»

— Это вы стучите профессор? — спросил я Энгельбректа.

— Я о том же самом хотел спросить вас, — ответил он слабым голосом, который, однако, я слышал совершенно отчетливо и ясно.

— Я не глохну, и это не галлюцинация, — размышлял я вслух. — Что же могут означать эти удары? Кто производит их? Откуда они?..

— Я уже несколько минут или часов думаю об этом, — ответил Энгельбрект. — Мне казалось, что это вы работаете, но я начал глохнуть. Звуки несутся из проделанного нами отверстия, я лежу около него. — Помолчав немного, он продолжал: — Очевидно, мистеру Бэйли не терпится прикончить нас, и он отдал распоряжение пробить стену. Он большой законник и, вероятно, хочет судить нас по своей форме, чтобы потом заморозить и поставить в «пантеон».

Мы замолчали прислушиваясь. А звуки все усиливались, приближались. Потом внезапно прекратились. Их заменил новый звук — скрежет вращающегося сверла.

— Бурава пустили в ход, — спокойно сказал Энгельбрект. — Этак они скоро доберутся до нас...

Новая опасность как будто вернула нам силы. Не скажу, что я боялся смерти, — я уже находился в ее преддверии, но эти новые звуки нарушили однообразие нашей жизни и ритм нашего постепенного умирания. Сознание окончательно вернулось к нам.

— Что же мы будем делать? — спросил я.

— Встретим врага и умрем в борьбе, как подобает мужчинам, — ответил Энгельбрект.

Я иронически улыбнулся, не опасаясь того, что Энгельбрект увидит мою улыбку.

— Вы в силах поднять руку? — спросил я.

— Мне хватит сил, чтобы опустить камень на голову первого, кто просунет ее сюда, — сказал он. — Ползите ко мне.

Мы подползли к краю проделанной нами маленькой шахты и улеглись по обеим ее сторонам, положив возле себя камни с острыми краями. Однообразный скрежет бурава

усыплял меня, но я всячески боролся с сонливостью. Когда же звуки слышались совсем близко от нас, прошел и сон. Я насторожился, как кошка, готовая изловить мышь.

— Еще несколько минут, и они будут здесь, — шепнул Энгельбрехт.

И в эту минуту я понял, что давало нам новые силы: ненависть к нашим врагам!

Бурав взвизгнул, стена затрещала, мелкие камни посыпались в нашу сторону. Визги и скрежет сменились жужжанием. Дыра и еще дыра в тонкой стене, отделявшей нас от врагов... Удары кирки. Дыра увеличилась настолько, что в нее мог пролезть человек. Так решил я, потому что работа сверла и кирок прекратилась и в темноте слышалось шуршание, которое мог производить человек, пролезающий в отверстие. Напрягая ослабевшие мышцы, мы с профессором поднимали камни. Я прислушивался к каждому шороху. Ближе, ближе... Совсем близко...

«Можно!» — подумал я и размахнулся. Но камень вдруг выпал из моих рук, когда я неожиданно услышал знакомый шепот...

XXI. «ЛОПНУЛ КУПЕЦ»

— Сильно темно...

— Никола! — закричал я.

— О! Товарищ Клименко! — ответил он.

И я почувствовал, как мохнатая рукавица жмет руку, которая едва не разбила ему голову.

— Как ты попал сюда?

— Сильно хрисис! — сказал Никола и, обернувшись назад, обратился к кому-то стоявшему за отверстием: — Влезайте, товарищи. Тут свои. А мы, — продолжал он, обращаясь к профессору, — присли тебя спасать, купца Бели убивать.

— Да кто «мы»?

— Красный Армия присол: о!

— Но почему вы решили пробивать и сверлить стену именно этой шахты? Ты знал, что я нахожусь здесь?

— Нисего не знал. Только ты сам говорил, серез эту новую шахту хоросо пройти в город, — ответил Никола.

Ничего подобного я не мог припомнить. И только много

времени спустя, вспоминая то время, когда мы обдумывали с Николой ночами план побега, ту как на самый удобный путь проникновения в подземный городок. Я не ожидал, что Никола окажется столь сообразительным и памятливым. Случай неожиданно загнал нас в эту же шахту, и здесь произошла счастливая встреча.

Никола поспешил рассказать мне, «как это было».

Наше командование не переставало строить планы взятия подземного городка. Когда налет аэропланов оказался безуспешным, а бомбардировка невозможной, за дело взялись саперы. Решено было провести подкоп. Задача облегчалась тем, что весь кратер был засыпан глубоким снегом. В нем не трудно было проделать траншеи и подойти к самой скале. Саперы употребили более трех недель на эту работу сперва «тихой сапой»*, а потом подземной галереей. Выбор был сделан удачно. В этой пещере Никола сам работал не раз. Он знал, что здесь никто не живет и ночью, когда нет рабочих, можно войти незамеченным.

Пока Никола рассказывал, в пещеру через отверстие влезали один за другим красноармейцы.

— Тут никто не увидит, можно зажечь огонь, — сказал Никола, и в его руках свернул электрический фонарик.

— Сильно хороeso стука! — сказал он. — Чик — и готово. Ай-ай-ай! — продолжал он, осветив мое лицо. — Сильно похудел. Давно не кусал. А это товарищ? Кусайте скорей! — и Никола, развернув походный мешок, начал угощать меня и Энгельбректа.

Насытившись, я рассказал Николe и командиру отряда о всех происшествиях. Мы начали обсуждать план дальнейших действий. Было уже утро, и командир решил, что нам лучше подождать до следующей ночи, чтобы напасть врасплох.

Мы старались соблюдать тишину, чтобы не привлечь внимания врага. Разложили небольшой костер. Никола согрел чай и усиленно кормил нас. День прошел незаметно в разговорах и в обсуждении плана дальнейших действий. В

* «Тихая сапа» — военно-инженерная работа, заключающаяся в том, что траншеи роются путем выкидки земли перед собою головным сапером, который таким образом медленно и скрытно продвигается вперед. Следующие за ним углубляют и расширяют проделываемый им ход.

шесть вечера начальник поставил несколько часовых, отдал приказ ложиться спать, чтобы отдохнуть перед «делом». Насытившись и согревшись у огня, я крепко уснул, и, когда Никола разбудил меня ночью, я был свеж и бодр. Правда, еще чувствовалась некоторая слабость в ногах, но это не остановило меня. Я хотел принять участие в нападении.

Мы осторожно отвалили вагонетки и освободили выход. Только бы дверь не была заперта!.. Красноармеец потянул дверь — она подалась. Я и Энгельбрект были настолько не опасны для «армии» Бэйли, что запирать нас снаружи не сочли нужным: и по ту и по эту сторону двери нас ожидала смерть.

Начальник отряда отдал распоряжение, и красноармейцы с ружьями наперевес двинулись по коридору. Он был пуст. Только у лифта мы встретили первого часового. Он дремал и, разбуженный нашим приближением, пытался поднять тревогу, но начальник направил на него дуло револьвера.

— Стой, братишка! — по-русски, но достаточно выразительно сказал он.

Часовой сдался. Мы поднялись на лифте в первый этаж. Когда последний красноармеец был уже наверху, мелькнула чья-то тень и скрылась за поворотом коридора. Через несколько минут в городке будет поднята тревога! Мы ускорили шаг и почти подбежали к кабинету Бэйли.

Дверь была открыта. Я распахнул ее и ворвался в кабинет.

Бэйли еще не спал. Он сидел в кресле и перебирал рукой лежавший на блюде «воздушный» бисер. Голова его была обвязана платком.

Увидев меня впереди вооруженного отряда красноармейцев, Бэйли широко раскрыл глаза. Нижняя челюсть его отвисла. Он откинулся на спинку и смотрел на нас с нескрываемым ужасом.

— Гражданин Бэйли? — спросил начальник отряда.

— Это он, — сказал я.

Краском сделал шаг к Бэйли.

— Вы арестованы.

Лицо Бэйли перекошилось. Глаза его еще больше расширились и запылали огнем безумия. У него вновь начался

один из припадков, которыми он страдал в последнее время после ранения.

— А-а-а-а-а!!! — дико закричал он. — Большевики! А-а!! И здесь? Всюду?! Нет спасения!.. Вы хотите лишить меня воздуха?

Он запустил скрюченные пальцы в свои сокровища — «воздушный» бисер — и вдруг схватил несколько бисеринок, с трудом поднял их, положил в рот и проглотил.

Энгельбрект первый понял, что должно последовать за этим. Он схватил Бэйли за шиворот и потащил к выходу.

— Что вы хотите с ним делать? — спросил краском, не понимая еще угрожающей всем опасности.

Бэйли, продолжая бредить, отбивался от Энгельбректа.

— Скорей навстречу!.. Помогите мне, он стал вдвое тяжелее! — отчаянно кричал Энгельбрект.

Я, Никола и два красноармейца подхватили Бэйли, потащили по коридору, бросили в лифт и поднялись вместе с ним на площадку, где не раз я беседовал с Норой и любовался северным сиянием, дыша «воздушными витаминами».

Бэйли продолжал кричать и пытался вырваться от нас.

Вдруг я заметил, что изо рта Бэйли вылетел клуб белого холодного пара. Тело его начало быстро распухать, в особенности грудь. Внутренняя теплота желудка расплавила оболочки бисеринок. Воздух начал испаряться, и с Бэйли происходило то же, что происходит с глубоководной рыбой, вытащенной на поверхность океана: внутреннее давление превосходило давление атмосферного воздуха и распирало тело. Еще мгновение и...

Но Энгельбрект не стал ожидать этого мгновения. Он схватил мистера Бэйли и перебросил его тело через перила.

Уже в воздухе тело Бэйли неимоверно распухло, а изо рта валил пар, как из открытого паровозного клапана. Прежде чем Бэйли долетел до снежного откоса, раздался взрыв. «Воздушные» бисеринки взорвались. Среди белого воздуха я увидел руки и ноги Бэйли, оторвавшиеся от тела и летящие в разные стороны. В несколько мгновений белое облако превратилось в воздух, которым с силой отбросило нас к стене. Но я удержался на ногах и посмотрел вниз. До снега долетела только голова Бэйли. Все его тело было разорвано на мельчайшие части и унесено неведомо куда.

Несколько минут мы стояли неподвижно, пораженные этой необычайной смертью. Первым нарушил молчание Никола.

— Лопнул купец, — сказал он.

Да, «лопнул купец», лопнуло и все его воздушное предприятие!

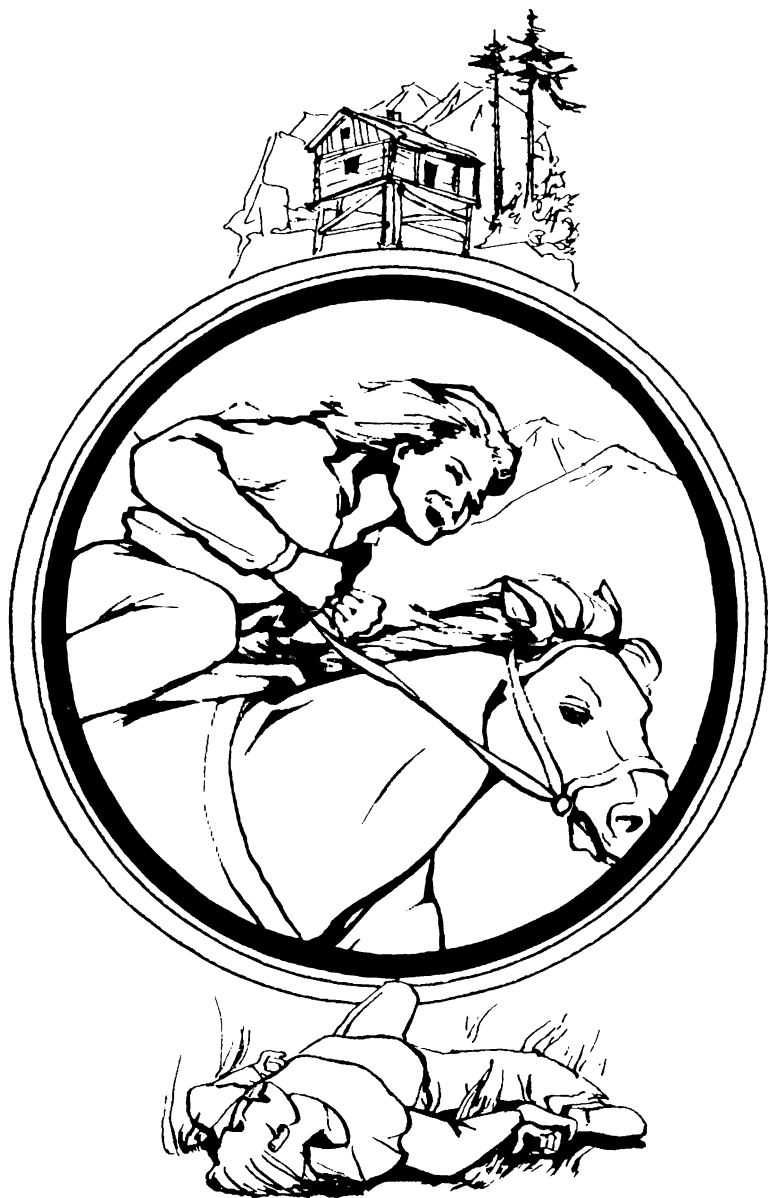
* * *

Красноармейцы быстро справились с гарнизоном подземного городка. Его радиостанция оповещала мир о победе.

А в это время Энгельбрект медленно и осторожно поднимал температуру в подземных пещерах, вместе с тем уменьшая и атмосферное давление. Все отверстия, трубы и люки были открыты. Белый холодный пар вылетал из них, превращаясь в живительный воздух. Жизнь возвращалась к земле.

«Ноздря» Ай-Тойона «выдыхала» воздух.

Золотая гора

ГОЛУБОЕ небо прозрачно, как хрустальные воды горного озера. Высоко-высоко журавлиной стаей летят легкие перистые облака. Под облаками парит орел, распластав свои огромные крылья. Он делает медленные круги и смотрит вниз. Под ним расстилаются горы с белыми шапками снега, темная зелень лесов, горные озера, похожие на куски битого зеркала, белое кружево водопадов, серебряные ленты речек... Но не эта знакомая картина интересует орла. Его зоркие глаза прикованы к большому белому камню, что лежит у реки, на мшистом склоне холма. На камне сидит человек, а около него вертится черный как смоль живой комочек. Он, должно быть, очень жирный, этот комочек! Хорошо бы упасть камнем и, схватив черный комочек, отнести в гнездо, на вершину горной сосны, своим голодным детенышам... Но человек мешает... Зачем он пришел сюда, в это пустынное место? Что ему надо?

На эти вопросы человек, сидевший на белом камне, не мог бы ответить. Он откинулся на спину, посмотрел в голубую пустыню неба, увидел орла и, обняв руками черного пуделя, сказал:

— Не вертись, Джетти, и не волнуйся. Орел не возьмет тебя. Ты мешаешь мне думать, Джетти! — И человек, закрыв глаза, погрузился в свои думы, подставляя загорелое, бритое лицо под лучи осеннего, но еще теплого солнца.

Сегодня надо решить. Но сначала нужно разобраться в самом себе, продумать каждый свой шаг, сделанный на пути сюда, к этому белому камню.

Как это началось?... Москва. Номер гостиницы. Датчанин Скоу-Кельдсен звонил по телефону и сообщил, что он получил билет в ложу иностранных корреспондентов на балет «Красный мак»...

Нет, это не главное. Началось это раньше, еще в Нью-Йорке, на Третьей авеню, в небольшой квартирке, которую

занимал Клэйтон. Он заболел. Да, с этого все и началось! Заболел скукой.

Физически он был совершенно здоров, успешно занимался спортом и был даже чемпионом по легкой атлетике. В жизни ему везло. Сын небогатого фермера, Клэйтон рано начал зарабатывать самостоятельно. Ему было семнадцать лет, когда он из сонного Запада приехал в кипящий котел Нью-Йорка и быстро приспособился к новым условиям жизни. Переменив несколько профессий, он остановился на журналистике. К двадцати пяти годам он уже был видным сотрудником газеты «Нью-Йорк таймс». И тут он начал скучать. Город, знакомые — все ему надоело.

Чтобы спастись от непролазной одуряющей скуки, Клэйтон начал брать самые рискованные поручения. Он «провел» на баррикадах две мексиканские революции, ночевал с африканскими племенами, восставшими против французов, летал на Южный полюс с экспедицией, разыскивающей Оуэна...

Наконец, по совету одного друга Клэйтон отправился специальным корреспондентом в Москву. По мнению друга и самого Клэйтона, это предприятие было самое рискованное из всего предпринятого Клэйтоном. Поэтому Клэйтон и приехал в Москву. Действительность разочаровала его. Он не нашел тех ужасов, о которых говорили ему «очевидцы». Клэйтон искал экзотики и не находил. В окружающей жизни он многого не понимал и не старался понять — он прошел американскую газетную школу, которая не приучила проникать в сущность явлений.

НОВЫЙ СТЭНЛИ

Клэйтон переодевался в вечерний костюм, чтобы идти в театр, когда позвонил телефон. Завязывая на ходу галстук, Клэйтон подошел к телефону и, к своему удивлению, услышал голос Додда — своего приятеля по газете, одного из корреспондентов «Нью-Йорк таймс».

— Вы здесь? Какими судьбами? — удивился Клэйтон.

— Да, здесь. Приезжайте немедленно ко мне, — ответил Додд и дал адрес частной квартиры на Арбате.

— Но я... я иду сегодня в театр, — ответил Клэйтон. —

«Красный мак» — балет, говорят, нечто изумительное. Может быть, вы пойдете со мной? У нас ложа.

— Надеюсь, этот балет не снимут с репертуара, — насмешливо возразил Додд. — Приезжайте немедленно. Есть дело, и как раз в вашем вкусе! Сам редактор поручил его нам.

Клэйтон был хорошо вышколенным работником. Он не стал больше расспрашивать Додда, быстро закончил свой туалет, вызвал по телефону абонированное такси и отправился на Арбат.

Додд — маленький человечек с красным лицом, безусый, но с небольшой светлой бородкой, похожий на карикатурное изображение дяди Сэма — усадил Клэйтона на диван, предложил сигару и преступил прямо к делу:

— Я имсю для вас восхитительное предложение: немедленно ехать на Алтай разыскивать мистера Микулина.

Додд вынул записную книжку и, перелистывая страницы, продолжал:

— Микулин, Василий Николаевич... Русский ученый, работал в лаборатории Академии наук. Был избран действительным членом Лондонского королевского общества. Небывалый случай со времени избрания Менделеева. Обычно иностранных ученых, даже с выдающимся именем, выбирают только членами-корреспондентами. Можете представить, что за голова должна быть у этого Микулина! Некоторое время работал в Ленинграде, а потом как-то незаметно исчез. О нем перестали говорить и писать, как будто он умер. Но смерть такого человека не прошла бы незамеченной.

«Зачем Микулин поехал на Алтай? Почему мы, американцы, должны разыскивать его? Откуда Додд знает, что Микулин жив?...» — раздумывал Клэйтон.

— У Микулина в Англии был друг, — продолжал Додд. — Фамилия его Гиббс. Он американец, молодой ученый, приехавший в Англию для усовершенствования. Гиббс и Микулин — оба физики, оба работали в одной лаборатории. Наконец, оба изучали строение атома и старались осуществить давнишнюю мечту человечества о превращении элементов. Но Микулин был талантливее Гиббса. Надо прямо сказать, позабыв о национальном самолюбии: Микулин гениален, а Гиббс только на голову выше

рядового научного работника. Микулин далеко ушел вперед и, по мнению Гиббса, был совсем близок к решению задачи. Быть может, Микулин тогда уже разрешил эту огромную задачу теоретически. Однажды, в минуту откровенности, — слушайте внимательно, — Микулин сказал Гиббсу, что он, Микулин, на родине будет продолжать работу.

«Но для того, чтобы скорее окончить мой труд, мне необходимо полное уединение, — сказал Микулин. — Я не могу сосредоточиться, когда в моей лаборатории снуют лаборанты, студенты и даже, как у вас здесь, высокие покровители наук. Я сибиряк, родился в Семипалатинске, недалеко от чудеснейшей русской Швейцарии — Алтая. Я знаю одно местечко южнее Рахмановских ключей, недалеко от китайской границы. Прекрасный горный климат, полное уединение, тишина, покой. Туда уйду я с одним или двумя помощниками, и пусть мир забудет меня до той поры, пока... пока я переверну мир!»

— Поверьте, Клэйтон, что эти слова не пустое бахвальство. Микулин действительно сможет перевернуть мир, если только ему удастся осуществить то, над чем сломало себе шею немало ученых. Представляете вы, что значит превращать один элемент в другой? Это значит из кирпичей, булыжника и песка вы можете делать чистейшее золото, из дерева — шелк, из стекла — алмазы, из алмазов... пасту для зубов, словом, возьмите пару любых предметов и превращайте их один в другой. Такой человек должен быть всемогущим. Но и этого мало. Микулин обещает освободить и использовать внутриаомную энергию. А это изобретение способно перевернуть весь мир. В руках этого человека, большевика, окажется почти сверхъестественное могущество. Он начнет снабжать свое правительство целыми вагонами золота. Чем это кончится? Всеобщая золотая «инфляция», полнейшее обесценение золота, всеобщие кризисы в капиталистических странах, банкротства, рабочие волнения... Бороться с Советской Россией? Но разве можно будет бороться со страной, которая обрушит на голову врага взбесившиеся силы природы — миллиарды, — не лошадиных, а дьявольских, — сил, сидящих в каждой песчинке! Вы понимаете, что будет?..

Да, Клэйтон понимал. Он чувствовал, как холодеет его

сердце. Но мысль не хотела мириться с этой страшной судьбой обреченного мира. Может быть, не все потеряно, может быть, есть выход?..

— Золото можно заменить другим металлом, — сказал Клэйтон, — например, серебром или какими-нибудь редкими металлами. Впрочем, простите, я сказал, не подумав. Ведь Микулин может изготовить любой металл, любое вещество...

— Вот именно, — кивнул головой Додд. — Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему мы интересуемся Микулиным. Гиббс, возвратившись из Англии, как истинный патриот, счел своим долгом сделать доклад одному из членов правительства и нескольким финансистам. Сообщению этому вначале не придавали особого значения. Но когда узнали, что Микулин исчез из Ленинграда, то начали серьезно беспокоиться. На официальные запросы мы получили ответ, что Микулин уехал якобы в научную экспедицию. У нас этому ответу, конечно, не поверили. Пока Микулин работал в Ленинграде на глазах у всех, он не был так страшен; все его изобретения тотчас становились бы достоянием гласности. Если бы даже удалось ему сделать открытие, им воспользовались бы и другие страны, и силы, таким образом, уравнились бы. Но это «бегство» Микулина наводит на очень серьезные размышления...

Клэйтон нервно поднялся и зашагал по комнате.

— Довольно! Мне все понятно. Итак, каковы мои ближайшие задачи?

— Ехать на Алтай разыскивать Микулина, постараться проникнуть в его лабораторию, заслужить его доверие и узнать, разрешил ли он задачу получения искусственного золота.

— Но как же я найду его, имея такой неопределенный адрес: «Алтай, южнее Рахмановских ключей, у китайской границы?»

— А как Стэнли нашел Ливингстона? У Стэнли был еще более короткий адрес: Африка — и больше ничего. Мы не могли узнать более точно. Нам все равно не сообщили бы адреса, а расспросы только возбудили бы подозрение. Ведь наши цели... не совсем мирные, и потому нам надо соблюдать осторожность. Как видите, я не вызвал вас даже к себе

в отель, а выбрал эту частную квартиру вполне надежного человека.

— Да, наши цели не совсем мирные. Поэтому мне труднее оправдать свое появление, если даже я и найду Микулина. С неба, что ли, свалиться? Инсценировать авиационную катастрофу? Наш редактор пойдет на такие расходы?

— Можете ломать целую эскадрилью самолетов, если понадобится, — усмехнулся Додд. — За редактором стоят люди, которые откроют неограниченный кредит. Вы лично не останетесь в убытке. Десяток тысяч долларов я вручу вам немедленно. Я буду жить в Кобдо. Постараемся завязать связь через перевал Улан-даба.

— Ну, а если Микулин нашел средство делать золото и извлекать внутриатомную энергию? — раздумчиво спросил Клэйтон.

— Вы сообщите об этом и получите соответствующие инструкции...

ГДЕ ОГОНЬ ПАДАЕТ С НЕБА

Этот разговор происходил в мае. Как много событий произошло за это время! Клэйтон быстро собрался и выехал из Москвы, так и не посмотрев «Красного маха». Клэйтон мчался на поезде, плыл на пароходе, ехал на косматых горных лошаденках и, наконец, шел пешком. Перед ним открылась совершенно новая страна, которая поразила его своей красотой. Высочайшие горы, поросшие пихтами, елями, лиственницами и увенчанные вечными снегами, бесчисленные водопады, красивые, быстрые горные речки с тополями и ивами на берегах, тучные пастбища... Многоголосый птичий крик, плескание рыбы в реках, простор и... безлюдье.

Чем ближе подвигался Клэйтон к Рахмановским ключам, тем больше он волновался. Удастся ли ему, как Стэнли, найти своего «Ливингстона» и как встретит Микулин незваного гостя? Мысль об инсценировке воздушной катастрофы Клэйтон давно оставил. Это было слишком сложное и рискованное предприятие. Почему не избрать прямой путь: явиться к Микулину в качестве богатого американ-

ского туриста, который случайно узнал, что в этих глухих местах живет русский.

От кого узнал? Скажем, от проводника. Ведь не может же быть, чтобы Микулин не поддерживал никаких связей с окружающим населением. Должен же кто-нибудь поставлять ему продукты питания.

Найти Микулина было не так легко. Десять дней пробродил Клэйтон вокруг Рахмановских ключей — горячего и холодного, — встречал много больных, пришедших к ключам за исцелением, расспрашивал всех, но никто не знал о русском, живущем в горах на юг от Рахмановских ключей. Но Клэйтон не падал духом, и в конце концов ему удалось встретить одного старого охотника, который случайно набрел в горах на неизвестный маленький поселок. Кто живет — охотник не знал.

— Я ни за что не пойду туда еще раз, — сказал охотник. — Там огонь падает с неба на дом, и дом не горит.

Однако деньги — много денег — заставили охотника побороть страх и отправиться в горы вместе с Клэйтоном.

Путники перевалили через несколько горных кряжей с настоящей луговой альпийской растительностью, спустились в долину и оказались на краю огромного болота.

Старый охотник, по каким-то одному ему известным приметам, прыгая с кочки на кочку, пошел по болоту. Клэйтон последовал за ним, удивляясь не только его ловкости, но и бесстрашию: несмотря на весь опыт предательская трясина могла ежеминутно засосать смельчака.

Перевалив еще через одну небольшую горную грядку, старый охотник остановился и сказал:

— Дальше я не пойду. Озолоти — не пойду. Тут близко. Теперь ты сам найдешь. Иди все прямо. Мимо большого белого камня пройдешь, поверни направо. Там и увидишь. Назад пойдешь? Если скоро пойдешь, я тебя тут подожду, назад провожу.

Пойдет ли он назад и скоро ли? Этого Клэйтон не знал.

— Ты подожди меня день и ночь. Если не вернусь, иди. Только вот что! Через перевал Улан-даба ходил? В Кобдо был? Отлично! Иди в Кобдо, передашь письмо, я сейчас напишу.

Клэйтон написал Додду о том, что ему, Клэйтону, повидимому, удалось найти место пребывания Микулина.

Если все будет хорошо, он придет к болоту в полнолуние, через месяц. Додд может через охотника прислать письмо или явиться сам.

— Вот, возьми письмо. Если ты доставишь его, то получишь много денег и подарков. Может быть, с тобою сюда придет один господин, ты проводи его.

Старый охотник взял письмо, положил его под шапку-папаху, кивнул головой и уселся на кочку, а Клэйтон отправился дальше.

Он шел по южному склону горы, который защищен от северных холодных ветров.

Был второй час дня. Жара стояла невыносимая. Джетти — черный пудель, неизменный спутник Клэйтона во всех его путешествиях, плелся, высунув язык, с которого падала слюна. Ни малейшего ветерка. Даже листья тополя были недвижны. Клэйтон спускался вниз по берегу горной речки. Джетти несколько раз подбегал к реке и лакал воду.

— Жарко, Джетти, — кажется, гроза будет, — сказал Клэйтон. И в самом деле, где-то вдали глухо прогремел гром. Горное эхо несколько раз повторило рокошующий звук. Гроза быстро приближалась. Верхушки деревьев зашумели, и первые крупные капли дождя упали на лицо и руки Клэйтона. Поправив дорожный мешок за спиною, Клэйтон побежал к большой косматой ели, чтобы укрыться от дождя.

— Вот так, Джетти, ложись здесь! — устраивался Клэйтон под деревом. Собака легла, но сразу же вскочила на ноги и залаяла, поджав свой пушистый, давно не стриженный хвост. Что-то испугало собаку.

Сквозь шум дождя и рокотание грома Клэйтон услышал топот. Затем с пригорка на поляну вылетел золотистый конь, на котором сидела молодая девушка. На ней была короткая юбка цвета хаки и блуза с открытым воротником. На ногах — высокие зашнурованные ботинки. Стриженные под скобку волосы развевались на ветру, лицо покраснело от быстрой езды. Девушка улыбалась и что-то кричала. Она промчалась мимо Клэйтона и скрылась внизу за густыми ивами. Секундой позже на поляну выехал молодой человек — блондин, похожий на калмыка, очень весело улыбавшийся. Он подгонял свою лошадь, видимо желая догнать ускокавшую амазонку. Следом за молодым челове-

ком по пригорку катился какой-то большой бурый шар. Клэйтон принял этот шар за большую собаку, но когда шар подкатился, оказалось, что это медвежонок. Вот почему так истерически лаял Джетти: он почуял зверя. Но медвежонок не обратил на пуделя никакого внимания: он нагонял наездников. Странно, однако, что наездники, убежавшие от медведя, улыбались так весело. Клэйтон быстро снял с плеча винтовку, но не выстрелил: он подумал, что, может быть, зверь ручной, а всадники убегали не от медведя, а от дождя.

«Советская Диана», как мысленно назвал Клэйтон всадницу, удивила его. Клэйтон никак не ожидал встретить в дебрях Алтая такую красивую женщину.

Но кто она? И кто этот мужчина? Микулин? Как жалко, что Додд не показал Клэйтону карточку Микулина.

Гром грохотал уже над самой головой Клэйтона, дождь лил водопадом, но Клэйтон не обращал на это никакого внимания. Он побежал следом за наездниками. Обогнув заросли ивы, он увидел большую поляну, примыкавшую к почти отвесной скале. У скалы стояли три деревянных дома. Над средним возвышались металлические мачты — радиостанция, как решил Клэйтон.

Дома были окружены цветниками.

БРОДЯГА ПО ПРИЗВАНИЮ

Неподалеку стояли два сарая, за которыми виднелось поле ржи.

«Однако, тут целая ферма, — подумал Клэйтон. — Но где же наездники?»

В эту минуту из двери дома, над которым возвышалась антенна, выбежал молодой человек. Он побежал к мачте антенны, что-то осмотрел и вернулся к дому. Огромная молния, раздирая воздух, с оглушительным треском сорвалась с неба и ударила в острие металлического шеста.

«Громоотвод, — подумал Клэйтон. — Вот что испугало старого охотника».

«Черт возьми, это не громоотвод, а молниепривод», — подумал Клэйтон в следующую минуту. В самом деле, мачты и провода как будто собирали электрические разряды со всех сторон. Над домом разряды следовали беспре-

рывно. Сине-лилово-белая полоса молнии соединила небо с землею, и точкою соединения были вершины мачт. Даже здесь, на расстоянии добрых сотни метров от дома, жутко было стоять. Но каково было молодому человеку, который находился под самым потоком молний! Несмотря на громотводы, молнии разветвлялись, смертоносные бичи разряжались совсем близко от молодого человека. А он как ни в чем не бывало ходил вокруг дома, что-то поправляя и осматривая. Неожиданно взгляд молодого человека остановился на Клэйтоне. Как будто тень недовольства прошла по его лицу, но вслед за этим он улыбнулся и приветливо махнул рукой, приглашая Клэйтона подойти.

Клэйтон не без содрогания направился к дому, на который низвергались молнии, как будто собранные со всего Алтая.

Кричать было бесполезно, потому что удары грома были оглушительны. И когда Клэйтон приблизился, молодой человек только указал на дверь. Клэйтон вошел на крыльцо. В дверях он столкнулся с девушкой. Она была еще в том же мокром платье. Посмотрев на Клэйтона с изумлением, девушка выскочила на крыльцо и побежала по дорожке к домику с мезонином, стоявшему недалеко от скалы. Клэйтон вошел в комнату и огляделся. Стол у окна, две скамьи у стен, несколько табуреток. У стены шкаф с посудой. Очевидно, это была столовая. Клэйтон не решался сесть на скамью — с него так и текло. Джетти также оставлял после себя лужи.

Гром стал понемногу стихать, и скоро в комнату вошел молодой человек, пригласивший Клэйтона.

— Здравствуйте, сказал он по-русски. — Вы иностранец? Я не ошибся. Садитесь, пожалуйста. Я сейчас растоплю печь, и вы сможете обсушиться. Молодой человек улыбнулся. — Но мы еще не знакомы. Моя фамилия Микулин.

«Неужели этот молокосос способен перевернуть мир?» — думал Клэйтон, разглядывая лицо Микулина. Оно действительно выглядело очень молодым. Прекрасный лоб и в особенности глаза — большие, голубые, прозрачные и в то же время глубокие — привлекали особое внимание. От этих глаз трудно было отвести взгляд.

— А моя фамилия Клэйто... — удар грома прогремел очень своевременно... — Клэйн, говорю я. Американец,

турист, вернее, бродяга по призванию. Я исколесил все пять частей света и был приятно поражен, попав на Алтай. Признаюсь, я не ожидал здесь встретить такую красоту.

— Но как вы прошли... через болото? — спросил Микулин.

— Охотник провел меня. Он сказал, что это самый близкий путь к китайской границе, куда я направляюсь. По дороге проводник занемог и отправился домой, а я пошел вперед один и вот... неожиданно наткнулся на вашу ферму. Вы здесь, как видно, неплохо живете. Когда я шел сюда, меня обогнали амазонка, наездник и медвежонок, которого я едва не подстрелил, вообразив, что он гонится за людьми.

Микулин рассмеялся.

— Это Аленка, Елена Лор, химик и мой помощник, наездник — Ефим Грачов, лаборант, а медведь — Федька. Воображаю, как была бы огорчена Аленка, если бы вы подстрелили ее медведя.

— Но что вы здесь делаете, в такой глуши? — спросил Клэйтон, разыгрывая роль наивного туриста.

— О, мы здесь двигаем науку! — с шутливой серьезностью ответил Микулин. — Видали мои молнии? Я их «засаливаю», собираю впрок, как мельник собирает воду.

Не прекращая разговора, Микулин принес железный ящик, оказавшийся электрической печкой, протянул шнур, вставил штепсель, и Клэйтон скоро почувствовал тепло.

— Вот видите, как молния отапливает нас! Сейчас на дворе тепло, и вы высохли бы на солнышке, но это скорее. Подождите, я пущу еще вентилятор со струей теплого и сухого воздуха. Ну вот, через пять минут вы будете сухи, как Сахара в полдень. Молния дает мне энергию для освещения, отопления и научных опытов. Я аккумулирую небесный огонь. Ведь самая «захудалая» молния в десять тысяч ампер в продолжение одной сотой секунды дает энергию не менее семисот киловатт-часов. За месяц над моим домом произошло сто разрядов. Это дало мне семьдесят тысяч киловатт-часов. Недурно? Я изобрел такие «громоприводы», которые притягивают сюда молнии чуть ли не со всего Алтая, а все эти молнии я загоняю, как зверей в клетки, в небольшие аккумуляторы.

— А для вас самих разве они не представляют опасности? — спросил Клэйтон.

— Разумеется. В тысяча семьсот пятьдесят третьем году в Петербурге во время опыта был убит молнией академик Рихман. Малейшая неисправность — и конец. Лучше не иметь совсем никакого громоотвода, чем ставить плохо сконструированный. В этом отношении наши прадеды были не так уж не правы, опасаясь ставить громоотвод. Где-то я читал, что домовладелец из французского городка Сен-Омара Виссери де Буавалле поставил на крыше своего дома громоотвод в виде меча, направленного в небо и укрепленного на шаре, а шар был приделан к металлической палке. Это было в тысяча семьсот восемьдесят третьем году. Столь непочтительного вида громоотвод задел религиозные чувства сен-омарцев. Ведь это было почти вызовом небу, объявлением войны господу богу. Когда же граждане увидели на острие меча пляшущие язычки небесного пламени и низвергающуюся молнию, то пришли в ужас. Гнев бога мог спалить маленький французский городок, как Содом и Гоморру. Муниципальные власти предъявили к Виссери де Буавалле иск о снятии неприличного и опасного в пожарном отношении громоотвода. На этом процессе со стороны домовладельца выступал молодой адвокат — тогда еще двадцатипятилетний юноша Робеспьер. Это имя, конечно, известно вам? Этот процесс, нашумевший во Франции, положил начало известности Робеспьера. Он блестяще выиграл процесс и «отстоял» громоотвод. Процесс этот сыграл не малую роль в распространении громоотводов.

Что касается моих «громоприводов», то они как будто не представляют опасности. Я предусмотрел все. Меня может погубить только случайная неисправность. Работа в лаборатории сопряжена с гораздо большими опасностями.

Обсушились? Не хотите ли чаю? Или есть? Мы сейчас будем обедать. А вот и гроза прошла.

В комнату вошла высокая старуха. Она казалась последним представителем вымершей породы великанов. Старуха искоса взглянула на Клэйтона, сухо поклонилась и начала накрывать на стол.

Следом за ней вошла в комнату девушка. Теперь на ней была белая блузка и клетчатая юбка-шотландка.

— Познакомьтесь, — сказал Микулин. — Елена Лор. Мистер Клэйн. Турист по призванию.

Еще одно лицо появилось в комнате: молодой человек с калмыцким лицом. На этот раз он был в толстовке и брюках навыпуск, в туфлях на босу ногу. Это несколько шокировало Клэйтона.

— Грачов, Ефим Яковлевич. А это наша завхоз, повар, ключница и прочее и прочее — Егоровна. Не хватает только ее почтенного супруга — Данилы Даниловича Матвеева, великого ловца зверей. Он вчера с вечера пошел на охоту и еще не вернулся.

Когда все уселись за стол, Микулин рассказал гостю, как они живут. Лор и Грачов иногда вставляли свои замечания. Клэйтон слушал и в то же время внимательно наблюдал за этими людьми, пытаясь определить их отношение друг к другу. Его больше всего интересовал вопрос, какое место в сердце каждого из молодых людей занимает Лор и кто из них завоевал ее сердце. По мнению Клэйтона, роман был неизбежен. Для этого имелись все данные: молодость всех троих, красота Лор, одиночество. Пожалуй, имелись данные даже для драмы: оба молодых человека должны были влюбиться в Лор, но кто же из них счастлив? У Микулина больше данных: он красивее, он шеф этой маленькой общины, наконец, он гениален. А Грачов? Он интересен только своей необычайной веселостью и жизнерадостностью. Разве несчастный влюбленный может так смеяться, как Грачов? Но кто же, кто из них?.. Неужели эти молодые люди умеют так прекрасно владеть своими чувствами? У них ровные товарищеские отношения с Лор. Ни тени «ухаживания». Они не оказывают ей за столом услуг, общепринятых в кругу друзей и знакомых Клэйтона, как будто она не девушка, а их товарищ — юноша. И она тоже не оказывает ни одному из молодых людей особого внимания. Клэйтон даже показалось, что на него она поглядывает гораздо чаще, чем на своих товарищей по работе. Это внимание могло доставить Клэйтону большое удовольствие, но он скромно объяснил свой успех тем, что он здесь новый человек, а жизнь «колонистов», по-видимому, не отличается разнообразием.

Обед подходил к концу, и Клэйтон начал беспокоиться. Приличия требовали, чтобы он, поблагодарив хозяев за

гостеприимство, отправился своим путем. Надо было придумать предлог, чтобы задержаться здесь на возможно большее время. Прикинуться больным — нельзя так внезапно. На всякий случай Клэйтон решил подготовить почву. Он незаметно перевел разговор на себя и сказал:

— Я, быть может, не совсем точно выразился, аттестовав себя бродягой по призванию. Это не совсем так. Скорее, я бродяга поневоле. Дело в том, что у меня странная болезнь. Англичане, пожалуй, назвали бы ее сплином. И только во время путешествий я успокаиваюсь. От времени до времени у меня бывают сердечные припадки. Иногда они быстро проходят, иногда же мучают меня по нескольку дней... Позвольте вас поблагодарить... мне пора в путь!

Микулин и даже Лор предложили ему остаться. Клэйтон едва не согласился «погостить денек-другой», но выдержал характер: у него уже был готовый план. Он распростился с новыми друзьями и вышел. Микулин, Лор и Грачов вышли его провожать.

— Если будете еще в наших краях, заходите! — крикнул ему Микулин.

— Благодарю, — ответил Клэйтон, удаляясь от дома. «Выдержка, выдержка», — шептали его губы.

ПРИПАДОК

У белого камня, лежавшего недалеко от речки, Клэйтон встретил великана — седого старика с убитой косулей на плечах. Пояс его был увешан гирляндой из горных куропадок и дроф. Из-за спины торчало дуло ружья. Это и был, очевидно, великий ловец — Данилыч. Клэйтон почти с ужасом посмотрел на него. Старик остановился и учинил Клэйтону настоящий допрос. Узнав, что Клэйтон был у Микулина, старик смягчился и подал свою, похожую на тарелку, ладонь.

«Ну и пара, — подумал Клэйтон, пожимая руку великана и вспоминая старуху, прислуживавшую за столом. — Где они только подобрали друг друга».

— Куда идешь? — спросил старик. Он со всеми был на «ты».

— В Кобдо, — ответил Клэйтон.

— Так не пройти. Иди к перевалу... И Данилыч подробно объяснил путь:

Они расстались. Но Клэйтон не пошел на перевал, а остался в лесу неподалеку от фермы Микулина и начал незаметно наблюдать за фермой. Мысль притвориться больным занимала его. Сначала он хотел выследить, по какой дороге Лор ездит на прогулку, и лечь на ее пути, притворившись больным. Но на это надо было потратить не менее двух дней, а Клэйтона охватило нетерпение. Ведь он ушел от Микулина, несмотря на приглашение остаться. Этим самым он достаточно замаскировал свои намерения. И Клэйтон решил «заболеть», не откладывая.

Он вернулся к белому камню и улегся на него. Из окон дома камень виден. Рано или поздно его должны заметить. Клэйтон корчился на камне, как полураздавленный червь, имитируя судороги, и наконец, замер в глубоком обмороке. Он лежал неподвижно, одним глазом поглядывая на дом. Но его не замечали, и никто не шел ему на помощь. Так пролежал он более двух часов. Это начинало надоедать. Бок болел от твердого камня. Клэйтон уже хотел встать и придумать что-нибудь другое, как вдруг одна мысль пришла ему в голову.

Джетти уже давно опротивело вынужденное бездействие, он нетерпеливо скреб камень лапами и отрывисто лаял. Клэйтон начал тихо стонать. Нервный пудель не мог переносить стона и завыл, сначала тихо, а потом все громче. Этот вой был неожиданно поддержан густым гудением медвежонка Федьки. Получился довольно дикий дуэт, который должны были услышать все обитатели фермы. Однако Федька едва не испортил дела. Он вдруг выбежал из сарая и направился к белому камню. Увидав медведя, Клэйтон с трудом удержался, чтобы не вскочить и не убежать, хотя и знал, что медведь ручной. Притом медведи не трогают трупов, а Клэйтон лежал неподвижно, как мертвый. Джетти завизжал так, словно медведь уже драл его, медведь ревел еще громче. На этот шум вышла Егоровна и позвала Федьку. Но тот был слишком увлечен возможностью завязать знакомство с Джетти. Он не отходил от Клэйтона.

— Ах, трясцы тебя побери! — выбранилась Егоровна и

направилась к белому камню. Она отогнала медвежонка, прикрикнула на пуделя, потом обратилась к Клэйтону.

— А вы что тут лежите?.. Спите, что ли?

Клэйтон простонал, не открывая глаз.

— Ишь ты, заболел немец! — Для Егоровны все иностранцы были немцами. Она наклонилась над ним, подвела руки под его спину и подняла Клэйтона с такой легкостью, как будто он был маленький ребенок.

Клэйтон совсем иначе представлял свое возвращение на ферму. Он, бледный, с закрытыми глазами, лежит в красивой позе на дороге. Выезжает очаровательная наездница и видит его. Соскакивает с лошади, наклоняется к нему, быть может, целует... И вместо этого какая-то престарелая великанша несет его под мышкой, как зарезанного каплуна! Только бы Лор не видел этой картины.

Судьба смиростивилась над Клэйтоном. Никто не видел этого печального шествия.

Молодежь работала в лаборатории, а Данилыч свеживал косулю за сараем. Егоровна принесла Клэйтона в домик с мезонином, положила на скамью и тихо сказала:

— Вот еще навалился на нашу голову. Помрет, пожалуй, наделает хлопот. — И вышла из комнаты.

Клэйтон оглянулся, спрыгнул со скамьи и подбежал к окну. Егоровна скрылась в дверях лаборатории, но через минуту опять вышла в сопровождении Лор. Клэйтон быстро отбежал от окна, улегся на скамью и закрыл глаза... Дверь открылась, вошли Егоровна и Лор.

— Как будто дышал еще, — сказала Егоровна. Лор подошла к Клэйтону и взяла его руку.

— Пульс немного повышен! — сказала она. — Я сейчас схожу за нашатырным спиртом. А вы, Егоровна, приготовьте воды.

Вскоре девушка принесла дорожную аптечку и стала растирать виски Клэйтона одеколоном, давала нюхать спирт, брызгала водой. Только бесчувственный труп мог остаться равнодушным к такому заботливому уходу. Клэйтону хотелось продлить удовольствие, но в то же время не терпелось скорее посмотреть на девушку глазами, исполненными благодарности. Он не чужд был романтики, этот «бродяга по призванию».

Увы, сцена разрешилась совсем иначе. Лор слишком

близко подставила склянку со спиртом к носу Клэйтона. Он чихнул так громко и неожиданно для самого себя и Лор, что та уронила склянку, а Егоровна ахнула густым басом.

— Вам лучше? — спросила Лор. — Как вы себя чувствуете? — И тут же рассмеялась. — Вы так напугали меня!

— Простите... Да... Отлично чувствую! То есть ужасно... Боли в груди, сердце... спазмы! Припадок... Все пройдет, надеюсь...

— Лежите спокойно, — сказала Лор. — Я вам положу на сердце лед.

— Нет, не надо! — испуганно возразил Клэйтон. — От льда мне будет хуже...

— Не рассуждайте! — строго сказала Лор, как заправский врач.

В СТРАНЕ НЕИЗВЕСТНОГО

Клэйтон «поправлялся» очень медленно. Правда, встал он в тот же день вечером, но был ужасно слаб.

— Эти припадки обессиливают меня на много дней... — говорил он, — я очень огорчен, что доставил вам столько беспокойства.

Клэйтону очень хотелось сопровождать Елену Лор в ее прогулках, но он должен был выдерживать роль больного. Иногда «припадок» повторялся в легкой степени. Тогда Лор отказывалась от своей обычной прогулки и ухаживала за больным. Таким образом Клэйтон провел с девушкой немало часов. По мнению американца, это должно было возбудить ревность у Микулина или Грачова. Но, очевидно, у этих людей были куски льда вместо сердца; никто из них не обращал внимания на то, что Лор проводила все свои свободные часы у постели больного.

Клэйтона поместили в том же доме, где жил Грачов. В среднем доме, примыкавшем к скале, находилась лаборатория. Там жил Микулин, а Лор занимала мезонин в доме, где помещались старики-великаны — супруги Матвеевы, старообрядцы, когда-то бежавшие в леса Алтая от гонений царского правительства. Вообще за эти несколько дней Клэйтон узнал многое. Он ближе познакомился со всеми обитателями фермы. Джетти подружился с медвежонком Федькой, и они целыми днями гонялись друг за другом. Лор

очень полюбила Джетти, Грачов и Микулин дружески встречали больного и всегда осведомлялись о его здоровье.

Когда Клэйтону было «лучше», он заходил к Микулину. Ученый его любезно встречал и охотно давал разъяснения.

— Мы с Аленкой идем разными путями к одной цели. Аленка, — так Микулин называл Лор, — последовательница классической химии, я — физик. Иногда у нас происходят маленькие споры. Утверждаю, что классическая химия отжила свой век и что на смену ей идет физика. Даже в тех областях, где химия считается неограниченным владыкой. В самом деле, сколько труда тратят химики хотя бы на то, чтобы создать синтетическим путем каучук! А я достигаю этого очень скоро при помощи своих катодных трубок высокого напряжения. Вот, полюбуйтесь.

Микулин подошел к стене и повернул рубильник. Между двумя огромными электродами-полюсами проскочила искра величиной с яблоко, как показалось Клэйтону.

Микулин перевернул рубильник, и искра превратилась в бешеные потоки голубовато-белого огня, который ревел, трещал, шипел так сильно, что Клэйтон невольно отступил к двери.

— Отойдите еще дальше! — крикнул Микулин. — На этом месте однажды едва не убило Аленку.

— А вы? — спросил Клэйтон.

— Мне надо! — ответил Микулин. Он повернул рубильник назад. Страшные огненные змеи исчезли, притаились. Но они были здесь, готовые каждую минуту выпрыгнуть по приказу своего укротителя. Да, Микулин, этот красивый юноша с выразительными глазами, был страшный своим могуществом человек.

— Это настоящая молния, — пояснил Микулин. — В ней два миллиона вольт. Но я могу довести напряжение до десятка миллионов. Настоящая молния лопнет от зависти. Теперь смотрите сюда.

Микулин повернул другой рычаг.

Шесть длинных стеклянных лампочек, соединенных цепью, засветились приятным зеленоватым огнем.

— Это не так страшно, не правда ли? — спросил Микулин. — А между тем здесь заключены те ужасные стихийные силы. Но я заставил их служить человеку. Вот из этого окошечка в трубке я выпускаю «пи-лучи». Это настоящие

лучи смерти для многих живых существ. И в то же время они способны делать чудеса, превращая химические элементы. Пусть злится Лор! Это моя физическая катодная химия. Я разбиваю и перемещаю атомы по своему желанию. Из углеводов я могу сделать искусственный каучук, из угля — бензин и нефть. Из дерева — сахар и шелк и скоро, кажется, я получу живую плазму. — Микулин погасил лампочки. — Идемте, пора обедать.

— Вы, кажется, скоро будете превращать камни в золото? — шутливо спросил Клэйтон, волнуясь в душе. Микулин уселся на ступенях крыльца, покачал головой и сказал:

— Не так скоро, как я сам предполагал. — Он взял несколько камешков и начал укладывать их в ряд. — Практическая химия имеет дело с очень небольшим количеством химических элементов. Кислород, водород, углерод, азот. Вот основные строители бесчисленного количества видимых веществ. Молекулы этих элементов вступают во всевозможнейшие отношения — вот так, как я раскладываю эти камешки. И каждый раз получается новое вещество: то анилиновая краска, то взрывчатое вещество, то ароматическая эссенция. Одним и тем же веществом я могу взорвать скалу или надуть ваш платок. Аленка Лор рекордсмен в этой области. Но все еще не то, что мне надо. Эта игра в камешки уже не занимает меня. Меня интересует превращение самих «камешков». Изучая природу самих атомов, перемещая расположение их электронов и протонов, я хочу превращать основные элементы: из кислорода делать водород, из углерода — азот. Тогда я буду мастером «перевоплощения» материи. Но как много трудностей на этом пути!

Я похож на путешественника в неведомых странах. Мне надо приготовить «фураж», прежде чем двинуться в путь, и Лор и Грачов помогают мне в этом. С этим багажом я двигаюсь в путь к намеченной цели. Эта цель кажется близкой, как горная вершина. Но вы знаете, как горный воздух скрадывает расстояния и обманывает? Вы идете день и ночь, падаете от усталости, а вершина как будто уходит от вас... Вот здесь, на Алтае, есть гора Белуха: Пять тысяч пятьсот метров. Еще ни одна человеческая нога не ступала на эту вершину. А между тем она не кажется такой высокой и недоступной. Попробуйте, взойдите на нее!.. То же происходит и со мной. Иногда мне кажется, что я совсем близко

у цели. И когда мне оставалось сделать только последний шаг, я вдруг видел прежде скрытую от моих глаз расщелину, глубокий провал, который нельзя перейти. И надо было начинать все снова. Но цели-то своей я в конце концов достигну.

— И будете превращать булыжники в золото?

— И золото в булыжники, — ответил Микулин.

— Скоро?

— Да, теперь скоро. Предварительные работы закончены. В моей лаборатории все приготовлено к опыту. Теоретически вопрос решен. И быть может, не пройдет и несколько дней, как вы будете свидетелем осуществления мечты алхимиков. У всех этих алхимиков было зерно истины! Великий алхимик средних веков араб Абу-Мурзы-Джафар-аль-Софи говорил, что металлы — тела меняющейся природы, состоят из ртути, то есть ртути и серы, и потому им можно придать то, что им недостает, и отнять у них то, что находится в избытке. Мы, современные «алхимики», действуем очень похожим методом: стараемся изменить атомное строение, отнимая или прибавляя недостающие электроны. В периодической системе Менделеева золото занимает семьдесят девятое, а ртуть — восьмидесятое место, и атомный вес их очень близок: золото сто девяносто семь и две десятых, ртуть — двести целых и шесть десятых...

— Обедать! — послышался сильный и низкий голос Егоровны.

— Идемте обедать, — поднялся Микулин, — а сегодня вечером приходите в лабораторию. Вы будете присутствовать в качестве благородного свидетеля при появлении первого золотого слитка.

«Однако мне везет», — подумал Клэйтон.

Все складывалось лучше и проще, чем он ожидал.

НЕУДАВШИЙСЯ ОПЫТ

После обеда Клэйтон вернулся в свою комнату и, как полагается больному, лег в постель. Но его мертвый час был наполнен довольно живыми размышлениями. Клэйтону надо было обдумать дальнейший план действий, если секрет получения золота искусственным путем будет открыт

сегодня Микулиным. Убить! Но это не легко. Совсем нелегко. Пожалуй, легче убить Грачова. Но он только лаборант. Нечто вроде слуги. Подай, подогрей, возьми... Микулин? Говорят, он гениален... Вполне возможно. Однако Микулин обладает еще одним талантом: привлекать к себе симпатии окружающих. Клэйтон старался убедить самого себя, что Микулин замышляет погубить цивилизацию, но маска злодея спала с лица Микулина и на Клэйтона смотрели большие глаза, от которых трудно было оторвать взгляд.

— Не может быть, чтобы Лор была равнодушна к этим глазам, — прошептал Клэйтон. И мысли его перешли к девушке прежде, чем он «покончил» с жизнью Микулина. Убить Лор? Убить молодую девушку, похожую на веселого мальчика? Да он и не собирался никого убивать! Он узнает о том, что секрет золота открыт, сообщит Додду, и пусть они делают что хотят. Впрочем, нет. Клэйтон был бы плохим патриотом, если бы отказался выполнить свой гражданский долг. Надо меньше размышлять, а больше делать. «Я не возбуждаю у Микулина подозрений и спрошу у него прямо, как он думает использовать свой изобретения. Если он в самом деле думает сделать их орудием революционной борьбы, то с ним и со всеми ими не придется церемониться».

Вечером Клэйтон отправился в лабораторию. Там уже кипела работа. Лор и Грачов, видимо, волновались. Грачов хотел скрыть свое волнение под маской обычной шутливости.

— Как ты думаешь, Вася, — спрашивал он у Микулина, — скоро у нас из золота будут делать общественные уборные?

Микулин улыбнулся как всегда. Ни малейшего напряжения мысли не видно было на его большом открытом лбу, как будто делал он совсем простое, обыденное дело.

— Сыпь сюда, на эту полочку, — приказал он Грачову вместо ответа. Грачов насыпал на небольшую полочку у стеклянной трубки белого порошка.

Руки Грачова немного дрожали.

— Довольно?

— Довольно, Ефим, спасибо, Аленка, отойди, ты опять стоишь против трубки. Сейчас буду пускать ток...

Лор отошла. В лаборатории наступила торжественная

тишина. Микулин повернул рубильник. Загудел мотор, затрещала искра. Пустотные трубки наполнились зеленоватым огнем. Четыре пары глаз внимательно смотрели на белый порошок.

— Идет! — крикнул Грачов. — Чернсет!

— Ничего не идет, — спокойно ответил Микулин. — Порошок не должен чернеть.

Вскоре белый порошок сделался черным как уголь.

Микулин рассмеялся и, обратившись к Клэйтону, сказал:

— Простите, я поторопился позвать вас. Опять неудача! Хотя я не понимаю, как могло это случиться. Аленка, иди сюда на расправу.

На лицах Лор и Грачова было написано самое искреннее огорчение.

Микулин и Лор засели за небольшой чертежный столик. Микулин начал быстро писать на старом чертеже химические формулы, от времени до времени обращаясь к Лор с вопросом:

— Так?

Смушенная девушка кивала головой.

— Пока все верно, — вздохнул Микулин. — Но был ли химически чистый препарат? Достаточно ли тщательно ты промыла посуду?

— Я...

— А ну, пойдем в твою лабораторию. — И еще раз обратившись к Клэйтону, Микулин сказал:

— По не зависящим от дирекции обстоятельствам, спектакль не состоится. Публика может получить из кассы деньги обратно.

— Но может быть, позже? — спросил Клэйтон.

— Если вы имеете терпение подождать. Мы не окончим работу, пока не отыщем ошибку или причину неудачи. И если нам посчастливится, мы сегодня же попробуем повторить опыт.

— Я подожду, — сказал Клэйтон.

Выйдя на крыльцо, он сел на ступеньку и закурил трубку. Дверь в лабораторию была открыта. Проходили часы за часами, а Микулин, Лор и Грачов все еще работали в лаборатории. Иногда слышались вопросы Микулина и быстрые ответы Лор.

Месяц зашел за гору, утренний холодок заставлял ежиться. В лаборатории заговорили громче, потом затихли. Клэйтон подошел к окну и посмотрел. Три головы склонились над большой колбой, под которой горела бунзеновская горелка.

— Ага! — воскликнул Микулин. — Кто прав?

— Как всегда, ты, — ответила Лор. — Но кто виноват?

— А кто мыл посуду?

— Ефим.

— А-а! — зарычал Микулин и вытащил Грачова из лаборатории на крыльцо.

— Заждались? Вот он — преступник! — сказал Микулин. — Ефим Грачов, погубивший первый слиток золота. И из-за него общественные золотые уборные будут построены несколькими часами позже!

Грачов был так огорчен, что на глазах у него появились слезы.

— Ну, не грусти, Ефим. С кем не бывает, — утешал его Микулин. Лор тоже вышла из лаборатории, на ее лице также было написано огорчение и усталость. Она проработала всю ночь с большим напряжением. Глаза ее смыкались.

— Будем продолжать? — спросил Микулин. Он совсем не выглядел утомленным, но, посмотрев на своих усталых товарищей, сказал: — Баста! Пора спать. Завтра мы до обеда успеем приготовить все для опыта.

Грачов хотел протестовать, но Микулин настоял на своем.

— Пусть отдохнут, — сказал он Клэйтону, когда Лор и Грачов ушли. — Они много поработали. У самой цели перед нами опять открылась пропасть, и нам не удалось перейти ее сегодня. Но это пустяки. Пока они будут отдыхать, я поработаю в лаборатории и сам приготовлю все для опыта. А вам тоже пора спать, мистер Клэйтон. Ваша трубка давно погасла.

— У меня бессонница, — ответил Клэйтон. — И если бы я мог быть полезен, я охотно помог бы вам.

— Не откажусь от вашей помощи, — ответил Микулин, и они прошли в химическую лабораторию Лор.

Клэйтон был довольно сообразительным и ловким малым, и через час Микулин говорил:

— А знаете, из вас вышел бы прекрасный помощник! У вас все в руках спорится. Вы не привыкли к химической посуде, и все-таки ничего не бьете и не роняете.

Клэйтон был польщен этой похвалой. Они проработали до утра. Солнце уже давно осветило вершины деревьев и белый камень, когда наконец они кончили приготовления.

— Готово! — сказал Микулин. — Теперь пойдем, подышим свежим воздухом.

УДОВОЛЬСТВИЕ БЫТЬ ЧЕРТОМ

Они вышли из дому и направились мимо белого камня, вдоль берега речки. Утреннее солнце золотило ивы и тополя. Микулин посмотрел на снежную вершину дикой горы, окутанную легкой дымкой.

— Отличное утро, — сказал Микулин. — А гроза все-таки будет сегодня. Она, пожалуй, и лишняя. Мои аккумуляторы заряжены, и мои кладовые полны консервированными молниями. Притом у меня есть небольшая гидростанция. Скоро опыты закончатся, и энергия нужна будет только для производства золота. Положим, на это потребуется немало энергии.

— Что вы будете делать с золотом? — не удержался от вопроса Клэйтон.

— Мы наденем ярмо на золотого тельца и заставим его пахать наше поле! В древнеиндийских книгах — Атава-Веда — золото называется жизненным эликсиром. Смотрите на этот край. Природные богатства его неисчислимы. Красота неопишима. Климат прекрасный. А кто здесь живет? Дикий зверь, птица да горсточка людей. Что можно сделать с этим диким краем? Тысячи водопадов и горных речек будут вращать колеса турбин. По красивым долинам заснуют новенькие трамвайные вагончики, задымят заводские трубы, вырастут дворцы-санатории, оживут горы и леса. И не только здесь, на Алтае, золото станет эликсиром жизни. — И Микулин начал с увлечением говорить о том, как быстро будет развиваться хозяйство страны, увеличиваться благосостояние масс. Но Клэйтона мало интересовала эта тема. Это было, так сказать, употребление золота для мирных целей. Клэйтона интересовало иное. Дождавшись паузы, он спросил:

— В Атава-Веда золото названо средством против колдовства. Против какого же колдовства вы собираетесь использовать золото?

— Против колдовства самого же золота. Против колдовства капитала, поработившего рабочих, ослепившего разум людей.

«Додд был прав. Вот когда Микулин показал свое настоящее лицо!» — подумал Клэйтон.

— Но ведь это причинит большие несчастья людям. И хочу сказать, пока вам не удастся осуществить ваш новый строй...

— А скажите, положив руку на сердце, разве строй любезной вашему сердцу Америки обеспечивает счастье большинству населения? И даже те немногие, кто наслаждается счастьем за счет несчастья других, разве богачи счастливы по-настоящему? Разве их не беспокоит мысль о крушении капитализма? Спокоен только тот, за кем будущее.

Микулин еще долго говорил о грядущем, но Клэйтон думал только об одной фразе: спокойным может быть только тот, за кем будущее. Черт возьми, выходит, что будущее за большевиками! Ну, он убьет Микулина, убьет Лор и Грачова, а дальше что? Всех большевиков он перебить не сможет. Счастливая Россия. Ей не грозят революции, не грозит страшный призрак, который не дает спокойно спать европейским и американским капиталистам.

«Лучший способ перестать бояться черта — самому стать чертом», — подумал Клэйтон.

— По-китайски Алтай называется Кин-шан — золотая гора, — продолжал Микулин. И ему не напрасно дано такое название. В горах Алтая очень много золота — я делал разведки. Но это золото может спокойно оставаться в земле. Гораздо проще и дешевле будет получать золото лабораторным путем. Я поставлю производство на широкую ногу и здесь в буквальном смысле возникнет золотая гора.

«А если этот черт будет обладать золотыми горами, то быть одним из чертей совсем не плохо!» — продолжал развивать свою мысль Клэйтон.

Микулин еще о чем-то говорит, а Клэйтон, почти засыпая, думает: «И как это мне раньше в голову не приходило? Останусь здесь, женюсь на Елене Лор». Распростившись с

Микулиным, Клэйтон вошел в дом, быстро разделся, лег на кровать и уснул мертвым сном.

Никогда не спал он так крепко. Но этот могучий сон был прерван сильнейшими ударами грома. Клэйтон открыл глаза и долго не мог сообразить, где он и что с ним. Гроза! Синие зигзаги режут за окном серую муть. Отсветы молний озаряют бревна стены. Где-то кричат... Или это ему показалось? В промежутке между ударами грома ясно послышался голос Микулина. А вот громopodobный голос Данилыча...

Клэйтон подбегает к окну. Удивительное зрелище! Один из металлических стержней на крыше того дома, в котором помещается лаборатория, надломился. Молнии ударяются об этот стержень и соскакивают на нижележащий шпиль уже не по проводу, а прямо по воздуху. Клэйтон понял всю опасность положения. Сильная молния может перепрыгнуть не на шпиль, а прямо на крышу. Вот один огненный клубок прыгнул прямо на крышу, и она задымилась. Дом сторит, а с ним и все научное оборудование лаборатории, редкие машины... Клэйтон быстро оделся и выбежал на улицу.

Вокруг дома толпится вся колония: Микулин, Лор, старики Матвеевы и Грачов. Он в странном костюме, похожем на костюм водолаза. Это изоляционный костюм. На руках толстые резиновые перчатки. В правой руке палка с резиновым наконечником. Грачов забегает за угол дома и через минуту появляется на углу крыши. Он, видимо, хочет сбить палкой кусок обломанного, наклонившегося стержня.

Клэйтон даже сквозь удары грома услышал, как вскрикнула Лор, увидав Грачова на крыше. Несмотря на изоляционный костюм, он подвергнулся страшной опасности. Микулин, желая перекричать гром, потрясая кулаками, требовал, чтобы Грачов немедленно вернулся обратно. Но, не обращая внимания на крики Микулина, Грачов продолжал медленно ползти по скользкой крыше. Несколько раз молния ударяла в шпиль на расстоянии какого-нибудь метра от смельчака.

Видя, что Грачов не слушает его, Микулин, крича на ухо, приказал Данилычу стянуть Грачова с крыши багром. Великану-старика ничего не стоило достать Грачова, не влезая на крышу. Но в тот момент, когда он уже поднимал

багор, молния ударила в сломанный стержень. Минуя резиновый наконечник, она перескочила на мокрую палку, которую держал в руках Грачов, скользнула по ней и ослепительно взорвалась, как показалось Клэйтону, на груди Грачова. В то же мгновение раздался такой страшный удар грома, что Клэйтон зашатался, а Лор упала на колени. Клэйтон закрыл глаза, ослепленный молнией, но тотчас заставил себя опять оторвать их. Тело Грачова, окруженное облаком пара и синим дымком, сползло с крыши и упало на землю.

— Ефим! — крикнула Лор и бросилась на грудь Грачова, как бы желая своим телом потушить еще тлеющую одежду. Клэйтон содрогнулся, почувствовав запах горелого человеческого мяса. Лицо Грачова было иссиня-черно, изоляционный костюм, одежда и белье изорваны.

Микулин подбежал к Лор и поднял ее с земли. Она посмотрела на Микулина, тяжело вздохнула, закусил губу и замолкла. Она удивительно скоро справилась со своим волнением. Но Клэйтон не мог забыть ее короткий крик. О товарище и друге так не станет сокрушаться женщина, — по крайней мере, американская. Значит, Лор или любила Грачова, или же чувство товарищества у них гораздо глубже и сильнее, чем у людей того круга, в котором жил Клэйтон.

Опять загрело. Молния вновь ударила в стержень, перескочила на шпиль и ушла в землю. Гроза затихла, но положение продолжало оставаться серьезным. Данилыч унес труп Грачова, а Клэйтон думал, что предпринять. Вдруг его осенила блестящая мысль. Он сбегал к себе в дом за своей прекрасной автоматической винтовкой. Клэйтон был неплохой стрелок. Несколько выстрелов, и надломленный конец стержня упал, он уже не мог отводить молнии в сторону. Еще одна молния упала на стержень и ушла в землю уже по проводу. Опасность миновала. Микулин с благодарностью взглянул на Клэйтона. И этот взгляд обрадовал Клэйтона больше, чем он сам ожидал. Нет, решительно Микулин обладает тайной привлекать к себе сердца людей!

Наконец гроза окончилась, Лор ушла, и у дома остались Микулин, Егоровна и Клэйтон. Егоровну Микулин отослал к Лор.

— Бедный Грачов, — сказал Микулин. Его лицо как будто постарело, а в глазах появилась тайная глубокая и искренняя скорбь, какую Клэйтону не приходилось видеть никогда в жизни. Но прошло несколько мгновений, и спокойный взгляд Микулина уже был устремлен на крышу — на струйку дыма, курившегося в том месте, где был убит молнией Грачов.

Клэйтон все больше удивлялся этим людям. Их психология казалась ему необычной. Быть может, это психология будущего человека? Эта глубина переживаний и вместе с тем умение быстро «переключить» свое внимание на другое, сосредоточить все свои душевные силы на одном предмете? С какой самоотверженностью полез Грачов прямо в огонь, не думая ни о чем, кроме спасения лаборатории!

— А ведь крыша тлеет! — сказал Микулин. Он сбегал за топором, влез на крышу и начал обдирать гонт. Скоро показались красноватые языки пламени.

— Так и есть! — сказал Микулин и, продолжая работать топором, крикнул Клэйтону: — Сбегайте, пожалуйста, в лабораторию и принесите огнетушитель. Он висит на стене у двери, направо!

И Клэйтон, который явился сюда для того, чтобы убить страшного Микулина, с готовностью побежал исполнять его приказания. Этот «холодный огонь», скрытый энтузиазм начал заражать Клэйтона. Он принес огнетушитель и взобрался на крышу. Отсюда он видел, как из дома, куда Данилыч внес труп Грачова, вышла Лор. Если бы не ее суровое лицо и чуть-чуть сдвинутые брови, никто не мог бы предположить, что эта девушка только что перенесла сильнейший удар.

— Потушили? Я ничем не могу вам помочь? — спросила Лор.

— Конечно, — ответил Микулин. — Иди отдохни, Аленка!

Лор молча удалилась. Микулин и Клэйтон слезли с крыши.

Вечером в тот же день в сосновом гробу, сколоченном Данилычем, тело Грачова было опущено в землю. Засыпали. Молча постояли над могилой. Только Данилыч что-то шептал.

Через несколько дней, сидя за вечерним чаем, Микулин сказал:

— Трудно теперь работать без Грачова.

— Да, — ответила Лор. — Придется выписать кого-нибудь из наших ребят. Но на это уйдет немало времени.

— Разрешите мне сделать одно предложение, — сказал Клэйтон. — Я одинок, решительно ничем не связан. Для меня «где хорошо, там и родина», как говорили римляне. Здесь мне очень хорошо. Болезненные припадки не повторяются. С каждым днем я чувствую себя здоровее. Я с большим удовольствием остался бы у вас по крайней мере до весны и помогал бы вам в лаборатории.

Микулин взглянул на Лор.

— А что, Аленка, ведь это неплохо? Мистер Клэйн уже помогал мне и оказался способным. У него ловкие руки.

КЛЭЙТОН СТРОИТ МОСТЫ

Клэйтон достиг цели. Он присутствовал при опытах, мог следить за «путешествием» Микулина по неведомым странам молекул, атомов и электронов. Постепенно Клэйтон начал и сам знакомится с этими удивительными странами. Его сведения были поверхностны и, быть может, не совсем точны. Но он обладал живым воображением, и даже во сне Клэйтону снились атомы и электроны. Он был в необычном мире микрокосмоса. Он видел центральные ядра-протоны, вращающиеся вокруг самих себя, как солнца. Видел планеты-электроны, которые вертелись, как волчок, и облетали вокруг центрального ядра. Иногда крайняя «планетка» отрывалась от своей солнечной системы, подходя слишком близко к другому солнцу. Равновесие нарушалось. В маленьком мире происходили настоящие «космические бури». Вечные странники — ионы, как кометы, прорезывали солнечные системы атомов и нередко становились пленниками. Закон всемирного тяготения царил и здесь. Бродячие электроны превращались в планеты, вращающиеся на привязи вокруг солнца. Это был мир вечного движения, как вечно меняющийся и в то же время устойчивый. Вечно нарушаемое равновесие тотчас восстанавливалось.

И вот приходит Микулин со своею «пушкой» и начинает бомбардировать электроны пи-лучами. Атомы расщепля-

ются. Отдают внутреннюю энергию. Процессы, на которые природа тратит миллиарды лет, проходят в несколько минут... Клэйтону снятся груды золота, золотые горы Киншан.

Придя наутро в лабораторию, Клэйтон рассказывал Микулину свои сны. Микулин внимательно слушал, иногда смеялся и говорил:

— Вы делаете успехи.

Клэйтон поражался работоспособности Микулина. Микулин работал, не отрываясь, целые дни и неизвестно, когда спал. Казалось, никакие интересы не существуют для него, кроме науки. Но Клэйтон знал, что научный энтузиазм поддерживается у Микулина чисто практическими целями — сделать жизнь трудящихся лучше, легче, богаче.

Наконец настал день, вернее вечер, когда Микулин возобновил свой опыт с превращением элементов.

На этот раз уже Клэйтон положил белый порошок на полочку у окошечка стеклянной лампы.

— А что это за порошок? — спросил Клэйтон.

— Висмут.

— Из него вы сделаете золото?

— Сейчас увидите.

Микулин повернул рубильник под напряжением тока в пять миллионов вольт, электроны завились винтом и с необычайной силой начали вылетать из окошечка. никто их не видел, но зато видна была их работа: через несколько минут порошок висмута превратился в крупинку какого-то вещества, впрочем мало похожего на золото.

— Опять неудача?

— Все в порядке, — ответил Микулин, рассматривая полученный элемент. — Это свинец. Будем продолжать опыт.

Свинец был превращен в талий. А из талия получилась блестящая капелька ртути. Еще раз вспыхнули трубки-лампы зеленоватым огнем, и ртуть превратилась в горошину чистейшего золота. У Клэйтона дыхание перехватило.

— Что ж вы будете делать с этим первенцем? — спросил он.

— Вновь превращу в висмут.

Клэйтон вздохнул. Золото превратить в порошок от

расстройства желудка. Нет, решительно этот человек не от мира сего!

Микулин увидел огорченное лицо Клэйтона и рассмеялся.

— Вам так жалко этой горошины? Так и быть, я подарю вам ее. Можете сделать из нее брелок.

— Благодарю вас, — ответил Клэйтон, бережно опуская золотую горошину в карман. — Теперь вы займетесь производством золота?

— Вы ошибаетесь, мой друг. Эта горошина обошлась мне ровно в три раза дороже, чем стоит такой же кусочек ископаемого золота. Мой способ добычи золота еще нерентабелен, как говорят хозяйственники. Мое открытие еще не имеет практической ценности. Нужно удешевить производство золота.

Клэйтон был разочарован, и обрадован одновременно. Разочарован тем, что к золотым горам нужно еще долго идти, обрадован тем, что предстоит дальнейшая работа с Микулиным.

Потянулись рабочие дни. Микулин неустанно продвигался вперед по стране неведомого. Лор «заготавливала фураж», делала подготовительные опыты, Клэйтон помогал Микулину «строить мосты» через пропасти и совершать обходные движения. Иногда один и тот же опыт Микулин повторял по десять раз, иногда работа целой недели шла насмарку, и приходилось начинать все снова. Электроны вели себя совсем не так, как им полагалось по предварительным расчетам. Надо было найти причину, а для этого приходилось делать новые и новые опыты.

СЕРДЦЕ ЖЕНЩИНЫ

Клэйтон нередко провожал Лор в ее прогулках. Что касается Микулина, то он предпочитал гулять в одиночестве, чтобы ему никто не мешал думать. Притом и эти редкие прогулки Микулин совершал в предутренние часы, проработав всю ночь напролет. Таким образом Микулин не мешал Клэйтону.

Однажды Клэйтон и Лор заехали к самому болоту, и Клэйтон решил поговорить с девушкой о том, что давно занимало его.

— Присматриваюсь я к вам, новым для меня людям, и многого не понимаю, — начал он издаലെка.

— Что же вам не понятно? — спросила Елена.

— Да вот... хотя бы вы для меня загадка. Простите, что говорю а вас, но мне кажется, что...

— Пожалуйста, говорите.

— У нас, в Штатах, — с вашего разрешения, я буду откровенен, — девушку вашего возраста и вашей внешности сочли бы ненормальной, если бы она никого не любила. Женщина остается женщиной. И склянки с пробирками не могут, не должны заменять в ее сердце живого человека, живой любви. Я помню ваш короткий крик над трупом Грачова. Вы так горячо любили его? Этого я не заметил в ваших отношениях к Грачову. Еще меньше это можно сказать про ваши отношения к Микулину. А возникновение любви к нему тем более вероятно, что здесь нет выбора.

— Почему же нет выбора? — задорно спросила Лор. — Вот вы, например?

Это было так неожиданно, что Клэйтон покраснел, как школьник.

— Я... я не выдерживаю никакого сравнения с мистер... товарищем Микулиным, — сказал он, запинаясь.

— Отчего же не выдерживаете? — не унималась Лор. — Вы мне нравитесь. Мне кажется, что я даже влюблена в вас. И даже очень!

Клэйтон едва не слетел с седла, перед ним была новая женщина, новый человек. Вместо ученой, веселой, но с холодным сердцем женщины, Клэйтон увидел какое-то двуликое существо, — не то прожженную кокетку, не то наивную девочку, которая говорит такие вещи, что голова идет кругом. Лор засмеялась, глядя на осевшую фигуру Клэйтона и его растерянное лицо. Потом вдруг стала серьезной.

— Да, я люблю вас.

— Любовь! — воскликнул Клэйтон и... мгновенно его лицо побледнело. Он едва не лишился чувств. Лор принуждена была поддержать его.

— Что с вами, Клэйн, вам дурно?

— Н-ничего... небольшой сердечный припадок... сейчас все пройдет.

Круто повернув лошадь, он поскакал по направлению к дому. Лор последовала за ним.

Вдруг откуда-то из болота донесся протяжный стон.

— Что это, Клэйн, вы слышите?

— Наверно, болотная птица, выпь, — сказал он. Румянец уже вернулся на его щеки.

— Но выпь кричит по ночам.

— На болоте часто слышатся странные звуки, — сказал Клэйтон. — Мне говорили, что когда выходят газы, болото стонет.

Они замолчали, прислушиваясь, но кругом все было тихо.

До самого дома он ехал задумчивый.

«Неужели его так расстроило мое признание?» — думала Лор.

СВИДАНИЯ НА БОЛОТЕ

Лор соскочила с лошади, сама отвела ее в конюшню и поднялась к себе в мезонин. А Клэйтон, оставшись один в своей маленькой комнатке, схватился за голову.

Разговаривая с Лор о любви и кинув взгляд на болото, он на болотном островке увидел своего проводника-охотника и рядом с ним Додда. Охотник махнул рукой, но не крикнул: он видел, что Клэйтон не один. Потом скрылся за густыми ветвями ивы и несколько раз прокричал, как выпь. Выпь кричит в полночь. Не значит ли это, что в полночь Клэйтон должен прийти на болото. Ну да, конечно. Додд явился. Клэйтон совсем начал забывать о нем и о своем поручении. После сегодняшнего разговора с Лор у Клэйтона были на уме совсем другие мысли. Да и вообще за это время он во многом изменился. Общение с Микулиным не проходило даром. Незаметно для себя Клэйтон начинал все больше увлекаться мыслью о строительстве новых, неведомых в истории человечества форм жизни. Микулин умел рисовать грандиозные перспективы будущего, превосходившие своими масштабами даже американский размах. И если Клэйтон еще не совсем освоился с мыслью, что будущее за Советской Россией, а не за его Штатами, то от бывлой его национальной гордости не осталось и следа. Теперь он был не в силах убить Микулина, не говоря уже о Лор.

Но что делать? Что сказать Додду, который не знает его сомнений и колебаний? У Додда все ясно и непоколебимо: интересы Штатов выше всего.

Клэйтон посмотрел в окно. Солнце село. Быстро сгущались сумерки. Только на вершинах гор тихо догорал закат.

«Ну что я ему скажу?» — подумал Клэйтон.

Он вышел из дома, когда совсем стемнело, и медленно побрел к болоту. Где-то шумел горный водопад. Этот однообразный мягкий шум не нарушал молчания ночи.

Клэйтон подошел к краю болота. В тот же момент крикнула выпь и вдали сверкнул огонек. Это Додд, подавая знак, зажигал и гасил электрический фонарик.

Осторожно ступая по болоту, Клэйтон добрался до островка, на котором его ожидали Додд и охотник.

Додд по обыкновению крепко, до боли, пожал руку Клэйтона.

— Как дела? — спросил он. — Овладел Микулин секретом делать золото?

— Да, но он может делать золото только лабораторным способом. Его изобретение не имеет никакого практического значения. Сейчас он изыскивает способы найти средство делать золото наиболее дешевым путем. Но это ему не удастся.

— Не удастся сегодня, удастся завтра, — сказал Додд. — Вопрос о Микулине решен. Вот, возьмите... Это мина большой разрушительной силы. Вы установите ее в лаборатории Микулина с таким расчетом, чтобы она взорвалась, когда Микулин там будет работать со своими помощниками.

Клэйтон взял тяжеловесную коробку и сказал смущенно:

— Едва ли мне удастся... Микулин не разрешает мне входить в его лабораторию. Она усиленно охраняется. У Микулина много лаборантов, а на ферме — рабочих и сторожей... Мне удалось до сих пор оставаться на ферме только потому, что я притворился тяжело больным.

Додд зорко посмотрел на Клэйтона.

— Уж не трусите ли вы? — спросил он. — Даю вам пару дней на исполнение этого поручения. Если вас что-нибудь задержит, придите сюда и скажите. В крайнем случае, если вам в самом деле не удастся, у меня есть другой проект. Мы

организуем вооруженное нападение. Итак, до свидания через два дня на этом самом месте.

— До свидания! Постараюсь выполнить поручение, — сказал Клэйтон и отправился в обратный путь, осторожно неся опасную коробку.

Когда болото осталось далеко позади, Клэйтон остановился, послушал и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, вырыл руками яму под корнями ели, положил туда коробку и закопал.

Был третий час ночи, когда Клэйтон вернулся на ферму. В окне лаборатории светился огонек. Микулин еще работал. Клэйтон вошел в лабораторию, открыв дверь, которая никогда не закрывалась.

— Все работаете? — спросил Клэйтон, присаживаясь на белую табуретку.

— Да, и очень успешно, — ответил оживленно Микулин. — Мне удалось завершить задачу раньше, чем я думал. Вот, не угодно ли полюбоваться?

Микулин высыпал из склянки на ладонь щепотку золотистого порошка.

— Золото. Здесь пять граммов. И получение этого золота не стоило пяти копеек. Теперь держитесь, Клэйн, мы с вами скоро перевернем мир.

Клэйтон поднялся, прошелся по лаборатории и сказал:

— Послушайте, Микулин. Вы сказали: мы с вами перевернем мир. Почему вы так доверяете мне? Я ведь пришел неведомо откуда. А что, если я шпион, если я подослан сюда, чтобы убить вас или украсть секрет вашего изобретения?

Микулин внимательно посмотрел на Клэйтона.

— Я охотно отвечаю на ваш вопрос. Недоверие всегда порождается страхом, а я не боюсь, потому и доверяю вам. Вы можете убить меня, но разве вы можете убить научную мысль? В худшем случае, вы только немного задержите ход событий. И потом, говоря лично о вас, — если бы вы захотели убить меня, то давно могли бы это сделать. Значит, или у вас не было такого намерения, или же вы не способны на убийство. Что же касается кражи моего секрета, то, пожалуйста, — если только вы что-нибудь поймете в нем.

— Хорошо, допустим, что вы не боитесь политических врагов, но ведь могут быть просто бандиты, — возразил

Клэйтон. — Что, если они явятся сюда? Нас только трое мужчин. Я не видел у вас даже ружей. Как вы сможете защищаться? Не может быть, чтобы вы не дорожили своей личной жизнью. Наконец; на вас лежит ответственность за сохранение жизни живущих здесь женщин...

Микулин ссыпал порошок с ладони обратно в склянку и, не оборачиваясь, сказал:

— Или вы, Клэйн, влюблены, или же что-нибудь в самом деле обеспокоило вас. Говорите прямо, в чем дело?

Клэйтон смутился. Хорошо, что Микулин был занят своими колбами.

— Я... мне показалось... я сегодня гулял в лесу. Мне послышалось, как будто кто-то пел...

«Зачем я говорю это, — думал Клэйтон, — ведь я выдаю Додда. Может быть, Микулин пошлет своего великана на разведку».

— Ну и что же в этом удивительного? Тут нередко бродят охотники, — беспечно ответил Микулин. — Пусть поют. Тот, кто поет, не опасен.

На другой день Микулин окончательно убедился, что Клэйтон влюблен: в первый раз его помощник разбил две пробирки и сделал несколько ошибок, помогая Микулину в вычислениях.

Клэйтон очень волновался. Ему хотелось признаться во всем. Но вместе с тем он не хотел предавать своего недавнего товарища и к тому же соотечественника. Признаться Додду в том, что он, Клэйтон, не хочет выполнить поручения, Клэйтон также не решался. Додд сочтет его трусом и, может быть, даже предателем. Тогда Клэйтону несдобровать...

Не идти на болото также рискованно. Если Додд организует бандитское нападение, то не поздоровится и Клэйтону... Нет, надо идти, но как-нибудь затянуть дело. А там, может быть, найдется выход... Проще всего было бы бежать отсюда, предоставив Микулина и Додда самим себе. Но Клэйтон не мог уйти без Лор, а она, конечно, не покинула бы Микулина.

Так Клэйтон ничего и не придумал, отправляясь на болото в условленное время. Ночь была темная. И ему казалось, что кто-то крадется за ним. У Клэйтона замирало сердце, когда он слышал за собою хруст веток, шелест

листьев, хотя ветра не было. Казалось, кто-то раздвигал ветки рукою... Неужели Микулин следит за ним? Один раз Клэйтон даже остановился и тихо спросил: «Микулин, это вы?..» — но не получил никакого ответа.

Вот и болото... Додд сигнализирует короткими вспышками огня...

— Я не слышал взрыва, — строго сказал Додд, еще не подавая руки.

— Мне удалось поставить мину, но она не взорвалась. Наутро ее нашел Микулин и учинил настоящий допрос. Он...

Додд схватил Клэйтона за руку выше локтя и крепко сжал ее.

— Вы лжете, Клэйтон. Мина не могла не взорваться, я сам заряжал ее. Говорите, что вы сделали с миной? Впрочем, можете ничего не говорить. Я больше вам не верю. Вы не тот. Вас как будто подменили. Скажите, что с вами случилось, Клэйтон? Может быть, там есть женщина?

«И он о том же», — с тоскою подумал Клэйтон. И вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Да, вы отгадали, Додд. Там есть женщина.

— Ну вот, теперь все понятно, — сказал Додд. — Вы больше не пойдете туда, Клэйтон. Недоставало, чтобы вы стали защищать Микулина. Вы пойдете с нами. У меня есть наготове дюжина отличных головорезов. Они быстро справятся с людьми Микулина, хотя бы их было там две дюжины.

— Но я не могу оставить ее, — с искренним чувством сказал Клэйтон.

— Вы не пойдете к ней. И никогда ее не увидите. Теперь вы должны повиноваться мне.

— Но почему должен, черт возьми! — возмутился Клэйтон.

— Хотя бы потому, — ответил спокойно Додд, направив на Клэйтона дуло револьвера.

— Это, конечно, отличный аргумент, но... послушайте, Додд. Вы говорите, что у вас дюжина здоровых молодцов... В таком случае, буду я на вашей стороне или на стороне Микулина, это не решит исход сражения. Если я вам изменю, вы прикажете своим головорезам прирезать и меня, — только и всего. Но я не собираюсь изменять вам. Я только

хочу быть возле девушки и спасти ее. Ведь не собираетесь же вы убивать молодую, красивую девушку... Если я останусь здесь, то Микулин поймет, что против него замышляется что-то неладное. И он примет свои меры. А он не так беззащитен, как вы думаете. У него есть молнии, которые он держит, как факир змей, в корзинке. Он может выпустить свои молнии, и они убьют вас. Если же я буду с ним, он будет спокоен, и вам легче будет осуществить свой план.

Додд подумал, проворчал «горе с этими влюбленными», но все-таки отпустил Клэйтона.

— Но помните, если только вы совершите что-нибудь во вред мне, вы будете убиты вместе с вашей красавицей! Я не пощажу никого. Еще одно поручение, подождите. Я буду через два дня. Вы должны сообщить нам, когда удобнее произвести нападение. Приходите сюда в среду в двенадцать часов ночи.

«Когда же кончится это мучение?» — думал Клэйтон, возвращаясь.

И опять ему показалось, что за ним кто-то крадется.

«Однако нервы мои начали расстраиваться», — думал он, оглядываясь назад.

На другой день, отговорившись нездоровьем, он не пошел в лабораторию. Ему надо было решить — идти с Доддом или против Додда. Но он ничего не решил, и второй день провел в тех же размышлениях на белом камне. А когда настала ночь, он побрел вдоль реки к болоту. И как в прошлый раз, чьи-то шаги преследовали его.

— У меня все готово, — сказал Додд. — Когда лучше произвести нападение?

— Завтра днем. Еще с утра несколько рабочих отправляется на охоту.

— Сколько остается на ферме? — спросил Додд.

— Человек двадцать, — ответил Клэйтон, — не считая меня.

— Надеюсь, вас не придется считать, — сказал Додд. — Я изменил свое решение. Вам нечего больше торчать у Микулина. Ночью он вас искать не будет, а завтра рано утром мы нападём на ферму. Извольте идти за мной.

— Что это, арест? — пытался протестовать Клэйтон.

— Называйте, как хотите, — отрезал Додд и, обернувшись к проводнику, сказал: — Показывай нам дорогу!

Идти по болоту ночью очень рискованно. Старый охотник неодобрительно зачмокал губами и с крайней осторожностью двинулся в путь, в противоположную от фермы сторону. За проводником Додд пустил Клэйтона, а сам замыкал шествие.

«Это насилие, — негодовал Клэйтон. — Какое право имеет Додд так распоряжаться? Нет, он не может примириться с этим. Он должен вернуть себе свободу во что бы то ни стало».

Клэйтон шел и обдумывал план бегства. Он немного отставал от проводника и неожиданно кинулся под ноги Додду, тот упал, перевалившись через Клэйтона, и выrugался. Клэйтон отполз назад и, поднявшись на ноги, побежал.

— Эй, где же вы? — крикнул Додд. Но Клэйтон бежал, не обращая внимания. Тогда Додд пригрозил, что он будет стрелять. Но Клэйтон все продолжал бежать.

Голоса Додда и проводника становились все тише и тише. Клэйтон уже различал опушку леса на краю болота. Ему везло: несмотря на то, что он бежал напрямик, он не только не провалился в окно, но даже ни разу не упал. Вот и твердая почва под ногами...

Ах... Сначала одна, а потом и другая нога Клэйтона увязли в болоте. Он пытался вытащить то одну, то другую, но от этих усилий ноги увязают еще глубже.

Клэйтон чувствовал, что его ноги медленно погружаются в вязкую тину. Вот они ушли до колен, вот и колени погрузились в холод тины. Клэйтон старался нащупать рукой куст или хоть пучок травы, но напрасно: вокруг не было никакой растительности.

«Погиб!» — подумал Клэйтон, обливаясь холодным потом. Во рту у него было сухо. Язык как будто распух. В глазах рябило. Клэйтон вдруг так ослабел, что сел на холодную тину, но тотчас с ужасом поднялся, он сразу провалился по пояс. Проходила минута за минутой, и тело Клэйтона погружалось все глубже. Вот оно погрузилось до груди... Клэйтон делал невероятные усилия, чтобы пошевелить ногами, но они были как будто парализованы. Клэйтон поднял руки вверх, чтобы сохранить их свободными возможно дольше... Вот тина дошла до подмышек... Еще несколько минут и — плечи опустятся в тину, потом голова.

Клэйтон вдруг закричал. Но на ферме не услышат его крика. А кругом — пустыня... Быть может, этот предсмертный крик донесется до ушей старика-охотника и Додда, но они не придут на помощь дезертиру...

Вдруг чья-то сильная рука схватила Клэйтона за шиворот и начала вытягивать его из болота.

— Это вы... Додд? — спросил Клэйтон. Незнакомый не отвечал. Он продолжал тянуть. Это была нелегкая работа. Увязнувшее в болоте тело не поддавалось усилиям. Клэйтон начал раскачиваться, судорожно подергиваться. Но это, очевидно, не облегчало, а только затрудняло работу неизвестного. По крайней мере, он тихо, прерывающимся от страшного напряжения голосом, пробормотал:

— Не двигайся!.. Ирод!.. Только мешаешь!

Его голос казался знакомым. Во всяком случае, это был не Додд. Незнакомый говорил на чистейшем русском языке.

Прошел добрый час, пока Клэйтон был извлечен наполовину. Его мог спасти только человек необычайной силы. Клэйтону казалось, что ноги его не выдержат и оторвутся. Он стонал от боли, но неизвестный продолжал тащить его из болота.

Когда Клэйтон был наконец вырван из тины, как пробка из узкого горлышка бутылки, неизвестный бросил его на твердую землю и сам в изнеможении опустился рядом. Тут Клэйтон, напрягая зрение, увидел, что его спас великан — старик Данилыч.

— Спасибо, Данилыч! — сказал Клэйтон, пытаясь подняться. Но Данилыч придавил его своей пятерней к земле.

— Лежи и не двигайся. Не надо было бы и спасать тебя, иродово отродье...

— Почему вы так говорите со мной? — спросил Клэйтон, притворяясь ни в чем не повинным.

— Потому что лучшего не стоишь. Вот Василий Николаевич расправится с тобой. Ты что по ночам по болотам шляешься? С кем разговаривал? Ты думаешь, я не видал? Я давно слежу за тобой.

«Так вот чьи шаги я слышал», — подумал Клэйтон.

У Клэйтона сжалось сердце, когда между стволами тополей мелькнул огонек в окне лаборатории. Было, вероятно, около четырех часов утра, а Микулин еще работал. Данилыч крепко схватил Клэйтона за шиворот и, приподняв одной рукой, внес в лабораторию.

— Шпиона поймал, — сказал он, опуская на пол задыхавшегося Клэйтона.

Данилыч подробно рассказал о том, как, запоздав на охоте, он случайно увидал у болота Клэйтона, который о чем-то говорил с двумя людьми, как после этого он, Данилыч, начал следить за Клэйтоном и как спас его.

— Я думал, — закончил старик свой доклад, — может быть, вы узнаете от него что-нибудь важное. Только для этого я и вытащил его из болота.

— Что это значит, мистер Клэйн? — спросил Микулин. Лицо его было сурово, сдвинутые брови говорили о непреклонной воле. Клэйтону стало страшно. Таким-он еще никогда не видал Микулина.

— Я все объясню, — сказал Клэйтон. — Но позвольте мне говорить по-английски. Я волнуюсь, и говорить по-русски мне трудно. — Клэйтону было неприятно выступать в роли обвиняемого перед Данилычем.

Микулин, подумав, сказал:

— Данилыч имеет такое же право судить вас, как и я сам. Нам торопиться некуда. Можете говорить медленно, но говорите по-русски.

Клэйтону не оставалось ничего другого, как повиноваться. И он рассказал о своем долгом пути из Нью-Йорка к Рахмановским ключам.

— Но я никогда не решился бы причинить вам зло. Если бы я хотел это сделать, я давно мог убить вас миной, которую передал мне мистер Додд. Я закопал эту мину под елью.

Данилыч крикнул и сказал:

— Это правда. Он что-то закапывал, я видал. Но я боялся. Думал, что там такое? Не убило бы.

— И еще одно, — продолжал Клэйтон, — если бы я хотел изменить вам, я не бежал бы от Додда, который принуждал меня идти вместе с ним.

— Может быть, вас что-нибудь здесь... задерживает?.. Например, любовь?..

Клэйтон покраснел.

— Хотя и бы так. Тем больше оснований доверять мне. А если вы все еще не верите, то я открою планы мистера Додда. Сегодня же на заре он нападет на вашу ферму. Додд предупредил меня, что первая пуля будет пущена в мою голову.

— Как ты думаешь, Данилыч, что сделать с мистером Клэйтоном?

Старик задумался.

— Конечно, может, он и не виновен. Видишь, какое дело. А доверять ему больше нельзя, шаткий он. Я бы его не выпустил. Связал бы, пусть сидит, по крайней мере, пока эти головорезы не побывают здесь.

— Вы слышите, Клэйтон? Пусть будет так. Я оставляю вас здесь арестованным. Я не буду вас связывать веревками — у меня есть кое-что понадежнее: вас будут охранять несколько маленьких змеек. Они очень ядовитые.

Микулин передвинул свои аппараты, отгородил часть комнаты несколькими рядами проволоки и повернул рубильник.

— Вот так. Имейте в виду, что по этим проволокам идет ток, который может убить целый полк солдат. А теперь мы пойдем, подготовимся отбить атаку.

Клэйтон оказался запертым в углу комнаты. Ничтожные тонкие проволоки охраняли его лучше замков. Правда, окно было свободно, но на дворе виднелась внушительная фигура Данилыча. Микулин подошел к дому, в котором жила Лор, и крикнул:

— Аленка, Аленка! Вставай!

Окно в мезонине открылось, и Клэйтон увидел голову девушки.

— Зачем так рано? — спросила она.

— Все идите в лабораторию, — сказал Микулин.

Через несколько минут все обитатели фермы стояли в нескольких шагах от Клэйтона.

— Что это такое? — спросила Лор. — Вы арестованы?

— Увы, да, — ответил Клэйтон.

Микулин повернул выключатель и снял проволоки.

— Я думаю, теперь вас можно освободить от этих сторожей. Ну-ка, расскажите еще раз свою историю.

— Хорошо, я расскажу, но позвольте раньше поговорить о делах более срочных. Додд нанял не менее дюжины вооруженных бандитов. А нас, если только вы окажете мне честь включить и меня в число защитников, всего пять человек, считая и женщин. Вы не вооружены. Я полагаю, что...

— Не беспокойтесь, — ответил Микулин. — Мы вооружены лучше, чем вы полагаете. Итак, чтобы нам не было скучно ожидать гостей, начинайте, мистер Клэйтон. Лор еще не слышала вашей истории.

И Клэйтону пришлось снова рассказать о всех своих злоключениях.

— Ого, вот, кажется, и гости, — перебил Микулин рассказ Клэйтона.

У белого камня показались люди. Впереди шел высокий тощий человек с ружьем наперевес.

— Это Додд! — воскликнул Клэйтон.

Додд отдал какое-то распоряжение, и бандиты, рассыпавшись цепью, начали подходить к ферме.

И вдруг один из них, шедший впереди, взмахнул руками и упал навзничь, как будто его поразила какая-то невидимая сила. Микулин молча усмехнулся. Вот еще два бандита упали на землю, на том же месте, где лежал первый. Очевидно, какая-то преграда защищала ферму от врагов. Но Клэйтон не видел проволоки, по которой мог быть пущен ток. Место было совершенно открытое.

— В чем дело? — спросил Клэйтон.

— Дело простое, — отвечал Микулин. — Мне удалось осуществить передачу энергии на расстояние. У меня уже давно все прилажено. Я пускаю узкий пучок радиоволны. Пронизывая воздух, она делает его хорошим проводником электричества. Вы понимаете, не по эфиру, а по воздуху идет ток высокого напряжения. Он-то и убивает людей. Ясно?

Да, для Микулина это было ясно, но мистер Додд не мог понять, почему его люди падают. Видя, что бандиты начали колебаться и несколько из них бросилось в панике назад, Додд крикнул на беглецов, выстрелил для остротки из револьвера и сам побежал вперед, увлекая за собой колеб-

лющихся. Увы, их всех постигла печальная участь. Клэйтон видел, как Додд, выронив револьвер, грохнулся на землю. Два оставшихся в живых с дикими воплями скрылись в лесу.

— Ну, вот и все, — сказал Микулин. — Видите, как гладко прошло сражение.

— Теперь мне понятно, почему вы были так доверчивы и даже беспечны, — сказал Клэйтон.

— Надеюсь, «ваши друзья» теперь надолго оставят меня в покое?

— Они больше не друзья мне, — нахмурился Клэйтон.

— Да, мертвые не друзья живым. Но что мы будем делать с вами, Клэйтон? Оставить на свободе под поручительство мисс Лор? Аленка, ты поручишься за него? Возражений нет? Кто против? Принято. А теперь работать, работать.

СОДЕРЖАНИЕ

Властелин мира	5
Продавец воздуха	197
Золотая гора	321

Александр БЕЛЯЕВ
Собрание сочинений
Том 4

Редактор В. Поситко
Художник М. Тимофеева
Технический редактор В. Петренко
Корректор А. Белоножко

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в
печать 4.11.93. Формат 84х108 1/32. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л.
19,32. Уч.-изд. л. 20,25. Тираж 100 000 экз.
Заказ 908.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Можай-
ском полиграфкомбинате Министерства пе-
чати и информации Российской Федерации.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.